

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ленинским курсом мира

**Роль Советского Союза в создании
Маньчжурского плацдарма революци-
онных сил Китая**

**Значение разгрома японского милита-
ризма для победы народных револю-
ций в Китае, Корее, Вьетнаме**

**Сотрудничество СССР с социалистиче-
скими странами Азии и Кампучией**

**Движение неприсоединения — важный
фактор мировой политики**

4
1985

*ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС
С НОВЫМ ГОДОМ – ГОДОМ
XXVII СЪЕЗДА КПСС!*

Благодарим вас за советы, предложения и критические замечания, содержащиеся в ваших письмах, полученных редакцией в минувшем году. Они оказали нам помощь в нашей работе по улучшению содержания и оформления журнала.

Мы надеемся, что и в новом году вы будете поддерживать активные связи с редакцией. Заранее выражаем вам за это признательность.

Желаем вам счастья, здоровья, успехов в претворении в жизнь решений съезда!

*Редакция журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

СОДЕРЖАНИЕ

- Обращение М. С. Горбачева к участникам между-
народной конференции «40 лет победы над япон-
ским милитаризмом и задачи движения за мир
в странах Азии и Тихого океана»

3

НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС

- 5 Ленинским курсом мира

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Роль Советского Союза в создании Маньчжурско-
го плацдарма революционных сил Китая

19

О. Е. ВЛАДИМИРОВ

- Значение разгрома японского милитаризма для
победы народных революций в Китае, Корее,
Вьетнаме

30

М. Л. ТИТАРЕНКО

- Научные конференции, посвященные 40-летию раз-
грома милитаристской Японии и окончанию вто-
рой мировой войны

42

- Обращение участников международной конферен-
ции в Хабаровске к народам стран Азиатско-тихо-
океанского региона

51

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- Сотрудничество СССР с социалистическими стра-
нами Азии и Кампучией

52

М. С. УКРАИНЦЕВ

- Движение неприсоединения — важный фактор ми-
ровой политики

65

И. И. КОВАЛЕНКО

- Новый этап милитаризации Японии

83

А. П. МАРКОВ

- Некоторые направления внешней политики Сеула

93

*О. В. ДАВЫДОВ,
В. В. МИХЕЕВ*

Экономическая реформа в КНР

- Проблемы современной китайской деревни

106

Л. А. ВОЛКОВА

- Создание патентной системы в Китае

113

В. И. ПОЛЯКОВ

КОММЕНТАРИИ

- Славный юбилей социалистического Лаоса

119

А. М. МАТВЕЕВ

ИДЕОЛОГИЯ

Критика буржуазной синологии

- 123 Политическая культура Китая в трактовке Люсьена Цая
Е. В. ЯКИМОВА

- 131 Кто и как определяет «китайскую» политику США
Ю. М. РЯКИН

ИСТОРИЯ

- 134 Китай: год 1945-й
М. Ф. ЮРЬЕВ

Борцы за народное дело

- 148 50 лет со дня гибели Цюй Цюбо
К. В. ШЕВЕЛЕВ

ОЧЕРКИ. ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ

- 160 Землепроходец Василий Ерошенко
Р. С. БЕЛОУСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 171 В плену растущих амбиций
Г. Г. МОРОЗОВ

- 175 Япония как военная держава: вчера и сегодня
В. Н. ХЛЫНОВ

- 179 Роль синто в общественно-политической жизни Японии
В. А. ВАСИЛЬЕВ

- 182 Новое в синологической библиографии КНР
И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 185 Международные научные связи ИДВ АН СССР в 1985 г.

- В. Ф. МИКУНОВ*

- 189 Содержание за 1985 г.

Адрес редакции: Москва, 117818
ул. Красикова, 27
тел. 121-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАННИ, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1985

Участникам международной конференции «40 лет победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана»

Сердечно приветствую участников международной конференции, собравшихся в крупнейшем центре советского Дальнего Востока — городе Хабаровске для обмена мнениями по актуальным вопросам обеспечения мира и безопасности в странах Азии и Тихого океана.

Ваша встреча приурочена к знаменательной дате — 40-летию разгрома японского милитаризма и победоносного завершения второй мировой войны. Великая победа, добытая ценой огромных жертв, принесла избавление от ненавистной чужеземной оккупации многим народам азиатско-тихоокеанского региона, создала предпосылки для мощного подъема антиколониальной борьбы, для завоевания ими политической самостоятельности и государственного суверенитета. Она избавила и японский народ от тирании военно-фашистской клики и открыла перед ним возможность развития по мирному пути.

На основе трагического опыта минувшей войны на древней земле Азии были сформулированы и провозглашены пять принципов мирного сосуществования (панча шила), получившие признание в мире в качестве нормы отношений между государствами с различными социальными системами. Здесь же зародился дух Бандунга, положивший начало движению афро-азиатской солидарности и движению неприсоединения, которые ныне превратились в важный фактор мировой политики.

В наши дни, когда над планетой нависает угроза всемирной ракетно-ядерной катастрофы, нет более важной и неотложной задачи, чем сбросить мир на земле. Милитаристские круги империализма проводят агрессивную политику в этом обширном регионе планеты, вынашивают планы по превращению его в арену военно-политической конфронтации с социалистическими и многими неприсоединившимися странами, ведут дело к ремилитаризации Японии, созданию агрессивной группировки Вашингтон — Токио — Сеул.

Опасным планам и агрессивным приготовлениям противостоят миролюбивая политика Советского Союза и других стран социалистического содружества, крепнущая приверженность азиатских народов идее превращения Азии в зону мира и безопасности, в зону равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества. Этой же цели служит и введенный Советским Союзом в одностороннем порядке мораторий на любые ядерные взрывы, начиная с 6 августа — дня варварской атомной бомбардировки Хиросимы американской авиацией.

Советским Союзом выдвинуты многие конкретные предложения с целью разрядить обстановку на Азиатском континенте, утвердить здесь дух мирного сосуществования и добрососедства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

В нашей стране высоко ценят и поддерживают конструктивные мирные инициативы других стран Азии, касающиеся различных аспектов безопасности континента в целом или оздоровления обстановки в его отдельных регионах. Мы выражаем надежду, что азиатские государства объединят свои усилия, чтобы совместно выработать общий, комплексный подход к проблеме безопасности во всей Азии и прилегающих к ней акваториях Тихого и Индийского океанов.

Уверен в том, что общественно-политические силы и организации в странах Азии и Тихого океана вместе со всеми прогрессивными силами планеты будут еще активнее бороться за прекращение гонки вооружений, устранение угрозы мировой ядерной войны и ликвидацию ядерного оружия, за оздоровление международной обстановки.

Желаю вашей конференции успешной работы.

М. ГОРБАЧЕВ

Ленинским курсом мира

Развитие международных событий в нынешний чрезвычайно сложный и ответственный период международной обстановки убедительно свидетельствует, что Коммунистическая партия нашей страны и Советское государство твердо и последовательно осуществляют ленинский внешнеполитический курс, разработанный XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ее Центрального Комитета. Этот курс неизменно преследует цель создать условия для мирного и свободного развития всех народов, устранить из жизни мирового сообщества нависшую над ним угрозу термоядерного катаклизма, перевести противостояние двух социальных систем с рельсов конфронтации на путь мирного соревнования.

Решение больших созидательных задач, стоящих перед советским народом, требует спокойной обстановки в мире, дальнейшей разрядки международной напряженности, устранения всякой угрозы возникновения вооруженного конфликта между противостоящими друг другу общественными системами. Поэтому нелепыми и бессмысленными выглядят измышления определенных кругов политиков и идеологов в странах капитала о существовании так называемой «советской угрозы». Как указал в интервью американскому журналу «Тайм» Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «из Советского Союза война не придет, мы ее никогда не начнем»¹. Курс Советского государства в международных делах нацелен на широкое, плодотворное, свободное от диктата и вмешательства в чужие дела сотрудничество народов планеты к их взаимной выгоде и на благо всего человечества. Советский Союз будет делать все от него зависящее, чтобы обеспечить нынешнему и грядущему поколениям мирное будущее. Это цель нашей политики.

В настоящее время в партии и стране идет напряженная и разносторонняя работа по подготовке очередного XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, созыв которого намечен на 25 февраля 1986 г. Съезды нашей партии — и это убедительно подтвердила практика — являются событиями огромного международно-политического значения. Их исключительная историческая значимость выходит за рамки нашей страны, они оказывают глубокое и далеко идущее воздействие на ход и перспективы мирового развития.

Значение съездов КПСС определяется тем, что они решают проблемы поистине общечеловеческого значения, и это обусловлено той ролью, которую играет Советский Союз в современных международных отношениях. На съездах Коммунистической партии Советского Союза определяются и формируются кардинальные направления внешней политики КПСС и Советского государства на предстоящий период, органически вытекающие из принципиальных установок нашей партии по

¹ «Коммунист», 1985, № 13, с. 22.

международным вопросам, выдвигается ясная, конкретная программа решения назревших международных проблем, и прежде всего комплекса вопросов, относящихся к обузданию гонки ракетно-ядерных вооружений.

* * *

Научное обоснование, теоретическая разработка узловых проблем внешней политики социализма, марксистско-ленинский анализ и творческое обобщение опыта внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, органический синтез теории и практики внешней политики социализма — одно из важнейших направлений в деятельности КПСС. Вполне закономерно, что эти вопросы займут особое место в работе предстоящего XXVII съезда нашей партии, который примет новую редакцию Программы КПСС. Со времени принятия этого важнейшего документа в его прежней редакции прошел немалый отрезок времени — четверть века. За эти годы сложилась концепция ускорения социально-экономического развития нашей страны, — произошли изменения в развитии и укреплении мировой социалистической системы, качественно новые сдвиги в мировом соотношении сил. Само собой разумеется, что столь насыщенный исторический период открывает достаточный горизонт для выводов и обобщений, имеющих не конъюнктурное, а глубоко принципиальное и долгосрочное значение.

Пленум ЦК КПСС в октябре 1985 г. обсудил проект новой редакции Программы КПСС, подготовка которого велась в соответствии с решением XXVI съезда партии. Как отмечалось, представленный документ отражает основные тенденции развития внутренней жизни страны и международной обстановки, опыт, накопленный партией за время, прошедшее после принятия третьей Программы, опирается на установки, выдвинутые апрельским (1985) Пленумом ЦК КПСС, совещанием по вопросам укоренения научно-технического прогресса.

Отличительная особенность проекта — преемственность основополагающих теоретических и политических установок, на которые партия опирается в своей работе. Такая преемственность — это вопрос принципиальности и последовательности теории и политики партии, ее верности марксизму-ленинизму. Вместе с тем последовательность и преемственность предполагают творческое развитие теории, стратегии и тактики партии, новаторский поиск на ключевых направлениях ее деятельности.

Проект новой редакции Программы КПСС базируется на прочном фундаменте марксизма-ленинизма, на реалистическом анализе внутреннего и международного положения страны. В нем содержится четкая, развернутая характеристика стратегических направлений работы партии, Советского государства, всего народа.

Процесс коренного изменения соотношения сил на мировой арене, который особенно зримо проявился в этот исторический отрезок времени, имел своим непосредственным результатом неуклонное возрастание роли социализма и как следствие этого, рост воздействия внешней политики социализма, прежде всего внешней политики Советского Союза, на ход и перспективы развития международных отношений. Качественные сдвиги в международных отношениях, в противоборстве двух общественных систем неизменно расширили возможности внешней политики социализма, во многом увеличили потенциал ее активного и позитивного воздействия на ход и исход важнейших событий в современном мире. Внешняя политика социализма в силу объективных условий стала фактором первостепенного значения в деле борьбы за обеспечение прочного мира на нашей планете, в противодействии глобальной империалистической политике агрессии и диктата.

Прочным фундаментом советской внешней политики являются эконо-

номическая мощь нашей страны, успехи в выполнении грандиозных планов ее социально-экономического развития.

Суть современного курса партии воплощает концепция ускорения социально-экономического развития страны. С ней партия сегодня выступает перед народом, с ней она идет к очередному XXVII съезду. Эта концепция заложена в основу программных положений, которые определяют цели и задачи деятельности Коммунистической партии, советского народа во всех сферах общественной жизни. Через ускорение социально-экономического развития страны — к достижению качественно нового состояния общества — такова стержневая идея проекта новой редакции Программы КПСС. Октябрьский (1985) Пленум ЦК КПСС обсудил и одобрил проект Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. В центре внимания этого проекта — неуклонный подъем благосостояния народа на основе повышения социально-экономического развития страны, решительного перевода экономики на путь интенсивного развития, ускорения научно-технического прогресса. Намечается осуществление в широких масштабах технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства, более эффективное использование созданного производственного потенциала, последовательный рост производительности труда, совершенствование всей системы управления. Как отмечалось на октябрьском (1985) Пленуме ЦК КПСС, достижение рубежей, намеченных в проекте Основных направлений, обеспечит качественно новый уровень развития экономики, удовлетворения материальных и культурных запросов советских людей, дальнейшее укрепление оборонного могущества нашей Родины.

Эффективность внешней политики Советского Союза находится в прямой зависимости от того, как решаются народнохозяйственные задачи. Известное ленинское положение об органической связи и взаимозависимости внутренней и внешней политики государства целиком и полностью сохраняет свою силу и в современных условиях. Стратегия нашей партии в области экономики направлена на то, чтобы в полной мере использовать преимущества, заложенные в социалистической системе хозяйства. Именно поэтому наша партия решительно ставит вопрос о ликвидации имеющихся недостатков в работе промышленности и транспорта, сельском хозяйстве, во всех областях нашей жизни.

Влияние мирового социализма на ход международных событий неотделимо от прочности братского союза государств, строящих новое общество. Именно с реальным социализмом народы связывают свои надежды на обеспечение мира на земле, предотвращение новой мировой войны. И в этом отношении страны социализма делают все, чтобы оправдать надежды и чаяния многомиллионных масс планеты.

Содружество стран социализма успешно развивается, утверждая совершенно новый тип международных отношений, в основе которых лежит идейное единство, общность целей, товарищеское сотрудничество — при полном уважении к интересам, особенностям и традициям каждой из стран. В их основе — принцип социалистического интернационализма, содержание которого непрерывно обогащается с ходом времени, в процессе строительства нового общества, в совместной борьбе против империализма. Сегодня социалистическое содружество — это могучий, здоровый организм, который играет огромную и благотворную роль в современном мире.

Механизм братского сотрудничества охватывает самые разные сферы жизни наших государств, разные направления нашего взаимодействия в деле социалистического созидания. Совместными усилиями мы находим все более успешные пути сочетания общих интересов содружества с интересами каждой из входящих в него стран. Как отмечалось в «Заявлении об основных направлениях дальнейшего развития и углуб-

ления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ», принятом на Экономическом совещании в Москве в июне 1984 г., «возросшая экономическая мощь стран — членов СЭВ стала материальной основой проводимой ими политики мира, разрядки международной напряженности и взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами. Значительно повысился международный авторитет социализма, являющегося определяющим фактором общественного прогресса человечества, усилилось его влияние на ход мирового развития». Эффективным средством координации внешнеполитической деятельности стран социализма выступает Варшавский Договор. На совещаниях Политического консультативного комитета и заседаниях Комитета министров иностранных дел ОВД разрабатываются коллективные меры для практической реализации миролюбивых внешнеполитических целей стран — членов ОВД.

Укрепление и развитие отношений с социалистическими государствами были и остаются в центре внимания Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и его Политбюро. «В сложившихся условиях, решая задачи упрочения международного мира, — подчеркивал М. С. Горбачев, — мы в первую очередь должны думать о том, чтобы укреплять позиции стран социализма на мировой арене, содействовать развитию всестороннего сотрудничества между ними. Мы так и стараемся действовать».

Событием огромной международно-политической важности явилось продление действия на последующие 20 лет Варшавского Договора, являющегося политической и оборонной основой союза братских стран социализма. Историческое значение Варшавского Договора трудно переоценить. Он играл и играет роль надежного щита, ограждающего интересы стран социалистического содружества, входящего в него. Одновременно Варшавский Договор выступает в качестве надежного инструмента укрепления всеобщего мира.

Ныне, когда страны социализма осуществляют широкую программу мер по ускорению научно-технического прогресса, повышению эффективности своего народного хозяйства, совершенствованию его механизма, когда решаются большие и сложные задачи дальнейшего развития и совершенствования всех сторон жизни социалистического общества, залогом успеха во многом будет являться дальнейшее углубление экономического сотрудничества, экономической интеграции братских стран социализма в рамках СЭВ. КПСС и Советское государство рассматривают эти вопросы как имеющие жизненно важное значение для развития социализма, упрочения его позиций в экономическом соревновании с капитализмом.

Особо следует отметить их международно-политическую значимость в плане срыва попыток империалистических держав оказывать давление и экономический нажим на социалистические государства. Империалистические круги в своих действиях отнюдь не ограничиваются идеологическими измышлениями и диверсиями. Они пытаются использовать в борьбе против социализма и экономические рычаги в виде всякого рода бойкотов, санкций, а то и прямого экономического шантажа. Особенно усердствуют американские правящие круги, стремящиеся использовать в своих политических целях экономические взаимосвязи со странами социализма, при этом оказывая на союзников-конкурентов США неприкрытый нажим, чтобы добиться от них поддержки подобных противоправных действий. Эта политика, однако, бесперспективна. По меньшей мере наивно рассчитывать, что с помощью методов давления и шантажа возможно остановить поступательное продвижение стран социализма к вершинам социального прогресса, если, конечно, не закрывать глаза на их реальную экономическую мощь, колоссальные материальные ресурсы, динамично развивающуюся экономику. Более того, такая политика

наносит прежде всего ущерб самим инициаторам экономических санкций против мира социализма.

Курсу агрессивных кругов США и НАТО, нацеленному на подрыв разрядки, на гонку вооружений и военную конфронтацию, страны Организации Варшавского Договора противопоставляют последовательный курс на упрочение мира и развитие международного сотрудничества, сокращение вооружений, сближение и взаимопонимание народов. Именно он лежит в основе всех коллективных решений и акций стран Варшавского договора. В 80-х годах он нашел яркое отражение и в документах совещания Политического Консультативного Комитета ОВД в Праге 4—5 января 1983 г. и на встрече руководящих партийных и государственных деятелей семи социалистических государств в Москве 28 июня 1983 г., на Экономическом совещании стран СЭВ в Москве (12—14 июня 1984 г.). В октябре 1985 г. на совещании ПКК в Софии была подтверждена общая, совместно выработанная линия социалистических государств — участников ОВД, намечены конкретные меры по оздоровлению международной обстановки и развитию международного сотрудничества, единодушно принято заявление «За устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему в европейских и мировых делах».

Особо следует отметить усилия СССР, направленные на развитие отношений с Китайской Народной Республикой. В Советском Союзе желают серьезного улучшения отношений с КНР и считают, что при наличии взаимности это вполне возможно. Большое значение в плане развития двусторонних связей имели состоявшиеся в последнее время визит в КНР и переговоры с китайскими руководителями первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова, а также визит в СССР заместителя премьера Госсовета КНР Яо Илия и его переговоры с советскими руководителями, подписанные во время этих визитов соглашения по вопросам торгово-экономического и технического сотрудничества между двумя странами. Политбюро ЦК КПСС подтвердило необходимость на взаимоприемлемой и равноправной основе и дальше прилагать усилия обеих сторон с целью полного преодоления негативной полосы в советско-китайских отношениях и восстановления добрососедского сотрудничества. С советской стороны выражена готовность активно способствовать развитию этого процесса.

«Наша страна последовательно проводит свою принципиальную линию в области советско-китайских отношений, выступает за их серьезное улучшение, дальнейшее развитие взаимовыгодных связей и контактов, за расширение и углубление политического диалога, — говорится в поздравлении Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от имени советского народа китайскому народу по случаю 36-й годовщины провозглашения КНР. — Советский Союз исходит из убеждения в необходимости восстановления добрососедства и всестороннего сотрудничества между двумя странами на взаимоприемлемой и равноправной основе, что отвечало бы коренным интересам советского и китайского народов, способствовало бы укреплению безопасности в Азии, позиций мира и социализма».

Следует подчеркнуть, что все предложения СССР и его союзников носят характер не абстрактных деклараций, не благих пожеланий, рассчитанных на приобретение легковесного авторитета в мировом сообществе. Это — четкие, взвешенные предложения, учитывающие реальности мировой политики, принимающие во внимание интересы всех государств, и самое главное — интересы человечества.

В подходе к решению чрезвычайно сложных международных проблем Советский Союз, его внешняя политика опираются на марксистско-ленинское учение, которое является непоколебимой основой всей международной деятельности нашей партии и государства.

СССР будет твердо следовать ленинским курсом мирного сосущество-

ования, — курсом, который определен раз и навсегда нашим общественным строем, нашей моралью и мировоззрением.

Мир и социализм — неразрывно связанные понятия. Именно строительство социализма, упрочение его международных позиций и создали ту основу, которая позволила поставить в повестку дня вопрос об исключении войн из жизни общества. Объективные процессы, происходящие в современном мире, диктуют необходимость дальнейшего совершенствования взаимодействия стран социалистического содружества во всех областях, в том числе и в сфере внешней политики, где им противостоит объединенный фронт империалистических государств. Все это имеет отношение как к проблемам глобального, общемирового значения, так и к проблемам регионального характера.

Важнейшим направлением во внешней политике КПСС и Советского государства всегда была и остается солидарность с силами прогресса и демократии, с теми странами и народами, которые отстаивают свою свободу и независимость от поползновений реакции, борются за ликвидацию остатков колониализма, неоколониализма, утверждают в международных отношениях свое неотъемлемое право быть хозяином собственной судьбы. Противоборство на данном участке международных отношений принимает с каждым годом все более острые формы и широкие масштабы, блестяще подтверждая пророческие слова В. И. Ленина, что «это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»².

Отличительной особенностью нынешней ситуации является возрастающая роль освободившихся государств в решении кардинальных проблем мировой политики. Эти государства прочно вошли в мировое сообщество как активная и влиятельная сила, выступающая за упрочение мира и международной безопасности, вес которой в мировой политике определяется не только их числом, но и прежде всего тем, что они в целом придерживаются миролюбивых позиций, кровно заинтересованы в ослаблении напряженности, в расширении взаимовыгодного сотрудничества.

Позиция Советского Союза, других стран социализма в вопросах войны и мира, предотвращения ракетно-ядерной войны во многом созвучна позиции освободившихся государств, что и составляет объективную основу для их широких совместных действий в пользу мира. Советский Союз, социалистическое содружество в целом рассматривают молодые государства как друзей и равноправных партнеров в борьбе за дело мира и социального прогресса, полностью солидарны с их стремлением утвердить свой суверенитет, отстаивать свою свободу и независимость. Национально-освободительное движение в силу объективных причин все отчетливее приобретает антиимпериалистический характер, поскольку именно империализм с его нежеланием признать за всеми государствами право на самостоятельное определение путей своего развития, с его попытками перекроить и переделать на свой лад современный мир является источником опасности для всех народов, самой большой угрозой всеобщему миру.

В Советском Союзе высоко оценивают роль движения неприсоединения, в котором принимает участие большинство освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Наша страна неизменно выступает в поддержку инициатив этого широкого международного движения, выражающих стремление освободившихся народов к равноправному сотрудничеству, признанию их законных прав и интересов, созданию нового международного экономического порядка и исключе-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 404.

нию из международной жизни любых проявлений господства и диктата, претензий на гегемонию, от которых никак не желают отказаться силы империализма и неокOLONиализма.

* * *

Четыре десятилетия человечество живет в условиях существования ядерного оружия — самого разрушительного, самого истребительного из всех видов оружия, когда-либо созданных в истории военной техники. Почти четверть миллиона мирных жителей Хиросимы и Нагасаки погибли за считанные секунды, когда в августе 1945 г. атомное оружие было пущено в ход Соединенными Штатами, и до сих пор атомная радиация уносит жизни тех, кто подвергся ее воздействию в те дни трагедии.

Развитие военной техники со временем достигло такой степени, когда война становится совершенно недопустимой с точки зрения последствий для человеческой цивилизации.

Стержнем империалистической политики, которую после второй мировой войны проводят США и их ближайшие союзники, была и остается ставка на ядерное оружие. С помощью военно-стратегического превосходства США и возглавляемый ими военно-политический блок НАТО с самого начала рассчитывали подчинить социалистические страны, силы национального и освободительного движения своему диктату и в конечном счете утвердить свое мировое господство.

Перед лицом форсируемой агрессивными силами империализма, прежде всего империализма США, гонки ядерных вооружений, перед лицом их ставки на достижение военного превосходства над социализмом полагаться на добрую волю тех, кто продолжает эстафету «крестных отцов» атомной бомбы, не приходится. Нужны иные, более осязаемые сдерживающие факторы. Достигнутый Советским Союзом военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами лишил милитаристские круги за океаном возможности шантажировать нас ядерной угрозой. Однако на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов этот милитаристский, авантюристический курс, проводимый «ястребами империализма», вновь приобрел зловеющий характер. С приходом к власти нынешней американской администрации составной частью этого опасного, чреватого термоядерной катастрофой курса стала и так называемая «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), провозглашенная президентом США в марте 1983 г. В мировой печати СОИ стала широко известна как программа «звездных войн».

Один из наиболее лицемерных приемов в проталкивании «стратегической оборонной инициативы» состоит в том, что ее пытаются представить как логическое продолжение и развитие «гуманной» линии США, которые-де «имели в течение многих лет абсолютную монополию на ядерное оружие, но не воспользовались этим». Именно такое, с позволения сказать, «обоснование» безопасности новой американской доктрины для других стран мира дал, в частности, министр обороны США К. Уайнбергер³.

Подобные декларации являются не чем иным, как откровенной фальсификацией реального положения дел. В реальной жизни имеется прямая и органическая взаимосвязь между нынешней и прежней фазами военно-политической стратегии США — стратегии «с позиции силы» и подготовки новой мировой войны. Дело не только в том, что США уже дважды применяли атомное оружие — в Хиросиме и Нагасаки — и притом не столько как средство ускорения окончания второй мировой войны, а в качестве заявки на военную гегемонию и диктат в послевоенном мире. Ядерное оружие в руках Вашингтона с момента своего появления

³ In: "Washington Post", April 3, 1985.

стало зловещим мечом, который американский империализм задумал занести над миром социализма, а ныне — занести этот меч из космоса, и не только над социалистическим миром, но над всем человечеством.

Безудержная гонка вооружений, которую навязал народам Вашингтон, вызывает растущую тревогу и озабоченность повсюду в мире, в том числе и в самих США. Широкие круги общественности в США все яснее сознают, что увеличение военной мощи отнюдь не ведет к укреплению безопасности страны, в чем пытаются политологи из Белого дома и Пентагона убедить народ Америки, да и народы других стран.

Американская администрация по-прежнему делает ставку на силу в проведении своей международной политики, противопоставляя ее поиску конструктивных решений назревших международных проблем путем серьезных, равноправных переговоров, которые бы велись не для прикрытия своих милитаристских устремлений и успокоения общественности разговорами о «гуманной» цели, которую-де преследует СОИ, об исследовании космоса, проводимых будто лишь в научном плане, а с целью действительного достижения взаимоприемлемых соглашений. По этому поводу недвусмысленно высказался госсекретарь США Дж. Шульц. Говоря о внешней политике Вашингтона, он заявил, что США должны быть сильными и, больше того, должны быть готовы использовать свою силу... Американцы порой склонны думать, что сила и дипломатия — это альтернативные категории. В действительности же, говорил Шульц, сила и дипломатия должны всегда идти вместе, в противном случае США мало чего достигнут в этом мире⁴. За этими высказываниями отчетливо просматривается стремление Вашингтона к установлению доминирующего положения США в мире.

Насущным интересам безопасности народов всего мира отвечает решение правительства Советского Союза о прекращении с 6 августа 1985 г. в одностороннем порядке любых ядерных взрывов. Введение в силу моратория на ядерные испытания встретило решительное одобрение и поддержку со стороны широкой международной общественности, поскольку оно отвечает чаяниям всех народов. В многочисленных откликах, поступающих из самых отдаленных уголков нашей планеты, отмечается, что дело теперь за тем, чтобы Соединенные Штаты и другие государства, располагающие ядерным оружием, тоже положили конец ядерным взрывам. Это было бы не только данью памяти жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, но и реальным вкладом в дело укрепления стратегической стабильности и мира на земле.

В самом деле, если Вашингтон действительно заинтересован в прекращении гонки вооружений, как не раз на словах убеждали мировую общественность об этом на самом высоком уровне в столице США, то доказать это следует на деле: США должны были бы использовать предоставленную возможность и тоже прекратить ядерные взрывы. А как коснулось дела, то в Вашингтоне стали лихорадочно изобретать разного рода оправдания, чтобы за словесной эквилибристикой уйти от принятия советского предложения. Белый дом занял своего рода «круговую оборону», чтобы как-то «отбиться» от напора требований поддерживать идею о введении моратория на ядерные взрывы. При этом он не останавливается даже перед самыми неправдоподобными «аргументами», утверждая, будто бы Советский Союз намного обогнал Соединенные Штаты и что введение моратория на испытания увековечит это отставание. Всю вздорность такого рода «аргументов» вынуждена признать даже «Нью-Йорк таймс», которая привела на этот счет весьма веские данные. Так, со времени атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки Пентагон израсходовал на новые системы ядерных вооруже-

⁴ In: "Foreign Affairs", Spring 1985, p. 718.

ний свыше 750 млрд. долл. Ныне США накопили арсенал боеголовок, превышающий 25 тыс. единиц, обладающих разрушительной силой, чуть ли не в миллион раз превосходящей взрывную силу бомбы, уничтожившей Хиросиму. И этого оказывается Вашингтону мало. Как отмечает «Нью-Йорк таймс», «суть дела в том, что стратеги администрации Рейгана не хотят останавливаться». Путь к достижению соглашения о прекращении ядерных испытаний и продвижении к ликвидации ядерного оружия вообще «не подходит только для тех, кто делает ставку на силовое давление, кто вынашивает планы создания все новых и новых видов ядерного оружия на Земле, кто задался целью развертывания гонки вооружений в космосе», — подчеркнул М. С. Горбачев, отвечая на вопросы корреспондента ТАСС.

* * *

Решение о прекращении в одностороннем порядке любых ядерных взрывов имеет особое значение для Азиатско-тихоокеанского региона: именно здесь были сброшены Соединенными Штатами обе атомные бомбы. На протяжении всех послевоенных лет в Азии практически не было более или менее продолжительного периода мира и стабильности. На территории этого континента, где проживает почти две трети всего человечества, один за другим возникали очаги напряженности, вспыхивали острые конфликты, приносящие неисчислимые беды и страдания народам, отвлекая их от решения насущных задач.

И ныне по вине империалистических держав, прежде всего США, обстановка во многих районах Азии остается напряженной. Стремясь превратить Азиатский континент в арену противоборства с Советским Союзом, другими социалистическими странами, силами национального освобождения, Белый дом старается сделать страны Азии соучастниками своих военных авантур.

Так, ныне на Дальнем Востоке размещены сотни американских военных объектов, дислоцирована вторая по мощи заморская группировка вооруженных сил Соединенных Штатов. Все в большей степени впрягается в военную колесницу Вашингтона Япония, правительство которой выражает готовность содействовать осуществлению американской программы «звездных войн». Это в значительной степени усиливает нестабильность в регионе.

В последнее время Вашингтон пытается утвердить в обширном регионе новую военно-политическую структуру. Важную роль в ней призвана сыграть Япония. На базе уже имеющихся двусторонних соглашений планируется создать треугольник «Вашингтон — Токио — Сеул», в котором партнерам США отводится роль американских ракетно-ядерных баз. Одновременно предпринимаются попытки создания и более широкого военно-политического альянса в рамках так называемого «Тихоокеанского сообщества», в который наряду со странами, уже связанными с США военными обязательствами, вошли бы все члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

На встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с делегацией Социалистической партии Японии, которая состоялась в сентябре 1985 г., произошел обстоятельный обмен мнениями о путях обеспечения мира и стабильности в Азии и на Тихом океане. М. С. Горбачев и председатель ЦИК СПЯ М. Исибаси отметили желательность в той или иной форме объединить усилия стран этого обширного региона, независимо от их общественного строя, с целью его превращения в зону мира и равноправного сотрудничества. М. С. Горбачев отметил, что в Советском Союзе с уважением относятся к Японии и ее народу. Роль Японии на мировой арене может расти на базе ее вклада в мирное решение назревших международных проблем, в налаживании мирного

сотрудничества со всеми странами и народами, а не на пути милитаризации страны и ее все большего включения в военные планы США. На встрече было подтверждено сохранение в силе ряда конкретных предложений СССР, сделанных Японии с целью улучшения политического климата между двумя странами. М. С. Горбачев высказался за распространение на советско-японские отношения плодотворного опыта развития торгово-экономических связей Советского Союза с рядом западноевропейских стран на основе соглашений о долгосрочном экономическом сотрудничестве и разработке перспективных программ такого сотрудничества.

Из современных международных проблем одной из острых является проблема установления прочного мира в бассейне Индийского океана. Это один из самых густонаселенных районов планеты. В расположенных здесь прибрежных и материковых государствах проживает почти треть человечества. Это активная зона национально-освободительного движения. При разнообразии политических, социально-экономических, религиозных черт большинство живущих здесь народов отличает общность исторических судеб, стремление стать подлинными хозяевами своего настоящего и будущего, играть достойную роль в мировом сообществе.

Империализм осуществляет активное «стратегическое освоение» бассейна Индийского океана. Из года в год растет число военных кораблей США и других государств НАТО, бороздящих его воды. Расширяются уже имеющиеся и сооружаются новые военные базы и опорные пункты, количество которых уже достигает трех десятков. Пентагон планирует размещение в некоторых прибрежных странах ядерных ракет средней дальности «Першинг-2», а на кораблях — крылатых ракет.

Индийский океан включается Пентагоном и в орбиту «звездных войн». На Диего-Гарсия устанавливается наземная станция электронно-оптического слежения за околоземным космическим пространством, предназначенная для обеспечения вывода из строя искусственных спутников Земли, а находящиеся здесь подводные лодки будут оснащены системами вертикального запуска ракет с ядерными боеголовками и взрывными устройствами, энергия которых преобразуется в лазерные лучи и будет использоваться для уничтожения ракет противника непосредственно на стартовых площадках. Поступают сообщения о намерениях создать объекты, которые стали бы элементами систем ведения «звездных войн» и на других участках Индийского океана.

На многие страны Азии распространяется «зона ответственности» созданного в январе 1983 г. Пентагоном так называемого «центрального командования» (Сентком). Над азиатскими странами как дамклов меч нависают жандармские «силы быстрого развертывания», призванные мощью оружия диктовать волю Соединенных Штатов другим странам и народам. Такая политика администрации США ведет к расширению старых очагов военно-политической напряженности, возникновению новых конфликтных ситуаций. Именно на Азиатском континенте находится большинство «горячих точек». Усиливается империалистическая агрессия против Демократической Республики Афганистан, не прекращаются вооруженные провокации против Народной Республики Кампучии, льется кровь в многострадальном Ливане, продолжается война между Ираком и Ираном.

Следует обратить внимание на еще один немаловажный аспект политики империалистических государств в Азии: продолжается и даже усиливается неокOLONиалистская эксплуатация и ограбление азиатских освободившихся государств с помощью транснациональных монополий (ТНК), неэквивалентного товарообмена. В ход идет и долговой пресс и другие способы воздействия на политику этих стран, чтобы прямо или косвенно заставить их служить гигантским военным программам Вашингтона и НАТО.

В этой связи становится очевидным, что борьба за свои интересы от посягательств извне на современном этапе ставит перед государствами Азии необходимость самым серьезным образом заняться фундаментальными проблемами мира и безопасности региона. Ведь только в условиях мира и стабильности возможно успешное решение стоящих перед ним непростых задач социально-экономического развития. Мириться с дальнейшим ростом напряженности в Азии и на Тихом океане было бы опасной близорукостью. Азия может и должна стать континентом мира и добрососедства. Выступая 29 августа 1985 г. в Кремле М. С. Горбачев напомнил, что Советский Союз недавно выдвинул предложение о разработке общего, комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии. Суть его в том, чтобы объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности, на основе принципов мирного сосуществования. В этом большом и сложном деле важно иметь широкую базовую концепцию укрепления стратегической стабильности, которая бы отвечала интересам всех без исключения государств региона. Эта концепция могла бы включить в себя выработанные в свое время азиатскими государствами пять принципов мирного сосуществования, десять принципов Бандунга, ряд инициатив Советского Союза, Монгольской Народной Республики, КНДР, стран Индокитая, Индии и других государств региона по проблемам безопасности в Азии.

СССР не навязывает другим государствам региона Азии и бассейна Тихого океана готовую формулу общеазиатской безопасности, а призывает их к совместному участию в разработке этой формулы, используя двусторонние и многосторонние контакты. Советский Союз выступает с предложением провести общеазиатский форум для обмена мнениями и поисками конструктивных решений этой важной проблемы.

Предлагая использовать положительный опыт общеевропейского совещания, СССР имеет в виду не механический перенос хельсинкской схемы на азиатскую почву. Но многие элементы европейского опыта международной разрядки могут быть применены и в Азии. Это — уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела; неприменение силы; мирное урегулирование споров; право народов распоряжаться своей судьбой; развитие равноправного, взаимовыгодного сотрудничества.

В последние годы социалистические государства выступили с целым рядом инициатив по различным аспектам азиатской безопасности. СССР и КНР — обе расположенные на континенте ядерные державы — взяли на себя обязательства не применять ядерное оружие первыми. Монгольская Народная Республика предложила заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприимении силы между государствами Азии и бассейна Тихого океана. Реалистические инициативы по нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии выдвинуты тремя странами Индокитая. С рядом конструктивных предложений, направленных на урегулирование имеющихся спорных межгосударственных проблем с Пакистаном и Ираном, выступило руководство Демократической Республики Афганистан. Укреплению мира на Дальнем Востоке способствовали бы предложения КНДР о выводе американских войск из Южной Кореи и объединении страны на мирных, демократических началах, без вмешательства извне.

Жизненным интересам народов всего мира отвечает решение Советского правительства о прекращении с 6 августа 1985 г. в одностороннем порядке любых ядерных взрывов, а также внесенное на рассмотрение 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН новое крупномасштабное предложение — «О международном сотрудничестве в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации».

Концепция азиатской безопасности могла бы включать требование полного прекращения ядерными державами испытаний ядерного оружия, в том числе в Азии, бассейнах Тихого и Индийского океанов, а также отказ государств региона от участия в планах милитаризации космоса.

В странах Азии, бассейнов Тихого и Индийского океанов, как, впрочем, и во всем развивающемся мире, крепнет чувство ответственности за судьбы народов, населяющих нашу планету. Соблюдение принципов, на которых основано советское предложение, пишет индийская «Индиян экспресс», может постепенно проложить дорогу к созыву совещания по безопасности в Азии наподобие хельсинкского.

В нашей стране высоко ценят и поддерживают конструктивные мирные инициативы стран Азии, касающиеся различных аспектов безопасности континента в целом или оздоровления обстановки в его отдельных регионах. «Мы, — подчеркнул в приветственном послании участникам международной конференции «40 лет победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана» М. С. Горбачев, — выражаем надежду, что азиатские государства объединят свои усилия, чтобы совместно выработать общий, комплексный подход к проблеме безопасности во всей Азии и прилегающих к ней акваториях Тихого и Индийского океанов».

* * *

Среди народов мира крепнет убеждение, что человечество сейчас оказалось перед серьезнейшим выбором: либо сделать конкретные шаги по пути обуздания гонки вооружений, либо продолжать скатываться к пропасти ядерной катастрофы. Именно поэтому так горячо приветствуют во всем мире широкомасштабные советские мирные инициативы — и односторонний мораторий на ядерные испытания, и внесенное в ООН предложение включить в повестку дня 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о международном сотрудничестве в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации. Эта новая мирная инициатива нашла широкий положительный резонанс. В откликах печати стран различных континентов, в частности и в печати США, обращают серьезную озабоченность тем, что осуществление планов милитаризации космоса повело бы к резкому усилению ядерной угрозы, лишило бы народы надежды на наступление дня, когда ядерное оружие исчезнет с лица Земли. Более того, гонка вооружений приобрела бы качественно новое, еще более опасное измерение, развиваясь во всех направлениях. В ее топку были бы дополнительно брошены колоссальные ресурсы вместо того, чтобы служить интересам прогресса человечества и решению стоящих перед ним насущных проблем.

Поддерживая советские мирные инициативы, видные государственные и политические деятели, руководители антивоенных организаций и представители общественности отмечают, что реализация советских предложений позволила бы поставить надежный барьер гонке вооружений на планете. Значительно укрепилась бы стратегическая стабильность во всем мире. Был бы внесен весомый вклад в дело ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду.

Стоя на реалистических позициях, Советский Союз никогда не считал и не считает, будто прогресс в деле разоружения может быть достигнут легким путем. Но мы в то же время уверены, что никакие трудности на пути борьбы за прекращение гонки вооружений не могут служить основанием для пессимистических выводов, тем более для выводов о бесперспективности самой борьбы за решение этой ключевой проблемы наших дней. Напротив, сама значимость и актуальность стоящей задачи диктуют необходимость постоянного наращивания усилий для ее реализации, чтобы совместными усилиями всех народов разру-

шить человеконенавистнические планы агрессивных кругов империализма.

Советский Союз придает отношениям с США большое значение, рассматривая их как исключительно важный фактор международной политики. В нашей стране придерживаются принципиальной точки зрения, согласно которой не существует какой-то фатальной неизбежности конфронтации двух стран. В пользу такого вывода говорит вся история советско-американских связей, в которой были как негативные, так и позитивные стороны. Позиция СССР на прошедшей советско-американской встрече в верхах в Женеве ясна: не допустить гонки вооружений в космосе, договориться с США о взаимном, основанном на принципе равенства и одинаковой безопасности сокращении соответствующих ядерных вооружений.

«Наши страны, — подчеркнул М. С. Горбачев в беседе с американскими журналистами, — просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом — действительный интерес и советского, и американского народов. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать эти отношения между двумя великими народами достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависят судьбы мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении».

Во внешнеполитических приоритетах СССР высокое место отводится развитию политического диалога и взаимодействия и с другими капиталистическими странами, расширению с ними широкого взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах на долговременной основе. Советский Союз исходит из того, что эти страны способны внести существенный вклад в дело оздоровления политического климата, активно способствовать практическому решению стоящих перед человечеством проблем. Исторический опыт неопровержимо доказывает, что они играют активную положительную роль в системе международных отношений тогда, когда проводят подлинно самостоятельную политику, руководствуются своими национальными интересами, а не плетутся в хвосте милитаристского курса, навязываемого им Вашингтоном.

Конечно, ни для кого не секрет, что правящие круги США оказывают мощное воздействие на важнейшие направления политики своих союзников, стремясь подчинить ее своим эгоистическим интересам. Однако центробежные тенденции в капиталистическом лагере неуклонно прогрессируют, охватывая не только чисто экономическую сферу, где обостряются противоречия и весьма острые формы приобретает конкурентная борьба. Широкие круги общественности в западных странах все настойчивее выступают за проведение более самостоятельного, более независимого от США курса по широкому спектру международных проблем, прежде всего по таким, как безопасность, сокращение и ограничение гонки вооружений, а также по вопросам дальнейшего развития отношений со странами социализма. Там отчетливо сознают, что политика ограничения контактов с социалистическими государствами, которую им пытается диктовать Вашингтон, идет вразрез с подлинными национальными интересами. В Европе ширится и набирает силу мощное общественное движение, выступающее за улучшение отношений по линии Восток — Запад, за подлинное возрождение разрядки, которая пустила особенно глубокие корни именно на Европейском континенте.

* * *

Миролюбивый характер советской внешней политики определяется самой сутью социалистического строя. Советские люди в преддверии

XXVII съезда КПСС живут мирными устремлениями, тем, как выполнить намеченные партией далеко идущие планы ускоренного социально-экономического развития страны. Наша партия четко сформулировала курс на необходимость достижения нового качественного состояния общества, предусматривающего научно-техническое обновление и достижение высшего мирового уровня производительности труда, совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономических, глубокие перемены в сфере труда, в материальных и духовных условиях жизни людей, активизацию всей системы политических и общественных институтов, углубление социалистической демократии.

Новые измерения приобретают и вопросы, касающиеся взаимосвязи и взаимозависимости внутренней и внешней политики. Укрепление экономического могущества нашей страны, динамичное развитие ее народного хозяйства самым прямым и непосредственным образом влияют и на повышение эффективности ее миролюбивой внешней политики. Эта политика не только отражает глубочайшие потребности советского народа, но и опирается на труд миллионов трудящихся нашей страны.

Хотя в Женеве не удалось решить конкретные проблемы ограничения и сокращения вооружений, важное значение имеет то, что на встрече была подтверждена достигнутая в январе 1985 года советско-американская договоренность о необходимости искать пути предотвращения гонки вооружений в космосе и ее прекращения на Земле.

Принципиально важным является содержащееся в итоговом документе женевской встречи совместное заявление о недопустимости ядерной войны и об отказе сторон от достижения военного превосходства.

Большое значение женевской встречи и в том, что она положила начало диалогу с целью добиться перемен к лучшему в советско-американских отношениях, да и в мире вообще.

«Перед порогом третьего тысячелетия мы должны сжечь черную книгу ядерной «алхимии». Пусть двадцать первый век станет первым веком жизни без страха всеобщей гибели,—сказал М. С. Горбачев на встрече с парламентариями Франции. — Мы выполним эту миссию, если соединим наши усилия. Советский Союз готов внести свой вклад в обеспечение мирного, свободного, процветающего будущего Европы и всех других континентов. Мы для этого ничего не пожалеем».

«КПСС торжественно заявляет: нет такого оружия, которое Советский Союз не был бы готов ограничить или запретить на взаимной основе с применением действенного контроля», — говорится в проекте новой редакции Программы КПСС.

Всей своей деятельностью КПСС, Советское государство демонстрирует добрую волю и готовность сделать все, чтобы избавить человечество от угрозы ядерной катастрофы, чтобы наша планета стала лучшим миром — миром без страха перед войной. Со времени Великого Октября Советское социалистическое государство высоко несет знамя мира и дружбы между народами. КПСС и впредь будет хранить верность этому ленинскому знамени.

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Роль Советского Союза в создании Маньчжурского плацдарма революционных сил Китая

О. Е. ВЛАДИМИРОВ

40 лет отделяет человечество от эпохальной даты — разгрома японского милитаризма и победоносного завершения второй мировой войны. Эта победа, огромный вклад в которую внесли Советский Союз, Монгольская Народная Республика, а также революционные войска Китая, Кореи, Вьетнама, создала предпосылки для быстрого развития Китая, других стран Азии по пути социального прогресса.

История китайской революции — это процесс трудной, героической борьбы народа Китая, его лучших представителей за национальное и социальное освобождение своей родины. Эта революция изобилует многочисленными примерами массового героизма народа, и прежде всего коммунистов. Она является прямым продолжением Великой Октябрьской социалистической революции.

Великий Октябрь, пробив гигантскую брешь в системе капитализма, в огромной степени ослабил давление империалистических держав на Китай и тем самым облегчил национальное освобождение китайского народа. В результате революции Россия не только выпала из числа крупнейших империалистических государств, угрожавших национальной независимости Китая, но и превратилась в страну, твердо вставшую на сторону национально-освободительной борьбы его народа.

В развитии Китая в послеоктябрьский период отношения с СССР сыграли исключительно важную роль, стали неотъемлемым фактором коренных социальных преобразований в стране. Китайская революция представляет собой яркое свидетельство того, что в современную эпоху успех революционного движения в любой стране, и особенно в стране, где пролетариат относительно слаб, в значительной степени зависит от помощи и поддержки, которую это движение получает со стороны уже победившего социализма, от той роли, которую социализм играет в международной жизни, от того, какое место он занимает в расстановке сил на мировой арене. Без такой помощи и поддержки успешное развитие революции и переход к строительству социализма трудноосуществимы.

Рассматривая китайскую революцию с этой точки зрения, следует подчеркнуть, что одним из основополагающих факторов ее успешного развития была победа миролюбивых прогрессивных сил во второй мировой войне над германским фашизмом и японским милитаризмом, решающий вклад в которую внес Советский Союз.

Победоносное развитие китайской революции не есть изолированный социально-политический процесс. Освободительное движение в Китае развивалось в соответствии с ленинским учением о революциях в колониальных и зависимых странах. Международный фактор в оконча-

тельной победе революции имел важное, а на некоторых ее этапах определяющее значение.

Разнообразная помощь и поддержка, которую советский народ оказывал китайским революционным силам, явилась практическим осуществлением ленинской идеи о помощи освободительным движениям со стороны победившего пролетариата. Эта линия ярко проявилась во время японо-китайской войны 1937—1945 гг., которая сложилась неблагоприятно для китайского народа. Если бы в августе 1945 г. Советский Союз не вступил в войну на Дальнем Востоке и не нанес решающего поражения японскому милитаризму, война могла бы оказаться для Китая еще более тяжелой и затяжной. В статье «Советская Красная Армия на дальневосточном театре войны» газета «Цзинцзи жибао» 3 августа 1985 г., например, писала: «Надо особо подчеркнуть, что Советская Красная Армия, развернув наступление на Северо-Востоке нашей страны уничтожила главные силы японской Квантунской армии, ускорила общий разгром японского фашизма, ускорила тем самым победу Китая в войне сопротивления Японии.

Китайский народ никогда не забудет этот акт революционного интернационализма».

Китайские коммунисты, рабочие и крестьяне эффективно использовали результаты побед советского оружия над японским милитаризмом, плоды длительных и кровопролитных классовых битв в стране и одержали в 1949 г. победу.

Эта победа наглядно продемонстрировала правоту ленинского положения о том, что «революционное движение народов Востока может... получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»¹.

После создания Китайской Народной Республики задачи восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития экономики и культуры также решались с большой экономической, технической, культурной и иной помощью, которую в условиях империалистической блокады КНР оказывали СССР и другие страны социалистического содружества.

На важнейших этапах исторического развития Китая в новейшее время помощь и поддержка Советского Союза играли важную роль в национально-освободительной и революционной борьбе трудящихся. Всякий раз, когда советско-китайские отношения становились более тесными, революционные силы Китая, прогрессивное движение получало дополнительное укрепление. Выходя из обороны, революционная армия вынуждена была переходить в оборону. И на протяжении всей истории связей Китая с Советским Союзом отрицательно сказывалось на политическом климате в стране, вело к снижению революционной активности, облегчало рост националистических тенденций. В этой связи можно бы напомнить слова великого сына китайского народа Мао Цзэ-дуня, который в предсмертном послании выражал уверенность, что наступит день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов оба союзника пойдут к победе рука об руку.

• • •

Верный своим союзническим обязательствам, принятым на Ялтинской конференции трех держав, Советский Союз вступил в войну против милитаристской Японии. На переговорах в Крыму Советское правительство обеспечило такие политические условия вступления СССР в войну против Японии, которые наилучшим образом отвечали не толь-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 318.

ко государственным интересам СССР, и прежде всего укреплению безопасности его дальневосточных рубежей, но и успешному осуществлению освободительной миссии Советской Армии в отношении народов Китая, Кореи и других стран Азии.

Советский Союз свято соблюдал свой интернациональный долг перед китайским народом, длительное время находившимся в состоянии войны с японским милитаризмом. Невзирая на колоссальные материальные и людские потери в Великой Отечественной войне, наш народ пошел на новые жертвы во имя свободы и независимости стран Азии.

Следует указать и на большую заинтересованность США и Великобритании во вступлении СССР в войну против Японии, понимавших, что без Советского Союза, без разгрома Квантунской армии немыслимо добиться капитуляции. Не случайны расчеты западных держав строились исходя из затяжного характера войны.

Несмотря на поражение германского фашизма, японский империализм отказывался сложить оружие и проводил курс на затягивание войны. В мае 1945 г. на заседании Высшего военного совета Японии был выдвинут лозунг «столетней войны за империю». Японское правительство отклонило Потсдамскую декларацию, направленную Японии от имени правительств США, Англии и Китая 26 июля 1945 г., в которой содержалось требование о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил. Содержание этой декларации в полной мере соответствовало интересам Советского Союза, и 8 августа 1945 г. он присоединился к ней.

Принимая решение о затягивании войны, японские милитаристы рассчитывали добиться развала антифашистской коалиции и тем самым избежать безоговорочной капитуляции. Для таких расчетов у Японии имелись определенные основания. К августу 1945 г. японские вооруженные силы были увеличены до 7,2 млн. человек. Главные надежды японский генеральный штаб возлагал на хорошо обученную и вооруженную Квантунскую армию.

Установка японских милитаристов на затягивание войны принимала также во внимание расчеты американского командования и состояние китайских вооруженных сил. Американская разведка весной 1945 г. считала, что без вступления СССР в войну японцы смогут воевать на континенте (даже после оккупации основных японских островов) до конца 1946, 1947 или 1948 гг. «Решающие» операции против Японии верховное командование США и Англии планировало провести только в 1946—1947 гг.² Черчилль заявил, что никто не может определить, сколько потребуется времени для проведения этих «решающих» операций.

Накануне вступления Советского Союза в войну против Японии правящие круги США произвели атомную бомбардировку японских городов Хиросимы и Нагасаки. Эти варварские акции были не чем иным, как преступлением против человечества. США подвергли население этих городов атомной смерти в тот момент, когда судьба агрессора была уже предрешена всем ходом второй мировой войны и предстоящими действиями Советских Вооруженных Сил. Уже тогда было ясно, что никакой военной необходимости в применении атомного оружия не существовало.

Гибель сотен тысяч людей не отрезвила японских милитаристов. По утверждению американского военного историка Л. Мортон, бомбардировка Хиросимы вызвала известное замешательство у японских лидеров, но отнюдь не предрасположила их к капитуляции.

Китайский народ горячо приветствовал объявление Советским Союзом войны Японии, понимая, что это ускорит разгром японского милитаризма.

² См.: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, с. 402.

тарнизма и обеспечит освобождение Китая. Отражая эти настроения, Мао Цзэдун писал: «Восьмого августа правительство Советского Союза объявило войну Японии; китайский народ горячо приветствует это. Благодаря этому шагу Советского Союза сроки войны с Японией значительно сократятся. Война с Японией уже находится в своей последней стадии, настал час окончательной победы над японскими захватчиками и всеми их приспешниками»³. Мао Цзэдун и Чжу Дэ торжественно заявили о всемерной координации своих усилий с «Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных японских захватчиков»⁴.

Японское военное командование и японская администрация в связи со вступлением советских войск на территорию Маньчжурии усилили антисоветскую пропаганду среди местного населения. Они запугивали китайцев, маньчжур, монголов и корейцев тем, что Красная Армия якобы будет «проводить массовые убийства, грабежи и насилия». Эту гнусную клевету подогревали белогвардейское «Главное бюро российской эмиграции» в Харбине и его местные отделения⁵. Власти призывали население к развертыванию партизанской войны против наступающей Красной Армии. В ряде мест начались расправы с политическими заключенными. Уходя из городов, оккупанты поджигали промышленные предприятия, железнодорожные и речные вокзалы, склады с горючим, боеприпасами и продовольствием, жилые дома.

Население Маньчжурии не поддавалось провокациям. Оно восторженно встречало советскую армию-освободительницу и оказывало ей активное содействие в успешном продвижении. По своей инициативе население исправляло дороги, восстанавливало взорванные мосты, создавало отряды самообороны, вело борьбу с бандитизмом и т. д.

Вступление СССР в войну, успешные действия советских войск и Монгольской народно-революционной армии в Маньчжурии вызвали поспешное бегство японцев из Внутренней Монголии и Северного Китая и послужили сигналом для перехода 11 августа 1945 г. в наступление находившихся под руководством КПК революционных войск.

Однако наступление советских войск было настолько стремительным, что разгром японцев был завершён раньше, чем части 8-й китайской армии смогли развернуть свои боевые действия.

Ко времени вступления Советского Союза в войну с Японией положение революционных войск в Маньчжурии было крайне тяжелым. Еще в начале августа японское командование, сосредоточив значительные силы, окружило в районе Пиньцюаня китайские части, находившиеся под командованием генерала Чжао Вэньцзиня. И только стремительное наступление советских войск, частей 17-й армии Забайкальского фронта, предотвратило уничтожение окруженных частей.

Командование Красной Армии оказало большую помощь частям 8-й и Новой 4-й армий Китая. Трофейное вооружение, в том числе артиллерия и легкие танки, по ходу наступления передавалось личному составу этих армий, ее командирам и солдатам оказывалась помощь в овладении оружием и техникой. Бойцы и командиры революционных армий Китая в те дни выражали сердечную признательность советским войскам за помощь: именно благодаря этому были спасены тысячи жизней китайских солдат и командиров.

Быстрый разгром Квантунской армии в Маньчжурии и Корее, ликвидация японских группировок на Южном Сахалине и Курильских островах не оставляли Токио никаких надежд на затягивание войны.

³ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4, с. 617.

⁴ Цит. по: А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966, с. 536.

⁵ См.: И. В. Шикин, Б. Г. Сапожников. Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975.

18 августа 1945 г. в соответствии с рескриптом императора главнокомандующий Квантунской армией отдал приказ о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали вести бои. Лишь 23 августа японцы прекратили сопротивление. Это обеспечило подписание 2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» акта о капитуляции Японии.

Победа над Японией — главной союзницей Германии — ознаменовала конец второй мировой войны, самой ожесточенной и кровопролитной войны в истории человечества.

Советский Союз, наш героический народ и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в разгром японского милитаризма. Этот факт имеет непреходящее историческое значение.

Китайские руководители неоднократно указывали на роль СССР, его борьбы для судеб китайской революции. Мао Цзэдун признавал: «Ни одно государство не отказалось от своих экстерриториальных прав в Китае. Только Советский Союз отказался от них.

С начала войны сопротивления ни одно правительство какой-либо империалистической державы не оказало нам настоящей помощи. Только Советский Союз оказал нам помощь своими людьми, материальными и финансовыми силами в большом размере»⁶.

О большом значении победы Советского Союза на Дальнем Востоке говорил и Лю Шаоци: «После одержанной победы в войне на европейском фронте Советский Союз, несмотря на очень большие причиненные ею разрушения, быстро вступил в войну с Японией, ликвидировал японскую Квантунскую армию и помог Китаю освободить Северо-Восток. И на сей раз во время нынешней народно-освободительной войны Советский Союз вел важную для нас торговлю с освобожденными районами Северо-Востока. Особое значение имеет тот факт, что существование могучего Советского Союза и наличие растущих народно-демократических сил во всем мире крепко сковывают крупнейшие силы империализма. Отсюда была обеспечена возможность достижения быстрой победы в народно-освободительной войне в Китае»⁷.

Победа Советского Союза на Дальнем Востоке явилась не только ударом по японскому милитаризму, но и поворотным пунктом в истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Началось бурное развитие национально-освободительного движения на этом континенте.

Эта победа сыграла решающую роль в дальнейшем развертывании революционной борьбы китайского народа. Освобожденная советскими войсками Маньчжурия превратилась при активной помощи и поддержке СССР в основную военно-стратегический плацдарм революционных сил Китая, в новый политический центр китайской революции.

* * *

После капитуляции Японии Китай продолжал оставаться разделенным на два лагеря. Три четверти территории страны и практически все города контролировали чанкайшисты, располагавшие многомиллионной армией.

Подобно всему Китаю разделенной на два лагеря оказалась и Маньчжурия. Западнее Чанчуня и севернее Гирина, а также на Ляодунском полуострове, где разместились советские войска, фактически установилась народная власть, которой руководила Коммунистическая партия Китая. На этой обширной территории были созданы путем свободного волеизъявления народно-демократические органы власти, которые

⁶ Мао Цзэдун. Сталин — друг китайского народа. Статья написана в 1939 г. и перепечатана 20 декабря 1949 г. во всех китайских газетах.

⁷ Из речи Лю Шаоци на учредительной конференции Общества китайско-советской дружбы 5 октября 1949 г. в Пекине.

начали подготовку к осуществлению коренных социально-экономических преобразований. Остальную часть Маньчжурии контролировали гоминьдановцы.

США под предлогом принятия капитуляции Японии и оказания помощи «законному» режиму Чан Кайши делали все, чтобы не допустить мирного демократического развития Китая⁸.

Стратегический план Чан Кайши в 1945—1946 гг. был таков: укрепиться в Южном и Центральном Китае, взять под контроль Северный Китай и войти в Маньчжурию. Этот план предполагал активную помощь со стороны США.

Опираясь на непосредственную поддержку американских войск, авиации и флота, чанкайшисты уже в октябре—декабре 1945 г. развернули наступление в Маньчжурии.

Коммунистическая партия Китая предпринимала попытки добиться мирного урегулирования вопроса о Маньчжурии. Однако они оказались бесплодными, так как наталкивались на упорное нежелание клики Чан Кайши отказаться от распространения своей диктатуры с помощью оружия на Северо-Восток. В таких условиях революционные силы были вынуждены давать отпор агрессивным действиям гоминьдановцев.

Переговоры между КПК и гоминьданом сменялись вспышками гражданской войны. Компартия Китая, которую поддерживала наша партия, все мировые прогрессивные силы, боролась за создание условий для демократического переустройства общества в интересах национально-освободительного движения китайского народа.

В свою очередь американо-гоминьдановская реакция пыталась затормозить и сорвать революционный процесс, подчинить интересы нации иностранным и компрадорским монополиям, превратить Китай в плацдарм «холодной войны» и агрессии.

Борьба этих двух направлений в Китае и на международной арене определяет главное содержание периода 1945—1949 гг. Сложная дипломатическая и политическая конфронтация касалась, разумеется, и Маньчжурии. Вопрос стоял так: или этот район, граничащий с Советским Союзом, станет предмостным укреплением китайской революции или превратится в базу контрреволюции и агрессии.

СССР настаивал на точном соблюдении союзнических обязательств, касающихся Китая. Западные державы делали все для срыва их выполнения.

К этому времени в Маньчжурии были созданы демократические органы власти. В последующие месяцы в связи с развертыванием наступления гоминьдановских войск КПК, демократические партии и организации многократно выступали с предложениями о мирном урегулировании вопроса о Маньчжурии на базе создания здесь местного демократического коалиционного правительства, но не встречались на категорический отказ Чан Кайши вести переговоры по этому вопросу.

1 апреля 1946 г. Чан Кайши в выступлении перед демократическим советом объявил демократические власти «недемократическими», а 9 апреля в беседе с американским корреспондентом заявил, что он преисполнен решимости «уничтожить Коммунистическую партию».

⁸ См. подробнее: Новейшая история Китая. М., 1972; История Китая после второй мировой войны. М., 1964; История дипломатии, т. V, 1944; Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае и ее поражение (1945—1949). М., 1958; В. И. Глунин. Третья гражданская революционная война в Китае (1946—1949). Очерк политической истории. М., 1958; А. М. Дубинский. Указ. соч.; его же. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1980.

Гоминьдановское руководство, полагаясь на подавляющее превосходство своих войск, рассчитывало быстро сломить сопротивление маньчжурской группировки войск КПК и в короткий срок занять крупнейшие центры и железные дороги Маньчжурии. Оказавшись перед угрозой восстановления власти гоминьдановской реакцией, население Маньчжурии, освобожденное Советской Армией, избранные им народные органы власти и вооруженные силы, руководимые коммунистами, поднялись на борьбу и оказали решительное сопротивление гоминьдановским войскам.

Атаки гоминьдановцев разбились о надежную оборону маньчжурской группы войск КПК, которая в этот период получила возможность переформироваться и пополнить свое вооружение. Предпринятое чанкайшистами широкое наступление на освобожденные районы, в том числе и в Маньчжурии, вскоре захлебнулось. Как только провал наступления гоминьдановских войск в Маньчжурии окончательно определился, Чан Кайши 3 июня 1946 г. на первый план выдвинул переговоры при посредничестве представителя правительства США Д. Маршалла. После двухдневных контактов Чжоу Эньлая и Маршалла Чан Кайши 6 июня 1946 г. подписал приказ о прекращении военных действий в Маньчжурии на 15 дней (с 7 по 22 июня) и согласился возобновить переговоры с представителями Компартии Китая по всем спорным вопросам.

Присутствие в Маньчжурии Советской Армии в огромной степени способствовало укреплению китайских революционных сил. Войскам Народно-освободительной армии был обеспечен прочный тыл в Маньчжурии.

Войска, находившиеся под контролем КПК, проходили усиленную боевую подготовку, были расширены ряды народного ополчения и улучшено его вооружение. Огромное значение для укрепления боеспособности революционных сил имела передача им японского трофейного оружия. Немалую роль играло и то, что в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах — Порт-Артуре и Дальнем — находились советские войска, и эти пункты стали недоступными для гоминьдановских и американских войск.

Перед лицом провалов своей политики и понимая, что время работает против гоминьдано-американского господства в Китае, чанкайшистский режим в 1946 г. встал на путь развязывания антисоветской истерии.

В ненависти к Советскому Союзу гоминьдановцы, поощряемые Вашингтоном, дошли до того, что стали открыто проповедовать «крестовый поход против СССР». Они разжигали военную истерию, поднимали шум о «красной агрессии в Китае», об «угрозе Америке» и т. п.

* * *

Политика США в Китае определялась теми общими политическими, экономическими и военно-стратегическими задачами, которые в послевоенный период ставили перед собой американские империалистические круги на Дальнем Востоке. Эта политика была направлена на дальнейшее укрепление позиций США в Китае с целью превращения его в опорную базу и орудие своей экспансии на Дальнем Востоке.

Интервенция США в Китае преследовала следующие цели:

— изменение соотношения сил, ускоренную подготовку китайской реакции к гражданской войне и насильственному подавлению народно-демократического движения в стране и восстановлению на всей территории Китая власти гоминьдановцев;

— превращение Китая в американский военный плацдарм для подготовки нападения на СССР и подавления освободительного движения в Азии.

В первые месяцы после окончания второй мировой войны, когда на территории Китая еще оставалось значительное количество японцев, американская военщина прикрывалась тем, что пребывание США в Китае было необходимо якобы для целей репатриации японцев. Затем в августе — сентябре 1946 г. американцы начали утверждать, что они остаются в Китае для «содействия установлению в этой стране мира и порядка», то есть открыто заявили о своем вмешательстве во внутренние дела Китая на стороне гоминьдановского режима.

Начав фактическую интервенцию в Северном Китае, военное командование США объявило о том, что она проводится с согласия гоминьдановского правительства⁹.

Американские правящие круги хотели видеть Китай в качестве преданного «младшего партнера США». Американский президент Трумэн резко осуждал Рузвельта за то, что он «многое позволял, многое обещал и многим помогал Сталину»¹⁰. Вместе с тем в руководящих кругах США понимали, что нельзя прямо и открыто порвать с СССР, отказаться от Ялтинских решений и заявить, что завершение войны против Японии является делом только США. Поэтому Трумэн стал искать другой путь «обуздания коммунистических планов России в отношении Азии»¹¹. Самым опасным для США, по его мнению, было бы объединение в ходе наступательных операций вооруженных сил СССР и народно-освободительных армий под руководством коммунистов. Правящие круги США стремились любыми средствами закрепиться в Маньчжурии и в этих целях не только оказывали широкую военную поддержку гоминьдану, но и шли на прямое военное вмешательство на севере Китая. Все это замедляло ход китайской революции.

Трумэн в своих мемуарах рассказывает, что с целью не допустить капитуляции японских войск перед войсками КПК американский посол в Китае Хэрли направил в Вашингтон телеграмму, требуя обязать японское военное командование и их марионеток сдавать оружие только правительству Чан Кайши и установить наказание для тех японских военных, которые будут сдавать оружие соперникам Чан Кайши. Хэрли прямо требовал от госдепартамента, чтобы в условия капитуляции Японии был включен пункт о том, что «никакое японское оружие не будет сдано вооруженной партии китайских коммунистов».

26 сентября 1945 г. американские информационные агентства опубликовали сообщение об отправке с островов Рюкю десантного отряда в составе двух дивизий морской пехоты США. Было объявлено, что целью высадки десанта является «охрана района города Тяньцзиня в период принятия капитуляции японских войск», которая якобы была назначена гоминьдановским командованием на 30 сентября 1945 г.¹²

30 сентября 1945 г. в Тангу (морской порт в районе Тяньцзиня) началась высадка 1-й дивизии морской пехоты США численностью 18 тыс. человек. В тот же день ее передовой отряд (1200 человек) вступил в Тяньцзинь. К 8 октября высадка американских войск осуществлялась уже в трех портах Северного Китая — Дагу, Тангу и Циньхуандао, возле которых было сосредоточено свыше 200 военных и транспортных судов. Не ограничиваясь захватом этих портов и важнейшего экономического центра Северного Китая — Тяньцзиня, американские войска начали распространять свой контроль на прилегающие железные дороги: Тяньцзинь — Циньхуандао — Шанхайгуань, Тяньцзинь — Пекин¹³.

⁹ См.: «Синьхуа жибао», 1.X.1945.

¹⁰ Современные исследования и информация, май 1945, с. 32 (на япон. яз.).

¹¹ Там же.

¹² См.: «Синьхуа жибао», 28.IX.1945.

¹³ См. там же, 9.X.1945.

10 октября 1945 г. крупный десант американской морской пехоты оккупировал порт и город Циндао. Одновременно воздушный десант американских войск высадился в Пекине¹⁴.

7 октября 1945 г. командующий 8-й армией КПК Чжу Дэ передал американскому командованию протест против подготовки к высадке морской пехоты в порты Инкоу, Чифу, Вэйхайвэй, «так как там нет японских войск и они целиком контролируются войсками нашей армии»¹⁵.

Несмотря на протест, американские военные корабли появились в районе Яньтай (Чифу). Чжу Дэ отправил американскому командованию телеграмму, в которой говорилось: «Город Чифу (Яньтай) был освобожден нашими войсками 24 августа 1945 г. Находившиеся там японские и марионеточные войска были разоружены. В городе установлен нормальный порядок. Нет абсолютно никакой необходимости в том, чтобы американские войска высаживались в этом городе... Ввиду этого прошу американское командование распорядиться, чтобы моряки покинули город и порт и не производили дальнейшей высадки. Если же американские войска силой произведут высадку и тем самым создадут серьезный инцидент, то вся ответственность ляжет на американское командование».

Правящие круги США не вняли такого рода предупреждениям и продолжали наращивать агрессивные действия. Это было прямое вмешательство во внутренние дела Китая. «Задачи американской морской пехоты, — заявил впоследствии государственный секретарь США Ачесон, — заключались в том, чтобы оккупировать важнейшие морские порты и не допустить захвата их коммунистами, а также взять под контроль железнодорожные линии, идущие к этим портам»¹⁶.

В Маньчжурии принятие капитуляции Квантунской армии и ее разоружение были осуществлены Советской Армией. Поэтому вопрос о принятии капитуляции японских войск не мог быть использован правящими кругами США в качестве предлога для расширения американской интервенции на эту часть Китая. Тогда правительство США выдвинуло другой лживый предлог — распространение на Маньчжурию «законной» власти Чан Кайши.

Советское правительство и командование советских войск в Маньчжурии, опираясь на условия советско-китайского Соглашения от 14 августа 1945 г., в соответствии с которым ответственность за оборону баз была возложена на Советский Союз, решительно отклонили домогательства США об использовании Порт-Артура и Дальнего¹⁷.

Таким образом, империалистические планы США, действовавших в тесном союзе с режимом Чан Кайши, имели целью закабаление страны, были направлены против революционных сил Китая. На пути этих неокolonналистских планов стоял Советский Союз, который поддерживал справедливую борьбу китайского народа за свою свободу и независимость.

Именно Советский Союз был той надежной опорой китайского освободительного движения, которая создавала предпосылки для его успешного развития. В истории навсегда сохраняются страницы напряженной дипломатической и политической борьбы СССР против агрессии США в Китае, в поддержку революционных, демократических сил китайского народа. В этот трудный для китайской революции период революционная база в Маньчжурии становится ее главным оплотом. Здесь набирала силы армия КПК, предпринявшая в 1948—1949 гг. поход на

¹⁴ См.: Ляо Гайлун. Краткая история освободительной войны китайского народа. Пекин, 1953, с. 19, 80 (на кит. яз.).

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ Цит. по: История Китая с древнейших времен до наших дней..., с. 404.

¹⁷ См.: «Правда», 30.XI.1945.

юг, который завершился полным крушением гоминьдановского режима «Победа над силами империализма, феодализма и реакции в Китае, обозначившая вступление китайского народа на путь социализма, — отмечается в поздравлении Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР руководителям КНР по случаю 36-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики, — достойно увенчала его революционную героическую борьбу за национальное и социальное освобождение, явилась знаменательным событием мировой истории»¹⁸.

После провозглашения Китайской Народной Республики в стране были осуществлены важные преобразования. Установление новых, социалистических отношений явилось основой для успешного развития КНР. В течение первого десятилетия при активном содействии Советского Союза и других социалистических стран в Китае создавалась материально-техническая база социализма, повышалось благосостояние людей.

Советские люди и все прогрессивное человечество искренне радовались достижениям Китайской Народной Республики в строительстве новой жизни.

Страны социалистического содружества по-прежнему исходят из того, что коренные интересы Китая и интересы Советского Союза и других социалистических стран не сталкиваются, более того, им в максимальной степени отвечали бы взаимные отношения дружбы и товарищеского сотрудничества. Это соответствовало бы и коренным интересам мирового социализма, интересам укрепления международной безопасности.

В решениях съездов КПСС, Пленумов ее Центрального Комитета, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и других руководящих деятелей Советского Союза четко и ясно изложен наш подход к КНР. Эти документы, сама жизнь показывают, что СССР всячески стремился к налаживанию конструктивного диалога. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем выступлении на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода в июне 1985 г. заявил: «Думаю, время показало обоим сторонам, что от разобщенности и тем более от недружелюбия, подозрительности не выигрывает ни одна из них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена. Уверен, что в конечном счете так оно и будет»¹⁹.

За последние годы в советско-китайских отношениях произошли известные позитивные изменения. Выросла торговля, развиваются контакты в области спорта, науки, техники, по линии общественности. Осуществляются политические консультации по вопросам двусторонних отношений, происходит обмен мнениями по международным проблемам. Это отвечает долгосрочным интересам борьбы за укрепление единства мировой социалистической системы, международного коммунистического движения, консолидации всех антиимпериалистических сил в различных регионах мира, в том числе и в Азии. «В наши дни, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в приветствии участникам международной конференции «40 лет победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана», — когда над планетой нависает угроза всемирной ракетно-ядерной катастрофы, нет более важной и неотложной задачи, чем сберечь мир на земле. Милитаристские круги империализма про-

¹⁸ «Правда», 1.X.1985.

¹⁹ Там же, 27.VI.1985.

водят агрессивную политику в этом обширном регионе планеты, вынашивают планы по превращению его в арену военно-политической конфронтации с социалистическими и многими неприсоединившимися странами, ведут дело к ремилитаризации Японии, созданию агрессивной группировки Вашингтон — Токно — Сеул»²⁰.

Большое внимание в этих планах уделяется попыткам спровоцировать обострение отношений между СССР и КНР. Наша партия воспитывает советский народ в духе дружбы и глубокого уважения к китайскому народу, к его истории и культуре, к героическим подвигам трудящихся Китая в борьбе за освобождение от иностранных угнетателей, за революционное преобразование своей родины, Советский Союз проводил и проводит в отношении Китайской Народной Республики последовательный принципиальный курс, дает решительный отпор пронкам империалистов. «Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз неизменно поддерживал справедливое дело китайских трудящихся, был всегда на их стороне»²¹, — говорится в поздравлении Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю 36-й годовщины провозглашения КНР. Самым большим интернациональным вкладом СССР в дело Китайской революции был разгром Советской Армией миллионной Квантунской армии, что обеспечило создание на территории Маньчжурии мощной военно-революционной базы коммунистов Китая. История борьбы за Маньчжурию в 40-х годах — свидетельство того, кто является подлинным другом китайского народа, а кто был и остается его врагом.

²⁰ «Правда», 5.IX.1985.

²¹ Там же, 1.X.1985.

Значение разгрома японского милитаризма для победы народных революций в Китае, Корее и Вьетнаме

М. Л. ТИТАРЕНКО
доктор философских наук

Советский народ вместе со всей прогрессивной миролюбивой общественностью широко отметил 40-летие разгрома японского милитаризма и победного окончания второй мировой войны.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», «прошедшие десятилетия еще ярче и полнее показали всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Разгром германского фашизма, а затем японского милитаризма оказал глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Создались благоприятные условия для борьбы трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение. Укрепились позиции прогрессивных, демократических, миролюбивых сил, возросло влияние коммунистических и рабочих партий. Возникла и успешно развивается мировая социалистическая система. Ускорился процесс распада колониальной системы империализма, завершившийся ее крахом»¹.

Значение Победы советского народа в политическом, социальном, экономическом, идеологическом отношении ярко и глубоко было раскрыто в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном собрании в Кремле по случаю 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также в выступлениях других советских руководителей.

Историческое значение освободительной миссии Советского Союза для победы народно-демократических, национально-освободительных революций в Китае, Корее и Вьетнаме огромно. Все более очевидна несостоятельность попыток буржуазной и националистической историографии принизить роль СССР во второй мировой войне и на ее завершающем этапе роль СССР в освобождении народов Азии от ига агрессоров и колонизаторов.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма, которые выступали под флагом шовинизма и расизма, позволил не только разоблачить звериную идеологию фашизма и милитаризма, но и политически изолировать их сторонников в государствах Европы, Америки, Азии. В политическом плане разгром фашизма и милитаризма серьезно подорвал и дезорганизовал силы контрреволюции и колониализма, создал соответствующие предпосылки для победы национально-освободительных революций в бывших колониях. В идеологическом плане крах реакционных и расистских фашистско-милитаристских мифов расширил рамки революционного национализма, помог сближению его с марксистско-ленинским учением, с принципами интернационализма, сочетанию патриотизма и интернационализма в национально-освободительном движении. В дальнейшем все это создало важнейшие предпосылки

¹ «Коммунист», 1984, № 9, с. 36.

для постепенного перехода больших социальных групп, прежде всего передовых патриотических элементов, стоявших на позициях прогрессивного национализма и революционной демократии, на платформу марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Одновременно опыт борьбы антигитлеровской коалиции, подкрепленный опытом антифашистского, антимилитаристского сопротивления народов Европы и Азии, раскрыл непреходящее политическое значение единства антиимпериалистических сил для победы в освободительной борьбе и для сохранения мира в будущем.

* * *

Вступление СССР в войну против Японии было продиктовано целым рядом объективных обстоятельств. Прежде всего, этого требовали интересы быстрого завершения второй мировой войны, прекращения страданий народов. Этого требовал также союзнический и интернациональный долг, которому всегда был верен Советский Союз. Этого требовали также интересы безопасности дальневосточных рубежей СССР. Этого требовали интересы восстановления попорченной исторической справедливости.

Непосредственное воздействие освободительной миссии Советской Армии наиболее наглядно и всесторонне проявилось в победоносном завершении национально-освободительной, революционной борьбы народов Китая, Кореи и Вьетнама, а также других азиатских государств и впоследствии — народов других континентов, страдавших под игом колониализма.

Руководство Китайской компартии, узнав о вступлении Советского Союза в войну против Японии, приветствовало эту акцию СССР. Вклад Советской Армии в освобождение Северо-Востока Китая (Маньчжурии) выдающийся китайский полководец Чжу Дэ оценивал следующим образом: «Советская Армия вступила в Маньчжурию, полностью разгромила и уничтожила Квантунскую армию — оплот японских милитаристов, заставив таким образом японский империализм капитулировать»². В китайской печати в свое время отмечалось: «Когда Советский Союз двинул свою армию, и японская Квантунская армия была разбита наголову, мечты японских захватчиков о превращении Маньчжурии в логово для последней схватки были развеяны. Другого выхода, кроме безоговорочной капитуляции, не оставалось»³.

В Китае ныне признается, что основные воинские подразделения КПК пришли в Маньчжурию лишь после того, как она была освобождена Советской Армией от японцев. В изданном в 1983 г. сборнике воспоминаний участников китайской революции приводятся данные о том, что именно от советского командования исходила инициатива активизировать деятельность КПК по сплочению народных масс в Маньчжурии и использовать в интересах китайской революции промышленную базу Северо-Востока для укрепления вооруженных сил КПК.

Предложения советской стороны были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК КПК в середине сентября 1945 г. и положены в основу специального постановления ЦК КПК. Как заявил на заседании Политбюро ЦК КПК 16 сентября 1945 г. Лю Шаоци, Центральный Комитет «окончательно решил создать в Северо-Восточном Китае опорную базу и сделать все, чтобы контролировать эту часть Китая... (выделено нами. — М. Т.). Развернув революционные силы в Северо-Восточном Китае, мы теперь можем оказывать поддержку всей стране и ускорить ход китайской революции».

² «Правда», 21.VII.1949.

³ «Гуанмин жибао», 3.IX.1951.

После установления непосредственного контакта между командованием Советской Армии и ЦК КПК руководство Китайской компартии приняло решение «укрепить свои силы, занимающие важные стратегические пункты в Северо-Восточном Китае»⁴. Из различных революционных опорных баз в Маньчжурию было переброшено почти 60 тыс. кадровых работников, форсированным маршем туда направлялись одно за другим подразделения главных сил Нового 4-го корпуса и 8-й армии, причем количество бойцов этих частей превышало 100 тыс. человек. Тогда же в Маньчжурии периодически находились более половины высших руководителей КПК, включая Лю Шаоци, Чэнь Юня, Гао Гана, Жао Шуши, Пэн Чжэня, Ло Жунхуаня, Ли Фучуна, Чжан Вэньтяня, Ван Цзясяна, Хуан Кэчэна, Ли Лисаня, Линь Бяо и др.

Благодаря широкому развертыванию деятельности вновь созданных демократических органов самоуправления, которые поддерживались советским командованием, вышедшие из тюрем или подполья коммунисты и их сторонники получили благоприятные условия для своей деятельности. Восстанавливалась деятельность партийных организаций КПК в Маньчжурии, число которых быстро росло. Заметно увеличилась армия КПК, которую пополнили промышленные рабочие, что имело принципиальное значение.

После капитуляции Японии на первый план выдвинулись задачи борьбы за демократизацию Китая и ликвидацию полуколониального положения страны. Главным препятствием здесь выступали международный империализм и поддержанная им китайская реакция. Поэтому гоминьдановцы смогли вновь установить контроль над $\frac{3}{4}$ территории страны и развернуть многомиллионную армию. При поддержке авиации и флота США клика Чан Кайши в конце 1945 г. предприняла попытку захватить Маньчжурию. Усилия Компартии Китая добиться мирного урегулирования вопроса наталкивались на упорное нежелание клики Чан Кайши отказаться от распространения своей реакционной, антинародной диктатуры на Северо-Восточный Китай.

В этих условиях революционные силы вынуждены были начать ускоренную концентрацию своих резервов с тем, чтобы дать отпор действиям реакции. Советский Союз неизменно оказывал морально-политическую и материальную поддержку всем тем силам, которые боролись за создание условий, необходимых для демократического переустройства китайского общества в интересах подавляющего большинства трудящихся.

О значении помощи СССР в укреплении революционных сил Маньчжурии и роли самой Маньчжурской революционной базы в тех условиях достаточно красноречиво свидетельствуют положения, приведенные в избранных произведениях видного деятеля КПК Чэнь Юня, который писал в ноябре 1945 г.: «Существование Советского Союза, без сомнения, играет решающую роль в выработке курса моей работы в Маньчжурии... Основной целью советской политики является поддержание мира на Дальнем Востоке и мира во всем мире»⁵.

Решающее значение в этой обстановке имело укрепление Маньчжурской революционной базы⁶. Здесь поддержка Советским Союзом коммунистов Китая носила как конкретно материальный, так и военный и политический характер, включая защиту интересов китайской революции от международного империализма на дипломатическом фронте. Что же касается американо-гоминьдановской реакции, то она пыталась затормозить и сорвать революционные процессы, поставить Китай под

⁴ Искра. Вып. 7, Шэньян, 1983, с. 31 (на кит. яз.).

⁵ Чэнь Юнь. Избр. произв. (1926—1949). Пекин, 1984, с. 221 (на кит. яз.).

⁶ См.: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949). М., 1985.

контроль гоминьдана и иностранных монополий, превратить его в плацдарм «холодной войны» и агрессии не только против национально-освободительных революций в Азии, но и против СССР.

В 1945—1949 гг. Маньчжурия стала одним из важных объектов сложной международной дипломатической и политической борьбы. Вопрос стоял так: или этот район, граничащий с СССР, станет мощной базой китайской революции, или вновь превратится в оплот контрреволюции и агрессии, как это было в период господства белокитайских, а особенно японских милитаристов, создавших марионеточное образование Маньчжоу-го. В этой связи СССР требовал от США выполнения союзнических обязательств, касающихся Китая. Западные же державы и гоминьдановское правительство предпринимали все для их срыва.

В последующем СССР много сделал для защиты международных позиций Китая, и прежде всего — для предотвращения оккупации его территории американскими войсками. В сентябре 1946 г. А. А. Громыко по поручению Советского правительства внес на обсуждение Совета Безопасности ООН предложение о выводе войск Объединенных Наций с территории невражеских государств. При этом А. А. Громыко, прямо указывая на Китай, заявил: «Факт неоправданного в настоящих условиях пребывания американских войск в Китае и их вмешательство во внутренние дела Китая вызвали волну протеста. Протестуют самые различные слои китайской общественности... Ко всем этим голосам следует прислушаться, игнорировать их невозможно. Они затрагивают вопрос, который касается не только Китая и Соединенных Штатов»⁷.

Чтобы способствовать укреплению международных позиций Китая и его суверенитета над территориями, которые освобождал Советский Союз в боях против Квантунской армии, наша страна еще 14 августа 1945 г. в соответствии с духом решений Крымской конференции подписала с Китаем Договор о дружбе и союзе, который сыграл положительную роль и в сдерживании антикоммунистической и антисоветской политики гоминьдановского правительства и способствовал активизации деятельности демократических, прогрессивных сил Китая. Орган ЦК КПК газета «Цзефан жибао» 27 августа 1945 г. охарактеризовала этот документ как «выражение политики равноправия, которую всегда проводил Советский Союз по отношению к нам». Оценивая упомянутый договор и подписанные тогда же советско-китайские соглашения, Чжоу Эньлай подчеркивал, что они полностью отвечали «интересам революции китайского народа»⁸.

В сложной международной обстановке «холодной войны», начатой агрессивными кругами империализма против социалистических стран, СССР стремился способствовать такому процессу, в ходе которого демократические, прогрессивные силы Китая, ведущее место среди которых занимала КПК, могли бы консолидироваться, сплотить свои ряды, объединить всех возможных союзников.

Учитывая острые противоречия в самом гоминьдане и мощные выступления народа за мирное, демократическое обновление страны, наша партия поддержала линию на переговоры между компартией и гоминьданом, на прекращение гражданской войны, что позволяло КПК значительно укрепить свою массовую базу, завоевать поддержку широчайших народных масс, перегруппировать и укрепить свои силы.

⁷ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. VI (сентябрь 1945 г. — февраль 1947 г.). М., 1947, с. 657.

⁸ Цао Си чжэнь. История дипломатических отношений между Китаем и СССР. Шанхай, 1951, с. 79 (на кит. яз.).

Другой линией придерживались США. Они осуществляли массивную военную помощь гоминьдану, подталкивая его к развязыванию и расширению гражданской войны и одновременно изыскивая всяческие способы, чтобы увеличить свое непосредственное военное присутствие в Китае, фактически оккупировать его при пособничестве чанкайшистов.

США и их гоминьдановские ставленники в Китае развернули бурную кампанию клеветы и провокации по поводу пребывания советских войск в Маньчжурии. Нужно подчеркнуть, что частям Советской Армии, находившимся в это время в Маньчжурии (на продлении срока их пребывания решительно настаивало тогда руководство КПК), пришлось выполнять сложную и многотрудную миссию. Их присутствие не позволило американцам и гоминьдановцам превратить этот район в свою опорную базу. Советские войска фактически создали прочный заслон народно-освободительной армии Китая, обеспечивавший становление освобожденных районов КПК и развернувшихся там демократических процессов.

Значение помощи СССР в укреплении демократических революционных сил Маньчжурии в свое время высоко оценил Мао Цзэдун в письме, направленном уполномоченному ЦК КПК в Маньчжурии Пэн Чжэню: «В связи с поддержкой нашего старшего брата (то есть СССР. — М. Т.) и с развитием нашей борьбы в Маньчжурии войска Чан Кайши не могли успешно продвинуться в Маньчжурии, а также не смогли провести работу по приему власти в Маньчжурии»⁹.

К концу 1945 г. компартия уже располагала в этом районе вооруженной группой войск численностью 300 тыс. человек, преобразованной в Объединенную демократическую армию (ОДА), при участии бывших партизанских отрядов и частей 8-й армии. Когда в 1946 г. советские войска эвакуировались из Маньчжурии, Объединенная демократическая армия уже располагала обученными соединениями, определенным опытом и современным вооружением. К этому времени миллионы трудящихся Северо-Восточного Китая и всей страны были вовлечены в революционную борьбу.

Немалые политические выгоды давало народной армии и прогрессивным силам Китая в их борьбе за освобождение присутствие советского персонала на КЧЖД, а также (после вывода частей Советской Армии из Маньчжурии) советских вооруженных сил в Порт-Артуре и Дальнем — важных в стратегическом отношении пунктах на пути проникновения гоминьдановцев и американских войск в Маньчжурию. Кроме того, в Порт-Артуре и Дальнем с самого начала было организовано обучение современному военному искусству части комсостава революционных войск КПК. Американский адмирал Ф. Шерман в августе 1945 г. отмечал, что если бы Дальний и Порт-Артур были открыты для действий американцев и Чан Кайши, то «это совершенно изменило бы обстановку, создавшуюся в Китае после войны»¹⁰. Гоминьдановское командование намеревалось тогда высадить здесь свои войска, чтобы ударить с тыла по революционным войскам в Южной Маньчжурии.

Вышеназванные факторы имели и тогда, и в дальнейшем первостепенное значение для победы демократических сил Китая и образования Китайской Народной Республики. Накануне победы народной революции в Китае Мао Цзэдун подчеркивал, что СССР пришел на КЧЖД и в Порт-Артур «не как империалистическая, а как социалистическая сила для защиты общих интересов». Американский империализм, продолжал он, «сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз

⁹ Цит. по: А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966, с. 571.

¹⁰ Цит. по: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная война..., с. 82.

находится в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма»¹¹.

Большую роль сыграл Советский Союз в восстановлении экономического потенциала Маньчжурии, возобновлении работы заводов, транспорта, электростанций. По решению Советского правительства в Маньчжурию была направлена группа специалистов по восстановлению транспорта, железных дорог и налаживанию их эффективной эксплуатации.

Становление Маньчжурской революционной базы происходило в трудный период, когда американо-чанкайшистская реакция с помощью политических маневров и прямых военных угроз создала серьезные преграды на пути успешного развития революции.

Несмотря на первоначальные военные неудачи, Маньчжурская объединенная демократическая армия отстояла освобожденную территорию и революционные завоевания населения.

Следует отметить, что по ряду причин в советской и зарубежной историографии роль Маньчжурской революционной базы в победе китайской революции долгое время не принималась во внимание. И здесь хотелось бы с благодарностью вспомнить многих наших прославленных военачальников и видных политработников, которые в своих воспоминаниях об освободительной миссии СССР на Дальнем Востоке впервые указали на значение помощи Советского Союза китайскому народу в его борьбе за национальное и социальное освобождение и, в частности, на историческую роль опорной базы КПК в Маньчжурии¹².

Глубокий научный анализ этой темы был дан в трудах ряда советских историков¹³. В последнее время важная роль Маньчжурской революционной базы стала признаваться и в КНР¹⁴. Действительно, роль ее в окончательной победе китайского народа в 1949 г. трудно переоценить. Это был плацдарм, опираясь на который реорганизованная, обученная, перевооруженная Народно-освободительная армия под руководством КПК изгнала гоминьдановских реакционеров. Аргументированная оценка роли Маньчжурской базы требуется ныне для того, чтобы восстановить историческую правду, опровергнуть различные фальсификаторские концепции, пытающиеся принизить значение в победе китайской революции международного фактора вообще и роль СССР в особенности. Помощь СССР в политической, экономической и военной сферах, оказанная в ходе становления и развития Маньчжурской революционной базы — еще одно свидетельство верности нашей партии и нашего народа своему интернациональному долгу.

Следует подчеркнуть, что в противоположность широко распространенным в буржуазной историографии фальсификациям роли СССР в разгроме милитаристской Японии, которые убедительно опровергнуты в трудах советских историков, в том числе военных, в ряде солидных исследований крупных зарубежных ученых содержатся в целом объективные оценки влияния международного фактора на развитие революции в Китае в 1945—1949 гг. В них не просто признается, но и достаточно широко раскрывается большое значение советской помощи ки-

¹¹ Цит. по: О. Борисов. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах. (К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне). М., 1981, с. 74—75.

¹² См.: Финал. Изд. 2-е. М., 1969; И. А. Плиев. Через Гоби и Хинган. М., 1965; И. И. Людинков. Через Большой Хинган. М., 1967.

¹³ См.: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. (1945—1949). М., 1985 (1-е изд. 1975); О. Е. Владимиров. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М., 1971; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976; А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966; его же. Советско-китайские отношения, 1937—1945. М., 1980; Б. Г. Сапожников. Народно-освободительная война в Китае (1946—1950). М., 1984.

¹⁴ См.: Чжу Цзяньхуа, Чжао Инлань. Об исторической роли революционной базы в Северо-Восточном Китае в период освободительной войны. — «Цзилинь дасюэ шэхуйкэсюэ сюэбао», 1984, № 1, с. 62—68 (на кит. яз.).

тайской революции. Известный американский китаевед А. Д. Барнетт писал: «Когда в конце войны русские захватили Северо-Восточный Китай — Маньчжурию, китайские коммунисты направили туда крупные части своих вооруженных сил, которым русские оказали существенную помощь, передав большое количество японского военного снаряжения. Эта своевременная помощь имела решающее значение для китайских коммунистов (выделено нами. — М. Т.). Она помогла нанести поражение гоминьдановцам в Маньчжурии, которая стала затем главной базой, откуда был брошен вызов нанкинскому режиму в масштабе всей страны»¹⁵. Аналогичную оценку дает другой известный американский синолог Р. Торнтон в книге «Китай: борьба за власть 1917—1972 гг.».

Китайская революция представляет собой яркое свидетельство справедливости ленинского предвидения о том, что в современную эпоху успех революционного движения в любой стране, и особенно в стране, где пролетариат относительно слаб, в огромной степени зависит от помощи и поддержки, которую это движение получает со стороны уже победившего социализма, от той роли, которую социализм играет в международной жизни, от того, какое место он занимает в расстановке сил на мировой арене, от развития мирового революционного процесса в целом. Без такой помощи и поддержки успешное развитие революции и переход к строительству социализма в подобных условиях крайне затруднен, если не невозможен. Об этом в свое время хорошо сказал Мао Цзэдун: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа во второй мировой войне, направленной против фашизма, если бы японский империализм не был разгромлен... то нависшие над нашими головами силы международной реакции, конечно, были бы неизменно во сколько раз больше, чем сейчас. Разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно, нет»¹⁶.

Победоносное развитие китайской революции не есть изолированный социально-политический процесс. Освободительное движение в Китае развивалось в соответствии с марксистско-ленинским учением о мировом революционном процессе, о революциях в колониальных и зависимых странах. Международный фактор в окончательной победе революции имел и имеет важнейшее, а на некоторых ее этапах даже доминирующее значение.

* * *

Бои за освобождение Кореи были важной частью военной кампании, успешно проведенной Советской Армией в августе 1945 г. на Дальнем Востоке.

Японские империалисты, отводившие Корею важное место в своих захватнических планах, превратили ее в плацдарм агрессии против СССР и одновременно в мощный узел обороны. Советским войскам, вступившим в Корею, пришлось столкнуться с сильным противником, давно готовившимся к войне.

Советские Вооруженные Силы не только успешно осуществили свою освободительную миссию в Корею, но и проявили в период пребывания там до конца 1948 г. подлинный интернационализм, оказав прогрессивным силам, возглавляемым коммунистами, бескорыстную и широкую помощь в создании благоприятных условий для становления государственной самостоятельности Кореи и проведения демократических преобразований. «Граждане Кореи, — говорилось в обращении командования

¹⁵ A. D. Barnett. China and the Major Powers in East Asia. Washington, 1977, p. 24.

¹⁶ Мао Цзэдун. О новой демократии. М., 1960, с. 100.

25-й армии 1-го Дальневосточного фронта к освобожденному народу Кореи от 15 августа 1945 г., — помните, счастье в ваших руках. Вы обрели свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская Армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен стать творцом собственного счастья».

Уже в ноябре 1945 г. советское командование в Корее приняло меры по организации пуска первой очереди предприятий корейской промышленности, затем в августе 1946 г. передало Временному народному комитету Северной Кореи промышленные предприятия, гидростанции, банки и другие объекты, ранее принадлежавшие японскому государству, а также имущество, оставленное колонизаторами.

«Славные подвиги, совершенные Советской Армией во имя освобождения и возрождения нашей страны, не померкнут в веках... Корейский народ никогда не забудет героических подвигов советских воинов»¹⁷. Это строки из письма корейского народа Советскому правительству в связи с выводом советских войск из Кореи. Благодарная память об освободителях живет в памятниках, обелисках, воздвигнутых в Корее в честь советских воинов.

Товарищ Ким Ир Сен, отмечая значение освобождения Советской Армией Кореи, говорил: «Даже в самые мрачные дни японского господства подлинными патриотами Кореи находили источник своих сил в растущем могуществе великого Советского Союза и, видя в его лице своего спасителя, боролись с несгибаемой стойкостью и упорством.

Освобождение Кореи Советской Армией положило начало новой эры в истории нашей страны. Перед корейским народом открылась широкая дорога национальной независимости и демократического развития»¹⁸.

* * *

Огромное значение имела победа Советского Союза над милитаристской Японией для вьетнамской революции, хотя в отличие от Кореи и Китая Красная Армия не вступала на территорию Вьетнама. Первый президент независимого Вьетнама Хо Ши Мин указывал: «Разгром Советской Армией гитлеровских фашистов и японских милитаристов явился фактором, больше всего содействовавшим нашей победе в августе 1945 года...»¹⁹.

В начале августа 1945 г. во Вьетнаме, где с марта 1945 г. фактически установился японский оккупационный режим, возникла революционная ситуация. Коммунисты, располагавшие довольно обширным освобожденным районом, готовили трудящихся ко всеобщему восстанию с целью достижения независимости страны. Вступление Советского Союза в войну против Японии вдохновило революционно настроенные массы вьетнамского народа на борьбу за освобождение, деморализовало японскую армию в Индокитае, которая начала капитулировать.

13 августа Политбюро ЦК Компартии Индокитая во главе с Хо Ши Мином собрало партийную конференцию, на которой после обстоятельного разбора международного и внутреннего положения было принято решение о начале всеобщего восстания для захвата власти. В тот же день комитет восстания, образованный партконференцией, издал приказ: «Наш главный враг разбит. Прорвал час всеобщего восстания». 16 августа в освобожденном районе открылся Всевьетнамский конгресс народных представителей, который образовал Национальный

¹⁷ Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981, с. 6—7, 63—64.

¹⁸ Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, с. 326

¹⁹ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. Избранные статьи и речи. М., 1970, с. 114—115.

комитет освобождения Вьетнама во главе с Хо Ши Мином. К тому времени в Ханое японскими властями было официально объявлено о капитуляции Японии и передаче «всей полноты власти» наместнику вьетнамского императора в Северном Вьетнаме. Таким образом, японская военщина — единственная сила, способная воспрепятствовать в тот момент приходу вьетнамских коммунистов к власти, сложила оружие. Движение революционных масс распространилось от освобожденного района по всей стране. 19 августа народная власть была установлена в Ханое, 23 августа в императорской столице Хюе и 25 августа в Сайгоне. За 12 дней народная власть утвердилась практически по всему Вьетнаму. 2 сентября Хо Ши Мин на многотысячном митинге в Ханое провозгласил образование Демократической Республики Вьетнам. «После того как Советский Союз разгромил японских фашистов, партия своевременно повела народ на восстание, на захват власти в масштабах всей страны», — указывал товарищ Ле Зуан²⁰.

В те августовские дни партия вьетнамских коммунистов продемонстрировала подлинно ленинский подход к вооруженному восстанию как к искусству. Выбрав благоприятный момент, когда в результате побед Советской Армии были сокрушены силы главного противника революции, вьетнамские коммунисты, сплотив основную массу населения под лозунгом национальной независимости, создали суверенную Демократическую Республику Вьетнам. Причем победа тогда далась довольно легкой ценой, во многих провинциях новые органы власти провозглашались в ходе манифестаций. И произошло это прежде всего благодаря победам советского народа на Дальнем Востоке. Как отмечают современные вьетнамские историки, в результате японской капитуляции «выпала редчайшая возможность скорой и не требующей большого кровопролития победы Августовской революции»²¹.

Выступая на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищ М. С. Горбачев подчеркнул: «Наша Победа не ушла в прошлое. Это живая Победа, обращенная в настоящее и будущее»²².

Обобщая уроки разгрома японского милитаризма, следует отметить:

1. Агрессия милитаристской Японии против Китая и других стран Азии явилась результатом острых империалистических противоречий и одновременно следствием прямого попустительства, своеобразного восточноазиатского Мюнхена, проводившегося правящими кругами США, Англии, Франции в сотрудничестве с Германией. На Востоке так же, как и на Западе, правительства империалистических государств пытались повернуть агрессора против прогрессивных революционных сил. Как и в Европе, где правители Англии, Франции, США толкали Германию прежде всего на Восток против СССР, так и в Азии они своим попустительством разжигали агрессивные аппетиты Японии, стремясь направить ее экспансию против СССР и национально-освободительных движений народов Азиатского континента, прежде всего Китая.

2. Как и в Европе, идеологической атмосферой, способствовавшей возвращению фашистской, милитаристской идеологии Японии, были антикоммунизм и антисоветизм.

3. Советский Союз всегда подходил с четко классовых, интернационалистских позиций к анализу развития мировых событий и к опасности военной угрозы. Поэтому мы никогда не смешивали реакционные правящие круги даже тех стран, которые являлись виновниками агрессии, с народом, трудящимися массами этих государств. И тем более

²⁰ Ле Зуан. Избранные статьи и речи. М., 1975, с. 176.

²¹ История Августовской революции. Ханой, 1973, с. 161.

²² М. С. Горбачев. Бессмертный подвиг советского народа. М., 1985, с. 3.

мы не путали предательство, продажную политику правящих кругов стран, которые подвергались агрессии и вместе с тем занимали антисоветскую позицию, с трудящимися этих государств, которые вели справедливую освободительную борьбу. Именно такой подход продемонстрировал Советский Союз в 30—40-х годах в отношении Японии и Китая. Именно поэтому были возможны такие герои, как Р. Зорге, который пользовался поддержкой патриотических сил и прогрессивных деятелей внутри Японии, сочувствовавших Советскому Союзу, видевших опасный для самой Японии характер политики милитаризма и агрессии. Наглядно это проявилось и в той интернационалистской миссии, которую выполняли советские люди, помогавшие Китаю в борьбе против японской агрессии. Сотни советских летчиков сражались в небе Китая, защищали города, мирных жителей этой страны от нападения японской авиации. Замечательные советские военачальники обучали китайскую армию военному искусству борьбы против агрессоров.

4. Революционная солидарность Советского Союза с освободительной борьбой азиатских народов, морально-политическая и материальная поддержка этой борьбы со стороны СССР заложили прочные основы дружбы и сотрудничества Советского Союза с народами этих государств. Мы уверены, что никакие зигзаги истории, никакие субъективистские извращения и фальсификации, никакие попытки бросить тень на подлинно интернационалистскую освободительную миссию Советского Союза, на глубокие корни дружбы народов СССР с народами Китая, Кореи, Вьетнама и других азиатских государств, не смогут перечеркнуть того, что сделала наша страна, великий советский народ для подъема освободительного движения и победы революций в государствах Азии.

Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке привела к созданию благоприятных предпосылок народной революции в Китае, направленной против феодализма, компрадорства и гоминьдановской реакции. Победоносное завершение этой революции выразилось в образовании Китайской Народной Республики и изменило характер самой революции, положив начало перерастанию ее в социалистическую.

Аналогичные процессы проходили в Корее и в Индокитае, их результатом было образование Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам (ныне СРВ), Лаосской Народно-Демократической Республики, а позднее Народной Республики Кампучии.

5. Разгром милитаристской Японии в Азии и победа над фашистской Германией в Европе привели к коренному изменению политической карты мира и изменили соотношение сил в пользу мира, прогресса и социализма.

Отмечая 40-летие разгрома японского милитаризма, свято чтя память тех, кто погиб в борьбе за правое дело, мы анализируем уроки истории, чтобы предупредить народы о необходимости сохранять и повышать бдительность в отношении новых происков агрессивных империалистических кругов на Дальнем Востоке и в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В империалистических странах сохранялись и действуют силы, которые не только предали забвению уроки второй мировой войны, но и хотят переиграть историю в своих интересах, взять классовый реванш.

Сегодня наиболее негативным фактором развития внешнеполитической обстановки в этом регионе является усиление попыток США и их союзников добиться военного превосходства над СССР и странами социалистического содружества, ограничить их влияние в Азии. Более того, просматривается тенденция игнорировать СССР как азиатскую и тихоокеанскую державу, изолировать его. Вашингтон активно продвигает план создания «пояса безопасности» США в районе Дальнего Востока и Тихого океана. Этот план предусматривает подключение к внешнеполитическому и военному сотрудничеству с США на союзной основе не толь-

ко Японии и Южной Кореи, но и Австралии, Новой Зеландии, стран АСЕАН и Тайваня.

В последнее время США и Япония, а также Австралия, Канада и некоторые страны АСЕАН активно обсуждают вопрос о создании так называемого «Тихоокеанского сообщества» — своеобразного варианта азиатского «Общего рынка». Вашингтон пытается увязать эти проекты со своей глобальной стратегией борьбы с социализмом и национально-освободительными процессами.

В современной напряженной международной обстановке наша партия, тесно сотрудничая с другими братскими партиями и странами, добивается сплочения всех миролюбивых сил для противодействия политике гонки вооружений и агрессии, проводимой воинствующими силами американского империализма и его союзников.

Большое значение для оздоровления обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе, ослабления напряженности имела бы реализация выдвинутого товарищем М. С. Горбачевым призыва к азиатским странам и миролюбивой общественности этого континента проявить комплексный подход к проблемам безопасности в Азии, искать конкретные пути объединения усилий в этом направлении. Советский Союз хотел бы иметь добрые отношения со всеми государствами и, конечно же, со своими азиатскими соседями, включая Японию и Китай.

Крупными событиями, способствующими делу укрепления мира и стабильности в Азии, явились состоявшиеся недавно визиты в СССР премьер-министра Индии Р. Ганди и партийно-правительственной делегации СРВ во главе с товарищем Ле Зуаном.

СССР исходит из того, что нормализация советско-китайских отношений послужила бы важным фактором улучшения общей международной обстановки. Мы считаем, что КНР могла бы сыграть крупную роль в деле оздоровления обстановки в Азии.

Советский Союз, следуя своему принципиальному интернационалистскому курсу, прилагал и прилагает настойчивые усилия для подлинной нормализации отношений с Китайской Народной Республикой. Этот курс был вновь подтвержден на мартовском и апрельском (1985) Пленумах ЦК КПСС и в ходе советско-китайских переговоров 9—12 июля 1985 г. в Москве. Как подчеркнул в своей речи 26 июня 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев, время показало обеим сторонам — Китаю и Советскому Союзу, что «от разобщенности и тем более от недружелюбия, подозрительности не выигрывает ни одна из них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена. Уверен, что в конечном счете так оно и будет»²³.

Мирные конструктивные инициативы СССР открывают возможность решать сложные международные проблемы на Дальнем Востоке, равно как и в других регионах земного шара, не путем конфронтации, а на основе равноправных переговоров и взаимопонимания. Вместе с тем они мобилизуют народы на решительный отпор агрессивным устремлениям империализма, любым посягательствам на безопасность и независимость стран региона.

М. С. Горбачев, разъясняя суть советских инициатив об общем, комплексном подходе к проблемам безопасности в Азии, сказал: «Необходимость борьбы против происков империализма и реакции в Азии особенно уместно подчеркнуть сейчас, когда народы азиатско-тихоокеанского региона вместе со всем прогрессивным человечеством отмечают 40-летие победы над японским милитаризмом. Растущая активность антивоенных

²³ М. С. Горбачев. Активно действовать, не теряя времени. М., 1985, с. 23.

сил в этом регионе служит убедительным показателем все большего беспокойства общественности стран Азии за судьбы мира»²⁴.

Отмечая 40-летие победы над японским милитаризмом, мы еще и еще раз обращаемся к урокам и опыту минувшей войны. Главный вывод состоит в том, что против новой войны надо бороться, пока она не началась. Советский народ, занятый мирным созидательным трудом, идя навстречу XXVII съезду КПСС, сосредоточил все свои помыслы на выполнении планов партии, на решении узловых задач ускорения экономического и хозяйственного развития. В то же время он бдительно следит за развитием сложной и противоречивой международной обстановки, принимает все меры для укрепления обороноспособности своей страны.

Наша партия и Советское государство, учитывая уроки второй мировой войны, делают все возможное, чтобы сохранить и упрочить мир, уберечь человечество от угрозы ядерной катастрофы. Самоотверженный труд советских людей, экономическая, научно-техническая и военная мощь Советского Союза являются важнейшим фактором сохранения мира и обуздания агрессора.

²⁴ «Правда», 30.VIII.1985.

Научные конференции, посвященные 40-летию окончания второй мировой войны

«40 лет Победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана»

Хабаровск. 5—7 сентября 1985 г.

В ряду крупных форумов, которыми в уходящем году отмечен юбилей Великой Победы, заметное место заняла международная конференция на тему: «40 лет Победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана». Она была созвана по инициативе Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Советского комитета защиты мира, других общественных организаций и академических институтов нашей страны. Конференция вызвала живой интерес у широких кругов зарубежной общественности. В ее работе вместе с советскими ветеранами Великой Отечественной войны, видными партийными и государственными деятелями, учеными и писателями участвовали представители политических партий, антивоенных движений, научных и религиозных центров из десятков стран, делегации международных демократических организаций. В логической взаимосвязи и последовательности на конференции были рассмотрены события заключительного этапа второй мировой войны — разгрома японского милитаризма, послевоенного развития бывших колониальных и зависимых стран Азии, современного положения на континенте и в бассейне Тихого океана.

С горячим одобрением встретили участники конференции мудрое, мобилизующее послание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. В этом емком политическом документе подтвержден ясный и непоколебимый курс Коммунистической партии и Советского государства на обуздание гонки вооружений и предотвращение ядерной войны, изложены важнейшие инициативы и предложения Советского Союза, направленные на утверждение мира, атмосферы доверия и сотрудничества между странами Азии и бассейна Тихого океана.

С докладом на конференции выступил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. П. Орлов. Многими важными событиями, сказал он, отмечен нынешний 1985 г. для каждой страны, каждого народа. Однако для всего миролюбивого человечества он знаменателен прежде всего как год 40-летия разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма, как год победоносного завершения второй мировой войны.

В тревожную пору, когда японская военщина за несколько лет до начала второй мировой войны приступила к осуществлению своих агрессивных замыслов, Советский Союз, твердо следуя ленинским заветам, настойчиво выступал за создание эффективной системы коллективной безопасности как в Европе, так и в Азии, предлагал поставить прочный заслон захватническим устремлениям японского милитаризма. США, Англия и Франция остались глухи к предостережениям Советского правительства, отказались принять участие в совместном отпоре агрессору. 7 декабря 1941 г. США сами стали объектом нападения Японии. Впоследствии японские войска оккупировали значительную часть территории Китая и вышли к границам Индии. Милитаристы Японии выжидали удобного момента для нападения на СССР.

От стран антифашистской коалиции потребовались значительные усилия для отражения японской агрессии. Мужественно сражались против японских оккупантов патриоты Китая, Кореи, Вьетнама, Индонезии, Филиппин и других стран Азиатско-тихоокеанского региона, приближая день своего освобождения. Вклад в борьбу против фашистско-милитаристского режима внесли коммунисты, прогрессивные силы Японии. Чтобы ускорить сокрушение японского милитаризма, Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, вступил в войну с Японией. Советский Союз, его героический народ и доблестные Вооруженные Силы вынесли на своих плечах основную тяжесть мировой войны, сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии, подчеркнул докладчик. Именно Советская Армия, действовавшая в боевом содружестве с Монгольской Народно-революционной армией, нанесла сокрушительный удар по Квантунской армии и принудила Токио к капитуляции. Крах японского милитаризма избавил азиатские народы от многочисленных страданий.

Разгром Советской Армией милитаристской Японии, освобождение Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, победоносное завершение войны явились событиями всемирно-исторического значения, которые оказали глубочайшее воздействие на судьбы всего человечества, на последующие социально-политические процессы в мире.

Новая глава истории открылась для народов Азии, получивших реальную возможность осуществить коренной поворот в своих судьбах. Не приходится сомневаться, что если бы не победа Советского Союза, крах колониального господства на континенте наступил бы не так скоро, потребовав несравненно больше лишений и жертв. К тому же морально-политическая и материальная помощь первой страны социализма в незначительной степени предопределила исход мужественной борьбы азиатских народов, придав ей необратимый характер. На обломках колониальных империй стали одно за другим создаваться независимые национальные государства. На путь социализма вступили народы Китая, Северной Кореи, Вьетнама.

Коснувшись нынешней обстановки на континенте, оратор подчеркнул, что и в наши дни политика империалистических сил направлена на дестабилизацию и обострение обстановки в Азии. Под лживым предлогом «обеспечения безопасности» азиатских стран США осуществляют грубое вмешательство в их внутренние дела, раздувают очаги напряженности, объявляют целые районы планеты сферами своих «жизненных интересов», покрывают континент сетью военных баз и опорных пунктов. Глубокую озабоченность вызывает активизация милитаристских тенденций в политике Японии, расширение ее военно-политического сотрудничества с США и НАТО. Анализ современного политического положения в Азии дает все основания считать, что крупнейший в мире континент, где живет более половины человечества, стоит перед лицом серьезной угрозы со стороны империалистических сил во главе с Соединенными Штатами. Эти силы все более откровенно ведут дело к превращению Азии вслед за Европой в арену ракетно-ядерной конфронтации со странами социалистического содружества. Угроза, нависшая над Азией, властно диктует неотложную необходимость принятия эффективных мер по отпору новоявленным претендентам на мировое господство, по обеспечению стабильности и мира на этом континенте.

Благородной цели избавления Азии от войн и конфликтов служат конструктивные инициативы Монголии, Корейской Народно-Демократической Республики, Вьетнама, Лаоса, Кампучии и Афганистана. Важным фактором стабильности на континенте является миролюбивая внешняя политика Индии — лидера движения неприсоединения.

Искренним стремлением ликвидировать очаги напряженности, содействовать мирному урегулированию проблем Азии проникнуты и новые советские предложения, выдвинутые в ходе переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с премьер-министром Индии Радживом Ганди и Генеральным секретарем ЦК Компартии Вьетнама Ле Зуаном.

Грозные события второй мировой войны живут в памяти народов Азии и всей Земли, побуждая активнее и настойчивее выступать за разоружение, разрядку международной напряженности, способствуя объединению усилий в совместных действиях ради спасения жизни на Земле. Этим благородным целям посвящают свою неустанную деятельность Всемирный Совет Мира, Организация солидарности народов Азии и Африки, другие международные и национальные организации, объединяющие в своих рядах миллионы и миллионы людей доброй воли. Активизации контактов и обмена мнениями по актуальным вопросам международного положения призвана служить и конференция в Хабаровске. В этой связи, заявил в заключение В. П. Орлов, я хотел бы заверить наших зарубежных коллег, что в лице советской общественности они будут и впредь иметь надежного и заинтересованного партнера, готового вносить конструктивный вклад в усилия по налаживанию общеазиатского диалога, в поиски путей оздоровления политического климата в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Многие зарубежные делегаты подчеркивали в своих выступлениях решающую роль Советского Союза в разгроме гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Если акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии 8 мая 1945 г. окончательно и бесповоротно определил исход второй мировой войны, то капитуляция милитаристской Японии 2 сентября 1945 г. ознаменовала ее полное завершение, заявил член ЦК СЕПГ Курт Зайбт. В этой исторической битве советский народ и его славная армия вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы. Не только народы Европы, но и народные массы в Азии черпали в победах Советской Армии силы и уверенность, отметил представитель ГДР.

Объявляя 8 августа 1945 г. войну империалистической Японии, Советский Союз преследовал исключительно справедливые цели: выполнить свои обязательства, данные союзникам по антигитлеровской коалиции на Ялтинской конференции, как можно скорее завершить вторую мировую войну, тем самым сохранив миллионы жизней, обеспечить безопасность дальневосточных границ СССР, оказать помощь народам Восточной и Юго-Восточной Азии в их борьбе за освобождение от чужеземной оккупации, за национальную независимость и свободу, отметил в своем докладе на конференции член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин. Война на Дальнем Востоке потребовала от советского народа, Коммунистической партии, армии и флота новых больших усилий. Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования провели огромную работу по стратегической

перегруппировке Вооруженных Сил с запада на восток в масштабах, которых не знала мировая история. Вступление Советского Союза в войну против Японии и ее капитуляция явились важнейшими событиями, имевшими решающее значение для окончания второй мировой войны и на Дальнем Востоке. Разгром миллионной Квантунской армии, наиболее обученной, хорошо оснащенной группировки сухопутных войск, вырвал у Японии основные средства дальнейшего ведения войны и заставил ее прекратить сопротивление. Без Советского Союза США и Великобритания не смогли бы успешно решить эту задачу, — подчеркнул советский ученый.

О значении разгрома японского милитаризма для победы народных революций в Китае, Корее, Вьетнаме и других странах Азии говорил в своем выступлении на конференции директор Института Дальнего Востока АН СССР профессор М. Л. Титаренко. Революционная солидарность Советского Союза с освободительной борьбой азиатских народов, морально-политическая и материальная поддержка этой борьбы со стороны СССР заложили прочную основу дружбы и сотрудничества Советского Союза с народами этих государств, отметил М. Л. Титаренко (доклад профессора М. Л. Титаренко публикуется на с. 30—41).

Выступая 8 мая на торжественном собрании в Москве, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, М. С. Горбачев подчеркивал: «Наша Победа не ушла в прошлое. Это живая Победа, обращенная в настоящее и будущее». Работа международной конференции в Хабаровске, ее итоги как бы вновь ярко подтвердили справедливость этих слов советского руководителя. С трибуны конференции общественный деятель из КНДР Ли Сан Хо, главный редактор журнала «Партийная жизнь» из Монголии Беликтэн, ветеран Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Калашников К. Ф., ветеран антифашистской борьбы в Испании англичанин А. Гилберт, многие другие, обращаясь к трагическим урокам минувшей войны, говорили о сегодняшних тревогах народов, гневно осуждали империалистических ядерных маньяков, которые подталкивают человечество к истребительной катастрофе, страстно призывали к единению всех сил мира и добра в противоборстве с этой страшной угрозой.

С нескрываемой озабоченностью многие участники конференции говорили о возрождении японского милитаризма, который, как и сорок лет назад, может нести угрозу мирной жизни народов Восточной Азии. Представители общественности Филиппин, КНДР, Вьетнама, Бангладеш и других стран указывали на усиливающеся военное партнерство США и Японии, попытки сколотить милитаристский альянс Вашингтон — Токио — Сеул. С большим вниманием были восприняты выступления представителей демократических, миролюбивых сил Японии, участвовавших в хабаровской встрече. Депутат палаты советников японского парламента от социалистической партии Кумао Тэрада рассказал о борьбе прогрессивных сил своей страны за полное соблюдение мирной конституции и трех ее ядерных принципов, указал на прямую причастность США к ремилитаризации Японии, подталкиванию ее на опасный путь конфронтации с Советским Союзом. Мы считаем своей главной задачей не допустить возрождения японского милитаризма и таким образом внести свой вклад в дело защиты мира во всем мире — подчеркнул японский парламентарий. Генеральный секретарь Японской ассоциации культурных связей Кодзи Сугимори, говоря о причинах небывалой международной напряженности, указал на «неизменное лидерство США — от Трумэна до Рейгана — в гонке ядерных вооружений». Он дал высокую оценку решению Советского Союза приостановить с 6 августа с. г. все ядерные испытания. В то же время японский представитель, отражая, видимо, взгляды определенной части общественности своей страны, высказался за то, чтобы «Советский Союз в одностороннем порядке объявил об обширной программе сокращения вооружений». По мнению Сугимори, такие односторонние меры будто бы могут «сковать американский военно-промышленный комплекс». Подобный упрощенский и наивный взгляд на сложнейшую проблему современности не находит сторонников среди тех, кто всерьез задумывается над вопросами разоружения и военной разрядки. Общепризнано, что прочной базой и испытанным критерием возможных мер в области разоружения между Советским Союзом и США, Варшавским Договором и блоком НАТО является принцип равенства и одинаковой безопасности сторон. Любое нарушение этого принципа, тем более в условиях откровенно декларируемого в Вашингтоне курса на достижение военного превосходства над СССР сослужило бы роковую службу человечеству. И об этом напоминают уроки второй мировой войны.

О ее итогах и актуальных проблемах мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе говорил в своем выступлении член-корреспондент Академии Наук СССР Г. Ф. Ким. Рожденная кризисом империализма, вторая мировая война привела к крушению ударных сил империалистической реакции, к рождению системы содружества социалистических государств. Другим важнейшим итогом войны стало крушение колониальных империй, освобождение от колониальной зависимости большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, вступление их на путь самостоятельного развития. Касаясь проблем Азиатско-тихоокеанского региона, ученый отметил, что основным дестабилизирующим фактором здесь являются как концептуальные установки тихоокеанского курса США, так и практическая деятельность американской администрации в этом районе. Тихоокеанский курс США является составной частью их глобальной антисоветской стратегии. Вслед за концепциями «массированного возмездия» (50-е годы),

«гибкого реагирования» (60-е годы), «реалистического устрашения» (70-е годы) в первой половине 80-х годов Вашингтон взял на вооружение стратегию «прямого противоборства» с СССР в глобальном и региональном масштабах. Она предусматривает втягивание Советского Союза в гонку вооружений, «окружение СССР», допустимость локальных ядерных войн. Регион Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна рассматривается после Европы как «второй фронт» противостояния Советскому Союзу. Стратегические установки и практические шаги администрации США в этом районе направлены на подрыв сложившегося баланса сил, на создание в непосредственной близости от советских дальневосточных границ ядерного плацдарма для постоянного давления на СССР. Важное место в этих опасных планах отводится прежде всего Японии и Южной Корее, с которыми США осуществляют настолько тесную координацию военной деятельности, что есть основания говорить о формировании тройственного военно-политического альянса. В последние годы США уделяют пристальное внимание деятельности военного блока АНЗЮС, стремятся активнее подключить его к орбите своего милитаристского курса. Не могут не настораживать попытки американской администрации навязывать региональной группировке АСЕАН военную направленность, стремление противопоставить ее другим странам Юго-Восточной Азии, не допустить разрядки напряженности в этом районе. Послевоенная история свидетельствует о том, что ослабление напряженности в Азиатско-тихоокеанском регионе во многом зависит от реалистической, взвешенной политики всех государств региона, продолжал далее Г. Ф. Ким. Вот почему СССР предлагает провести переговоры о мерах доверия на Дальнем Востоке, которые охватывали бы как политическую, так и военную сферы, выступил с такими инициативами, как неприменение первым ядерного оружия, включая его неприменение против неядерных государств, переговоры о снижении уровня военно-морской активности в акваториях Тихого и Индийского океанов и т. д.

С содержательным аналитическим докладом на тему «Опасность ядерной войны и неприсоединившиеся страны» на конференции выступил руководитель кафедры проблем разоружения Делийского университета им. Дж. Неру, член Исполкома Всемирной организации мира и солидарности профессор М. Зубери. Он говорил о широкой поддержке, которую получили в Индии и многих других неприсоединившихся государствах односторонние обязательства Советского Союза не применять ядерного оружия первым и прекратить с 6 августа ядерные взрывы. Необходимо усилить давление мировой общественности с тем, чтобы аналогичные обязательства были приняты Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Францией. В этом направлении существенный вклад в борьбу миролюбивых сил за обуздание гонки ядерных вооружений и устранение опасности ядерной войны вносит Движение неприсоединения, подчеркнул индийский ученый. Он привлек внимание к опасности американских планов милитаризации космоса, отметил актуальность предложений Советского Союза по мирному освоению космического пространства в условиях его немилитаризации.

Важнейшим средством укрепления своих позиций, предотвращения роста и влияния социализма в странах Азии правящие круги США считают создание под своей эгидой различного рода военно-политических союзов и блоков. Этот курс, неизменно проводившийся в течение всех послевоенных лет, нашел свое дальнейшее развитие в политике администрации президента Р. Рейгана, которая проводит откровенную линию на конфронтацию с Советским Союзом и другими социалистическими странами, на подрыв разрядки и обеспечение стратегического превосходства над миром социализма путем безудержной гонки вооружений, отметил профессор Д. В. Петров (ИДВ АН СССР). Военно-блоковая политика США наряду с курсом на подрыв стратегического паритета посредством развертывания новых видов и систем вооружений является главным дестабилизирующим фактором и в Азиатско-тихоокеанском регионе. В этих условиях особое значение приобретают советские инициативы, направленные на обеспечение прочного мира и безопасности в этом районе земного шара.

Одним из реальных путей достижения этой цели является развитие широкого взаимовыгодного экономического сотрудничества как между самими странами Тихого океана, так и глобальных экономических связей. — такое убеждение высказал доктор экономических наук В. Н. Хлынов, представлявший на конференции ИМЭМО АН СССР. В сложном и противоречивом процессе интернационализации хозяйственной жизни Тихоокеанского региона тесно переплетаются центристские и центробежные силы, различные уровни экономического развития и сближения. Однако сам факт развития этого процесса свидетельствует о взаимовыгодном характере экономического сотрудничества для всех без исключения стран региона. Заметный вклад в развитие этого сотрудничества вносит Советский Союз, представляющий собой мощную экономическую и торговую державу.

О важной роли Сибири и Дальнего Востока в международном разделении труда говорил директор Хабаровского Института экономических исследований Дальневосточного научного центра АН СССР, член-корреспондент АН СССР В. П. Чичканов.

В течение трех дней участники международной конференции в Хабаровске имели возможность откровенно и заинтересованно сопоставить точки зрения и обменяться мнениями о путях и средствах упрочения мира, углубления доверия и взаимопонимания между народами и странами Азиатско-тихоокеанского региона, устранения нависшей над миром ядерной опасности. Их общие взгляды, отражающие позицию широких кругов международной общественности, были выражены в единодушно одобренном

итоговом документе конференции — «Обращении к народам Азиатско-тихоокеанского региона».

Итоги плодотворной дискуссии подвел первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки А. С. Дзасохов. Выступая на закрытии конференции, он, в частности, сказал: «Участники конференции, представители разных идеологических, политических и религиозных воззрений были единодушны в оценке и анализе причин нынешнего тревожного положения в мире, в том числе в Азиатско-тихоокеанском регионе. Конференция ясно указала на тот адрес, откуда исходит ядерная угроза человечеству. Источником этой опасности является целенаправленная гегемонистская политика милитаристских кругов империализма, прежде всего — американского. Именно их усилиями в различных районах Азии разожжены многие так называемые малые или локальные войны, за которые, однако, азиатским народам приходится платить большую цену. В атмосфере милитаристского психоза агрессивных кругов империализма эти войны и конфликты угрожают стать детонаторами всеобщего ядерного пожара. С трибуны конференции была выражена серьезная тревога в связи с очевидными попытками администрации США превратить Азиатско-тихоокеанский регион в еще одну арену глобальной, ракетно-ядерной катастрофы, а страны и народы региона — в заложников своей ядерной стратегии. Выражая волю миролюбивых сил стран Азии и Тихого океана, широких кругов международной общественности, наша конференция заявила о необходимости наращивать усилия и действия с целью не допустить реализации этих опасных планов. Борьба за Азию — зону мира и доверия, за Тихий океан — свободный от ядерного оружия».

На конференции были активно поддержаны мирные инициативы и предложения социалистических и нераскоординированных стран Азии, открывающие путь к достижению этой благородной цели. Народы Азии обладают историческими традициями, богатым опытом созидания мира и доверия. Непреходящее значение принципов «панча шила» и духа Бандунга подчеркнул в своем послании в адрес нашей конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Ответственность за судьбы планеты, стремление и готовность сделать все возможное во имя сохранения жизни, солидарность с борьбой азиатских народов за безопасность и добрососедство привели на нашу конференцию представителей антивоенных сил и организаций из Америки, Европы, Австралии и Африки. В их выступлениях можно прозвучали голоса сотен миллионов людей, их смелость и разум, их вера в мирное будущее человечества. И в этом многоголосом и многоязычном гимне миру мы ясно услышали голос тех сил в Японии, которые не забыли и не забудут трагедии Хиросимы и Нагасаки, которые настойчиво борются за мир».

Международная конференция в городе Хабаровске отразила динамичную роль Советского Дальнего Востока в общественно-политической жизни Азиатско-тихоокеанского региона. Зарубежные гости форума имели возможность убедиться в горячей приверженности советских людей делу мира и братства народов. Побывав в трудовых коллективах и семьях трудящихся, участвуя в многотысячной антивоенной манифестации хабаровчан, делегации из зарубежных стран в полную меру ощутили глубокую незыблемость советского народа к войне и ее поджигателям, его непреклонную волю отстаивать мир и жизнь на Земле.

М. М. ЗЕЙНАЛОВ,

Секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

«40 лет Победы над милитаристской Японией»

Москва, 12—13 августа 1985 г.

Московская илунчая конференция, как и Международная Хабаровская, состоявшаяся месяцем ранее, была посвящена всем четырем основным аспектам 40-летия разгрома японского милитаризма и соответствующих результатов победоносного окончания второй мировой войны: 1) Роль и значение СССР в победе над милитаристской Японией и в определении характера исхода, завершения второй мировой войны, в частности в Азии. 2) Значение разгрома японского милитаризма для победы народных революций во Вьетнаме, Корее и Китае. 3) Поражение Японии и развитие национально-освободительного движения в Азии. 4) 40-летие Победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир и безопасность в странах Азии и Тихого океана. По широкому охвату проблем, многосторонности анализа и уровню представительности эти конференции не имели себе равных, что соответствует достигнутому в середине 80-х годов уровню осмысления проблем общественного развития и судеб человечества и степени осознания ответственности за судьбы мира и человечества. Как показала конференция, и этот уровень знания и эта степень ответственности определены достижениями прежде всего марксистско-ленинской общественной мысли, миролюбивой, научно обоснованной политикой КПСС и Советского государства, достижениями социа-

листического содружества, прогрессивных общественных движений современности. Конференция показала непреходящее и развивающееся в будущее значение Победы советского народа, его Вооруженных Сил, руководимых партией Ленина. Конференция с новой силой убеждения напомнила об уроках второй мировой войны, развязанной империализмом и оконченной социализмом.

Каждый из аспектов рассматривался всесторонне — в его историческом и современном значении, прозвучала исчерпывающая вопрос критика буржуазных фальсификаций и националистических передержек в истории и ролей в истории, был дан решительный отпор реваншистским химерам и новым милитаристским устремлениям.

Масштабы конференции характеризовались также и уровнем ее представительности. Здесь присутствовали видные советские военные начальники и представители Главного Политического управления, участники боев с японскими милитаристами — живые свидетели истории, ответственные работники аппарата ЦК КПСС и ученые АН СССР, военные историки и представители Дипломатической академии МИД СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова и ДВНЦ. В работе конференции участвовали наши гости из стран социализма, прогрессивные научные и общественные деятели Индии, Японии, Великобритании, представлявшие широкие интернациональные связи нашей науки и нашей общественной жизни.

Конференцию «40 лет Победы над милитаристской Японией» открыл вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев. В своем вступительном слове он подчеркнул, что 40-летие Победы является крупнейшим событием наших дней. Кое-кто в Японии пытается сейчас представить японский милитаризм 1945 г. чуть ли не как «жертву нападения», поэтому академик П. Н. Федосеев четко сформулировал причины вступления СССР в войну против Японии — выполнение им союзнического и интернационального долга, стремление к быстрейшему окончанию войны, обеспечение безопасности наших границ на Дальнем Востоке и восстановление попорченной японским милитаризмом исторической справедливости.

Касаясь последствий разгрома милитаристской Японии, академик П. Н. Федосеев отметил, что не было ни одной страны в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, в бассейне Тихого океана, на судьбе которой не сказалось бы благотворно влияние нашей Победы, обеспечившей условия для мощного подъема национально-освободительного движения и распада позорной колониальной системы. Видный советский ученый подчеркнул, что задачей конференции является глубокий и всесторонний анализ военно-политического значения Победы на Востоке, раскрытие решающего вклада советского народа и его Вооруженных Сил в завершении второй мировой войны, неразрывной связи успехов народных революций и национально-освободительного движения в странах региона с освободительной миссией Советской Армии, раскрытие итогов и значения Победы для современности, для борьбы за предотвращение новой мировой войны, поскольку некоторые политики и историки США, Японии и других стран пытаются в антисоветских целях исказить события августа 1945 г., скрыть преступный характер и истинный смысл варварских американских атомных бомбардировок.

Готовясь к XXVII съезду наша Партия и Советское государство в связи с 40-летием Победы вновь заявляет о своем стремлении к добрососедским отношениям с Японией и другими государствами Азии, к превращению Азиатско-тихоокеанского региона в зону мира. Оратор выразил уверенность, что конференция не только веhea в научных исследованиях, но и существенный вклад в дело борьбы за мир, составная часть того мощного подъема антивоенного движения, которое в 1985 г. охватило весь мир, в том числе и страны Азии.

Решающая роль СССР в разгроме японского милитаризма была раскрыта в докладе заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР адмирала Н. Н. Амелько «Военно-политическое значение разгрома милитаристской Японии» и в ходе работы первой секции конференции, которой руководили генерал армии профессор С. П. Иванов и член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин. Так же как и в Европе, Советский Союз и на Востоке сыграл решающую роль в разгроме агрессора, так же как и в Европе, Советский Союз и на Востоке продемонстрировал своим союзникам образец выполнения союзнического долга в борьбе за прекращение войны. Память об этой надежности СССР в соблюдении обязательств актуальна и сегодня, когда выполнение достигнутых договоренностей, организация международного сотрудничества столь необходима, подчеркнул докладчик. В мире есть силы, способные напомнить об этом примере и об уроках 1945 г. в целом. Даже то, что активизировались попытки исказить роль СССР в войне и ее завершении, — косвенное доказательство актуальности нашей Победы, ее работы на настоящее и будущее, как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев.

Первый вопрос, навязанный фальсификаторами истории, — вопрос о характере японо-советских отношений в связи с вступлением СССР в войну на Дальнем Востоке. После разгрома Советским Союзом гитлеровской Германии судьба японского агрессора была предопределена, но милитаристская клика этой страны рассчитывала вести войну еще годы (4—8 лет), добиваясь «почетного мира». Эти расчеты имели определенные и военно-стратегические, и экономические основания. Что касается отношений с СССР, то всякие попытки спекуляций на сей счет разбиваются о реальные факты: Квантунская армия существовала и развивалась неуклонно с единственной целью — войны против СССР. Адмирал Н. Н. Амелько четко аргументировал причины, почему

Квантунская армия не напала на СССР, хотя «северная проблема» всегда была стержнем стратегии японского милитаризма (желание наступлением на юге обеспечить себя ресурсами для войны с СССР, выжидание исхода войны Гитлера против СССР, воздействие успехов Советской Армии на Западе и т. д.). Но и в этих условиях Япония по-своему участвовала в борьбе против СССР, создавая на наших границах и океанских коммуникациях, как мы теперь говорим, режим террора и провокаций, сковывая на Востоке в 1941—1945 гг. порой до 30 % сил и средств Советской Армии. Таков был этот «нейтралитет»: за 1941—1944 гг. 3259 нарушений границы, по 10 раз в день!

Второй вопрос, который навязывают фальсификаторы, — о моменте окончания войны. Советские воины практически за 10 дней разгромили японскую группировку, по силам сопоставимую (а в чем-то их превосходившую) с частями вооруженных сил Японии, которые дрались на Тихом океане или в Китае и которые показали свою способность воевать годы и годы. Это была пятая часть по численности личного состава (по максимальному подсчету — 1,5 млн. человек. — Ред.), примерно треть — по числу орудий и боевых самолетов, почти половина танков. Это были мощные укрепления, за которыми самуран думали отсидеться год в случае вступления СССР в войну и неблагоприятной общей ситуации. Наконец, верхушка Квантунской армии была ведущей политической кликой Японии.

Имея инициативу и успехи на Тихом океане и в Бирме, союзники не имели сил для высадки в Японии. А еще годы войны — это еще миллионы жертв. Две атомные бомбы, убившие и искалечившие более полумиллиона японцев — мирных жителей, не нанесли практически никакого урона императорской армии. Только вступление СССР в войну избавило человечество от дальнейших неисчислимых жертв и страданий. Советские воины это отлично поняли. За считанные дни они раздавили Квантунскую армию, но не только своим материальным превосходством, но героизмом и боевым искусством воинов Великой Отечественной, высоким морально-политическим состоянием советских солдат и офицеров. Таков решающий вклад СССР в завершение войны. Докладчик подробно проанализировал источники и причины победы Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, подчеркнув, что подготовка и проведение Дальневосточной кампании были осуществлены под руководством нашей замечательной Ленинской Коммунистической партии, обеспечившей высочайший уровень организованности в действиях советских воинов.

Генерал армии профессор С. П. Иванов, руководивший работой первой секции конференции, в 1945 г. был начальником штаба Главного командования Советской Армии на Дальнем Востоке (шел ему тогда 39-й год). Глубоко аргументированно он изложил ряд теоретических решений проблем истории Дальневосточной кампании, прежде всего фундаментальное положение, с большим удовлетворением воспринятое участниками конференции, о том, что Маньчжурская наступательная операция являлась единственным в своем роде *генеральным сражением*, которое решило исход заключительного этапа второй мировой войны. Кто бы и по какой бы причине ни стремился выделиться на фоне грозных событий тех лет, никогда не сможет умалить значение подвига советского солдата. Усилия и жертвы нашего народа не поддаются восполнению и сравнительной оценке, ибо цена им — будущее человечества. Что касается роли США, подчеркнул генерал С. П. Иванов, то она даже в дни, когда еще продолжалась война, все более приобретала характер стратегии террора и устрашения. Как на Западе в случае с Дрезденом и Иеной, ими была применена тактика массированных бомбардировок мирного населения, в результате чего было полностью уничтожено около 100 японских городов и портов, уничтожены и искалечены сотни тысяч людей, немногим меньше чем в Хиросиме и Нагасаки. Завершилась эта стратегия двумя атомными ударами, которые должны были привести человечество в состояние страха и покорности.

На заседании секции были охарактеризованы действия родов и видов войск в Дальневосточной кампании, особенно партийно-политической работы в армии и на флоте, было рассказано о массовом героизме наших воинов, о подвиге труженников Сибири и Дальнего Востока, в кратчайший срок давших Советской Армии новое пополнение и вооружение, об интернационализме освободительной миссии советских войск, о боевом содружестве с воинами Монгольской народно-революционной армии.

Участники конференции отметили выдающуюся роль советских военачальников, мастеров нашего военного искусства. Это они из трех возможных вариантов вступления в войну (удар по Японии, содействие китайским войскам и маньчжурская операция) выбрали, блестяще разработали и осуществили (с перевыполнением) самый эффективный.

Второй аспект нашей Победы на Востоке был рассмотрен в докладе директора Института Дальнего Востока АН СССР профессора, доктора философских наук М. Л. Титаренко «Значение разгрома милитаристской Японии для победы народных революций в странах Восточной и Юго-Восточной Азии». Одним из глубочайших последствий разгрома японского милитаризма было создание благоприятных условий для активизации революционных сил региона, для перерастания освободительных войн и революций в народные, народно-демократические. Это привело к созданию в Азии государств нового типа — Народного Китая, Социалистической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и т. д. Мировая система социализма включила в себя, помимо МНР, и новые страны Азии.

Победа СССР и освободительная миссия Советской Армии, интернационалистская помощь советского народа привели к глубоким историческим сдвигам в судьбах многих народов, в перестройке всей системы международных отношений на Дальнем Востоке. Эти процессы нашли отражение в докладах Ф. В. Соловьева, Л. Н. Кутакова, Г. Д. Сахарчука и др. В выступлении Б. В. Поспелова был освещен очень важный вопрос о влиянии поражения милитаризма на развитие Японии. Б. Г. Сапожников посвятил свой доклад актуальной проблеме стратегии и тактики прогрессивных сил региона тех лет. Профессор М. Л. Титаренко сообщил о планах создания коллективного труда с участием зарубежных коллег, о боевом содружестве наших народов в борьбе с японским милитаризмом.

Все выступавшие подчеркнули глубокую связь исторического исследования обсуждавшихся проблем с анализом современности. С изучением сегодняшней роли СССР и социалистических стран Азии в борьбе за мир и безопасность, за общественный прогресс и развитие культуры в Азии, а также с разоблачением усилий империализма США по дестабилизации обстановки на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в бассейне Тихого океана. Была высказана тревога по поводу милитаристских и реваншистских тенденций в политике правящих кругов Японии.

Профессор Ван Чонг (Институт Азии и Тихого Океана при КОН СРВ) посвятил свое выступление анализу и критике реакционных измышлений о «советской угрозе» Японии, служащих на потребу тем силам и настроениям, которые спекулируют на проблеме «северных территорий» и препятствуют развитию отношений этой страны с СССР. Вьетнамский ученый также подверг критическому разбору некоторые издания в КНР, где пытаются поднять надуманные дискуссии, например, о дате начала второй мировой войны или о том, помогал ли Китай СССР во время этой войны или наоборот. Профессор Ван Чонг справедливо заметил, что признание решающей роли победы советского народа никак не отнимает заслуг у других участников антифашистской, антимилитаристской борьбы. Вьетнамский ученый подчеркнул также, что призыв М. С. Горбачева беречь нашу планету нашел горячий отклик у народов мира, а тем более у народов Азии, где в послевоенные годы неоднократно вспыхивали войны и конфликты и где необходимы высокая ответственность народов и широкий антивоенный фронт.

Товарищ Кан Уи Бин (директор института АН КНДР) глубоко и ярко раскрыл преемственную связь военно-политических маневров США в конце второй мировой войны и их современной империалистической стратегии в регионе, раскрыл неприглядную роль в осложнении ситуации в Азии реакционных кругов Японии, которые следуют линии покорного подчинения США и в то же время «зарятся на исконную территорию СССР». Видный корейский ученый очень тепло характеризовал подвиг советских солдат и подчеркнул, что надо приложить все силы для того, чтобы сохранить и развить плоды Великой Победы, чему служит политика ТПК, выражающая единое желание объединить Родину и защитить мир в Азии и во всем мире.

Представительница Республики Куба М.-А. Ногалес в своем выступлении разоблачила клеветнический и лицемерный, по существу нефашистский, характер диверсионной империалистической пропаганды в ее «описаниях» событий второй мировой войны. Она привела слова Рауля Кастро на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы: «Необходимость свято помнить, что означала вторая мировая война, еще более возрастает, когда мы с тревогой наблюдаем развертывание новых американских ядерных ракет в Западной Европе, рост военных приготовлений США на Дальнем Востоке и растущую милитаризацию Японии». М.-А. Ногалес резко осудила попытки США сделать КНР своим союзником, военным и политическим.

Академик С. Л. Тихвинский в докладе «Поражение Японии во второй мировой войне и развитие национально-освободительного движения в Азии» глубоко и всесторонне раскрыл третий аспект темы конференции. «Молниеносный разгром милитаристской Японии и укрепление военной мощи страны социализма на Дальнем Востоке во многом определили тот факт, что крушение колониальной системы империализма — второе по своему историческому значению событие после Великой Октябрьской революции и образования мировой системы социализма — началось в Азии. Именно на этом древнем континенте поднялась могучая волна социально-политических изменений, прокатившаяся затем по странам Африки и Латинской Америки». Рухнула прежде всего японская «империя» — результат обширных захватов на протяжении полутора десятков лет — 10 млн. км² с 400 млн. человек населения, основанная на жестокости и ненасытном грабеже. Миллионы жителей Азии погибли по вине японского милитаризма. Однако в борьбу с ним так или иначе вступили также миллионы людей, они научились владеть оружием, как военным, так и политическим, что сделало неизбежным рост революционно-освободительных процессов и против «своих» колонизаторов. 17 августа 1945 г. была создана Республика Индонезия, 2 сентября — Демократическая Республика Вьетнам. Прежде всего коммунисты развернули партизанские армии в Малайе и Филиппинах. Национальная армия Бирмы повернула оружие против оккупантов.

Докладчик подчеркнул, что как и в первые годы Советской власти, так и во время и после войны СССР неизменно оказывал огромную морально-политическую и дипломатическую поддержку борцам за независимость. Там, где присутствовала Советская Армия, она раскрепостила прогрессивные силы, уберегла народы от экспорта контрре-

волюции, СССР оказал всестороннюю помощь народам. Там же, где этот фактор не действовал, на долю борющихся народов выпали тяжелейшие испытания, прежде чем в конце 40-х и в конце 50-х годов они обрели независимость (чаще всего с приходом к власти буржуазных кругов) или завершили освобождение. С. Л. Тихвинский всесторонне охарактеризовал помощь СССР освободившимся странам в послевоенный период и в настоящее время в их борьбе за политическую и экономическую независимость, против нескрывающейся подрывной деятельности империализма и против неоколониализма. Оратор дал принципиальную марксистско-ленинскую характеристику политике рейгановской администрации в отношении развивающихся стран, пытающейся превратить их в передовой рубеж борьбы против социализма и прогрессивных сил и прежде всего — в Азии, где своим ближайшим помощником в этой затее она видит Японию. Советский Союз в отличие от США предлагает широкую программу конструктивного, мирного, добрососедского сотрудничества.

Важную роль в оздоровлении обстановки в Азии может сыграть Китайская Народная Республика. Дальнейшая нормализация советско-китайских отношений на основе взаимного уважения и взаимной выгоды чрезвычайно полезны в этом плане. С ценными инициативами по укреплению мира и безопасности в Азии выступают и другие социалистические страны, отметил докладчик.

Ныне более половины населения планеты родилось после войны. Но уроки второй мировой войны властно побуждают народы мира к антивоенной деятельности, против агрессивных замыслов американского империализма. Перед народами Азии стоит насущная задача — сохранить и упрочить завоевания, достигнутые в результате победы во второй мировой войне и за послевоенные годы.

Третья секция конференции под руководством члена-корреспондента АН СССР Г. Ф. Кима группировала свою работу вокруг трех вопросов: причины и следствия образования очага войны на Дальнем Востоке, характер японской колониальной политики в Восточной и Юго-Восточной Азии и ее воздействие на национально-освободительное движение в регионе, современные тенденции политики империализма на Дальнем Востоке. А. И. Уткин на основе анализа политики США и Японии в 30—40-е годы убедительно доказал обоснованность ленинского предвидения американо-японского конфликта на базе «общих» империалистских устремлений, раскрыл в то же время механизмы попустительства Соединенными Штатами в отношении японской агрессии в целях вывести ее в северо-восточном направлении. В. А. Соловьев посвятил свое выступление вопросам идеологической обработки японского населения и армии. Я. А. Певзнер, А. С. Савин и Г. И. Левинсон на богатом историческом материале дали яркое описание японской колониальной политики, политической тактики оккупантов в колониях. Широко рассматривались на конференции вопросы антияпонской борьбы индийского народа, особенности и уроки борьбы компартий стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Вопросам борьбы с дальневосточной политикой империализма США, против возрождения японского милитаризма посвятили свои сообщения Д. В. Петров и В. Н. Бунин.

На заключительном заседании от имени делегаций социалистических стран с приветствием к участникам конференции обратился профессор Ван Чонг, который выразил глубокую благодарность героическому советскому народу за подвиг во второй мировой войне и выразил твердую уверенность в будущем торжестве дела мира и социализма в Азии.

Лауреат Ленинской премии адмирал Н. Н. Амелько подвел итоги конференции, поблагодарил ее участников и выделил основные проблемы, рассмотренные в ходе ее работы: источники победы Советских Вооруженных Сил над японским милитаризмом, решающая роль СССР в завершении второй мировой войны, превосходство советского военного искусства, влияние нашей Победы на мировое развитие, актуальность ее в дни, когда над миром нависла угроза невиданной катастрофы и когда невиданно возросли силы мира и прогресса; задачи советских ученых в борьбе против милитаристских планов империализма и реваншистских сил, против буржуазных и иных антисоветских фальсификаций истории, в военно-патриотическом и интернационалистическом воспитании.

Конференция своей работой призвала советских людей к самоотверженному труду во имя сохранения мира, завоеванного 40 лет назад, во имя укрепления антивоенных, антиимпериалистических сил в Азии и во всем мире.

Ф. Ф. ЛАППО

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ХАБАРОВСКЕ К НАРОДАМ СТРАН АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Мы, представители общественности стран Азии и Тихого океана, делегаты национальных и международных организаций, собрались на конференцию в Хабаровске, чтобы торжественно отметить событие всемирно-исторического значения — 40-летие Победы над японским милитаризмом и окончания второй мировой войны, обсудить актуальные вопросы обеспечения мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Обращаясь к трагическим урокам минувшей войны, мы вместе со всеми людьми доброй воли воздаем дань глубокого уважения, вечной памяти и славы миллионам сынов и дочерей земли, которые 40 лет назад ценой огромных жертв и лишений, ценой самого дорогого — своей жизни — отстаивали свободу народов от варварского порабощения.

Здесь, на советской земле, мы с признательностью отмечаем решающий вклад Советского Союза в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма.

Сегодня народы ясно осознают, что нет более важной задачи, чем уберечь мир от нового пожара. Нависшая над человечеством ядерная угроза требует коллективных действий всех народов. Мы призываем общественные силы стран Азии и Тихого океана наращивать свой вклад в общемировое движение за обуздание гонки вооружений, за ликвидацию угрозы термоядерной войны.

Сегодня по всей планете звучит набат Хиросимы и Нагасаки. Он властно призывает сделать все, чтобы ядерная трагедия больше не повторилась нигде и никогда, чтобы покончить с ядерным оружием полностью и навсегда!

Достижение прочного мира в Азиатско-тихоокеанском регионе — трудная, но благородная цель. И мы твердо верим в то, что страны и народы региона, следуя шаг за шагом к этой заветной цели, общими усилиями непременно воплотят ее в реальность.

Общественность стран Азии и Тихого океана располагает богатым опытом борьбы за мир. Именно странам этого региона принадлежит историческая заслуга в выдвигании на международную арену таких всемирно признанных концепций мирного сосуществования, как «панча шила» и десять принципов Бандунга.

Мы приветствуем инициативы о создании зон мира и безъядерных зон в различных районах Азии и Тихого океана, об осуществлении мер доверия на Дальнем Востоке, о заключении конвенции о ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и бассейна Тихого океана, об ограничении военно-морских вооружений и военно-морской деятельности в акваториях Тихого и Индийского океанов, о комплексном подходе к вопросам обеспечения мира и безопасности в Азии.

Мы горячо поддерживаем советскую инициативу об одностороннем прекращении, начиная с 6 августа, всех ядерных взрывов, как новое проявление конструктивного, миролюбивого курса СССР. Очевидно, что присоединение к этому мораторию Соединенных Штатов Америки имело бы большое значение для ограничения и прекращения гонки ядерных вооружений, оказало бы сдерживающее влияние на другие страны. Новая советская инициатива не должна оставаться без ответа!

Мы выражаем солидарность с народами и странами, выступающими за создание безъядерных зон. Самую искреннюю симпатию вызывает движение миллионов простых людей разных стран за объявление своих городов, поселков и деревень, целых районов и областей зонами, свободными от ядерного оружия.

Мы выражаем поддержку борьбы демократических, антивоенных сил и организаций, выступающих против создания на территориях их стран империалистических военных баз и объектов, против захода в их порты кораблей с ядерным оружием на борту, против вовлечения своих стран в милитаристские блоки и группировки, особенно против военного альянса США — Япония — Южная Корея.

Мы считаем, что через двусторонние и многосторонние контакты и обмен мнениями как на официальном уровне, так и общественно-политическом необходимо искать и находить реалистические пути решения острых проблем Азиатско-тихоокеанского региона, основанные на принципах мирного сосуществования. Мы хорошо понимаем, что широкому политическому диалогу, коллективным усилиям и комплексному подходу в борьбе за достижение прочного мира и безопасности нет другой альтернативы. К этому нас призывают уроки прошедшей войны, 40-летие окончания которой мы отмечаем в эти дни.

Пусть никогда на азиатской земле не вспыхнет пожар новой войны! Пусть Азия станет континентом прочного мира, сотрудничества и процветания! Пусть акватории Тихого и Индийского океанов станут зонами мира!

7 сентября 1985 года

Сотрудничество СССР с социалистическими странами Азии и Кампучией

М. С. УКРАИНЦЕВ

Первая половина 80-х годов ознаменовалась дальнейшим развитием и углублением сотрудничества СССР с Монгольской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой. С 1982 г. произошли известные позитивные изменения в отношениях между СССР и КНР, особенно в торгово-экономической сфере. Советский Союз помог Народной Республике Кампучии оправиться от «хозяйствования» полпотовской банды, продолжает оказывать ей помощь в защите революционных завоеваний и независимости.

Эти процессы особенно важны на фоне усиления военных приготовлений США в бассейне Тихого океана, милитаризации Японии, отработки агрессивного альянса США — Япония — Южная Корея, попыток под видом Тихоокеанского сообщества создать блок, напоминающий НАТО. Чем теснее будет сотрудничество социалистических государств, тем большую позитивную роль они сыграют в деле оздоровления обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе и укрепления безопасности в Азии.

Советско-монгольское сотрудничество

1981—1985 гг. отмечены для МНР новыми успехами в области социалистического строительства, развитием и укреплением традиционной нерушимой дружбы, совершенствованием всестороннего сотрудничества с Советским Союзом. Основопологающим фактором советско-монгольского сотрудничества являются постоянно углубляющиеся связи между КПСС и МНРП, основанные на идейно-политическом единстве наших партий, стран и народов, задач в строительстве коммунизма и социализма.

Решающую роль в сотрудничестве двух наших братских партий и стран играют ставшие традиционными регулярные встречи и беседы партийных и государственных руководителей на высшем уровне.

В октябре 1984 г. Советский Союз посетил с рабочим визитом Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх. В августе 1985 г., во время нахождения Ж. Батмунха в Советском Союзе на отдыхе по приглашению ЦК КПСС, состоялась его встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. В 1981—1985 гг. наша страна неоднократно оказывала дружеское гостеприимство и другим руководителям Монгольской Народной Республики.

В эти годы в МНР выезжали во главе советских партийно-правительственных делегаций М. С. Горбачев (1981), В. В. Гришин (1984), видные советские партийные и государственные деятели.

В ходе переговоров на высшем уровне решались актуальные вопросы

политического и экономического сотрудничества двух стран. Так, 29 августа 1985 г. в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Батмунх подписали Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 г. «Она, — как отметил в своем выступлении М. С. Горбачев, — представляет собой документ большого политического значения. Ее реализация позволит полнее использовать возможности и резервы советско-монгольских взаимосвязей, рациональнее объединить наши усилия и опыт, ресурсы и знания для роста экономического потенциала, подъема благосостояния трудящихся»¹. Программа, — отметил Ж. Батмунх, — «открывает широкие перспективы и определяет конкретные направления дальнейшего развития многогранного сотрудничества наших стран. Успешная реализация этой программы приведет к новому подъему экономического потенциала нашей страны, повышению материального благосостояния трудящихся»². Встречи и беседы советских и монгольских руководителей оказывают плодотворное влияние на весь комплекс монголо-советских отношений, которые с каждым годом становятся все более динамичными и глубокими.

В течение 1981—1985 гг. между СССР и МНР был заключен ряд соглашений по вопросам экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, подготовки монгольских национальных кадров и многим другим вопросам. Важное значение имеет монголо-советское межправительственное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, подписанное 13 июня 1980 г., в соответствии с которым советская экономическая помощь направлялась на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, ускоренное развитие топливно-энергетической и горнорудной промышленности, строительной, транспортной и других отраслей народного хозяйства, а также повышение благосостояния трудящихся.

В 1981—1985 гг. силами советских организаций в МНР введено в эксплуатацию свыше 30 крупных предприятий. Среди них — пусковой комплекс Баганурского угольного разреза мощностью 1 млн. т угля в год, железная дорога Багахангай-Баганур, разведочно-эксплуатационное предприятие плавленого шпата Борундур-2 мощностью до 100 тыс. т руды в год, хлебокомбинат, прядильная фабрика и др. Начала работать ТЭЦ-4 в Улан-Баторе. Значительный вклад в развитие народного хозяйства республики вносят совместные советско-монгольские предприятия: горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», объединение «Монголсоветмет», акционерное общество «Улан-баторская железная дорога».

Все более важное значение приобретает деятельность Монгольской Народной Республики в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ), растет ее вклад в реализацию комплексной программы социалистической экономической интеграции. Новые направления взаимодействия МНР с братскими странами способствуют более эффективному использованию внутренних ресурсов страны, достижению передовых рубежей в развитии национальной экономики, науки и культуры. Исключительно большое значение для дальнейшего укрепления экономического и научно-технического потенциала Монголии имеют решения Московского экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне (1984).

Из года в год растет международный престиж Монгольской Народной Республики, чему в немалой степени способствует тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими братскими странами. МНР поддерживает дипломатические отношения с 94 государствами мира, является чле-

¹ «Правда», 30.VIII.1985.

² Там же.

официальный дружественный визит в Советский Союз члена Политбюро ЦК ТПК, заместителя премьера Административного совета КНДР, министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нама (16—23 апреля 1985 г.), итоги которого были зафиксированы в советско-корейском коммюнике. В ходе визита были подписаны договор между СССР и КНДР о линии прохождения советско-корейской государственной границы и консульская конвенция между СССР и КНДР. Было подтверждено также единое понимание всех обсуждавшихся на переговорах актуальных проблем современной международной обстановки. Особо была подчеркнута важность совместных усилий по противодействию милитаристской политике США в Азиатско-тихоокеанском регионе, сколачиванию военно-политического блока Вашингтон — Токио — Сеул, попыткам западных держав закрепить раскол Кореи путем блокирования миролюбивых инициатив КНДР.

В яркую демонстрацию советско-корейской дружбы и разностороннего сотрудничества вылилось широкое и торжественное празднование в КНДР 40-й годовщины освобождения Кореи от японского колониального господства (15 августа 1985 г.), в котором приняли участие партийно-государственная делегация СССР во главе с Г. А. Алневым, военная делегация, делегация советских ветеранов-участников освобождения Кореи, делегации массовых общественных организаций, министерств и ведомств СССР, поддерживающих наиболее тесные связи с партнерами из КНДР.

Активной сферой советско-корейских отношений являются торгово-экономические связи, сотрудничество в области науки и техники. СССР занимает первое место во внешнеторговом обороте КНДР, поставляя промышленное оборудование, дефицитное сырье, в том числе нефть, нефтепродукты, кокс в обмен на магнетитовый клинкер, черные и цветные металлы, стальной прокат, некоторые виды продукции машиностроения, товары народного потребления. За 1984 г. товарооборот двух стран возрос на 21 % и составил 712,8 млн. руб. (наш экспорт — 347,2, импорт — 365,6 млн. руб.). В 1985 г. рост объема товарооборота должен составить примерно 20 %.

С помощью и при техническом содействии СССР в КНДР построено и восстановлено более 60 крупных промышленных предприятий. Среди них — Супхунская ГЭС, металлургический завод в городе Чхонджине, завод цветных металлов в городе Нампхо, Пхеньянская ТЭЦ и Пукчханская ТЭС, нефтеперерабатывающий завод в городе Унги и др. В настоящее время СССР оказывает содействие КНДР в строительстве 8 крупных объектов: заводов по производству подшипников, алюминия, микроэлектродвигателей, Чхонджинской ТЭЦ, угольных шахт в Анчжу, в расширении металлургического завода им. Ким Чака и Пукчханской ТЭС.

После визита Ким Ир Сена в Советский Союз экономические связи принимают еще больший размах. Идет подготовка к сооружению при содействии СССР атомной электростанции, поискам нефти и газа на суше и на шельфе, к строительству ряда новых предприятий.

Советско-вьетнамские отношения

Приоритетным направлением внешнеполитического курса КПВ — СРВ является укрепление отношений с Советским Союзом, другими братскими социалистическими странами. Вьетнамские товарищи рассматривают последовательное осуществление этого курса как одно из важнейших условий успешного решения стоящих перед СРВ задач: создания материально-технической базы социализма и надежной защиты суверенитета и независимости страны. На V съезде КПВ (1982) Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан подчеркивал: «Сплоченность и все-

стороннее сотрудничество с Советским Союзом были и являются краеугольным камнем внешней политики нашей партии и государства... Мы рассматриваем это как гарантию победы нашего народа в защите родины и строительстве социализма, а также в деле укрепления национальной независимости и позиций социализма на Индокитайском полуострове...»³.

Советско-вьетнамские отношения вступили в качественно новый этап своего развития с заключением 3 ноября 1978 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ и подписанием Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ (1983).

Идейно-политическая основа советско-вьетнамского сотрудничества во всех областях заключается в тесном единстве КПСС и КПВ, опирающемся на принципы марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма. Как отмечается в совместной советско-вьетнамской декларации (июнь 1985 г.), стороны «будут и впредь неустанно крепить узы тесной дружбы и сплоченности между КПСС и КПВ. Такова принципиальная и неизменная линия КПСС и КПВ, Советского Союза и Вьетнама, отражающая волю и чаяния народов двух стран»⁴.

Важнейшей составной частью советско-вьетнамского сотрудничества на современном этапе являются торгово-экономические отношения. Советско-вьетнамские экономические и научно-технические связи характеризуются неуклонным ростом масштабов и расширением сферы охватываемых ими отраслей народного хозяйства. Из года в год увеличивается объем оказываемого СРВ Советским Союзом технического содействия в строительстве и реконструкции народнохозяйственных объектов. Всего с помощью СССР во Вьетнаме восстановлено, реконструировано и построено свыше 200 объектов.

На состоявшихся в июне 1985 г. переговорах между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Вьетнама было указано на наличие больших потенциальных возможностей для последовательного расширения экономического и научно-технического сотрудничества. Главная задача на современном этапе заключается в повышении его эффективности, совершенствовании всего комплекса двусторонних экономических связей на долговременной плановой основе, в дальнейшем развитии специализированных производств, реализации взаимовыгодных целевых программ.

Успешно развиваются культурные и научные связи. Советский Союз оказывает большую помощь СРВ в подготовке национальных кадров в советских учебных заведениях, вьетнамские граждане направляются в соответствии с межправительственным соглашением на профессиональное обучение и работу на предприятиях и в организациях СССР.

СССР и СРВ активно взаимодействуют во внешнеполитической области. Тесная координация действий двух стран на международной арене осуществляется на регулярной основе на различных уровнях. Основой этой координации служит единство позиции по всем важнейшим международным вопросам. Вьетнамские товарищи решительно поддержали конструктивную позицию СССР на встрече М. С. Горбачева с Р. Рейганом в ноябре 1985 г. Систематически проводятся консультации между МИД СССР и МИД СРВ. Руководители двух государств регулярно «сверяют часы» в ходе встреч на высшем уровне. Новый импульс координации политики СССР и СРВ был придан переговорами М. С. Горбачева с Ле Зуаном в июне — июле 1985 г. Как было сказано в совместной советско-вьетнамской декларации, «переговоры и беседы проходили в дружеской, сердечной атмосфере, отражающей брат-

³ V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 96—97.

⁴ «Правда», 30.VI.1985.

ский характер советско-вьетнамских отношений, и подтвердили полное единство позиций сторон по всем обсуждавшимся вопросам»⁵.

Советско-лаосские отношения

Внешняя политика Лаоса, его позиция по актуальным проблемам современности определяются главным образом принадлежностью страны к социалистическому содружеству, а также особенностями международного положения ЛНДР. Как отмечает Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Председатель Совета Министров ЛНДР К. Фомвихан, «Лаос является аванпостом социализма в Юго-Восточной Азии, находится на переднем крае противоборства социалистической и капиталистической систем в этом регионе... Наша внешняя политика служит тому, чтобы обеспечить мирные международные условия, способствующие социалистическому строительству»⁶.

Основные направления внешней политики ЛНДР, намеченные в программе действий правительства республики в 1975 г., получили подтверждение и дальнейшее развитие на III съезде НРПЛ (апрель 1982 г.). Съезд отметил, что всемерное укрепление сплоченности и расширение сотрудничества с Вьетнамом и Кампучией, Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества — последовательная и принципиальная долговременная политика НРПЛ и лаосского правительства⁷. Особое значение для международного положения ЛНДР и создания наиболее благоприятных условий для строительства основ социализма имеет прочный союз Лаоса с СРВ и НРК.

Советско-лаосские отношения развиваются динамично. Основополагающее значение для укрепления дружбы и сотрудничества между КПСС и НРПЛ, СССР и ЛНДР, советским и лаосским народами имеют ставшие регулярными встречи на высшем уровне руководителей наших двух стран. Во время дружественного рабочего визита К. Фомвихана в СССР в августе 1985 г. состоялась его встреча с М. С. Горбачевым, в ходе которой стороны отметили неуклонное развитие и углубление советско-лаосских отношений, сердцевинной которых является товарищеское взаимодействие КПСС и НРПЛ, выразили намерение и впредь повышать уровень координации внешнеполитической деятельности двух стран во имя мира и социализма.

Совершенствуются экономические связи между двумя странами. Подписание в сентябре 1980 г. в Москве протокола о координации народно-хозяйственных планов СССР и ЛНДР на 1981—1985 гг. подняло сотрудничество Советского Союза и Лаоса на качественно новый уровень.

По случаю празднования 5-й годовщины образования ЛНДР (декабрь 1980 г.) в Лаосе находилась партийно-правительственная делегация СССР, принимавшая участие в юбилейных торжествах и в работе второго заседания Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между СССР и ЛНДР. Были рассмотрены вопросы развития торгово-экономического сотрудничества между двумя странами в 1981—1985 гг., согласованы основные направления взаимодействия как на пятилетие, так и на более длительный срок. Подписаны соглашения о товарообороте и платежах на 1981—1985 гг. и об экономическом и техническом сотрудничестве на этот период между ЛНДР и СССР. За пятилетку предусматривается расширить товарооборот примерно в 3,5 раза. Из СССР в Лаос поступают машины и оборудо-

⁵ Там же.

⁶ См.: «Проблемы мира и социализма», № 9, 1981, с. 19.

⁷ См.: III съезд Народно-революционной партии Лаоса. М., 1983, с. 46—47.

ванне, нефтепродукты и товары широкого потребления, а ЛНДР поставляет нам продукцию легкой промышленности и сельского хозяйства.

Главный упор в экономическом сотрудничестве между СССР и ЛНДР делается на развитие государственного сектора. В 1976—1985 гг. при содействии Советского Союза был построен ряд важных народнохозяйственных объектов: автодорожные мосты через реки Нен и Нгым, госпиталь, нефтехранилище, мастерские по ремонту автомашин и сельхозтехники, наземная станция космической связи системы «Интерспутник», первая очередь госхоза «Латсен» и др.

В настоящее время при помощи СССР ведутся работы по строительству дороги № 9, сооружению политехникума, средневолновой радиостанции, госпиталя на 150 коек, двух крупных мостов на дороге № 13, созданию строительной и транспортной организаций и др.

Углубляется взаимодействие наших стран во внешнеполитической области. Руководители Лаоса последовательно поддерживают внешнюю политику КПСС и Советского государства, советские мирные инициативы, направленные на предотвращение ядерной войны, ограничение гонки вооружений, на сохранение и упрочение мира.

В совместном советско-лаосском заявлении об итогах визита К. Фомвихана в СССР в августе 1985 г. было сказано, что Советский Союз и Лаос последовательно выступают за превращение Азии в континент мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества, высказываются за объединение усилий азиатских государств для поиска взаимоприемлемых, конструктивных решений по урегулированию существующих проблем путем двусторонних и многосторонних консультаций, а в перспективе и проведения общеазиатского форума для рассмотрения всего комплекса вопросов, относящихся к обеспечению безопасности и равноправного сотрудничества государств Азии.

Важным событием в истории сотрудничества двух стран на международной арене стал дружественный визит в СССР министра иностранных дел ЛНДР П. Сипасета, его переговоры с А. А. Громыко (октябрь 1981 г.). Визит и переговоры продемонстрировали полное единство взглядов обеих стран по всем обсуждавшимся вопросам.

Значительным вкладом в упрочение всесторонних советско-лаосских связей явился официальный дружественный визит в Лаос делегации Верховного Совета СССР во главе с В. И. Долгих (ноябрь 1984 г.). На заседании Политбюро ЦК КПСС при обсуждении итогов визита этой делегации в ЛНДР, СРВ и НРК было подчеркнуто, что «КПСС, Советское государство будут и впредь последовательно выступать на стороне народов стран Индокитая в их борьбе за социальный прогресс, в защиту национального суверенитета, за мир и безопасность в Юго-Восточной Азии»⁸. Советский Союз полностью солидаризируется с позицией Лаоса, требующего полного вывода тайландских войск с оккупированной в июне 1984 г. в провинции Саябури территории, уважения суверенитета и территориальной целостности лаосского государства.

Советский Союз и народная Кампучия

Трагедия Кампучии потрясла весь мир. Освободившись при поддержке Вьетнама от полпотовского режима, народная Кампучия постепенно возрождается, становится на ноги.

В соответствии с решениями IV съезда Народно-революционной партии Кампучии (май 1981 г.) НРК выступает за развитие отношений со всеми государствами на основе принципов мирного сосуществования, за укрепление солидарности с социалистическими странами, государствами, завоевавшими национальную независимость, с национально-освободи-

⁸ «Правда», 30.XI.1984.

тельными движениями. В основе внешнеполитического курса НРК лежит линия на развитие дружбы и сотрудничества с СССР, СРВ и другими странами социалистического содружества. Особое внимание Кампучия уделяет развитию братской дружбы и тесного сотрудничества с Вьетнамом и Лаосом, основные направления которого были определены решениями вьетнянской (февраль 1983 г.) встречи руководителей стран Индокитая на высшем уровне. В соответствии с подписанным между Кампучией и Вьетнамом Договором о мире, дружбе и сотрудничестве (февраль 1979 г.) на территории НРК размещены вьетнамские добровольческие части, оказывающие интернациональную помощь в защите суверенитета и независимости НРК. По мере ликвидации банд кхмерской контрреволюции, действующих против НРК с территории Таиланда, из Кампучии начиная с 1982 г. осуществляется постепенный вывод вьетнамских войск.

Важнейшим этапом в развитии советско-кампучийских отношений явился состоявшийся в феврале 1980 г. первый официальный дружественный визит в Советский Союз делегации НРК на высшем уровне. В ходе переговоров в Москве был подписан ряд документов, создавших прочную основу дальнейшего двустороннего сотрудничества в экономической, технической, культурной, научной и других областях. Дружественные официальные визиты в СССР делегации Национального собрания НРК (май 1982 г.) и Председателя Совета Министров НРК (июль 1984 г.), визит делегации Верховного Совета СССР в НРК (ноябрь 1984 г.), неоднократные встречи советских и кампучийских руководителей дали новый импульс углублению и расширению отношений между нашими странами.

Советский Союз оказывает содействие в восстановлении и строительстве в Кампучии многих промышленных и сельскохозяйственных объектов, электростанций, ирригационных сооружений, портов, дорог и пр. На начало 1984 г. объем экономического и технического содействия Советского Союза достиг 58 млн. руб. С 1982 г. экономическое сотрудничество между двумя странами осуществляется на долгосрочной основе.

В соответствии с подписанным в феврале 1983 г. соглашением о товарообороте между СССР и НРК на 1983—1985 гг., в 1984 г. поставки советских товаров в НРК превысили 70 млн. руб. Создание в 1984 г. межправительственной советско-кампучийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, первое заседание которой состоялось в январе 1985 г., стало важным шагом в углублении двустороннего советско-кампучийского сотрудничества.

В 1984 г. в СССР обучалось около 1500 кампучийских студентов. Установлены и развиваются контакты в области здравоохранения, просвещения, науки, культуры и спорта, расширяется делегационный обмен и связи между общественными организациями.

«Народно-революционная партия и народ Кампучии, — отметил в речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР Генеральный секретарь ЦК НРПК, Председатель Государственного совета НРК Хенг Самрин, — выражают свою неизменную признательность родине Ленина за оказываемую нам помощь и поддержку и заверяют, что приложат все силы для дальнейшего укрепления братской кампучийско-советской дружбы»⁹.

В Советском Союзе с глубоким пониманием относятся к той трагедии, которую пережил кампучийский народ в период правления полпотовских террористов, СССР оказывает НРК поддержку в защите независимости и революционных завоеваний от полпотовских банд, скрывшихся в Таиланде и при содействии империалистических и реакционных сил ведущих войну против народной Кампучии. СССР считает, что

⁹ «Правда», 23.XII.1982.

конфронтация между странами АСЕАН и государствами Индокитая должна быть прекращена и должны быть предприняты совместные усилия с целью превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и сотрудничества.

Государства АСЕАН продолжают придерживаться курса, который фактически ведет к конфронтации со странами Индокитая. Этим пользуются внешние силы для вмешательства в дела Юго-Восточной Азии. На Кампучию, другие страны Индокитая оказывается давление с целью заставить их пойти на урегулирование так называемой «кампучийской проблемы» на условиях, выгодных для асеановцев. Страны АСЕАН, особенно некоторые из них и их «покровители» предпринимают усилия по интернационализации «кампучийской проблемы». Из года в год они навязывают Генеральной Ассамблее ООН обсуждение так называемого «кампучийского вопроса» и проводят резолюции, призывающие к «политическому решению конфликта на основе вывода иностранных войск из Кампучии». С июля 1981 г. номинально существует так называемая «международная конференция по Кампучии».

Вместе с тем следует отметить наличие расхождений в подходе асеановских государств к вопросу об отношениях с НРК. Различия, наметившиеся в политике стран АСЕАН в регионе, объясняются, в частности, расхождениями в оценке причин нестабильности в Юго-Восточной Азии. Время работает на народную Кампучию.

Советско-китайские отношения

В отношениях с Китаем СССР неуклонно следовал курсу, определенному XXIV и XXV съездами и подтвержденному XXVI съездом КПСС, последовательно стремясь к восстановлению и развитию связей с этой страной на основе добрососедства. На XXVI съезде указывалось, что остаются в силе предложения Советского Союза, направленные на нормализацию отношений СССР с Китаем, как остаются неизменными и чувства уважения и дружбы советских людей к китайскому народу.

Этот принципиальный и последовательный курс Советского Союза нашел свое отражение в ряде заявлений руководящих деятелей Коммунистической партии Советского Союза. В марте 1982 г. Л. И. Брежнев, выступая в Ташкенте, заявил: «Мы хорошо помним те времена, когда Советский Союз и народный Китай объединяли узы дружбы и товарищеского сотрудничества. Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением. Мы готовы договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — и, разумеется, не в ущерб третьим странам». Было указано, что это касается как экономических, научных, культурных, так и политических отношений — по мере того, как обе стороны будут готовы к тем или иным конкретным шагам в любой из этих сфер¹⁰. В августе 1983 г. Ю. В. Андропов, отвечая на вопросы газеты «Правда», отметив появление в советско-китайских отношениях некоторых положительных тенденций, сказал: «Однако нынешний уровень двусторонних отношений далеко еще не тот, который должен бы быть, по нашему убеждению, между такими крупными и к тому же соседними державами, как Советский Союз и Китайская Народная Республика»¹¹. Отметив, что «много можно сделать в сфере дальнейшего расширения торговли, нала-

¹⁰ См.: «Правда», 25.III.1982.

¹¹ Там же, 27.VIII.1983.

живания экономического и научно-технического сотрудничества, в области культурных, спортивных и иных связей», Ю. В. Андропов подчеркнул: «Оздоровление отношений между СССР и КНР приобретает особую важность и актуальность в условиях нынешнего обострения международной обстановки. Мы уверены, что объективно интересы советского и китайского народов не расходятся в том, что касается устранения военной опасности и упрочения мира»¹².

Советский Союз в начале 80-х годов продолжал выступать с рядом предложений о возобновлении переговоров между двумя странами и осуществлении ряда практических мер, направленных на восстановление связей в различных областях. Однако в 1980 и 1981 гг. каких-либо позитивных изменений в советско-китайских отношениях не произошло. Резко отрицательное воздействие на их состояние продолжал оказывать в тот период недружественный Советскому Союзу курс китайского руководства. В Пекине продолжали проводить линию на блокирование с империализмом США, выступая за создание «структуры совместного сопротивления Советскому Союзу», в которой ведущая роль отводилась США и в которую, наряду с Китаем, должны были входить страны НАТО, Япония и любые другие государства, которые удалось бы вовлечь в этот «единый фронт». Выражалась полная поддержка нового витка гонки вооружений, начатого правящими кругами США, одобрялось решение НАТО о размещении американского ракетно-ядерного оружия первого удара в странах Западной Европы. Идея «стратегической координации» между КНР и США подчеркивалась во время визита в Китай министра обороны США Х. Брауна (январь 1980 г.). 20 января 1980 г. китайская сторона в одностороннем порядке приостановила начатые в 1979 г. советско-китайские переговоры по вопросам межгосударственных отношений. 11 апреля 1980 г. вследствие ранее принятого Постоянным комитетом ВСНП решения прекратил свое действие Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенный в 1950 г. и в течение длительного периода лежавший в основе советско-китайских отношений.

На минимальном уровне продолжали находиться в начале 80-х годов и советско-китайские отношения в практических областях. Протоколом о торговле и платежах на 1981 год предусматривался объем товарооборота около 170 млн. руб., что означало снижение торговли по сравнению с 1980 г., когда она составила свыше 300 млн. руб.

Некоторые позитивные подвижки в советско-китайских отношениях начали отмечаться в 1982 г. Это, несомненно, связано с тем, что все более явной становилась, в том числе для руководителей КНР, аномальность состояния враждебности и отчужденности в отношениях между двумя соседними социалистическими странами, все более ощущалась иррациональность односторонней ставки на партнерство с США и Западом с точки зрения интересов самой КНР, которая на практике попадала в положение «младшего партнера» империализма.

На XII съезде КПК при формулировании внешнеполитического курса КНР подчеркивалась его «независимость и самостоятельность», необходимость «борьбы против империализма, гегемонизма и колониализма», «в защиту мира во всем мире». Было также заявлено, что КНР готова развивать отношения с любыми странами на основе принципов мирного сосуществования. Можно сказать, что при сохранении основных направлений внешнеполитического курса КНР, линии на политическое сотрудничество с западными державами, в Пекине несколько по-иному расставили акценты: если раньше открыто подчеркивалось одностороннее политическое сотрудничество с США и Западом при враждебности к СССР, то теперь провозглашалась линия противостояния двум «сверхдержавам». Лозунг «единого фронта борьбы против гегемонизма», направ-

¹² «Правда», 27.VIII.1983.

лявшийся своим острием против Советского Союза, перестает употребляться.

Постепенно начиная с 1982 г. возрождаются связи и контакты в различных областях советско-китайских отношений, к чему в течение многих лет постоянно призывала советская сторона.

В октябре 1982 г. начались советско-китайские политические консультации между специальными представителями правительств СССР и КНР — заместителем министра иностранных дел Советского Союза Л. Ф. Ильичевым и заместителем министра иностранных дел Китайской Народной Республики Цянь Цичэнем. Консультации проводятся попеременно в Москве и Пекине. Состоялось семь раундов консультаций, во время которых стороны продолжали обмен мнениями по вопросам нормализации отношений между СССР и КНР. Ввиду наличия расхождений по важным международным проблемам, а также в подходе к отношениям с некоторыми странами консультации до сих пор не дали весомых положительных результатов.

Главным тормозом являются три предварительных условия («три препятствия»), выдвинутые китайской стороной: СССР должен прекратить поддержку Вьетнама и побудить его вывести войска из Кампучии, вывести воинский контингент из Афганистана, сократить численность войск на Дальнем Востоке с выводом воинских частей из Монголии. Советская сторона выразила готовность обсудить вопрос о мерах доверия в районе границы, но отклоняет требования, выходящие за пределы двусторонних отношений между СССР и КНР и касающиеся третьих стран. СССР за улучшение отношений с КНР, но это должно происходить не в ущерб интересам его друзей, не за счет третьих стран. Китайская сторона, ссылаясь на то, что улучшение отношений нужно начать с устранения «препятствий», отклонила советские предложения о заключении договора о ненападении или неприменении силы, конвенции о принципах взаимоотношений.

Однако, как вытекает из публиковавшихся сторонами согласованных сообщений об итогах отдельных раундов¹³, СССР и КНР выражают заинтересованность в продолжении усилий, направленных на улучшение отношений, и готовность расширять связи и контакты друг с другом в политической, экономической, торговой, научно-технической и других областях. В этой связи они считают консультации и диалог полезными и намерены продолжать их.

С 1983 г. между министерствами иностранных дел Советского Союза и Китая проводятся попеременно в Москве и Пекине ежегодные консультации между заместителями министров иностранных дел по международной информации¹⁴.

В сентябре 1984 г. состоялись две встречи между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел КНР У Сюиньнем; в сентябре 1985 г. в Нью-Йорке беседу с китайским министром иностранных дел провел Э. А. Шеварднадзе. Обе стороны высказались за продолжение политического диалога между Советским Союзом и Китаем на различных уровнях¹⁵.

Важное значение, особенно в плане развития торгово-экономических и научно-технических отношений, имел обмен визитами первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова в Китайскую Народную Республику в декабре 1984 г. и заместителя премьер-министра Государственного совета КНР Яо Илия в Советский Союз в июле 1985 г.¹⁶

¹³ См.: «Правда», 23.IV.1985; 21.X.1985.

¹⁴ См. там же, 16.IX.1983; 1, 3 и 5.VII.1984.

¹⁵ См. там же, 23.IX.1984.

¹⁶ См.: «Правда», 21, 22, 23, 24, 29.XII.1984; 9, 10, 11, 12.VII.1985.

Следует в этой связи сказать, что благодаря усилиям обеих сторон начиная с 1982 г. происходит довольно быстрый рост взаимной торговли — со 170 млн. руб. в 1981 г. до 1,6 млрд. руб. в 1985 г. Постепенно налаживается научно-техническое сотрудничество в форме обмена ознакомительными поездками специализированных групп, работниками соответствующих отраслей народного хозяйства по согласованной тематике.

Поездки И. В. Архипова и Яо Илиня и переговоры между ними позволили сделать существенные шаги в перспективном планировании советско-китайских внешнеторговых связей, экономического сотрудничества, научно-технического сотрудничества, юридического оформления торгово-экономических отношений и научно-технических связей.

Во время визита И. В. Архипова в Пекине были подписаны Соглашение между правительством СССР и правительством КНР об экономическом и техническом сотрудничестве, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве и Соглашение о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

В ходе переговоров были положительно рассмотрены также вопросы, связанные с подписанием плана культурного сотрудничества, расширением сферы научно-технического обмена и обмена студентами и стажерами, а также с некоторыми другими областями межгосударственных отношений¹⁷.

В июле 1985 г. по приглашению Советского правительства в СССР с официальным визитом находился заместитель премьера Государственного совета КНР Яо Илинь. В результате переговоров между Яо Илинем и И. В. Архиповым 10 июля в Москве были подписаны соглашения о товарообороте и платежах на 1986—1990 гг., а также об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР. Соглашениями предусматривается довести объем товарооборота на пятилетие до 12 млрд. руб., причем в 1990 г. товарооборот должен достигнуть 3 млрд. руб., или почти вдвое превзойти соответствующий показатель 1985 г., а также строительство в КНР 7 новых объектов и реконструкцию 17 объектов при участии Советского Союза¹⁸.

Важным шагом в советско-китайских отношениях явилось установление контактов между высшими органами власти обеих стран — Всекитайским собранием народных представителей и Верховным Советом СССР. В марте 1985 г. по приглашению Верховного Совета СССР Советский Союз с официальным визитом посетила делегация ВСНП во главе с членом постоянного комитета ВСНП Чжан Чэньсянем. Гости были ознакомлены с деятельностью Верховного Совета СССР, его постоянных комиссий. Им было рассказано о взаимоотношениях Верховного Совета СССР с местными Советами, о том, как осуществляется контроль за выполнением депутатами их обязанностей¹⁹. В октябре 1985 г. Китай с ответным визитом посетила делегация Верховного Совета СССР во главе с Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР Л. Н. Толкуновым. В ходе встреч и бесед с китайскими парламентариями, в том числе с членом Политбюро ЦК КПК, Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Пэн Чжэнем, было выражено взаимное удовлетворение положительными сдвигами в советско-китайских отношениях, развитии контактов между Верховным Советом СССР и ВСНП и высказано обоюдное стремление строить парламентские связи на регулярной основе²⁰.

СССР и КНР занимают идентичные позиции по некоторым международным вопросам (недопущение милитаризации космоса, объявление Индийского океана зоной мира, урегулирование в Намибии). Однако

¹⁷ См. там же, 30.XII.1984.

¹⁸ См. там же, 11.VII.1985.

¹⁹ См. там же, 12.III.1985.

²⁰ См. там же, 12.X.1985.

китайская сторона не проявляет готовности взаимодействовать с СССР, другими социалистическими странами в борьбе за предотвращение ядерной катастрофы, за сокращение вооружений и прежде всего ядерных, за возвращение к разрядке и укрепление мира. Китай дает иные, чем социалистические страны, оценки причин международной напряженности, событий вокруг Камбучии и Афганистана. Как заявил председатель КНР Ли Сяньнянь во время визита в США в июле 1985 г., Китай не допустит, чтобы его отношения с другими странами «определялись сходством или различием социальных систем и идеологий». Несколько раньше аналогичное заявление сделал премьер Государственного Совета КНР Чжао Цзыян в Лондоне.

Китайское руководство ставит определенные рамки и для развития советско-китайских отношений. Китай, дескать, «не вернется в большую семью», «не вернется к отношениям 50-х годов». Тот же Ли Сяньнянь сказал в США, что даже если «три препятствия» будут преодолены и отношения с СССР будут улучшаться, мы «не вернемся к союзу 50-х годов»²¹.

Что касается Советского Союза, то он прилагал и будет прилагать усилия для возвращения советско-китайских отношений на рельсы добрососедства. Преемственностью курса КПСС в отношении Китая была подчеркнута на мартовском и апрельском (1985) Пленумах ЦК КПСС, в ряде выступлений Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС М. С. Горбачева. Выступая в Днепропетровске 26 июня 1985 г., М. С. Горбачев сказал: «Я уже имел возможность говорить об отношениях с Китайской Народной Республикой. Думаю, время показало обеим сторонам, что от разобщенности и тем более от недружелюбия, подозрительности не выигрывает ни одна из них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена. Уверен, что в конечном счете так оно и будет»²².

* * *

Общее обострение международной обстановки, происшедшее в связи с попытками империалистических кругов сломать сложившееся равновесие сил НАТО и ОВД, наращивание вооружений, широкие военные приготовления могут в дальнейшем привести к тому, что Азиатско-тихоокеанский регион станет зоной крайней напряженности. Задача всех государств этой части мира не допустить такого развития событий. Осуществлению этой задачи в немалой степени содействовала бы реализация выдвинутой 21 мая с. г. М. С. Горбачевым инициативы насчет комплексного подхода к проблеме безопасности в Азии и проведения в перспективе общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений, а также предложений МНР, КНДР, стран Индокитая, Индии, направленных на укрепление мира и безопасности. Развитие отношений Советского Союза с социалистическими странами и другими государствами этого региона поможет объединению усилий азиатских государств в этом направлении.

²¹ «Жэньминь жибао», 27.VII.1985.

²² «Правда», 27.VI.1985.

Движение неприсоединения — важный фактор мировой политики

(История и современность)

*И. И. КОВАЛЕНКО,
профессор*

Одним из наиболее важных последствий крушения колониальной системы империализма явилось рождение Движения неприсоединения. В благоприятных условиях послевоенного ослабления позиций империализма, укрепления роста авторитета мирового социализма и успехов национально-освободительной борьбы народов движение быстро набирало силы и превратилось в мощный фактор мировой политики. За два десятка лет с момента первой встречи представителей неприсоединившихся стран в 1961 г. ряды движения увеличились в пять раз и ныне насчитывают более 100 стран. В международных отношениях появился новый прогрессивный фактор, который оказывает позитивное воздействие на все стороны мировой политики.

Движение неприсоединения родилось как проявление воли и стремления молодых государств к укреплению своей политической независимости и достижению экономической самостоятельности и возможности равноправно участвовать в решении международных проблем.

Возникнув на обломках империалистической колониальной системы, Движение неприсоединения стало как бы продолжением национально-освободительной борьбы народов в новой изменившейся обстановке, когда империализм уже не мог осуществлять свое господство с помощью старых колониалистских методов и удерживать их в сфере своего политико-экономического влияния путем применения грубой военной силы. Движение неприсоединения явилось своеобразной формой политического самовыражения молодых национальных государств, инструментом укрепления их национальной независимости, политической и экономической самостоятельности. Оно стало мощным орудием борьбы за упрочение их независимости, приобщения к мировому сообществу наций и активного участия в решении глобальных проблем.

Советский Союз приветствовал появление движения с первых дней его становления и организационного оформления. И сегодня страны социалистического содружества рассматривают Движение неприсоединившихся стран в качестве мощного фактора борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма, против сил войны и агрессии. Они солидарны с решениями, принимаемыми на различных форумах движения, поскольку эти решения направлены на упрочение всеобщего мира и международной безопасности, прекращение гонки ядерных вооружений, на достижение всеобщего и полного разоружения.

С другой стороны, силы империализма и реакции видят в Движении неприсоединения серьезное препятствие на пути установления своего мирового господства, всячески пытаются подорвать и ослабить это движение, прибегая к самым подлым и бесчеловечным средствам борьбы.

* * *

Движение неприсоединения, как и всякое общественно-политическое движение, было подготовлено предшествующим ходом исторического развития, целым рядом крупных событий мирового значения, и прежде всего Великой Октябрьской социалистической революцией, положившей начало новой эре в развитии человечества. Именно она нанесла сокрушительный удар по империализму, открыв реальный путь для национального и социального освобождения угнетенных народов. Как предсказывал В. И. Ленин, опыт революции в такой стране, как Россия, «покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобожденные народы Востока является теперь вполне практически осуществимым...»¹.

Победа Октябрьской революции привела к соединению социалистической и национально-освободительных революций, открыла перед угнетенными народами перспективу национального освобождения и создания независимых и равноправных государств на обломках колониальных империй.

Вторым событием, оказавшим огромное идейно-политическое влияние на современное мировое развитие, явилось образование мирового социалистического содружества. Ликвидация ударных сил мировой реакции — гитлеровской Германии и империалистической Японии — привела к коренному изменению соотношения сил на мировой арене. От мировой капиталистической системы откололся ряд государств в Восточной Европе и в Азии, где победили народно-демократические революции. Образуемая мировая социалистическая система, которая стала оказывать решающее воздействие на ход мировых событий, дала мощный импульс дальнейшему подъему национально-освободительного движения. Именно образование мировой системы социализма поставило заслон колониальному разбою империалистических государств, вынудило их считаться с требованиями колониальных и зависимых народов, борющихся за свою свободу и национальную независимость.

Третьим, не менее значительным событием, тесно взаимосвязанным с первыми двумя, стало крушение колониальной системы империализма. Великое национально-освободительное движение колониальных и зависимых стран привело к гигантской передвижке сил на международной арене в пользу мира, демократии и социального прогресса. Десятки стран, которые ранее держались империалистами вне мировой политики, стали ее активными участниками. Достаточно сказать, что около трех четвертей мест в Организации Объединенных Наций и ее специализированных органах принадлежит сегодня странам Азии, Африки и Латинской Америки. Как и предвидел В. И. Ленин, наступил новый период всемирной истории, «период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира»².

Однако империалисты не могли смириться с потерей своих колониальных владений и ретироваться оттуда без боя. Они прилагали и прилагают отчаянные усилия, чтобы сохранить в бывших колониях старые порядки и захватить там новые позиции. Под флагом борьбы с «коммунистической опасностью» империалистические державы стремятся вернуться в освободившиеся страны в качестве «защитников» их суверенитета, поставить у власти своих марионеток.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 321.

² Там же, с. 328.

В этих целях они приступили к сколачиванию агрессивных военных блоков и двусторонних военных союзов. Это были Организация договора для Юго-Восточной Азии (СЕАТО), или «Манильский пакт»; Организация центрального договора (СЕНТО), бывший «Багдадский пакт»; Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК); Организация американских государств (ОАГ); группировка АНЗЮС в Тихоокеанском бассейне. Весьма красноречивую оценку империалистическим блокам дал Г. А. Насер. Выступая против «Багдадского пакта», он заявлял: «Арабы не желают иметь ничего общего с большой тюрьмой, создаваемой империалистическими державами в соответствии с их целями. Сначала эта империалистическая тюрьма имела форму господства самих империалистических сил, затем тюрьма империализма приобрела новую форму договоров и союзов. Новейшей формой империалистической тюрьмы является Багдадский пакт. Арабы увидели, что новый пакт — большая тюрьма, и они, естественно, не захотели войти в нее добровольно»³.

Функцию мирового жандарма взял на себя американский империализм. За послевоенные годы более 215 раз США открыто вмешивались с применением своих вооруженных сил во внутренние дела суверенных государств. В течение трех лет американский империализм под флагом ООН вел кровавую войну против корейского народа, пытаясь разгромить Корейскую Народно-Демократическую Республику и установить там послушный воле Вашингтона марионеточный режим. США вели длительную и жестокую войну против героического вьетнамского народа, совершали многочисленные вооруженные акты против революционной Кубы. Они ведут необъявленную войну против Никарагуа и Сальвадора, совершили открытую агрессию против Гренады, где вновь восстановили колониальные порядки. Американские агрессоры не раз пускали в ход свой жандармский кулак против патриотов Мексики, Панамы, Венесуэлы, Чили, Гватемалы, оказали существенную помощь Англии в захвате Фолклендских островов, принадлежавших Аргентине. Эти факты говорят о том, что империализм США не намерен отказываться от планов установления своего господства над многими освобожденными странами и народами и готов пойти на любые средства, чтобы преградить дорогу к свободе и независимости тем народам, которые еще стонут под колониальным игом.

Чтобы отбить очередной натиск империализма, сохранить и упрочить завоеванную свободу и независимость, освобожденные страны стали искать новые формы сопротивления империализму, старому и новому колониализму. Молодые национальные государства понимали, что они не смогут выстоять против военного и политического шантажа империалистов в одиночку и попытались найти коллективные формы отпора империалистическим домогательствам и неоколониалистским устремлениям западных держав.

Еще на этапе борьбы за независимость представители колониальных и зависимых стран выдвигали различные формы координации усилий на международной арене. Так, в 1945 г. выдающийся деятель международного коммунистического и национально-освободительного движения, президент ДРВ Хо Ши Мин предложил правительству Индонезии принять совместную декларацию об объединении усилий двух государств в борьбе против колониализма. За создание единого азиатского фронта борьбы против империалистического господства выступил выдающийся руководитель национально-освободительного движения Бирмы, основатель бирманского государства генерал Аунг Сан. В январе 1947 г. он выдвинул идею создания Азиатского сообщества, призванного оградить независимость молодых национальных государств, и высказался за создание экономического союза стран Юго-Восточной Азии.

³ «Правда», 29.IX.1956.

Большой вклад в сплочение азиатских государств внес великий сын индийского народа Дж. Неру. По его инициативе в марте-апреле 1947 г. в Дели была созвана первая азиатская конференция, на которой присутствовали представители 27 стран Азии, в том числе общественные деятели среднеазиатских и закавказских советских республик, Монгольской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам, а также наблюдатели из других стран, включая Советский Союз и США, и некоторых международных организаций (ООН, Лиги арабских государств)⁴.

Участники конференции предприняли попытку выработать принципы объединения азиатских государств для борьбы против колониализма и империализма, наметить пути обеспечения безопасности коллективными усилиями. Так, делегат Малайи предложил организационно оформить сотрудничество народов Азии, создав нейтральный блок азиатских государств. Предложение предусматривало оказание помощи народам, борющимся за свое национальное освобождение, и содержало призыв не допустить использования силами империализма в военных целях экономических ресурсов азиатских стран, ликвидировать военные базы на их территории. «Мир в Азии не может быть отделен от мира во всем мире,— подчеркивал делегат из Индонезии. — Азиатское сотрудничество должно быть направлено не на расширение сферы конфликтов, а на ее сокращение и на окончательное устранение конфликтов путем пресечения деятельности реакционных империалистических держав на территории Азии»⁵.

На этой конференции была выдвинута идея создания Организации по азиатским отношениям, которая выполняла бы роль секретариата с широкими исполнительными функциями. Отделения секретариата были созданы в ряде стран Азии (Бирме, Цейлоне, Малайе, Непале). Однако ввиду противодействия гоминьдановского Китая, выступавшего против созыва конференции в Дели, добивавшегося созыва второй конференции в Нанкине, Организация по азиатским отношениям, созданная на Делийской конференции, а также ее национальные отделения широкого развития не получили.

Организационному становлению азиатского единства и солидарности препятствовали также колониальные державы, которые опасались, как бы объединение усилий стран Азиатского континента не превратилось со временем в реальную силу, противостоящую интересам Запада в Азии.

В январе 1949 г. в связи с расширением агрессивных действий Голландии против Индонезийской Республики в Дели была созвана Конференция азиатских государств на уровне министров иностранных дел. Она высказалась за то, чтобы Совет Безопасности предпринял необходимые шаги для пресечения голландской агрессии и осуществил эффективные меры с целью принудительного осуществления своей рекомендации, если Голландия ее не выполнит. На этой конференции был поставлен вопрос о необходимости создания постоянной региональной организации азиатских стран для защиты их безопасности. «Разве не естественно,— говорил Дж. Неру в речи при открытии конференции,— что свободные страны Азии должны начать думать о более постоянном, нежели эта конференция, учреждении для эффективных взаимных консультаций и совместных усилий в достижении общих целей»⁶.

В одной из резолюций, принятых на этой конференции, указывалось, что «участвующие государства должны проконсультироваться между собой с целью изучения путей и методов создания соответствующего

⁴ In: Asian Relation Being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference. Delhi, 1949, p. 8.

⁵ Там же. с. 86.

⁶ The Conference on Indonesia (1949), Delhi, 1949, p. 21—22.

механизма, касающегося соответствующего региона, для развития консультаций и сотрудничества в рамках Организации Объединенных Наций»⁷. Принятие этой резолюции положило начало созданию одной из организационных форм антиимпериалистического, антиколониального единства молодых государств в ООН — афро-азиатской группы.

Наряду и в связи с поисками организационных форм сплочения молодых государств во весь рост встал вопрос о выработке основных принципов борьбы за мирное сотрудничество на континенте, за строительство обновленной Азии, свободной от империалистического господства и гнета иностранного капитала. Это должны были быть такие принципы и нормы отношений, на которые освободившиеся страны могли бы опереться при формировании мирных, здоровых связей между народами континента и отстаивать их в глобальном масштабе.

Таковыми принципами и нормами поведения государств в отношении друг с другом стали пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), которые были провозглашены в апреле 1954 г. Республикой Индии и Китайской Народной Республикой в преамбуле соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией:

- взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- взаимное ненападение;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- равенство и взаимная выгода;
- мирное сосуществование.

В этих принципах нашла конкретное выражение ленинская идея мирного сосуществования и сотрудничества стран различных социально-экономических систем. XX съезд КПСС (1956) заявил, что эти принципы «представляют наилучшую в настоящих условиях формулу взаимоотношений государств с различным социальным строем и могли бы послужить основой прочных мирных отношений между государствами всего земного шара»⁸.

Постепенно принципы «панча шила» стали входить в повседневную практику международной жизни. Историческая Бандунгская конференция, состоявшаяся в апреле 1955 г., дополнила и развила их в стройную систему, представляющую политико-правовую основу взаимоотношений государств с различными социальными системами не только в Азии и Африке, но и во всем мире. В принятой на ней Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству вновь подтверждались известные слова Устава ООН о том, что все страны должны проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как хорошие соседи, и развивать дружеское сотрудничество, и в качестве основы для этого выдвигались следующие принципы:

- 1) уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава ООН;
- 2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран;
- 3) признание равноправия всех рас и равенства всех наций, больших и малых;
- 4) воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны;
- 5) уважение права каждой страны на индивидуальную и коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН;
- 6) (а) воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав;
- (б) воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны;

⁷ Там же, с. 37.

⁸ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II. М., 1956, с. 412.

7) воздержание от актов или угрозы агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны;

8) урегулирование всех международных споров мирными средствами по выбору сторон в соответствии с Уставом ООН;

9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству;

10) уважение справедливости и международных обязательств⁹.

Углубление и конкретизация принципов «панча шила» и их развертывание в десять принципов на Бандунгской конференции способствовали кодификации правовой основы миролюбивой внешней политики освободившихся стран, содействовали их объединению на антиимпериалистической, антиколониальной основе.

Бандунгская конференция явилась органом защиты прав афро-азиатских народов, важным инструментом их борьбы против империалистического гнета, за свободное и независимое развитие. Она способствовала выходу на международную арену народов Азии, Африки и Латинской Америки как организованной силы в борьбе против колониализма и империализма. Не случайно, что всякий раз, когда империалистические державы осуществляли агрессивные действия, мировая демократическая общественность выступала с предложением созыва очередной сессии Бандунгской конференции.

Особенность международного сотрудничества афро-азиатских государств состоит в том, что они не пытались создать свой особый блок, который, по их мнению, вел бы только к обострению международной напряженности и нагнетанию «холодной войны». Афро-азиатские лидеры стремились объединить страны, добившиеся независимости, на широкой основе борьбы против империализма и колониализма, за укрепление политической и достижение полной экономической независимости, за создание благоприятных условий для их самостоятельного развития по пути мира, демократии и социального прогресса.

Движение афро-азиатских народов в духе Бандунга не получило дальнейшего развития из-за обструкционистской политики тогдашнего руководства КНР в период подготовки второй межправительственной конференции стран Азии и Африки (Второго Бандунга), которая должна была состояться в Алжире. Китайская делегация пыталась добиться исключения СССР из общего антиимпериалистического фронта и проташить националистическую концепцию особой «общности исторических судеб» народов двух континентов с Китаем. Действия Пекина вызвали решительный отпор подавляющего большинства афро-азиатских стран, и его попытки исключить СССР из афро-азиатского движения окончились провалом. Однако КНР, которая стала открыто выступать против проведения Второго Бандунга, удалось сорвать конференцию. Это нанесло огромный вред духу Бандунга, интересам национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Тем не менее коллективно выработанные идеалы и принципы защиты свободы и независимости афро-азиатских народов показали большую жизненную силу.

Так, ряд стран объявил о неприсоединении к блокам. Доктрина неприсоединения формировалась в сложных условиях «холодной войны», когда образовался блок НАТО, а затем как противовес ему страны социалистического содружества создали свою оборонительную группировку в форме Варшавского Договора. Однако в отличие от империалистических держав Советский Союз и другие социалистические страны не имели и не имеют военно-политических блоков ни в Азии, ни в Африке, ни в Латинской Америке. Следовательно, когда перед освободившимися странами возник вопрос присоединиться к существующим блокам или нет, то речь могла идти только об империалистических блоках.

⁹ См.: «Правда», 25.IV.1955.

Поэтому неприсоединение с самого начала фактически означало неприсоединение к империалистическим блокам.

Отсюда следует вывод, что отказ освободившихся стран от присоединения к блокам, созданным империалистическими державами, означал их дистанцирование во внешнеполитической области от глобального антисоветизма и антикоммунизма, от блоковой политики империалистических государств.

Хронологически первой неприсоединившейся страной стала Индия, а ее лидер Джавахарлал Неру впервые сформулировал суть доктрины неприсоединения. Выступая в учредительном собрании с изложением внешнеполитической линии независимой Индии в декабре 1947 г., премьер-министр Дж. Неру заявил: «В наши дни существо внешней политики сводят к общему вопросу: к какой из группировок вы принадлежите? Это крайнее упрощение проблемы... Мы стремились ничем себя не связывать в вопросах внешней политики и поэтому не присоединились ни к какому блоку».

Проанализировав создававшуюся в мире обстановку, великий сын индийского народа пришел к выводу, что молодые национальные государства могут упрочить свою свободу и независимость, если они займут самостоятельную позицию в мире, то есть не станут примыкать к империалистическим блокам и не будут следовать внешнеполитическому курсу бывших метрополий, который носил откровенно антисоветский, антикоммунистический характер.

Неприсоединение, как трактовал его Дж. Неру, не означало, что неприсоединившиеся страны должны находиться на «равной дистанции» от противостоящих друг другу военно-политических лагерей. Неприсоединение, по Неру, означало неприсоединение к блокам в смысле неприсоединения к блоковой политике, то есть такой политике, которая шла вразрез с интересами освободившихся стран. Как пояснила впоследствии Индира Ганди, «представлять неприсоединение лишь как пассивную политику «равной удаленности» от сверхдержав — неверно. ...Политика неприсоединения, — подчеркивала она, — это нечто очень позитивное. Она предполагает использование любой возможности для того, чтобы служить делу мира и ясно выражать свое мнение по вопросам, в отношении которых мы занимаем твердую позицию. Взять хотя бы проблему расизма и колониализма. Не занял ли так называемый «демократический» Запад обструкционистскую позицию в отношении деколонизации и апартеида? Даже сейчас его репутация далеко не безупречна, если учитывать его помощь Южной Африке и Израилю. Последовательная позиция Советского Союза в отношении этих проблем способствовала нашему дальнейшему сближению с ним»¹⁰.

В неприсоединении Дж. Неру видел эффективное средство в руках освободившихся стран, с помощью которого они могли проводить самостоятельную внешнюю политику. Такая политика создавала для неприсоединившихся стран необходимые предпосылки свободного выбора позиций по важнейшим международным вопросам. Однако этот выбор осуществлялся с учетом того, что интересы борьбы за независимость, мир и прогресс объективно сближали позиции освободившихся стран с мировым социализмом, боровшимся за эти же цели. С другой стороны, внешнеполитические цели молодых национальных государств входили в противоречие с интересами империалистических держав, которые пытались вместо колониализма старого типа опутать освободившиеся страны новыми формами колониальной зависимости.

Выступая в индийском парламенте, Дж. Неру осудил создававшийся в 1954 г. блок СЕАТО и предупредил западные страны, что они толкают мир не в том направлении. Даже простое участие Индии в Маниль-

¹⁰ «Новое время», 1983, № 9, с. 7.

ской конференции, по мнению Неру, «означало бы, что мы отказываемся от своей основной политики неприсоединения»¹¹.

Дж. Неру не замыкался в рамках своей страны, он активно воздействовал на международные процессы, добивался объединения всех освободившихся стран, сплочения их усилий в борьбе против империализма и неокolonнализма. Он стремился к обеспечению мира, разоружению и предотвращению войны на основе единства и сплоченности со всеми прогрессивными силами и движениями мира. В своей «Автобиографии» он писал: «Становилось все более ясно, что борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма — и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности и предпринять совместные действия»¹².

Заслуга Дж. Неру состоит в том, что он, разрабатывая доктрину неприсоединения, заботился не только об интересах своей страны, но и об интересах всего освободившегося мира. Выдвигая концепцию неприсоединения, Дж. Неру видел в ней средство сплочения освободившихся стран, создания единого фронта борьбы против империализма и неокolonнализма.

В этой связи надо отметить следующее. В зарубежной, а иногда и в советской литературе часто делается знак равенства между нейтраллизмом и неприсоединением. Такой подход нельзя считать научно обоснованным. Позиция нейтралитета — это пассивное, а не активное отношение к событиям международной жизни, в то время как неприсоединение является активным наступательным политическим фактором, оказывающим воздействие на ход мировой политики. Как подчеркивала премьер-министр Индии Индира Ганди, принцип неприсоединения — это не провозглашение безразличия, вытекающего из нейтралитета, а выражение независимости суждений¹³.

Чтобы придать политике нейтралитета более действенный характер, некоторые нейтраллистские страны стали называть свой внешнеполитический курс как «позитивный» или «активный» нейтралитет. Но и эти попытки активизировать понятие нейтраллизма, придать ему более наступательное значение уже не могли удовлетворить запросы и нужды развивающихся стран. Внешняя политика освободившихся стран стала трансформироваться в политику активного противостояния системе империалистических блоков, в политику активной борьбы против империализма, колониализма и неокolonнализма, за упрочение мира и международной безопасности.

В силу ряда причин молодые суверенные государства не могли одновременно с политической свободой добиться и экономического освобождения. В своем подавляющем большинстве они оставались в системе капиталистического хозяйства, что еще больше усиливало противоречия между молодыми странами и крупными капиталистическими державами.

Для решения задач экономического возрождения освободившихся стран требовалось тесное взаимодействие внешнеполитического курса с внутриэкономической политикой. Для успешного решения социально-экономических задач освободившиеся страны нуждались в формировании нового подхода к решению международных проблем, новой внешнеполитической ориентации.

В большинстве освободившихся стран наиболее активными социальными группами были национальная буржуазия, прогрессивная интеллигенция и патриотически настроенная часть военнослужащих. Во многих странах во главе освободительной борьбы стояли национально-буржуазные круги, которые были заинтересованы в ликвидации засилья

¹¹ J. Nehru. Indian Foreign Policy. Delhi, 1961, p. 85.

¹² Дж. Неру — его жизнь и деятельность. М., 1965, с. 12.

¹³ См.: «Правда», 27.XI.1973.

иностранный капитал и колониальной структуры экономики, стремились заменить всемогущие западные монополии своим собственным господством. Для этого национальная буржуазия и мелкобуржуазные элементы нуждались не только в проведении социально-экономических преобразований внутри страны, но и были заинтересованы в проведении нового курса в мировых делах.

Национально-патриотические круги ряда освободившихся стран, будучи зависимыми от иностранного капитала, опасались втягиваться в борьбу между мировым социализмом и мировым капитализмом и искали средний путь для своей внешней политики, но так как бывшие метрополии пытались не выпустить освободившиеся страны из сферы своего господства, молодые национальные государства искали сотрудничества и помощи у социалистических стран, что вынуждало западные державы идти на уступки и искать новые, более замаскированные формы эксплуатации освободившихся стран.

Существование мирового социалистического сообщества выступало как бы гарантом политической независимости освободившихся стран, давало им возможность противостоять попыткам империалистических держав вернуться в бывшие колонии под флагом их защиты от коммунистической опасности. Выступая на XXV съезде КПСС, Ф. Кастро со всей силой подчеркнул: «Не будь Советского Союза, капиталистические державы, в условиях нехватки сырьевых ресурсов и энергетического кризиса, вновь без колебаний принялись бы за раздел мира. Не будь Советского Союза, нельзя было бы даже вообразить ни той меры независимости, какой пользуются сегодня малые государства, ни успешной борьбы народов за возвращение под свой контроль природных богатств...»¹⁴.

Хотя внеблоковая доктрина и политика неприсоединения отвечала прежде всего интересам господствующих классов, но, будучи направлена против империализма, колониализма и неоколониализма, в защиту национальных интересов и поддержание мира, она находила позитивный отклик в широких слоях населения освободившихся стран и получила активную поддержку со стороны мирового прогрессивного общественного мнения.

Активная роль Движения неприсоединения, его воздействие на мировую политику проявились не сразу. Сначала позитивное значение движения выразилось хотя и в слабом, но самостоятельном противодействии колониальным проидам в ООН и в установлении, вопреки нажиму империалистических держав, контактов со странами социализма, затем в более последовательном отпоре политике агрессии и колониального закабаления¹⁵.

Универсальность принципов и целей Движения неприсоединения, сформулированных Дж. Неру, проявилась в том, что они стали находить поддержку все большего числа освободившихся стран в Азии, Африке, а затем и в Латинской Америке.

На позициях, близких к Дж. Неру, стояли и другие выдающиеся деятели стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые разделяли его взгляды и вместе с ним предпринимали огромные усилия для сплочения освободившихся стран на основе неприсоединения. Они также внесли свой вклад в организацию и развитие Движения неприсоединения. Это были Хо Ши Мин, Фам Ван Донг, И. Б. Тито, Г. А. Насер, А. Сукарно, К. Нкрума, С. Бандаранайке, Дорткос, Макапос, У Ну, Моджа Кейта и другие выдающиеся лидеры национально-освободительного движения. Впоследствии активную роль в Движении неприсоединения стали играть Индира и Раджив Ганди, Ф. Кастро, Ле Зуан.

¹⁴ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I, М., 1976, с. 194.

¹⁵ См.: История дипломатии. М., 1974, с. 362.

Ким Ир Сен, Менгисту Хайле Марнам, Х. Бумедьен, Секу Туре и многие другие видные деятели стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В силу сложившихся исторических условий много внимания идее и Движению неприсоединения уделял И. Б. Тито. Он, так же как Дж. Неру и другие лидеры освободившихся стран, считал, что Движение неприсоединения не должно ограничиваться небольшой группой государств, что оно может стать влиятельной силой современности только в том случае, если к нему примкнут по возможности все государства, разделяющие его цели и принципы. «Для того чтобы можно было успешно отстаивать основные законные права и оказывать влияние на международные процессы, — вспоминал И. Б. Тито, — необходимо было добиваться объединения наших усилий. Несмотря на все различия, мы с Неру и Насером, а впоследствии к нам примкнули Сукарно, Нкрума и другие, одинаково мыслили и стремились к одному и тому же, нами были приняты незамедлительные шаги в целях создания Движения неприсоединения»¹⁶.

Пытаясь расширить географические рамки Движения неприсоединения, И. Б. Тито совершал поездки по разным странам Азии и Африки для обсуждения вопросов о созыве конференций глав государств и правительств на расширенной основе.

По инициативе Дж. Неру, Г. Насера, И. Тито, А. Сукарно, К. Нкрумы в июне 1961 г. в Каире состоялась подготовительная встреча представителей стран Азии, Африки, Европы и Латинской Америки для подготовки конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Согласно рекомендации каирского подготовительного совещания такая конференция была созвана в начале сентября 1961 г. в Белграде. Она заложила основы для дальнейшего развития Движения неприсоединения, открыла новую важную страницу в истории международных отношений. VI конференция неприсоединившихся стран (Гавана, 1979) призвала отметить XX годовщину Первой конференции как «историческую годовщину зарождения движения», а на совещании министров иностранных дел, созванном для подготовки конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели (1981) день открытия Белградской конференции 1 сентября был объявлен «Днем неприсоединения», который рекомендовано отмечать ежегодно.

Историческое значение Первой конференции состоит еще и в том, что на подготовительной ее части, проходившей в Каире, были выработаны критерии, которым должны отвечать страны, желающие принять участие в движении:

— страна должна проводить независимую политику, основанную на принципах мирного сосуществования государств с различным политическим и общественным строем, и политику неприсоединения или демонстрировать склонность к проведению такой политики;

— последовательно поддерживать национально-освободительные движения;

— не вступать в многосторонние военные союзы, заключенные в контексте противоборства между великими державами;

— если государство имеет двустороннее военное соглашение с одной из великих держав или является участником регионального оборонительного союза, то такое соглашение или союз не должны быть заключены исключительно в контексте противоборства между великими державами.

— если страна дала согласие на создание на своей территории военной иностранной базы, то такая концессия не должна быть предоставлена в контексте противоборства между великими державами.

¹⁶ «Международная жизнь», Белград, № 704-5, 20.VIII.1979, с. 15.

Эти критерии участия в Движении неприсоединения остались почти неизменными вплоть до настоящего времени. Известная их строгость привела к тому, что многие страны, участвовавшие в работе Бандунгской конференции, не были допущены на Первую конференцию глав государств и правительств, что придавало движению с самого начала ярко выраженный антиимпериалистический характер.

В дальнейшем страны с консервативными режимами под давлением западных государств неоднократно пытались «либерализовать», а точнее, размыть эти критерии, чтобы открыть дверь для любой страны, изъявившей желание быть участником Движения неприсоединения. Принятие такого требования открывало бы доступ в движение даже тем странам, которые прямо связаны с империалистическими блоками или на территории которых размещены военные базы США и других западных стран.

В целом же критерии неприсоединения носят довольно гибкий характер. И в то же время обеспечивают внутреннюю сплоченность движения, его определенную политическую однородность, что создает достаточно прочный фундамент для борьбы за достижение целей и принципов движения.

Тем не менее следует признать, что даже при соблюдении этих критериев в число неприсоединившихся стран вошли государства, не полностью разделяющие цели и принципы движения. Это привело к известной поляризации среди участников движения, в котором наряду с прогрессивным антиимпериалистическим ядром консолидируется и его антипод — группа стран, которая уклоняется от активной борьбы с империализмом и неоколониализмом, пытается навязать движению соглашательские лозунги и цели, противоречащие самой сути неприсоединения.

У многих участников Движения неприсоединения возникает вопрос: уместно ли пребывание в движении таких стран, на территории которых появились военные базы США или которые проводят проимпериалистическую политику? С другой стороны, предпринимаются попытки изолировать в движении социалистические страны под тем предлогом, что они связаны со странами социалистического содружества и тем самым якобы принадлежат к Варшавскому Договору.

Таким образом, развернувшаяся в движении борьба вокруг критериев неприсоединения перерастает порою в острую политическую борьбу за изменение самой сущности движения, его целей и принципов. От прогрессивного ядра движения потребуется немало усилий, чтобы отвести наскоки подрывных элементов и консолидировать Движение неприсоединения на антиимпериалистических позициях, на позициях борьбы за мир и социальный прогресс.

Что касается целей и задач Движения неприсоединения, то они были первоначально сформулированы еще на Белградской конференции в 1961 г. В принятых конференцией документах — «Декларация глав государств и правительств неприсоединившихся стран» и «Заявление об угрозе войны и призыв к миру» — главы государств и правительств неприсоединившихся стран заявили, что война между народами является анахронизмом и преступлением против человечества, что международное сообщество способно организовать свою жизнь, не прибегая к войне, что в основу отношений между странами с различным общественным строем должен быть положен принцип мирного сосуществования как альтернатива «холодной войне» и возможной всеобщей ядерной катастрофе. В Декларации указывается, что «прочный мир может быть обеспечен только в том случае, если... колониализм, империализм и неоколониализм во всех их проявлениях будут полностью уничтожены»¹⁷.

¹⁷ Two Decades of Non-Alignment, Delhi, 1983, p. 5.

В качестве других наиболее важных задач было указано на необходимость борьбы против колониализма, неоколониализма, расовой дискриминации и апартеида; поддержка национально-освободительных движений; ликвидация иностранных военных баз на чужих территориях; борьба за всеобщее и полное разоружение, запрещенные испытания ядерного оружия; борьба за ликвидацию экономического неравенства и организация эффективного сотрудничества в области экономики и торговли между развивающимися странами.

В дальнейшем по мере развития движения эти цели и принципы уточнялись и дополнялись новыми положениями в соответствии со складывавшейся международной обстановкой.

Важнейшим итогом Белградской конференции явилось то, что она от имени неприсоединившихся стран официально провозгласила отказ от блоковой политики и «неприсоединение к блокам». «Неприсоединившиеся страны, представленные на конференции, — указывалось в Декларации, — не хотят создавать новый блок и не могут быть блоком. Они искренне желают сотрудничать с любым правительством, которое стремится содействовать укреплению доверия и мира во всем мире»¹⁸.

Таким образом, историческое значение Белградской конференции состоит в том, что она определила критерии неприсоединения, сформулировала суть концепции Движения неприсоединения, ее основные цели и принципы.

На Второй конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившей в Каире (октябрь, 1964), присутствовало 47 государств — почти половина всех независимых в то время стран мира. В принятой в Каире «Программе мира и международного сотрудничества» было особенно подчеркнуто, что единственным возможным способом упрочения мира является мирное сосуществование государств с различным социальным строем. В этом важном документе было подтверждено, что право на полную независимость и самоопределение должно быть подтверждено за всеми народами, что суверенное право государств должно признаваться и неукоснительно соблюдаться, что государства должны воздерживаться от любого использования угроз или применения силы, направленных против территориальной целостности и политической независимости других государств. Конференция потребовала, чтобы любое государство воздерживалось от вмешательства во внутренние дела других государств.

В программном документе Каирской конференции декларировалось, что «если колониальные державы упорно сопротивляются стремлению народов осуществлять свое право на самоопределение и независимость, то колониальные народы имеют все законные основания прибегнуть к оружию, защищая свои национальные интересы», и что участники конференции признают национальные движения народов в «качестве единственных представителей их народов»¹⁹. Это очень важное положение послужило огромным стимулом для усиления борьбы колониальных и зависимых народов за свое национальное освобождение.

Участники конференции зафиксировали также положение о том, что все страны обязаны способствовать ускоренному созданию новой, более справедливой мировой системы экономических отношений.

Следующий форум неприсоединившихся государств был проведен в 1970 г. в Лусаке. На нем впервые присутствовали представители национально-освободительных движений и было заявлено о полной поддержке Движением неприсоединения борьбы народов Индокитая против разбойничьей агрессии США.

¹⁸ Two Decades of Non-Alignment, Delhi, 1983, с. 6

¹⁹ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979, с. 74.

На Третьей конференции было дано более широкое определение концепции неприсоединения. «Политика неприсоединения, — говорилось в Декларации, принятой в Лусаке, — возникла как результат решимости независимых стран защитить свою национальную независимость и законные права их народов. То, что неприсоединение превратилось в широкое международное движение, выходящее за рамки расовых, региональных и других барьеров, является составной частью значительных изменений в структуре всего международного сообщества... У истоков этих изменений лежит еще более четко выраженное стремление наций к свободе, независимости и равенству и их решимость сопротивляться любым формам угнетения и эксплуатации. Вот в чем состояло существо и смысл нашей борьбы... В то время, когда поляризация международного сообщества на блоковой основе считалась постоянной чертой международных отношений и угроза ядерного конфликта между великими державами стала постоянно висящим призраком над человечеством, неприсоединившиеся страны открыли перед современным миром новые перспективы и проложили путь к смягчению международной напряженности»²⁰.

Четвертая встреча в верхах неприсоединившихся стран состоялась в 1973 г. в Алжире. Она сыграла важную роль в консолидации рядов движения, подчеркнула важность сотрудничества неприсоединившихся стран с социалистическими странами и другими миролюбивыми и демократическими силами. На конференции в Алжире было принято решение о создании Координационного бюро, в функции которого входит, помимо проведения необходимой подготовительной работы к очередной конференции, координация действий и выработка согласованных позиций неприсоединившихся стран на важнейших международных форумах, и прежде всего в ООН.

Очередная V конференция неприсоединившихся стран состоялась в 1976 г. в Коломбо. В работе конференции приняли участие уже 84 делегации неприсоединившихся стран, 8 наблюдателей и 7 гостей. Конференция проходила в обстановке, когда ведущей тенденцией международного развития стала разрядка напряженности.

Участники конференции заявили, что «неприсоединение символизирует стремление человечества к миру и безопасности в отношениях между народами, решимость создать новый справедливый международный экономический, социальный и политический порядок»²¹. На конференции было уделено большое внимание разработке программы по вопросам безопасности и разоружения, указано на непосредственную связь борьбы за мир и разрядку с борьбой против империализма, неокolonизма, расизма и апартеида.

Важным итогом работы конференции в Коломбо явилось решение о создании Пула информационных агентств неприсоединившихся государств, реализация которого имела целью ограничение свободы деятельности западных держав в области распространения информации в освободившихся странах и укрепление национальных средств массовой информации.

Особое место в Движении неприсоединения занимает Шестая конференция в верхах, проходившая в 1979 г. в Гаване в условиях сложной международной обстановки. Силы империалистической реакции стремились не допустить проведения конференции на земле революционной Кубы, пытались внести раскол и разброд в Движение неприсоединения еще накануне созыва конференции. Однако проники империалистических кругов и их политической агентуры полностью провалились. Движению не только удалось сохранить единство своих рядов, но и консолидиро-

²⁰ Там же, с. 106.

²¹ Там же, с. 302.

вать его на антиимпериалистической платформе. Конференция с особой силой подчеркнула, что мирное сосуществование является единственной альтернативой опасности военного столкновения, что разрядка в Европе повышает безопасность всех государств, особенно тех, которые не входят в военные союзы. Конференция в Гаване глубоко и всесторонне рассмотрела обстановку в Латинской Америке и в районе Карибского бассейна, выразила полную солидарность с борьбой народов этого региона и высказалась за урегулирование конфликтов исключительно мирными средствами.

Итоги Гаванской конференции еще раз подтвердили силу и жизнеспособность Движения неприсоединения, его способность, несмотря на империалистическое вмешательство, решать самые сложные вопросы современности в интересах мира и международной безопасности на основе консенсуса всех участников движения.

Самой представительной в истории Движения неприсоединения явилась VII конференция, проходившая с 7 по 11 марта 1983 г. в столице Индии Дели. Конференция продемонстрировала, что вопросы борьбы за мир и безопасность, за прекращение гонки вооружений и разоружение, за экономическую деколонизацию, за окончательную ликвидацию колониализма и расизма являются генеральным направлением Движения неприсоединения.

Делийская конференция, вопреки предсказаниям ее недругов, продемонстрировала единство рядов движения, его способность искать и находить взаимоприемлемые решения для всех его участников на основе совместной борьбы против сил империализма и реакции. Как заявил на конференции в Дели Фидель Кастро, «перед лицом угрожающей нам ядерной трагедии, драмы, связанной с недостаточно высоким уровнем развития и гнетом эксплуатации, с экономическим и социальным кризисом, нет места смирению и компромиссу. Единственное решение, достойное человека, — это борьба»²².

Из самого краткого анализа документов семи конференций глав государств и правительств, проведенных с 1961 по 1983 г., видно, что основные принципы и цели неприсоединения не претерпели каких-либо существенных изменений. Это:

— борьба против империализма, колониализма, неоколониализма и всех форм расовой дискриминации;

— борьба за утверждение принципов мирного сосуществования в отношениях между странами с различным социальным строем, за упрочение мира и международной безопасности, за прекращение гонки ядерных вооружений, за всеобщее и полное разоружение;

— борьба за перестройку международных отношений на равноправной демократической основе и установление нового международного экономического порядка;

— борьба против информационного империализма, за установление нового информационного порядка;

— борьба против империалистического и иного вмешательства в Движение неприсоединения, за консолидацию его рядов на антиимпериалистической основе.

Объединяющей силой неприсоединения выступает стремление стран-участниц выбраться из вековой отсталости. Большинство участников движения осознанно или стихийно понимает, что преодоление неразвитости и упрочение национальной независимости лежит на пути сплочения их рядов, объединения их усилий и средств в борьбе против империализма и неоколониализма — главных виновников их социальной и экономической отсталости.

²² «Новое время», 18.III.1983, № 12, с. 44.

Вторым не менее важным объединительным фактором неприсоединения является стремление к миру, к утверждению принципов мирного сосуществования в качестве нормы взаимоотношений между странами с различным социальным строем, в качестве единственной основы международных отношений. Сохранение и упрочение мира, углубление разрядки, ослабление международной напряженности, борьба против гонки вооружений рассматривается странами — участницами движения как неперемное условие их социального и экономического развития, условие успешной борьбы против империализма и колониализма.

Страны — участницы Движения неприсоединения все решительнее выступают за демократизацию международных отношений и равноправное участие в выработке и принятии важнейших решений, затрагивающих коренные интересы развивающихся стран. Они требуют установления нового международного порядка, повышения роли ООН и других международных организаций в решении политических, экономических и иных проблем, остро стоящих перед развивающимся миром.

Популярность целей и принципов, за которые борется неприсоединение, их большая притягательная сила повышает авторитет движения в глазах всего освободившегося мира и мировой прогрессивной общественности, вовлекает в его ряды все новые и новые страны национально-освободительные и другие общественно-политические движения.

Неудивительно поэтому, что число участников движения за период от Первой конференции (1961) до Седьмой увеличилось в 4 раза. На Седьмой конференции в Дели были представлены почти все страны Африки, 27 стран Азии и четверть стран Америки.

Из нижеприведенной таблицы видна динамика роста рядов Движения неприсоединения: увеличения числа стран-участниц, наблюдателей (государств и национально-освободительных движений) и гостей (государств и национально-освободительных движений), присутствовавших на конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран (см. табл.).

Таблица

Статус представительства Конференции	Участники		Наблюдатели		Гости	
	государства	нац.-освободит. движения	государства	нац.-освободит. движения	государства	нац.-освободит. движения
Первая конференция, Белград, 1—6.9.61 г.	25	—	3	—	—	—
Вторая конференция, Каир, 5—10.10.64 г.	46*	—	10	—	—	—
Третья конференция, Лусака, 8—10.9.70 г.	54	—	9	—	—	8
Четвертая конференция, Алжир, 5—9.9.73 г.	75	—	8	12	3	—
Пятая конференция, Коломбо, 16—19.8.76 г.	84**	1	8	8	7	—
Шестая конференция, Гавана, 3—9.9.79 г.	89**	3	12	5	8	1
Седьмая конференция, Дели, 7—11.3.83 г.	97***	2	10	1	10	—

Примечания: Таблица составлена на основании заключительных документов конференций. В числе гостей и наблюдателей не указаны ООН и ее органы, а также региональные и другие организации.

* Без представителей революционного правительства Анголы в эмиграции.

** Не включая Белиз, которому предоставлен специальный статус.

*** Не присутствовали представители Народной Республики Кампучии, Сент-Люсии и Чили.

Столь быстрый рост числа стран — участниц Движения неприсоединения свидетельствует о том, что его цели и принципы выдержали испытание временем, ибо они носят справедливый и демократический характер и выражают жизненные интересы как уже освободившихся стран и народов, так и тех, которые еще борются за достижение свободы и независимости.

Было бы неправильно утверждать, что Движение неприсоединения развивается только по восходящей линии и не сталкивается ни с какими трудностями. Следует признать, что по мере роста движения увеличивается и число проблем, не поддающихся простому решению, нередко возникают острые внутренние противоречия между странами с различными социальными системами и неодинаковыми режимами, происходит поляризация сил, появляются различные центробежные тенденции. Известен даже случай добровольного выхода страны из движения (Бирма — в 1979 г.).

Обстановку в движении осложняет отказ некоторых деятелей от антиимпериалистических позиций, выдвижение эклектических и соглашательских концепций оказывает известное негативное влияние на содержание и направление внешней политики движения.

На наличие негативных тенденций в движении не раз указывала безвременно погибшая И. Ганди — один из его выдающихся лидеров. «Лично я думаю, — сказала она, — что движение слишком разрослось и в него вошли люди, которые не стоят на позициях неприсоединения так твердо, как это должно быть»²³.

Но трудности, с которыми сталкивается движение, объяснимы. Ведь оно носит самый широкий характер и открыто для всех освободившихся стран и национально-освободительных движений, которые вносят в него свои специфические настроения и сложные проблемы, требуя их первоочередного решения. В нем могут участвовать все страны, как недавно освободившиеся, так и обретшие свою независимость еще до второй мировой войны, независимо от их социального строя, уровня развития производительных сил, размера государства и его географического расположения. Единственным его критерием является невхождение в какой-либо многосторонний или двусторонний военный союз, в котором участвует та или иная великая держава.

Усиление противоборствующих тенденций в Движении неприсоединения объясняется еще и тем, что к руководству движением пришли новые люди, сменив первое поколение лидеров, заложивших его основы. Если первое поколение руководителей (Дж. Неру, И. Б. Тито, Гамаль Абдель Насер, Ахмед Сукарно, Кваме Нкрума) стояли у истоков национально-освободительной борьбы и возглавляли ее в своих странах, то нынешние лидеры движения сформировались в послевоенный период и, естественно, внесли и вносят в движение свои идеи и свои концепции, которые, как показывает опыт, не всегда отвечают духу времени и реальностям наших дней. Некоторые лидеры движения иногда выдвигают сугубо прагматические требования, выражают готовность идти на компромиссы с империализмом во имя получения кратковременных выгод.

Разумеется, в таких условиях требуются все большие усилия для сохранения и позитивного развития основных целей и принципов движения.

Обстановка, складывающаяся в мире в последние годы, ухудшение ее по вине империализма, делает особо необходимой последовательность участников движения в реализации этих целей и принципов и в сплочении рядов движения на антиимпериалистической основе. Ведь курс американской администрации на ухудшение международной обстановки прямо подрывает основы движения. Составной частью этого кур-

²³ «Washington Post», 7.XII.1980.

са стали агрессивные меры США против наиболее стойких последователей целей и принципов движения. Они наиболее видны в последние годы в политике США и других империалистических держав в отношении председателя движения 1979—1983 гг. Кубы и нынешнего председателя — Индии.

Сила и международный авторитет движения неизменно зависели и зависят от того, насколько последовательно следуют его участники тому, что неоднократно сами декларировали в заключительных документах своих конференций, включая минувшую, Делийскую 1983 г. Тогда они в своей Политической декларации записали, что стержнем их политики всегда была борьба против империализма, колониализма, неоколониализма, апартеида, расизма, в том числе сионизма и против всех форм иностранной агрессии, оккупации, господства, вмешательства или гегемонии, против великодержавной политики и политики блоков, с помощью которых хотят увековечить разделение мира на блоки²⁴. Они тогда же подтвердили свою неизменную приверженность принципам и целям Движения неприсоединения. При этом ими было заявлено, что нарушение этих принципов какой-либо страной не может быть оправдано никакими обстоятельствами и является абсолютно непримлемым²⁵.

Само собой разумеется, что Движение неприсоединения, возникшее в определенных исторических условиях, будет эволюционировать вместе с изменением мировой обстановки и изменением в соотношении классово-политических сил на мировой арене. В этом смысле оно носит переходящий характер, но оно будет действовать как активная социально-политическая сила до тех пор, пока не будут устранены причины и обстоятельства, вызвавшие его к жизни.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что империализм как главный антагонист Движения неприсоединения по-прежнему и еще более утонченно, а где можно — и грубой силой, будет делать все от него зависящее, чтобы расколоть его, оторвать от него страны капиталистической ориентации, включить их в свою военно-политическую стратегию, изолировать в движении и изгнать из рядов страны с прогрессивными режимами, тяготеющие к мировому социализму, размыть антиимпериалистическую, антивоенную основу всего движения, поставить его на службу своим целям и интересам.

Поэтому нельзя закрывать глаза на то, что в движении имеется много уязвимых мест и слабых сторон. Причин для этого немало. Это и существенные различия участников движения по уровню социально-экономического и политического развития, и, следовательно, неоднородность преследуемых ими целей, различный подход к решению насущных международных проблем, расхождения во взглядах на сам характер движения и пр. При этом необходимо отметить, что противоречивые тенденции и даже столкновения интересов между отдельными группами стран, входящих в движение, во многом определяются проблемой взаимоотношений с двумя социальными системами, то есть степенью политической и экономической зависимости от империализма одной группы стран и прочностью отношений с мировым социализмом другой группы. Столкновение противоборствующих сил не может не сказываться на характере принимаемых программных документов, которые нередко носят на себе печать компромиссов и взаимных уступок.

Но при всем том Движение неприсоединения за время своего существования сумело выработать довольно гибкие и эффективные формы координации действий стран-участниц и создать неплохо функционирующую систему органов. Принцип консенсуса оказался единственно приемле-

²⁴ См.: «Коммунист», 1983, № 7, с. 106.

²⁵ Там же.

мым способом преодоления разногласий и нахождения взаимоприемлемых решений, ибо Движение неприсоединения, как и любое другое международное движение, имеющее общественно-политический характер, не располагает необходимыми санкциями и материальными средствами для реализации своих целей и принципов.

Залогом дальнейших успехов движения, во-первых, является то, что его участники в целом, независимо от их социально-экономических систем, уровня развития производительных сил, их размера и географического расположения, понимают, что, если они хотят добиться реальных успехов в борьбе против империализма и неоколониализма, упрочить свою политическую самостоятельность и экономическую независимость, они должны выступать как единая организованная сила на основе соблюдения основополагающих принципов и целей Движения неприсоединения. Во-вторых, сила движения состоит в единстве его действий со всеми антиимпериалистическими, миролюбивыми силами и прогрессивными движениями планеты. Борясь за общедемократические цели, Движение неприсоединения объективно выступает на стороне мирового социализма и вместе с ним наносит удары по политическим, экономическим и идеологическим позициям империализма, поскольку он выступает не только как сила, враждебная социализму, но и как непримиримый враг свободы и независимости народов, вставших на путь самостоятельного развития. Опыт истории убедительно свидетельствует о том, что любое отступление от основных целей неприсоединения, равно как и отход от его главных союзников, ведет к ослаблению движения, к замедлению темпов его развития, к политическому застою. «Любая попытка столкнуть неприсоединившиеся страны с социалистическим лагерем, — говорил Фидель Кастро, — является глубоко контрреволюционной и служит исключительно интересам империализма»²⁶.

Советский Союз, другие социалистические страны считают Движение неприсоединения частью мирового антиимпериалистического фронта борьбы, важным фактором, действующим в пользу мира и социального прогресса, в пользу оздоровления международной обстановки.

Политика сотрудничества и взаимодействия двух важнейших международно-политических сил современности — мирового социализма и Движения неприсоединения, выступающих в союзе с мировым национально-освободительным и рабочим движением, — является исторически верным направлением борьбы против империализма и реакции, за мир и международную безопасность.

В речи на обеде в честь премьер-министра Республики Индии Р. Ганди в Кремле 21 мая 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев дал высокую оценку роли и деятельности движения в современном мире. «Одна из реальностей нынешнего мира — выход на мировую арену десятков государств Азии, Африки и Латинской Америки, стремящихся преодолеть пагубные последствия колониализма. Подавляющее большинство из них придерживается политики неприсоединения. Возникновение движения неприсоединения, его превращение в важный фактор мировой политики — закономерное явление современности»²⁷.

²⁶ "El Moudjahid", 8.IX.1973.

²⁷ «Правда», 22.V.1985.

От редакции. Публикуя статью доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР А. П. Маркова, редакция и редколлегия журнала поздравляют нашего автора с 70-летием и желают ему крепкого здоровья, творческого долголетия.

Новый этап милитаризации Японии

А. П. МАРКОВ,
доктор исторических наук

Проблемы вооружения Японии, возрождения японского милитаризма привлекают пристальное внимание мировой общественности на протяжении всех послевоенных лет. Начавшись в 1950 г., когда был создан резервный полицейский корпус (на его базе в 1954 г. были сформированы «силы самообороны» Японии), процесс милитаризации страны к началу 80-х годов достиг весьма высокого уровня. Военные расходы Японии за это время возросли более чем в 140 раз — с 86 млн. долл. в 1951 г. до 12,027 млрд. долл. в 1984 г., — а «силы самообороны» превратились в современную армию, оснащенную всеми новейшими видами оружия, кроме ядерного. В 1985 г. военные расходы Японии вновь увеличены на 6,9 % и составляют 3,14 трл. иен (13,4 млрд. долл.)¹. В сентябре правительством был утвержден новый пятилетний план военных ассигнований на 1986—1990 гг., которым расходы на военные нужды определены в сумме 76 млрд. долл. Таким образом, впервые после войны будет нарушен ранее принятый парламентом принцип, согласно которому военные расходы не должны превышать 1 % стоимости валового национального продукта.

Процесс «ползучей милитаризации» Японии, наличие которого, вопреки очевидным фактам, пытаются отрицать и опровергать ее правящие круги, развивался нарастающими темпами. Однако на рубеже 80-х годов, особенно с приходом к власти в ноябре 1982 г. кабинета Я. Накасонэ, этот процесс получил качественно новое развитие. Находясь в январе 1983 г. с официальным визитом в Вашингтоне, японский премьер-министр заявил о своем намерении превратить Японию в «непотопляемый авианосец»², приложив энергичные усилия для достижения указанной цели.

Несомненно, Вашингтон настойчиво добивается ускорения милитаризации Японии. Проводя политику «тотальной милитаризации», администрация Р. Рейгана перешла к фронтальному нажиму на Японию, стремясь заставить ее правящие круги играть активную роль в реализации этой опасной политики. Нажим Вашингтона, принявший крайне жесткие, порой оскорбительные для Японии формы, практически не встречает противодействия ее руководства. И все же не только американское давление определяет принятие в Токио решений милитаристского плана. Скорее поощрение из Вашингтона является мощным акселератором деятельности крайне реакционных, милитаристских сил в самой Японии, которые давно ждали своего часа, чтобы перейти в наступление.

Эти силы отнюдь не примирились с поражением во второй мировой войне. Отмечая 40-ю годовщину Победы над милитаристской Японией, нелишне напомнить о некоторых фактах тех далеких дней, свидетельст-

¹ См.: Бозй хандо буку (Справочник по обороне). Токио, 1984, с. 186; «Правда», 30.XII.1984.

² In: "Far Eastern Economic Review", February 3, 1983.

вующих о том, как поражение было воспринято теми силами в Японии, которые ввергли страну в кровопролитную войну, а ныне энергично добиваются возрождения ее военной мощи. Сразу после капитуляции в августе 1945 г., накануне высадки союзных войск на территории Японии на улицах Токио и других японских городов появилось множество ярко раскрашенных щитов, гласивших, что капитуляция — это всего лишь неприятный эпизод в истории страны, за которым последует возрождение ее военного потенциала, что Япония вернет себе былую славу и мощь и пр. 15 августа 1945 г. диктор, передав по радио приказ императора Хирохито о капитуляции японской армии, зачитал следующее заявление: «Мы проиграли, но это только временно. Ошибка Японии состояла в недостатке материальной силы, научных знаний и вооружений. Эту ошибку мы исправим»³.

В те дни подобным фактам не придали значения: судьба японского милитаризма, казалось, была предрешена. Однако последующие события показали, что это не так. И теперь, говоря о происходящем процессе возрождения японского милитаризма, нельзя не видеть, что он принимает все более опасный характер и решающее значение имеет то обстоятельство, что Япония была и остается типичным империалистическим государством со всеми присущими ему особенностями политики и методов ее проведения. У власти в стране стоят консервативная бюрократия и крупный монополитический капитал, а имперское стремление к эксплуатации и господству над другими народами, как и прежде, лежит в самой основе проводимой ими через Либерально-демократическую партию (ЛДП) политики. Именно это стремление к эксплуатации и господству, по выражению В. И. Ленина, и «есть, говоря кратко, содержание империалистической политики»⁴. Логическим следствием такого стремления является милитаризация, которая естественно присуща капиталистическому способу производства, неизбежным развитием основ которого является война⁵. Главное содержание империалистической политики Японии после войны не изменилось, хотя и произошли временные изменения в сроках и методах достижения экспансионистских целей.

На рубеже 80-х годов милитаристы и сторонники «решительных действий» из правящих кругов и «большого бизнеса» вновь вышли на авансцену, а «ястребы» занимают господствующие позиции в руководстве страны. Силой, которая облегчила им приход к власти, явились США, которые давно настаивали на милитаризации Японии. Следует отметить, что и ранее существовавшие некоторые разногласия между Вашингтоном и Токио по вопросам милитаризации, вовлечения Японии в глобальную стратегию США были связаны отнюдь не с принципами подхода к этой проблеме, а касались лишь масштабов и сроков реализации поставленных целей. Теперь эти разногласия устранены, и Япония стала на путь интенсивной милитаризации.

* * *

Качественные изменения в политическом курсе Японии на рубеже 80-х годов получили воплощение в новых решениях и практических шагах ее правительства и парламента, в их подходе к наиболее важным, имеющим принципиальное значение вопросам внешней и внутренней политики, что придало политическому курсу страны более откровенно реакционный, милитаристский характер. Эти изменения, знаменовавшие процесс сползания Японии к откровенно милитаристскому курсу, ранее носили относительно малозаметную для общественности страны форму различных договоренностей и соглашений, главным образом между во-

³ W. Price. Key to Japan. New York, 1946, p. 80—89.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.

⁵ См.: там же, т. 26, с. 353.

енными ведомствами США и Японии по отдельным, но отнюдь не мало-важным вопросам, «представляющим взаимный интерес». Такие соглашения и договоренности, достигнутые без лишнего шума, отражали совершенно определенные тенденции и устремления обеих стран. Однако наличие их еще не означало, что новый курс Японии в вопросах военной политики уже сформирован и принят ее руководством.

Это произошло в мае 1981 г. в результате переговоров премьер-министра Японии Дз. Судзуки с президентом США Р. Рейганом⁶, когда по ряду принципиальных вопросов, касающихся будущей военной политики Японии, была выработана общая позиция сторон, отражающая интересы наиболее реакционных, воинственных кругов США и Японии. Японо-американский «договор безопасности» впервые был признан в качестве «военного союза», подобного тому, который существует среди стран — участниц военного блока НАТО⁷.

Правда, вернувшись в Токио, Дз. Судзуки пытался отрицать, что в политике Японии произошли изменения, заявив, что союз Японии с США, о котором говорилось в коммюнике, опубликованном после переговоров с Р. Рейганом, вовсе не означает усиления военного сотрудничества и не накладывает на Японию каких-либо новых обязательств. Когда же от Дз. Судзуки потребовали дать в парламенте официальное разъяснение того, что он подразумевает под словом «союз», он отказался это сделать⁸.

Следует отметить, что в послевоенные годы позиция японского правительства в вопросах военной политики всегда была противоречивой: с одной стороны, энергичные меры с целью наращивания военного потенциала, с другой — стремление отрицать очевидные факты, подчеркивая, что Япония навсегда отказалась от милитаризации, а ее политика направлена на утверждение стабильного мира и разрядки в Азии и во всем мире. Эта противоречивость проявилась особенно рельефно также и во время визита Дз. Судзуки в Вашингтон.

Существуют определенные причины, обуславливающие непоследовательность и противоречивость позиции японского правительства в вопросах, касающихся военной политики страны. Среди этих причин крайняя непопулярность в японском народе, в общественно-политических кругах Японии курса на милитаризацию, укрепление военного союза с США. Опросы общественного мнения Японии, проведенные в мае 1983 г., показали, что около 70 % опрошенных высказались против политики милитаризации и осудили заявление Я. Накасонэ об «общей судьбе» Японии и США в вопросах военной стратегии, 50 — высказались против пересмотра конституции, 30 % — за ее обсуждение⁹. При опросе, проведенном в апреле 1984 г., лишь 10 % опрошенных поддержали проводимый Я. Накасонэ курс. Этот курс вызывает тревогу и обеспокоенность в странах Азии. Он подвергается справедливой критике Советским Союзом, другими социалистическими и развивающимися странами.

Зная о крайней заинтересованности Вашингтона в укреплении военно-политического союза с Японией, ее руководство в послевоенные годы довольно умело использовало данное обстоятельство для решения проблем экономического развития страны, утверждения своих позиций на мировых рынках, в том числе на рынках США и капиталистических стран Европы, избегая, однако, связывать себя обязательствами прямого участия в агрессивной политике США. До поры до времени такая политика приносила свои плоды, поскольку Вашингтон, хотя и не скрывал недовольства несговорчивостью своего партнера, которого он именовал «безбилетным пассажиром», все же считал нужным мириться с таким

⁶ Визит Дз. Судзуки в США проходил с 4 по 8 мая 1981 г.

⁷ См.: «Асахи», 5.V.1981

⁸ См.: «Правда», 16.XI.1981.

⁹ In: "Christian Science Monitor", 4.IV.1983.

положением, не желая осложнять и без того непростые отношения с Японией.

Стремясь, однако, к своей неизменной цели — «тотальной милитаризации» Японии, превращению ее в вооруженного «агента» США в Азии, — Вашингтон пошел по пути постепенного дополнения японо-американского «договора безопасности» новыми двусторонними соглашениями, документами и договоренностями. Все вместе они фактически были направлены на то, чтобы поднять военно-политические отношения двух стран на новый, более высокий союзнический уровень, заставить Японию ускорить процесс вооружения, открыть доступ США к использованию в военных целях ее научно-технических достижений, устранить всякие препятствия на пути координации боевых операций вооруженных сил двух стран в случае возникновения войны. Иными словами — подчинить Японию интересам глобальной стратегии США.

Политический курс американской администрации в вопросе милитаризации Японии, ее участия в военной стратегии США встретил теперь полное понимание и поддержку в кругах японских «ястребов» и реакционеров, мечтающих о превращении страны в военную державу. Воплотить «совпадающие интересы» сторон в соответствующие договоренности и соглашения не представляло уже большого труда. В июне 1976 г. был создан двусторонний консультативный комитет (на уровне руководителей военных ведомств) для координации военных и политических мер, предпринимаемых Японией и США, с целью проведения совместной военной стратегии. «В задачи комитета входит выработка установок для совместных операций вооруженных сил обеих стран, осуществление взаимосвязи между военными органами, разграничение функций вооруженных сил и разработка рекомендаций для комитета безопасности»¹⁰, созданного в 1957 г.

Спустя два года, то есть в 1978 г., консультативный комитет разработал и представил на одобрение комитета безопасности «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в вопросах обороны» («Нитибэй боэй кёрёку-ни кансүру сисен»), которыми предусматривалось ускоренное развитие японских вооруженных сил, а также возможность для дислоцированных в Японии американских войск в случае серьезных осложнений в регионе в любой момент занять боевые рубежи. Предусматривалось также, что стороны будут разрабатывать планы совместных боевых действий, обмениваться разведывательными данными о силах «вероятного противника». Военные базы на территории Японии в случае необходимости поступают в совместное пользование вооруженных сил двух стран¹¹. «Принципам» предусматривалось также создание в будущем в Японии Объединенного штаба командования, предлагалось разработать наступательную тактику в соответствии со стратегией США на случай возникновения острой ситуации в регионе.

В том же году была создана специальная группа для разработки чрезвычайного законодательства Японии с целью правового обеспечения действий «сил самообороны» в случае «неожиданного нападения извне». В 1979 г. начал работать японо-американский Совет по вооружению и технике. В его задачи входят вопросы стандартизации вооружения двух стран, обмена военной техникой и лицензиями. Указывая на важность процесса вовлечения Японии в военную стратегию США, опубликованная в Вашингтоне брошюра «Вклад Японии в военную стабильность в районе Северной Азии» подчеркивала исключительно удобное географическое положение страны для использования ее территории в военных целях против соседних государств. «Япония занимает положение в центре региона, где проходят основные торговые и военно-морские пути, —

¹⁰ См.: Япония. Ежегодник. М., 1981.

¹¹ См.: «Кокусай мондай сирё», 1979. № 1, с. 32—33.

говорится в брошюре. — Поэтому она может обеспечить базу для военно-морских сил, которые будут отсюда осуществлять контроль за военными кораблями, и для военно-воздушных сил, которые окажутся в благоприятных условиях для нанесения ударов по объектам на территории Советского Союза, КНР и Северной Кореи»¹².

Одновременно происходил сдвиг в сторону ускорения вооружения страны. В октябре 1976 г. была принята Общая программа национальной обороны, подчеркивающая необходимость дальнейшего наращивания военной мощи Японии. Состоялись переговоры о закупке Японией в США 100 истребителей-бомбардировщиков F-15 и другой военной техники на общую сумму около 1 трлн. иен. В 1978 г. был подписан контракт, согласно которому вооружение начало поступать в Японию¹³.

В соответствии с Общей программой национальной обороны в конце 70-х годов увеличились ассигнования на научно-исследовательские и конструкторские работы в военной области, составившие 154 млрд. иен, не считая разработок частных фирм¹⁴. Японская промышленность все больше ориентируется на производство военной техники, разработанной в самой Японии. «Ежегодное увеличение военных расходов, — писала в связи с этим английская «Файнэншл таймс», — может достичь 20 % бюджета. Этого достаточно, чтобы сделать военное производство привлекательным. Более сложным является вопрос: готов ли мир приветствовать возрождение потенциала японской военной промышленности. На каком-то этапе в не столь отдаленном будущем Японии, возможно, придется снять «маску» полного пацифизма»¹⁵.

Таким образом, к маю 1981 г., когда состоялся визит японского премьер-министра Дз. Судзуки в Вашингтон, где было достигнуто соглашение о повышении уровня японо-американских военно-политических отношений до статуса военного союза со всеми вытекающими из этого последствиями, решение многих важных связанных с этим вопросов было практически уже согласовано на более низких уровнях. Оставалось только поставить точки над «i», признав то, что стало, по сути дела, свершившимся фактом.

Тем не менее по возвращении из Вашингтона Дз. Судзуки, по мнению американской администрации и японских «ястребов», проявлял «колебания» и без должной энергии выполнял принятые на переговорах с Р. Рейганом обязательства. «Нерешительность» его в значительной степени была обусловлена возмущением общественности страны результатами его переговоров в Вашингтоне, протестами не только оппозиционных партий, профсоюзов, демократических организаций, но и «умеренных» в правящих кругах.

Подвергаясь критике как справа, так и слева, кабинет Дз. Судзуки в ноябре 1982 г. ушел в отставку. Однако итоги переговоров премьер-министра, в полной мере отвечавшие требованиям реакционных кругов и военщины Японии и США, остались в силе. Они облегчили задачу кабинету министров во главе с Я. Накасонэ, который, энергично проводя в жизнь наращивание мощи японских вооруженных сил, начал свою деятельность с утверждения, что он всего лишь продолжает политику, проводимую правительством Дз. Судзуки, выполняя взятые Японией обязательства исключительно «в оборонительных целях»¹⁶.

¹² Japan's Contribution to Military Stability in Northeast Asia. Washington, 1980, p. 26.

¹³ См.: «Правда», 9.IV.1978.

¹⁴ См.: Дзэнэтай соби нэнкан (Ежегодник по вооружениям сил самообороны). Токио, 1980, с. 500.

¹⁵ "Financial Times", 5.III.1981.

¹⁶ In: "Far Eastern Economic Review", May 5, 1983, p. 39.

* * *

Правящие круги Японии, санкционировавшие крайне непопулярную в народе политику интенсивной милитаризации, считали, что для ее претворения в жизнь нужен деятель, способный без колебаний прибегать к решительным, даже репрессивным мерам по отношению к ее противникам, человек, обладающий вместе с тем необходимой гибкостью и умением пустить в ход демагогические приемы. Именно таким человеком они признали Я. Накасонэ.

Я. Накасонэ доказал, что он умеет также находить «общий язык» как с руководителями соперничающих фракций и групп внутри правящей Либерально-демократической партии, так и с влиятельными кругами «большого бизнеса» и с американской администрацией, чье доброжелательное отношение для политического деятеля в современной Японии имеет особо важное значение. В день вступления на пост премьер-министра Я. Накасонэ сделал на пресс-конференции заявление «Моя политическая вера», в котором еще раз подтвердил свою неизменную приверженность идее создания «сильной Японии», проводящей активную военную политику в союзе с США, свою верность укреплению японо-американского «договора безопасности». Заявление Накасонэ было с удовлетворением воспринято в американской столице. Государственный секретарь Дж. Шульц в беседе с представителем японских экономических кругов высказался в поддержку кандидатуры Я. Накасонэ на пост премьер-министра Японии¹⁷.

Готовясь занять высший пост в руководстве страны, Я. Накасонэ постоянно стремился завоевать доверие американской администрации, представителей американского крупного бизнеса, военщины и бюрократии, стараясь быть «своим человеком» в Вашингтоне. Приезжая туда в качестве начальника Управления национальной обороны Японии по приглашению тогдашнего министра обороны Лэйрда и в начале 70-х годов в качестве министра внешней торговли и промышленности в кабинете К. Танака, он предлагал секретно везти в Японию ядерное оружие, что полностью противоречило официальной позиции правительства, придерживавшегося «трех неядерных принципов»¹⁸. За это Я. Накасонэ подвергли резкой критике в парламенте и в прессе.

Поощряемый японским коллегой, Лэйрд прибыл в Токио в июле 1971 г., где выдвинул идею создания в Азии «тотальной силы», в соответствии с которой американские вооруженные силы и вооруженные силы Японии, Южной Кореи, а также ряда других азиатских государств могли бы образовать «единое целое» под общим американским командованием¹⁹. Японии предлагалось сосредоточить основные усилия на укреплении обычных вооружений, в то время, как США занялись бы разработкой ядерных и стратегических видов вооружений. Лэйрд предложил, чтобы японские вооруженные силы также взяли на себя выполнение некоторых функций американского 7-го флота²⁰. Предложение Лэйрда встретило негативную реакцию в Японии, Китае, а также в странах АСЕАН (Индонезии, Малайзии, Таиланде, Сингапуре, на Филиппинах). В частности, сообщая о переговорах Лэйрда в Токио, китайское агентство Синьхуа подчеркивало антикитайский аспект концепции «тотальной силы». Оно справедливо указывало, что США «замышляют выдвинуть японский милитаризм на передовую линию агрессивной политики в Азии». «Вот к чему сводится концепция «тотальной силы», вот к чему сводится «доктрина Никсона», — отмечало агентство²¹.

¹⁷ См.: «Акахата», 26.XII.1982.

¹⁸ См. там же, 10.XII.1982.

¹⁹ In: "Washington Post", 10.VII.1971.

²⁰ In: "Asahi Evening News", 9.VII.1971.

²¹ «Информационный бюллетень агентства Синьхуа», 31.VII.1971, с. 19—22.

Концепция «тотальной силы» была отвергнута Японией, правительство которой в то время предпочитало не связывать себя с США конкретными обязательствами военного характера. Позиция Токио вызвала крайнее разочарование американской администрации. «Никсон рассчитывал на то, что Япония станет краеугольным камнем коллективной безопасности в Азии, — писал в этой связи японский историк М. Ириэ. — Ввиду оппозиции Японии эта идея не осуществилась»²². М. Ириэ считает, что отказ Японии от участия в создании «тотальной силы» «побудил Вашингтон в 1972 г. изменить свою политику в отношении Китая, отказавшись от его сдерживания и изоляции»²³. Теперь, проводя в жизнь фактически все ту же идею создания в Азии так называемой тотальной силы с участием вооруженной Японии под руководством Соединенных Штатов, администрация Р. Рейгана опирается на правительство, возглавляемое ее «лучшим другом» Я. Накасонэ. Накасонэ, писала газета «Асахи», резко отмежевался от традиционной «сдержанной» японской дипломатии и поставил себя рядом с наиболее воинственными деятелями крайне правого крыла НАТО, открыто поддержав практически все внешнеполитические концепции администрации Р. Рейгана²⁴. Накасонэ является сторонником укрепления военно-политических связей и контактов Японии с Североатлантическим блоком. Он выступает за расширение военного сотрудничества с Южной Кореей, считая возможным формирование тройственного альянса США — Япония — Южная Корея.

Вместе с тем в биографии Накасонэ и в его убеждениях, которые он в разное время высказывал, существуют немаловажные моменты, которыестораживают американских политологов. В книге «Япония заявляет», опубликованной в 1977 г., Накасонэ, выступая за наращивание военной мощи Японии, ратовал за последующий «вывод американских войск» из Японии, «за союз с США на равной, разумной основе»²⁵. Еще ранее, в 1967 г., он говорил: «Не имея природных ресурсов и занимая малую площадь, наша страна должна иметь надежную гарантию — вооруженные силы... Учитывая постоянно меняющуюся международную обстановку, нужно гибко использовать японо-американский «договор безопасности», а в будущем и вовсе от него отказаться»²⁶.

Девиз Я. Накасонэ — «Победитель всегда прав, но побеждает тот, кто обладает силой», — писала газета «Акахата»²⁷. Идя навстречу требованиям Вашингтона об укреплении военного потенциала Японии, активизации ее военной роли в Азии в союзе с США, Я. Накасонэ надеется сделать Японию сильной и в военном отношении, способной не только «на равных» разговаривать с Вашингтоном, но и играть особую роль в Азиатско-тихоокеанском регионе, где Япония всегда претендовала на лидирующее положение. Ведь именно соперничество между США и Японией за господство в этом регионе и послужило главной причиной японо-американской войны в начале 40-х годов. Указывая на национализм Я. Накасонэ, его заявления об «особой роли» Японии в Азии, газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Накасонэ — это японский Конрад Адэнауэр, который в 50-х годах сделал возможным перевооружение Западной Германии. Но если Накасонэ — японский Конрад Адэнауэр, то он, возможно, также и японский Шарль Де Голль. Прежде японская политика формировалась в Вашингтоне. Накасонэ хочет, чтобы она вырабатывалась в Токио. Он — бегун на длинные дистанции...»²⁸

²² М. Ириэ. Никсон хатюго-но ниттю (Японо-китайские отношения после визита Никсона в Китай). Токио, 1973, с. 16—17.

²³ Там же, с. 16—17.

²⁴ См.: «Асахи», 20.I.1984.

²⁵ Я. Накасонэ. Ниппон ва сэнгэн. Токио, 1977, с. 32.

²⁶ «Комэй симбу», 24.II.1982.

²⁷ «Акахата», 25.XI.1982.

²⁸ «Wall-Street Journal», September 1, 1983, p. 1, 14.

Хорошо зная об этих настроениях Я. Накасонэ, американская администрация требует от него послушания, надеется использовать его милитаристские устремления, его популярность в реакционных буржуазных кругах, чтобы заручиться их активной поддержкой в деле повышения военной роли Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе, но под эгидой США.

Принципиально новой чертой политики кабинета Я. Накасонэ стало стремление играть роль «самостоятельного участника» в решении военно-политических проблем, существующих в отношениях с США и странами Западной Европы на правах «представителя Азии», который лучше, чем США и страны НАТО знает ее проблемы. Касаясь этого вопроса, журнал «Тью корон» писал: «Вовлечение Японии в систему, руководство которой в соответствии с «договором безопасности» принадлежит США, вытекало из ее положения как периферийной державы с низким уровнем цивилизации. Такая расстановка сил уже перестала соответствовать уровню развития современной Японии»²⁹. «США рассматривают Японию, — писал другой японский журнал, — не как союзника, а как свой военный протекторат»³⁰.

Способствуя милитаризации Японии, Вашингтон видит задачу в том, чтобы «канализировать» растущую военную мощь этой страны против СССР и других социалистических стран, с помощью ссылок на «угрозу безопасности Японии этих государств заставить ее военный потенциал служить прежде всего целям собственной гегемонистской политики в этом районе земного шара. «Суть рейгановской политики в Азии определяется ее стремлением к созданию антисоветской коалиции в рамках доктрины, направленной на восстановление американского лидерства в Азии», — писал в связи с этим журнал «Юнайтед стэйтс энд уорлд рипорт»³¹.

Между тем политика правительства Я. Накасонэ преследует собственные, вполне определенные цели: сильная в экономическом отношении и вооруженная Япония должна быть не просто плацдармом в стратегии Вашингтона, а одним из политических лидеров капиталистического мира, оказывающим влияние на выработку общего курса западного блока, который мыслится как совместное окружение и истощение Советского Союза. Вместе с тем за разговорами о «солидарности с Западом» скрывается стремление Токио нейтрализовать и ослабить протекционистские тенденции в США и странах «Общего рынка», сохранить открытым для японских товаров доступ на рынки этих стран, а также тех развивающихся государств, которые находятся в сфере влияния империалистических западных держав.

* * *

Начав деятельность в качестве премьер-министра с заявления о стремлении превратить Японию в «непотопляемый авианосец», Я. Накасонэ вскоре вынужден был умерить тон своих выступлений, все чаще прибегая к миролюбивой фразеологии. Это стало заметно после внеочередных выборов в нижнюю палату парламента в декабре 1983 г., когда возглавляемая им Либерально-демократическая партия потерпела поражение, потеряв большинство в парламенте.

Однако само существо военной политики правительства ЛДП не изменилось. В частности, продолжая утверждать, что будут соблюдаться «три неядерных принципа», правительство не препятствовало заходу и пребыванию в японских портах американских судов с ядерным оружием; продолжалась подготовка аэродрома Мисава для размещения 50 аме-

²⁹ «Тью корон», 1985, № 1, с. 108.

³⁰ «Asian Perspective», Spring, Summer, 1983, p. 57.

³¹ «U. S. News and World Report», August 10, 1981, p. 36.

риканских истребителей-бомбардировщиков F-16, способных нести ядерное оружие (размещение их уже началось. Одновременно в Мисава строятся склады для ядерных бомб); было дано согласие на возможное приземление в Японии американских самолетов с ядерным оружием, дислоцированных в Южной Корее. Иными словами, правительство пошло на явное нарушение «трех неядерных принципов». Касаясь этого вопроса, газета «Акахата» писала: «Японо-американский военный союз превратился в ядерный, вступив в одну из самых опасных фаз в своей истории»³². В кабинете министров Я. Накасонэ было отдано распоряжение о практической подготовке японских ВМС к охране морских путей и к блокированию проливов, а летом 1983 г. и в последние годы в проливы направлялись японские корабли для наблюдения за движением советских судов.

В начале января 1985 г. состоялся визит Я. Накасонэ в Вашингтон, где он выступил в поддержку американской программы разработки космических вооружений, высказав полное одобрение милитаристской политики, проводимой администрацией Р. Рейгана. В декабре 1984 г., накануне отъезда премьер-министра Японии в Вашингтон, председатель Объединенного комитета штабов японских вооруженных сил генерал Ватанабэ и командующий вооруженными силами США генерал Таксиер подписали протокол о совместных боевых операциях двух государств в случае возникновения «чрезвычайной ситуации». При этом речь идет о совместных действиях вооруженных сил США и Японии не только в Японии, но и за ее пределами. Протокол предусматривает не только взаимодействие штабов в разработке соответствующих планов, но и создание специальных органов для координации их осуществления. Предусмотрена возможность использования вооруженными силами США, помимо имеющихся у них баз, японских аэродромов, портов, складов, дорог, которые могут потребоваться для материально-технического обеспечения боевых операций на Дальнем Востоке³³.

Все это сопровождается заверениями японских руководителей в том, что ничего не происходит, и Япония выступает за мир в Азии и во всем мире. Эта демагогия вызывает резкое осуждение в японской печати, а также в прессе азиатских стран. В парламенте Я. Накасонэ на словах выступал за мирную политику, писала газета «Асахи», но встает вопрос, как с этим можно примирить наращивание кабинетом военной мощи страны³⁴.

Процесс превращения Японии в «военную державу», в плацдарм американского империализма, направленный против СССР, других социалистических государств, в 80-х годах принимает качественно новый характер. Япония отошла от прежней относительно сдержанной позиции в выполнении требований Вашингтона. Она согласилась обеспечивать американские ядерные подводные лодки и другие военные корабли разведывательной информацией, касающейся оборонительных мероприятий СССР на Дальнем Востоке. Японские вооруженные силы ведут систематическое слежение на морских путях за передвижением советских кораблей и подводных лодок, передавая полученные сведения американскому командованию³⁵. Обсуждается возможность взятия военно-морскими силами Японии конвоирования американских судов с ядерным оружием на борту. Начальник УНО Японии К. Таникава заявил, что «японские военные суда могут защищать американские корабли независимо от того, имеют они на борту ядерное оружие или нет»³⁶.

³² «Акахата», 23.V.1982.

³³ См.: «Правда», 29.XII.1984.

³⁴ См.: «Асахи», 9.VIII.1983.

³⁵ In: "Japan Times", 9.III.1983.

³⁶ «Асахи», 5.III.1983.

На качественно новую ступень подняты отношения между США и Японией в области обмена военно-технической информацией и стандартизации вооружения. Если до середины 50-х годов военная техника для «сил самообороны» поступала в основном из США, а в последующие годы во все больших масштабах производилась в Японии главным образом по американским лицензиям, то в 70-х и особенно в 80-х годах Япония стала все чаще сама поставлять для американской армии новейшую военную технику и результаты научных разработок, имеющих военно-прикладное значение. В 1981 г. импорт иностранной военной техники в Японию составил всего 10 % ³⁷. Одновременно Токио налаживает вывоз японской военной техники за рубеж.

В 1983 г. Соединенными Штатами и Японией осуществлялось в общей сложности 320 совместных проектов по производству военной техники, в том числе по производству истребителей F-15, противолодочных самолетов P-3C и пр. В США закупались самолеты-радары «E2C Хокэй», ракеты «Гарпун» (корабль — корабль). По американским лицензиям в Японии выпускались тяжелые вертолеты, ракеты «Пэтриот». В общей сложности в указанном году на производство военной техники по американским лицензиям было израсходовано 2,75 трлн. иен. В «рекомендациях» рабочей группы стран НАТО и Японии, созданной в 1980 г., подчеркивается, что Япония и США должны стандартизировать свои разведсредства, средства связи, службы снабжения войск, системы транспорта, чтобы иметь возможность действовать совместно в сложной обстановке войны ³⁸.

В 1980 г. между двумя странами было заключено соглашение об обмене военной техникой. Однако это соглашение не удовлетворяло Пентагон, поскольку оно не налагало на Японию прямого обязательства передавать Соединенным Штатам свою военную технологию. В январе 1983 г. по настоянию Вашингтона было парафировано новое соглашение, подписанное во время визита президента Р. Рейгана в Японию в ноябре 1983 г. Соглашение определяло как характер военной техники и технологии, которые США хочет получить от Японии, так и порядок их передачи. Была также создана двусторонняя комиссия, которая должна в каждом отдельном случае рассматривать вопрос о передаче. Поставщиками новой японской техники и технологии в США могут быть не только государственные предприятия и научные учреждения, но и частные компании.

Милитаристские тенденции в Японии усиливаются. Определенные круги в Токио и Вашингтоне, игнорируя уроки второй мировой войны, хотят привести военную мощь Японии в соответствие с ее большими экономическими и техническими возможностями, превратить Японию в «крупную военную державу», в хорошо вооруженный плацдарм агрессии американского и японского империализма в Азиатско-тихоокеанском регионе. Не допустить реализации этих замыслов, положить конец политике наращивания военной мощи страны — такую задачу ставят прогрессивные силы Японии, отражая коренные интересы японского народа, народов других государств этого региона.

³⁷ См.: Бэй нэнкан, 1981. Токио, 1981, с. 476.

³⁸ In: "NATO Review", 1981, N 2, p. 12—16.

Некоторые направления внешней политики Сеула

О. В. ДАВЫДОВ,

В. В. МИХЕЕВ

Начало 80-х годов отмечено активизацией политики США в Азии. Придавая большое значение Азиатско-тихоокеанскому региону для стратегических, глобальных интересов США, Вашингтон преследует цель создать здесь наряду с Западной Европой новый фронт противостояния Советскому Союзу, другим социалистическим странам, борьбы против национально-освободительного движения. Ставится задача изменить в пользу США сложившийся в регионе военно-политический баланс сил главным образом путем создания на Дальнем Востоке нового рубежа базирования ракетно-ядерных сил, максимально приближенного к границам СССР, подключения военных и экономических ресурсов ряда азиатских стран к военной мощи США, создания в итоге широкой военно-политической структуры по типу НАТО.

Такой курс не может не вызывать негативную реакцию у большинства стран региона. В этих условиях США вынуждены искать новые методы борьбы за укрепление своего влияния в Азии. Все более открыто ставка делается на поиск и усиление опорных пунктов Вашингтона в тех государствах Азии, правящие круги которых идут в фарватере американской политики. Оказавшись в сфере влияния США, эти режимы в свою очередь пытаются использовать создавшееся положение в собственных интересах.

Это в значительной мере относится и к Южной Корее, чей экономический потенциал, стратегическое положение вблизи границ СССР и других социалистических стран Азии, растущие военно-политические возможности обуславливают постоянный интерес США, их стремление активнее подключать Сеул к своему гегемонистскому курсу в Азиатско-тихоокеанском регионе. Для правящих кругов Южной Кореи тесные связи с Вашингтоном являются важной гарантией существования режима, а в последнее время и выгодной возможностью реализации попыток расширения своего влияния в региональных делах.

* * *

Южнокорейский режим, будучи детищем «холодной войны», сам факт создания и существования которого определялся потребностями имперской политики Вашингтона в Азии, с момента возникновения является послушным орудием сил империализма. Внешнеполитические акции режима, который долгие годы паразитировал на международной напряженности, характеризуются духом яркого антикоммунизма, агрессивности. Призывы Сеула к наращиванию сил с целью «победы над коммунизмом» отвечают политике жесткой конфронтации с силами социализма и прогресса, проводимой империализмом, прежде всего американским.

Вместе с тем механизм сотрудничества Сеула с его империалистическими партнерами, безотказно функционировавший довольно долгое

время, начал давать сбои с изменением политического климата в Азии в середине 70-х годов. Процесс перестройки военно-политической системы империализма на Дальнем Востоке на основе концепции «регионального равновесия сил», маневрирование Вашингтона и Токио в отношении Пекина с недоверием воспринимались в Сеуле. Здесь опасались, что «уход» Вашингтона из Азии неизбежно повлечет за собой крах американских гарантий существования антинародного режима на Юге Кореи.

В этих условиях правящие круги Южной Кореи приступили к разработке некоторых внешнеполитических мероприятий долгосрочного характера, призванных компенсировать издержки, обусловленные неблагоприятными для Сеула изменениями в международной обстановке, обеспечить приспособление режима к новой ситуации в регионе. Основа новой стратегии состояла, в частности, в том, чтобы, сохраняя неизблемыми политические и идеологические устои режима, обеспечить его выживание путем внесения определенных корректив в международный курс Южной Кореи. Ставилась задача ослабить ее изоляцию от внешнего мира, диверсифицировать внешнеполитические связи режима. Инструментом внешней политики Сеула должна была стать так называемая «экономическая дипломатия», сутью которой, по оценке южнокорейских лидеров, было «добиваться преобладания Южной Кореи в тех странах, с которыми она не имеет дипломатических отношений и укреплять положение страны на международной арене»¹.

Подвижки во внешнеполитическом курсе администрации Пак Чжон Хи в первой половине 70-х годов, а также некоторые сбои в отношениях Сеула с его империалистическими партнерами имели тесную связь и с изменениями в социально-экономической структуре Южной Кореи на рубеже 60—70-х годов. Массированная американская экономическая «помощь» была использована режимом Пак Чжон Хи для упрочения экономической и политической платформы режима, реализации южнокорейского варианта «белой революции» — буржуазно-бюрократической интерпретации действительных потребностей социально-экономического развития. Это привело к постепенному переходу политической инициативы к буржуазно-бюрократическим кругам, ориентированным на форсирование процесса капиталистической модернизации Южной Кореи. Изменения в базе на основе довольно быстрого экономического роста, индустриализации экономики повлекли за собой появление в Южной Корее элементов государственно-монополистического уклада, формирование ориентированной на экспорт экономики и, следовательно, активной ее интеграции в мировое капиталистическое хозяйство.

Указанные социально-экономические процессы влияли на внешнеполитическую ориентацию Сеула. Необходимость подключения Южной Кореи к мировым хозяйственным связям, поиск новых рынков сбыта обусловили диверсификацию международных связей, активное внешнеполитическое обеспечение потребностей хозяйственного развития. Формирование специфических интересов южнокорейских монополий и крупной буржуазии сопровождалось ростом элементов автономности во внешней политике, эволюция которой была связана с приобретением внешних атрибутов самоутверждения и определенными амбициями в отношении империи.

Упомянутые сдвиги, с изменением империалистического курса заметным становилось стремление возросшие экономические, политические реализации следующего внешнеполитического престижа, улучшить

изменений про-
арене. Однако
использовать
ые возможности для
ач: повысить свой меж-
существования анти-

¹ "Korea Herald", 26.XI.1977.

народного режима, последовательно проводить курс на изоляцию КНДР, активнее оказывать противодействие силам социализма и прогресса на международной арене, обеспечить более выгодные позиции Южной Кореи в рамках американо-южнокорейского союза и во взаимоотношениях с Японией.

Приход к власти в октябре 1979 г. нового лидера Чон Ду Хвана не привел к кардинальным изменениям в международном курсе Южной Кореи. В основных чертах внешнеполитическая стратегия новой администрации была нацелена на решение задач, доставшихся ей в наследство от покойного диктатора Пак Чжон Хи.

Вместе с тем в последнее время очевидным стало смещение акцентов в область военно-силовых методов проведения внешней политики, более откровенными стали попытки использовать растущий военный потенциал Сеула в качестве главного инструмента «активизации» внешней политики. Параллельно сеульская дипломатия все активнее прибегает к методам массивированной демагогии во внешнеполитической пропаганде, использованию «миролюбивой» риторики и даже отдельных «антиимпериалистических» лозунгов, что призвано как бы сбалансировать откровенно милитаристский крен во внешней политике режима, замаскировать ее подлинные цели и направленность.

Для сеульских лидеров характерно стремление извлечь выгоду из нынешней международной обстановки, использовать напряженность в мире для укрепления своих позиций в лагере империализма. Здесь не скрывают того, что растущие милитаристские приоткровения Сеула являются частью общих военных усилий Запада, утверждают, что «любая слабость в военном отношении, проявленная странами западного блока, окажет негативное воздействие на дело всеобщего мира»². Выступая с апологетикой жесткого курса США в отношении СССР, КНДР, других социалистических стран, южнокорейские лидеры рекламируют собственные возможности по осуществлению политики сдерживания коммунизма и борьбы против «советской военной экспансии» на региональном уровне.

Возможности по реализации планов превращения Южной Кореи в «региональную силу» в Сеуле усматривают на пути укрепления союза с Соединенными Штатами. Курс США на тесную координацию своих ближайших союзников в Азии в интересах «крестового похода» против сил прогресса встречает полное понимание в Сеуле, где считают, что активное участие Южной Кореи в создаваемом Вашингтоном многостороннем военно-политическом альянсе на Дальнем Востоке станет важным практическим шагом на пути активизации внешнеполитической деятельности, укрепления отношений Южной Кореи со странами Запада, консервативными режимами в Азии.

Администрация Чон Ду Хвана с первых дней своего существования поставила задачу ликвидировать некоторые шероховатости в отношениях с Вашингтоном, которые наметились в конце 70-х годов и были связаны, в частности, с решением президента Картера вывести американские сухопутные войска из Южной Кореи. В Сеуле с особым удовлетворением были восприняты заявления высокопоставленных американских представителей о возрастающем значении южнокорейского режима в азиатской стратегии Вашингтона, отказе США от планов вывода американских войск с Юга Кореи. В свою очередь Чон Ду Хван в одной из своих первых речей в качестве главы режима подчеркнул, что связи между Южной Кореей и США «переросли рамки просто военного союза», и заявил о стремлении к налаживанию «отношений зрелого и тесного партнерства» с Соединенными Штатами³.

² "Korea Herald", 20.VIII.1983.

³ In: "Korea Annual", Seoul, 1982, p. 401.

Помпезное празднование столетия первого американо-корейского договора и визит Чон Ду Хвана в США в 1981 г. были призваны засвидетельствовать окончание «кризисного» периода в отношениях между Вашингтоном и Сеулом и ознаменовать их перерастание в отношения «зрелого партнерства». Новым этапом на пути укрепления стратегического сотрудничества между Вашингтоном и Сеулом стал визит Рейгана в Южную Корею в ноябре 1983 г., во время которого проявилась значимость Южной Кореи для США не только в региональном масштабе, но и в их глобальной стратегии. В совместном коммюнике, принятом по итогам визита, впервые за всю историю двусторонних отношений подчеркивалось, что Южная Корея имеет «жизненно важное значение для безопасности США»⁴.

Возрастание значения Юга Кореи в азиатской политике Вашингтона связано с планами администрации Рейгана превратить район Корейского полуострова в новый очаг жесткой конфронтации с СССР, социалистическими странами Азии, попытками активнее подключить Сеул к планам создания «восточного фронта» империализма. При этом США склонны в большей степени учитывать как возросший экономический, научно-технический, военный потенциал Южной Кореи, так и амбициозные претензии ее правящих кругов на роль «новой региональной силы» в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Соответственно были переосмыслены значение и функции американских войск в Южной Корее, которые в последнее время рассматриваются как «фактор, необходимый для поддержания мира не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии в целом». Было принято решение об увеличении контингента войск на 2500 человек. В соответствии с решениями 16-й консультативной встречи по безопасности между США и Южной Кореей в мае 1984 г. боевая мощь американских ВВС на Юге Кореи была усилена современными истребителями-бомбардировщиками F-16 (72 самолета), эскадрилей штурмовиков (A-10) (24 машины), новыми видами вертолетов — «Кобра» и «Блэкхок»⁵.

Тревогу миролюбивой общественности вызывают планы Пентагона разместить на Корейском полуострове новые ядерные средства передового базирования в дополнение к тем сотням единиц тактического ядерного оружия, которые находятся здесь с конца 50-х годов. По данным печати, в США изучаются возможности развертывания на Юге Кореи нейтронного оружия, ядерных ракет средней дальности «Першинг-2». Существуют планы укрепления здесь американского военного потенциала за счет крылатых ракет наземного базирования «Томагавк», которые будут предназначены для «защиты» международных проливов⁶.

Современная стратегия США в отношении Корейского полуострова имеет в виду не только укрепление в военном отношении южнокорейского плацдарма путем модернизации сеульской армии и усиления здесь американского военного присутствия. Ставится задача стимулировать военное сотрудничество между Южной Кореей и Японией, наладить тесную трехстороннюю координацию стран в этой области, что, по замыслам американских стратегов, должно послужить основой для последующего конструирования «региональной системы безопасности».

• • •

Важной вехой на этом пути должна стать, по замыслам Вашингтона, гармонизация японо-южнокорейских отношений. Одной из причин нестабильности отношений между Южной Кореей и Японией было не-

⁴ "Korea Newsreview", 19.XI.1983, p. 8.

⁵ In: "Korea Herald", 13.V.1984.

⁶ Ibid., 20.I.1983.

доверие к правящим кругам Японии со стороны южнокорейского населения и даже ряда политических деятелей, что связано с последствиями жестокой колониальной политики японской военщины в Корее вплоть до 1945 г. На Юге многие полагают, что экономическая экспансия японских монополий, захлестнувшая Южную Корею после установления дипломатических отношений между Сеулом и Токио, может стать прологом «второго нашествия» Японии. Волну возмущения в Южной Корее вызвали действия японских властей, одобренных в июле 1982 г. новые учебники истории для вузов, в которых были допущены серьезные искажения истории японо-корейских отношений, фальсификация колониальной политики Японии в Корее.

Однако в последнее время заметнее становятся явно направляемые из-за океана усилия японской и южнокорейской дипломатии, имеющие целью приглушить остроту противоречий между Сеулом и Токио или хотя бы отодвинуть их на второй план в интересах налаживания «стратегического партнерства» между двумя главными союзниками США на Дальнем Востоке.

На состоявшейся в декабре 1982 г. в Токио сессии японо-южнокорейского парламентского союза было заявлено, что «скорейшее урегулирование проблем, существующих между двумя странами, будет отвечать интересам обеих сторон»⁷. Попыткой добиться существенных сдвигов во взаимоотношениях между Сеулом и Токио стал визит в Южную Корею японского премьера Я. Накасонэ в январе 1983 г. Центральной темой переговоров являлись вопросы активизации военно-политического сотрудничества между Японией и Южной Кореей. Привлекают внимание просочившиеся в печать сообщения о том, что милитаристские заявления Накасонэ о готовности превратить Японию в «непотопляемый авианосец» США и принять активное участие в блокаде международных проливов были сделаны после консультаций с южнокорейскими лидерами. Материальный фундамент для налаживающегося сотрудничества в области безопасности между Сеулом и Токио призван заложить предоставленный Южной Корее заем в 4 млрд. долл., который официально предназначен для финансирования очередного 5-летнего плана экономического развития Южной Кореи.

Перемещение центра тяжести в японо-южнокорейских связях в сферу военно-политического сотрудничества стало очевиднее после первого в истории двусторонних отношений визита в Японию главы сеульского режима в сентябре 1984 г. Итоги визита были широко разрекламированы в Сеуле как крупный успех южнокорейской дипломатии, открывшей «новую эру» в отношениях с Японией, которые основаны на «общих идеалах мира, свободы и демократии». Южнокорейская пропаганда широко обыграла, в частности, тот факт, что в ходе встречи с Чон Ду Хваном император Японии заявил о «сожалении» по поводу «неудачного периода» в двусторонних отношениях и выразил надежду, что прошлое «никогда не повторится».

В «новую главу» японо-южнокорейских отношений полностью вписалась цель вояжа главы сеульского режима — «обсуждение с Токио проблемы безопасности». С южнокорейской стороны было подчеркнуто, что в условиях усиления «советской военной мощи и северо-корейской угрозы» на Дальнем Востоке «японо-южнокорейские отношения имеют ключевое значение для мира и безопасности в регионе». В свою очередь японский премьер высоко оценил военные приготовления Сеула как «способствующие поддержанию мира на полуострове». По сообщениям печати, в ходе переговоров по вопросам военного сотрудничества между начальниками штабов японских и южнокорейских вооруженных сил активно обсуждались вопросы, связанные с возможным

⁷ "Korea Herald", 23.XII.1982.

взаимодействием Сеула и Токио в разрабатываемых планах патрулирования морских коммуникаций в 1000-мильной зоне вокруг Японских островов и блокады международных морских проливов.

* * *

Отношения «зрелого партнерства» правящих кругов Южной Кореи с империализмом предполагают не только конкретизацию роли и функций Сеула в военно-политической стратегии Вашингтона, но и активное подключение его к выполнению важных социально-классовых задач в зоне национально-освободительного движения. Используя сеульский режим в качестве «агента» в развивающемся мире, Вашингтон ставит целью закрепить проамериканскую ориентацию ряда развивающихся стран, навязать им неокOLONиалистское решение стоящих перед ними проблем, укрепить в итоге позиции капитализма в «третьем мире».

В интересах решения этих задач США подталкивают Сеул к проведению более инициативной, внешне сбалансированной линии в международных делах. Вашингтон готов даже признать некоторую «автономность» внешнеполитического курса режима (естественно, гарантируемую империализмом), санкционировать известную свободу рук партнеру в проведении собственной экспансионистской политики. Такой подход представляется для американских стратегов перспективным и потому, что в последнее время активизируются и собственные усилия сеульской дипломатии в отношении освободившихся стран. Делаются попытки доказать, что Южная Корея является якобы частью развивающегося мира, разделяет его интересы и заботы, поддерживает его борьбу за новый международный экономический порядок. Сеул заявляет даже о готовности включиться в Движение неприсоединения.

Связи с развивающимся миром рассматриваются в Сеуле не только как фактор укрепления международных позиций режима, повышения его «политического веса», но и с точки зрения поиска путей решения собственных экономических проблем. Расширение масштабов деятельности южнокорейских компаний на рынках ряда государств Запада привело к резкому обострению соперничества и конкурентной борьбы между ними и монополиями этих стран. Принятие жестких протекционистских мер в отношении южнокорейского экспорта в последнее время стало существенно затруднять доступ южнокорейских товаров на эти рынки, привело к ухудшению условий торговли Сеула с его основными торговыми контрагентами из числа развитых капиталистических стран. Так, в первой половине 1984 г. 43,8 % экспорта Южной Кореи в страны Запада на сумму около 4234 млн. долл. было подвергнуто тем или иным ограничениям. При этом наиболее сильно пострадали основные экспортные товары: текстиль — 63,8 %, сталь 62,7, обувь — 85,6 %. Протекционистские меры, введенные в США, нанесли ущерб почти половине южнокорейского экспорта (в 1983 г. — 42,5 %). Эти потери весьма ощутимы, так как на долю Соединенных Штатов, которые являются главным торговым партнером Сеула, приходится 37 % южнокорейского экспорта⁸.

Особую тревогу в Южной Корее вызывает соотношение с Японией. Сеул в «закрытого характера японского рынка» передавать своему торговому партнеру не удается. Остается хроническая несбалансированность торговли. В 1984 г. южнокорейский дефицит составил 2,8 млрд. долл. Он перекрывает по

их взаимоотношений с Японией. Сеул в «закрытого характера японского рынка» передавать своему торговому партнеру не удается. Остается хроническая несбалансированность торговли. В 1984 г. южнокорейский дефицит составил 2,8 млрд. долл. Он перекрывает по

⁸ In: "Korea Herald", 10.XI.1984.

Южной Кореи со всеми остальными странами. Общий дефицит Сеула в торговле с Японией с 1965 по 1983 г. составил 30 млрд. долл.⁹

Экономические противоречия стали причиной трений между сеульским режимом и западными странами, что создало серьезную угрозу отношениям стратегического партнерства между США, Японией и Южной Кореей.

В этих условиях усилия сеульской дипломатии направлены на решение задачи диверсификации экономических связей, поиска путей и возможностей для расширения сферы деятельности южнокорейских компаний, главным образом за счет включения в нее рынков развивающихся стран. Расширение внешнеэкономической экспансии южнокорейских монополий в эти страны реализуется через деятельность так называемых совместных предприятий, участвующих в освоении природных ресурсов развивающихся стран, а также в форме строительства южнокорейскими фирмами за рубежом объектов инфраструктуры и промышленных предприятий. С 1973 по 1983 г. ежегодный объем заказов этих фирм на осуществление строительных работ за рубежом вырос со 174,3 млн. до 10,4 млрд. долл. К концу 1984 г. в развивающихся странах фирмами были заключены контракты на строительные работы на сумму 73,3 млрд. долл.¹⁰

Новое направление во внешней политике сеульского режима особенно четко обозначилось в итоге визитов Чон Ду Хвана в страны АСЕАН летом 1981 г. и в африканские страны в августе 1982 г., в ходе которых, по утверждению южнокорейской пропаганды, был заложен фундамент «новой эры» широкого сотрудничества Сеула со странами «третьего мира»¹¹. Спекулируя на задачах борьбы развивающихся стран против неоколониализма, за преодоление экономической отсталости, южнокорейский правитель заявлял о необходимости налаживания «многосторонней системы сотрудничества по линии Юг—Юг» на основе принципа «коллективной опоры на собственные силы», включая и Южную Корею¹². Сеульская дипломатия усиленно рекламировала южнокорейский «опыт» капиталистической модернизации экономики, возможности режима по оказанию «широкой помощи» развивающимся странам в реализации программ национального строительства.

Эти заявления сеульских лидеров были подкреплены и рядом практических шагов, которые призваны были свидетельствовать об «искренности» Сеула в отношении освободившихся стран. С 1975 г. Южная Корея начала оказывать «безвозмездную экономическую помощь» ряду государств. В 1984 г. на программы помощи этим странам было выделено 7 млн. долл., а в 1985 г. сумма должна составить 10 млн. долл.¹³. В 1984 г. Южная Корея приняла на обучение и стажировку 865 специалистов из развивающихся стран.

В соответствии со специальной программой, разработанной в 1982 г., ряд организаций Южной Кореи осуществляет за рубежом проекты в области агротехники, ирригации, регионального развития, организует подготовительные курсы для слушателей из развивающихся стран, занимается вопросами предоставления технологии этим государствам. В настоящее время в Южной Корее составлена рассчитанная на перспективу единая комплексная программа «экономической помощи» развивающимся государствам.

Нетрудно догадаться, что политика заигрывания Сеула с этими странами нацелена как на обеспечение поддержки последними внешнеполитических акций сеульского режима, так и на создание здесь бла-

⁹ In: "Korea Herald", 13, 19.XII.1984.

¹⁰ Ibid., 18.XII.1984.

¹¹ In: "Korea Newsreview", 4.IX.1982, p. 6.

¹² Ibid.

¹³ In: "Korea Herald", 9.I.1985.

гоприятного климата для активной деятельности южнокорейских монополий. Наряду с этим за демагогией о необходимости углубления сотрудничества между развивающимися странами, создания так называемого «фронта развития» просматриваются попытки Сеула и его империалистических партнеров подготовить почву для сколачивания группировки развивающихся стран, в которой тон могли бы задавать Южная Корея и государства с консервативными, прозападными режимами. Такая группировка, ориентированная на «капиталистические ценности» и тесную связь с империализмом, могла бы, по замыслу ее вдохновителей, стать альтернативой Движению неприсоединения, силой, противостоящей национально-освободительному движению.

* * *

В настоящее время все более заметным становится стремление правящих кругов Южной Кореи рассматривать Азиатско-тихоокеанский регион в качестве основной арены своей экономической и дипломатической активности. Сеульские лидеры полагают, что укрепление позиций режима в Тихоокеанском регионе будет способствовать повышению международного статуса Южной Кореи, росту ее экономического потенциала¹⁴.

На страны региона сейчас приходится свыше 50 % внешнеторгового оборота Южной Кореи, они являются источником 95 % южнокорейского импорта каучука, 90 % — олова, 80 % древесины. В начале 80-х годов компании Южной Кореи участвовали в осуществлении 50 проектов совместно с фирмами стран Тихоокеанского региона, проявляя особый интерес к совместной разработке полезных ископаемых в этих странах¹⁵. Государства региона становятся объектом активной деятельности южнокорейских строительных компаний. В 1983 г. на долю этих стран приходилось 8,7 % (905 млн. долл.) общего объема заказов на зарубежное строительство. В условиях сокращения контрактов на строительство на Ближнем и Среднем Востоке страны региона рассматриваются Сеулом как второй по значению потенциальный рынок заказов на строительство¹⁶.

В последнее время настойчивыми становятся попытки правящих кругов Южной Кореи расширить диапазон своих связей с рядом азиатских стран путем распространения их на область военно-политического сотрудничества. Они стремятся обосновать существование «зависимости» между безопасностью несоциалистических стран ЮВА и стабилизацией антинародного режима на Юге Кореи, доказать «общность» стратегических интересов Сеула и стран АСЕАН. Такое понимание характера связей с этими странами сеульская дипломатия пытается закрепить на межгосударственном уровне. В соответствии с этим предпринимаются практические шаги по налаживанию военного сотрудничества с государствами — членами АСЕАН.

* * *

Возможности по расширению своего участия в региональных делах администрация Чон Ду Хвана усматривает в привлечении Сеула к процессам региональной интеграции, активизации экономического и политического сотрудничества с капиталистическими и развивающимися странами бассейна Тихого океана не только на двусторонней, но и на многосторонней основе.

¹⁴ In: "Korea Herald", 11.I.1985.

¹⁵ См.: А. Б. Парканский. Экономические интересы США в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1983, с. 184; In: "Korea Herald", 2.XII.1982.

¹⁶ In: "Korea Herald", 15.VII.1984.

В Сеуле с энтузиазмом откликнулись на японские предложения о создании Тихоокеанского сообщества (ТОС), посредством которых Токно пытался подкрепить свои гегемонистские устремления в регионе. При этом, не отвергая японских инициатив, южнокорейские лидеры выдвинули свою собственную доктрину. С начала 80-х годов вопросы, связанные с разработкой тихоокеанской стратегии режима, стали предметом особых забот внешнеполитических ведомств Южной Кореи, а появившиеся соображения прошли «обкатку» в ходе серии межгосударственных контактов. В коммюнике по итогам встречи Чон Ду Хвана с Р. Рейганом в феврале 1981 г. подчеркивалось стремление сторон предпринять «совместные усилия для расширения международного сотрудничества в бассейне Тихого океана»¹⁷.

Южнокорейское толкование характера и особенностей «тихоокеанской эры» было изложено Чон Ду Хваном. В мае 1982 г. глава сеульского режима предложил провести совещание на высшем уровне глав государств Тихоокеанского региона, а в июле следующим образом сформулировал принципы сотрудничества в регионе: создание постоянного консультативного органа глав государств региона; развитие обмена в области торговли, экономики, культуры и изучение потенциальных возможностей стран региона; расширение сотрудничества между развитыми и развивающимися странами, а также между развивающимися странами региона. Было заявлено также о недопустимости гегемонии какой-либо страны или группы стран, превращения ТОС в политический блок¹⁸. В рамках сообщества, в соответствии с этими предложениями, предусматривается наладить обмен информацией по долгосрочному экономическому планированию, по вопросам подготовки кадров, осуществлять совместное финансирование и капиталовложения, обмениваться технологией, осуществлять проекты экономического развития на основе принципов международного разделения труда, развивать взаимовыгодный товарообмен.

Сеул явно рассчитывает, что его политическая инициатива встретит большее понимание, чем предложения стран Запада. Пытаясь снять настороженность и скептицизм стран региона в отношении южнокорейской доктрины ТОС, сеульские лидеры заявляют, что Южная Корея «не так велика, чтобы азиатские страны испытывали к ней недоверие». Делаются попытки доказать, что сообщество в южнокорейском варианте могло бы способствовать выработке «единого подхода Юга» к развитым странам региона и что одной из его задач должно стать «наращивание возможностей малых стран региона торговать с большими»¹⁹.

В стремлении заручиться поддержкой своих предложений со стороны стран АСЕАН в Сеуле подчеркивают, что Ассоциация будет являться как бы «ядром более широкой региональной группировки в районе Тихого океана». Вследствие этого связям между Южной Кореей и АСЕАН придаётся значение «центральной оси Тихоокеанского сообщества», они характеризуются как образец взаимодополняющего экономического сотрудничества²⁰.

Попытки Сеула подготовить почву для дальнейшего сближения с несоциалистическими странами Азии, в частности с государствами АСЕАН, помимо причин чисто экономического характера, тесно связаны с амбициозными потугами режима утвердиться в роли лидера в группировке стран и территорий, опережающих в экономическом развитии основную массу государств региона. Претензии на «решающую роль» Сеула в установлении нового порядка в Тихоокеанском регионе

¹⁷ "Korea Annual", 1981, p. 419.

¹⁸ In: "Korea Newsreview", 1.1.1983, p. 8.

¹⁹ "Korea Herald", 22.XII.1982.

²⁰ Ibid.

пытаются обосновать рассуждениями о том, что Южная Корея как «новая индустриальная страна» занимает якобы промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами региона и поэтому-де призвана стать своего рода «связующим звеном» в отношениях между первыми и вторыми²¹.

В целях практической реализации этих идей Сеул пытается активно подключиться к существующей в бассейне Тихого океана системе «региональной кооперации», в том числе и по линии так называемых частных международных экономических организаций. Правящие круги Южной Кореи рассчитывают на то, что их активное участие в налаживании регулярного механизма регионального сотрудничества позволит им играть роль «координатора» в системе ТОС. В настоящее время Южная Корея участвует в Конференции по экономическому сотрудничеству на Тихом океане, Экономическом совете стран бассейна Тихого океана, Конфедерации торгово-промышленных палат Азии и Тихого океана, поддерживает тесные связи с Тихоокеанским советом по торговле и развитию.

Хотя южнокорейские лидеры афишируют «самостоятельность» своей концепции ТОС и даже дистанцируются от отдельных предложений США и Японии, не вызывает сомнений, что сеульские инициативы в целом параллельны усилиям Вашингтона и Токио в этом направлении, тесно сопряжены с милитаристской стратегией империализма в регионе. Очевидным является стремление империалистических сил форсировать экономическое и военно-стратегическое сотрудничество Сеула со странами АСЕАН, другими развивающимися странами региона с целью создания дополнительного канала давления на эти страны, вовлечения их в гонку вооружений, подключения их в итоге к военно-блоковой стратегии империализма.

Примечательно, что сеульские лидеры проводят мысль о том, что Южную Корею и несоциалистические страны региона объединяет не только «потребность в осуществлении великой тихоокеанской эры, но и взаимная заинтересованность в защите своих стран от коммунистической угрозы»²².

Разоблачая подлинные цели политики сеульского режима и его империалистических партнеров в Азиатско-тихоокеанском регионе, газета «Нодон синмун» писала: «США имеют в виду сплотить своих союзников в регионе, включая Японию и марионеточный режим Южной Кореи, с тем чтобы решить следующие задачи: в области политики — создать военный блок, противостоящий прогрессивным странам региона; в области экономики — сформировать «Тихоокеанское экономическое сообщество» на манер ЕЭС с тем, чтобы осуществлять экономическую блокаду независимых стран региона; в военной области — сколотить военный блок по типу НАТО для того, чтобы путем коллективного военного вмешательства задуть борьбу народов региона за независимость»²³.

* * *

Сеульские лидеры утверждают, что их курс на участие в создании системы регионального сотрудничества стран бассейна Тихого океана отражает приверженность режима «многополюсной дипломатии», которая якобы лежит в основе внешнеполитической стратегии администрации Чон Ду Хвана. Другим важным ее элементом является, по официальным воззрениям, «политика открытых дверей» в отношении тех стран, с которыми Сеул не имеет дипломатических отношений.

²¹ In: "Korea Herald", 22.XII.1982.

²² "Korea Herald", 5.X.1982.

²³ «Нодон синмун», 28.I.1983.

Стремясь прикрыть фасад откровенно диктаторского режима рассуждениями о южнокорейском вкладе в «дело процветания, развития и дружбы во всем мире», Сеул демагогически заявляет о готовности «развивать на этой основе отношения и торговать с коммунистическими странами независимо от различий в идеологии и политических системах»²⁴.

В последнее время в рамках политики «открытых дверей» ставка делается на установление контактов с КНР. Эта задача постепенно выдвигается в качестве одной из приоритетных целей внешней политики Южной Кореи. В Сеуле пришли к выводу, что перспектива подключения южнокорейской дипломатии к стратегическому маневрированию США и Японии в отношении Китая сулит режиму политические и экономические дивиденды, будет способствовать решению задачи «продвижения Южной Кореи в центр мировой арены».

С недавних пор в Южной Корее приглушили и даже в ряде случаев прекратили критику внешней и внутренней политики китайского руководства. Более того, утверждается, что Китай «может внести вклад в региональную стабильность через улучшение отношений с Корейской Республикой»²⁵. В Сеуле учитывают и определенные подвижки в позиции КНР по корейской проблеме, в частности отход от прежней жесткой линии в отношении режима Чон Ду Хвана.

В мае 1983 г. состоялись первые официальные контакты между КНР и Южной Кореей в связи с угоном китайского гражданского самолета. Сеул посетила представительная делегация во главе с начальником Главного управления гражданской авиации КНР Шэнь Ту. В совместном меморандуме, принятом по итогам переговоров, отмечалось: «Обе стороны выразили надежду на поддержание духа сотрудничества... в случае возникновения в будущем чрезвычайных обстоятельств, которые могут затрагивать интересы обеих сторон». Сеул расценил сам факт и итоги этих контактов как «событие огромной важности», «прецедент для дальнейших контактов с Китаем на правительственном уровне»²⁶.

Южнокорейская дипломатия рассчитывает закрепить эти сдвиги через каналы спортивных контактов. Южнокорейские спортсмены принимают активное участие в международных состязаниях, проводимых в Китае; китайским спортивным командам, которые в последнее время все чаще посещают Сеул, оказывается подчеркнуто теплый прием. В интересах «большой политики» здесь готовы даже принести в жертву своих традиционных союзников. Так, в знак протеста против участия баскетболистов из КНР в международном юношеском турнире в Сеуле в апреле 1984 г. команда Тайваня демонстративно покинула турнир. Этот факт ни в малой степени не огорчил южнокорейских лидеров, которые с гордостью констатировали, что в результате серии спортивных контактов «был взломан лед недоверия в двусторонних отношениях» и начат обмен визитами «через бамбуковый занавес»²⁷. По свидетельству западной печати, существуют признаки того, что двусторонние неофициальные контакты между китайскими и южнокорейскими представителями будут расширены и перенесены в другие сферы. Газета «Лос-Анджелес таймс» утверждает, например, что Китай «готов к широким контактам с Южной Кореей в стиле „народной дипломатии“»²⁸.

Благоприятные возможности, по мнению южнокорейцев, для установления отношений с Китаем складываются в связи с развитием контактов КНР с США и Японией, заинтересованностью китайского руководства в ускорении процесса модернизации экономики. В специальном исследовании, подготовленном южнокорейским Институтом промышленности и

²⁴ "Korea Herald", 23.II.1983.

²⁵ Ibid., 3.XI.1984.

²⁶ "Korea Newsreview", 14.V.1983, p. 7.

²⁷ "Korea Herald", 1.V.1984.

²⁸ "Los Angeles Times", 17.IV.1984.

технологии, делается вывод о том, что расширение торговых связей Китая с этими странами приведет и к росту объема торговли между КНР и Южной Кореей. Южнокорейские фирмы рассчитывают проникнуть на китайский рынок, например, путем участия в совместных с Японией предприятиях или же в качестве субподрядчиков японских и американских компаний, ведущих торговлю и осуществляющих капиталовложения в экономику КНР²⁹. Сеул подбрасывает Китаю внешне заманчивые предложения о возможности «взаимодополняющего сотрудничества» в области торговли, капиталовложений, технологии и строительства.

С конца 70-х годов устойчивой становится тенденция к расширению не прямых торговых связей Южной Кореи с Китаем. Уже сейчас южнокорейские бизнесмены считают Китай потенциально третьим по емкости рынком сбыта своих товаров после США и Японии. По оценке информированного журнала «Ньюсвик», объем торговли между двумя странами достиг 800 млн. долл. в год³⁰. Южнокорейские торговые компании проявляют интерес к увеличению импорта из КНР минерального сырья, в особенности нефти и угля, а также зерна, тканей, продовольственных товаров, и в свою очередь готовы расширить поставки в Китай промышленной продукции.

Около 80 % торговых операций с Сеулом КНР ведет через Гонконг, где сейчас насчитывается 75 представительств и отделений крупнейших южнокорейских торговых и промышленных фирм, банков³¹. Однако участились и прямые контакты между китайскими экономическими руководителями и южнокорейскими предпринимателями: так, в начале января 1985 г. в КНР побывал глава влиятельной южнокорейской промышленно-торговой компании «Тэву». Все это вселяет в представителей деловых кругов Юга Кореи надежду, что в дальнейшем двусторонняя торговля будет расширяться и со временем может стать открытой.

Не вызывает сомнений тот факт, что нарастающая активность южнокорейского бизнеса в отношении КНР направляется и стимулируется правящей верхушкой Сеула, которая склонна рассматривать любые контакты юридических и частных лиц Южной Кореи с китайской стороной не только с точки зрения их чисто коммерческой отдачи, но прежде всего через призму своих политических интересов — укрепления внутренних и внешних позиций режима. Характеризуя значение укрепляющихся связей с Китаем в «неполитических» областях, Чон Ду Хван заявлял, что «изменения в отношении Пекина к Южной Корее имеют позитивное значение для стабилизации ситуации на Корейском полуострове и вокруг него»³².

С целью централизации и упорядочения расширяющихся связей с КНР сеульская администрация рассматривает вопрос о создании специального координирующего органа, который будет осуществлять наблюдение и контроль за всеми контактами с Китаем, включая торговлю, сотрудничество в области технологии, строительство совместных предприятий, культурный, спортивный, научный обмен³³. Таким образом, линия сеульских властей в отношении КНР на данном этапе имеет в виду создать комплекс практических связей и наладить механизм сотрудничества между Южной Кореей и Китаем, что может послужить фундаментом для дальнейшего наращивания двусторонних отношений, перенесения их в область политического взаимодействия.

Усилия правящих кругов Южной Кореи, нацеленные на установление отношений с Китаем, осуществляются ими в тесной координации и при активной поддержке со стороны ее старших союзников. Вашингтон и То-

²⁹ In: "Korea Herald", 6.XI.1984.

³⁰ In: "Newsweek", 14.I.1985.

³¹ См.: «Известия», 29.I.1985.

³² "Korea Herald", 6.X.1984.

³³ In: "Korea Herald", 9.XII.1984.

кно не упускают случая, чтобы заявить о своей готовности выступить в качестве посредников на этом пути. Используя заинтересованность Китая в достижении взаимопонимания с Западом по корейскому вопросу, Вашингтон пытается наладить с участием Сеула новый канал стратегического партнерства с КНР, привлечь ее к совместным акциям в регионе. Руководящие деятели американской администрации намекают, что «усилия Японии, Китая и Корейской Республики в области обороны потенциально могут повлиять на глобальное соотношение сил более существенно, чем усилия других стран...»³⁴.

* * *

Внешняя политика Южной Кореи, направленная на смыкание и взаимодействие с империализмом США, является дополнительным фактором обострения политической напряженности в Дальневосточном регионе в целом и на Корейском полуострове в том числе. Военные приготовления сеульских властей создают непосредственные угрозы мирному развитию КНДР, препятствуют осуществлению дела объединения Кореи на мирных демократических началах без вмешательства извне путем вывода из Южной Кореи американских войск.

Придавая большое значение ослаблению напряженности на Корейском полуострове, в Дальневосточном регионе в целом, Советский Союз проводит последовательную линию на обеспечение мира и безопасности в этом регионе. В качестве важного фактора, работающего на пользу делу мира, СССР рассматривает внешнеполитическую линию КНДР на объединение страны, стремится усиливать политическое взаимодействие с КНДР в интересах нашей общей безопасности. Советский Союз поддерживает инициативы КНДР по объединению Кореи, по превращению полуострова в безъядерную зону, другие ее внешнеполитические шаги, нацеленные на сдерживание агрессивных устремлений Сеула, на недопущение создания на Дальнем Востоке нового многостороннего военно-политического блока.

³⁴ "Far Eastern Economic Review", N 2, January 12, 1984, p. 15.

Проблемы современной китайской деревни

Л. А. ВОЛКОВА

кандидат экономических наук

Хозяйственная реформа в деревне, начавшаяся в конце 70-х годов, прошла несколько этапов развития. В 1979—1980 гг. предпринимались меры с целью предоставления производственным бригадам определенной хозяйственной самостоятельности и восстановления до известной степени принципа материальной заинтересованности крестьян. Внедрялись такие формы производственной ответственности, как закрепление заданий за звеньями, создаваемыми в рамках бригады, подряд на выполнение отдельных видов работ с вознаграждением по принятым нормам. В 1981—1982 гг. основной формой производственной ответственности становится закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами, а затем и полная ответственность двора за производство, называемая подворным, или семейным, подрядом.

В выступлении на совещании секретарей сельских парторганизаций в ноябре 1982 г. зам. премьер-министра Госсовета КНР Вань Ли так разъяснил сущность этих изменений:

«...От оплаты труда без учета результатов производства к оплате на основе такого учета, от закрепления заданий по отдельным видам работ к закреплению производственных заданий и далее — к закреплению полной ответственности за производство; от запрета, существовавшего ранее на закрепление производственных заданий за двором, к последующему допущению этой организационно-хозяйственной формы, развитию ее до полной ответственности двора за производство и утверждение в качестве основной формы производственной ответственности в большинстве районов страны»¹.

Установка XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.) на использование различных форм хозяйствования проводилась в деревне по линии расширения масштабов использования семейного подряда на основе коллективной собственности на землю, а также в оформлении и развитии единоличных хозяйств.

Семейный, или подворный, подряд как форма производственной ответственности, увязывающей вознаграждение с результатами производства, утверждается в хозяйственной структуре китайской деревни в 1983 г., что повлекло за собой упразднение хозяйственных функций народных коммун.

В 1983—1985 гг. происходит усиление хозяйственной самостоятельности крестьянского двора. Директивные документы, принимаемые в 1983—1984 гг., санкционировали такое направление развития. Документ ЦК КПК № 1 за 1983 г. «Некоторые вопросы экономической политики в деревне на современном этапе»² предусматривал разрешить крестьянам: 1) свободно продавать и закупать сельскохозяйственную продукцию после выполнения планов поставок и обязательных закупок; 2) заниматься перевозками продукции на большие расстояния, а также мелкой торговлей; 3) покупать сельскохозяйственную технику, сельскохозяйственные орудия и транспортные средства; 4) использовать разнообразные формы распоряжения денежными средствами, техникой и рабочей силой. Фактически был разрешен наем рабочей силы в форме «использования специалистов», «оказания помощи», привлечения родственников и пр. На кустарных и мелких промышленных предприятиях на селе разрешалось иметь 7—11 учеников.

Принятый в январе 1984 г. документ ЦК КПК «Уведомление о работе в деревне в 1984 г.», пишет китайская печать³, подтвердил основные установки предыдущего документа, а по некоторым вопросам углубил их. Это касается прежде всего продления срока подряда на землю, выделенную производственной бригадой крестьянской семье. Он был продлен с 3—5 лет до 15 лет и более. В районах с неблагоприятными погодными условиями, в отдаленных и горных районах земельные участки передаются на больший срок — до 30 лет. Срок подряда на земельные участки под лесные посадки составляет 50 лет, их можно передавать по наследству⁴.

Документ ЦК КПК № 1 за 1984 г. подчеркивал необходимость «поощрять посте-

¹ «Жэньминь жибао», 23.XII.1982.

² См. там же, 10.IV.1983.

³ См. там же, 12.VI.1984.

⁴ См. там же, 15.VI.1984.

пенную концентрацию земли в руках умелых земледельцев»⁵. Документ предоставил возможность членам коммун, в семьях которых не хватает рабочей силы для обработки полученной по подряду земли, и тем, кто не желает заниматься земледелием и вовсе не берет по подряду землю или берет лишь немного, передавать земельные угодья в бригаду для перераспределения в едином порядке. Разрешалось также с согласия бригады крестьянину самому найти желающего взять в подряд закрепленный за ним участок земли и договориться о передаче подряда.

Основными причинами передачи подряда являются недостаток рабочей силы, денежных средств для занятия земледелием, невозможность выполнить условия контрактов по иным причинам, переход в другие отрасли сельского хозяйства, подсобные промыслы или на работу в город. Например, в провинции Хубэй за 1 му (1/15 га) полученной в подряд земли нужно было заплатить 40 юаней в год⁶, в провинции Цзянсу — 27 юаней⁷, что многим крестьянам оказывалось не под силу. По данным обследования коммуны Путуань пригорода Эчжоу провинции Хубэй, из общего числа крестьянских дворов, отказавшихся от подряда, у 56,6 % дворов не хватало рабочей силы, денежных средств для ведения хозяйства на земле, многие не могли выполнять обязательства по сдаче и продаже продукции земледелия, определенные в договоре с бригадой; 43,4 % дворов стали заниматься другими отраслями сельского хозяйства или подсобными промыслами или ушли работать в город⁸.

В документе ЦК КПК № 1 за 1984 г. и в китайской печати подчеркивалась необходимость выплачивать определенную компенсацию крестьянам, вложившим средства в землю, в случае передачи подряда на нее.

Масштабы передачи подряда на землю одних дворов другим в целом по стране незначительны. Процесс концентрации земли в руках «умелых земледельцев», в основном специализирующихся в растениеводстве, происходил в общем неинтенсивно и неравномерно по отдельным районам страны. Он отмечался прежде всего в густонаселенных, экономически развитых районах, где площадь участков, выделяемых в подряд, примерно в два раза меньше средней, в частности в таких провинциях, как Цзянсу, Хубэй, Чжэцзян, Шаньдун. Например, в уезде Мупин (провинция Шаньдун) в 1984 г. 21 тыс. му пахотной площади обрабатывали 250 специализирующихся в производстве зерна дворов, то есть в среднем на двор приходилось по 84 му земли⁹. Это примерно в 10 раз больше средней по стране величины пахотной площади, приходящейся на семью (двор). В китайской печати отмечалось также, что появились специализированные дворы в земледелии, берущие в подряд участки размером в 66 га, участки под лесопосадки такой же площади¹⁰. Однако удельный вес таких дворов в общей массе крестьянских дворов пока невелик, о чем свидетельствуют данные, приводимые китайской печатью по отдельным районам.

В пригородных районах, где крестьяне, как правило, имеют устойчивые и значительные доходы от неземледельческих отраслей хозяйства, нередко передают подряд на землю, и процесс концентрации земельных угодий на этой основе происходит быстрее, чем в других районах страны. Так, в пригородах некоторых крупных городов более развитых в экономическом отношении прибрежных районов КНР примерно 20 % крестьянских дворов отказываются от обработки земли¹¹. В пригороде Цзянмэня (провинция Гуандун) в 1984 г. 20 тыс. семей обрабатывали около 5 % пашни, в среднем одна такая семья имела крупный участок в 20—30 му¹². Дворы, имеющие крупные подрядные участки, быстрее возникают и в тех районах, где много земли, сравнительно высокий уровень механизации пахотных работ, передаваемые в подряд участки находятся, как правило, в едином массиве. Это прежде всего провинции Северо-Восточного Китая. В уезде Инкоу (провинция Ляонин), например, 5 % крестьянских дворов в 1984 г. увеличили размеры подрядных участков¹³.

В районах, экономически менее развитых, и там, где ощущается нехватка пахотных площадей и в структуре производства растениеводство является преобладающей отраслью, крестьяне не отказываются от подрядной земли, а наоборот, стремятся увеличить площадь полученных участков. В тех деревнях, где сравнительно развито многоотраслевое хозяйство, крестьяне обычно не хотят обрабатывать больше земли, чем получено по подряду, и не желают уходить в город. В таких районах создание крупных хозяйств, концентрация земли в подряде затрудняется. В ряде мест даже прибегали к принудительной передаче подряда одних дворов другим, правда, такие меры подвергались критике на страницах китайской печати¹⁴.

Усиленно самостоятельности крестьянских дворов содействовало разрешение крестьянам самим покупать технику и транспортные средства (в том числе грузовики), наря-

⁵ Там же, 12.VI.1984.

⁶ См. там же, 5.IV.1985.

⁷ См.: «Нунминь жибао», 5.I.1985.

⁸ Рассчитано по: «Хунци», 1984, № 8, с. 24.

⁹ См.: «Нунминь жибао», 21.I.1985.

¹⁰ См.: «Цзинцзи жибао», 19.XII.1984.

¹¹ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1985, № 1, с. 50.

¹² См. там же, с. 16.

¹³ См. там же.

¹⁴ См., например: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1985, № 1, с. 50.

ду с этим сельскохозяйственная техника, прежде всего тракторы, ранее находившиеся в коллективной собственности и пользовании бригад, передается в подряд крестьянам или продается им. Например, из 1470 тыс. тракторов, находившихся ранее в коллективной собственности, в конце 1983 г. более половины было передано в подряд крестьянским семьям¹⁵.

Процесс приобретения крестьянами или получения в пользование основных видов сельскохозяйственной техники происходил в течение 1981—1984 гг. довольно интенсивно. К концу 1984 г. уже 68 % всех видов тракторов находилось у крестьян, в том числе 280 тыс., или 32,7 % всего числа крупных и средних тракторов, и 2,5 млн., или 75 % малогабаритных и ручных¹⁶. Таким образом, большая часть тракторного парка находилась в собственности и пользовании крестьянских семей, в том числе $\frac{3}{4}$ всего количества малогабаритных и ручных тракторов. Довольно быстро возрастало и количество грузовых автомашин, приобретаемых прежде всего крестьянскими дворами, специализирующимися на перевозках. В 1983 г. во владении и пользовании крестьянских дворов находилось 89,6 тыс. грузовиков, что составляло около 33 % из 274,75 тыс. грузовиков¹⁷, применявшихся в сельском хозяйстве. В 1984 г. число грузовиков в распоряжении в основном специализированных транспортных дворов возросло до 120 тыс.¹⁸ из 345 тыс. в сельском хозяйстве¹⁹, составив около 35 %.

Как свидетельствуют цифры, возрастает прежде всего спрос деревни на сельскохозяйственную технику, транспортные средства, оборудование для перерабатывающих отраслей и пр., соответствующие масштабам семейного хозяйствования.

Хозяйственные отношения между бригадой и крестьянским двором регулируются договором, заключаемым между ними (а иногда и устным соглашением). В нем определяются обязательства сторон, которые, однако, довольно часто нарушаются обеими сторонами²⁰. В ряде мест хозяйственное руководство двором со стороны бригады минимальное, в некоторых же районах, наоборот, оно превращается в мелочную опеку кадровых работников. В печати КНР поднимается вопрос о необходимости законодательного закрепления статуса различных форм хозяйственной организации в деревне. Большое значение придается и договорам, которые должны стать «законодательной формой подрядных отношений в сельскохозяйственном производстве, иметь силу закона, обязательного для всех участвующих сторон»²¹.

Важным направлением хозяйственной реформы в деревне является изменение структуры сельскохозяйственного производства в сторону сокращения удельного веса растениеводства и увеличения доли животноводства, подсобных промыслов, продукции деревенской промышленности в валовой продукции сельского хозяйства. Зам. премьера Госсовета КНР Вань Ли в выступлении на Всекитайском совещании по работе в деревне (декабрь 1984 г.) главными задачами в области сельского хозяйства назвал реформу структуры сельскохозяйственного производства, развитие сельской промышленности, совершенствование торговли и финансов²². Большое внимание этим вопросам уделено в документе ЦК КПК № 1 за 1985 г. — «Десять установок ЦК КПК и Госсовета КНР по дальнейшему оживлению экономики деревни»²³. Как отмечалось в печати, в 1984 г. удельный вес растениеводства в валовой продукции сельского хозяйства сократился примерно на 3 % по сравнению с 1983 г.²⁴

В изменении структуры сельскохозяйственного производства и повышении его товарности большое значение придается специализированным дворам. В среднем их товарность составляет 70 % по сравнению с 25—30 % в целом по отрасли²⁵. Товарность дворов, специализирующихся на выращивании технических культур, животноводстве, рыболовстве, подсобных промыслах и других отраслях, выше, чем у дворов, занимающихся производством зерна. Так, по данным статистического бюро района Фулин (провинция Сычуань), товарность в свиноводстве составляла 56,7 %, общая товарность животноводства превышала 70 %, товарность таких культур, как сахарный тростник, табак, тунговое масло, превышала 90 %²⁶.

Доля специализированных дворов в снабжении рынка продукцией животноводства и сельскохозяйственной продукцией значительно выше их удельного веса в общем числе дворов. Например, семь дворов, специализировавшихся на выращивании птицы (коммуна Дахэ, город Шаосни, провинция Чжэцзян), на $\frac{2}{3}$ удовлетворяла потребности городского рынка в утках и утиных яйцах²⁷. 40 % дворов уезда Хугуань (провинция Шаньси), занятых выращиванием свиней, на 60,5 % выполняли задание уезда по сдаче

¹⁵ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1984. Пекин, 1984, с. V—7.

¹⁶ См.: «Нунминь жибао», 1.1.1985.

¹⁷ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1984..., с. V—7.

¹⁸ См.: «Нунминь жибао», 23.1.1985.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 10.11.1985.

²⁰ См. там же, 17.VI.1985.

²¹ «Вэньчжай бао», 3.1.1985.

²² См.: «Жэньминь жибао», 1.11.1985.

²³ Там же, 25.11.1985.

²⁴ См.: «Нунминь жибао», 4.1.1985.

²⁵ См.: «Хунци», 1984, № 8, с. 20; «Гуанмин жибао», 12.11.1984.

²⁶ См.: «Нунге цзинцзи вэньти», 1984, № 11, с. 17.

²⁷ См.: «Хунци», 1984, № 8, с. 20.

живых свиней; дворы, специализирующиеся на разведении кроликов (3,57 % общего числа дворов), выполняли 95,6 % запланированного на уезд объема их продажи²⁸.

Китайское руководство предпринимает определенные меры с целью увеличения численности специализированных дворов, и все же в течение 1983—1984 гг. численность этих дворов увеличилась незначительно. На конец 1984 г. их насчитывалось 25 млн., доля в общем числе крестьянских дворов составляла около 14%²⁹.

В отдельных районах появились так называемые специализированные деревни, где большинство населения занимается преимущественно одной отраслью производства, например специализируется на выращивании овощей, на перевозках и т. д. О таких деревнях поступали сообщения из провинций Хэнань, Ляонин, Шаньси³⁰. Количество таких деревень в целом по стране весьма незначительно, возникают они в основном в густонаселенных пригородных районах. Специализированные дворы создавались как в различных отраслях сельскохозяйственного производства — в земледелии, животноводстве, так и в строительстве, на транспорте, в промышленности, торговле и сфере обслуживания. Доля дворов, специализирующихся в земледелии, составляла на начало 1985 г. 35,9 % всех специализированных дворов³¹, то есть около 9 млн. крестьянских дворов. Их удельный вес в производстве продукции растениеводства значительно выше. Так, в провинции Шаньси в 1983 г. 310 тыс. крестьянских дворов (6 % общего числа дворов провинции), специализирующихся на производстве зерна, обрабатывая 10,8 % пахотной площади, произвели 16,1 % общего урожая зерна в провинции. Эти дворы обеспечили поставку и продажу государству 37 % объема зерна, запланированного для всей провинции³².

В животноводстве и рыбоводстве специализировалось 24,6 % общего числа специализированных дворов³³, их насчитывалось более 6 млн.

С начала 80-х годов в деревне чаще всего на основе специализации производства создавались хозяйственные объединения, в которых прежде всего принимали участие специализированные дворы. По методам образования и функционирования китайская печать выделяет два вида таких объединений: «горизонтальные» и «вертикальные». Первый вид — это небольшие по размерам объединения нескольких обычных подрядных или специализированных дворов друг с другом. Они, как правило, возникают стихийно, слабо связаны друг с другом хозяйственными отношениями, часто это объединения родственников, трудовая взаимопомощь, сотрудничество на базе совместного использования технических средств, объединения денежных средств и пр.

Хозяйственные объединения другого вида — «вертикальные» — создаются вокруг государственных или кооперативных предприятий, в частности вокруг снабженческо-сбытовых кооперативов. Они охватывают сравнительно широкий круг специализированных дворов. Примером объединений этого вида могут быть различные специализированные компании, станции обслуживания. Часто они включают предприятия перерабатывающих отраслей, транспортные, снабженческие и сбытовые организации.

Специализированные дворы вступают в подобные объединения с целью улучшения условий сбыта и переработки своей продукции, получения научной и технической информации, рыночной информации, получения кредитов, покупки необходимых средств производства и пр. Так создавались, например, объединения специализированных дворов со снабженческо-сбытовым кооперативом, берущим на себя реализацию выращенной этими дворами птицы и яиц и снабжение их кормами, а также объединения для совместного проведения пахотных работ, ухода за посевами, борьбы с болезнями и вредителями сельскохозяйственных культур. Иногда несколько дворов на совместные денежные средства организуют какое-то предприятие или мастерскую. К началу 1985 г. численность таких совместных предприятий превышала 500 тыс., в них участвовало 2 млн. крестьян³⁴. Доходы от их деятельности распределяются в соответствии со степенью трудового участия и величиной денежного пая. Вступающий в кооперативное предприятие на паях может не принимать непосредственного участия в его работе, а ограничиться внесением денежных средств или каких-либо средств производства. В этом случае он будет получать доход, определяемый величиной внесенного пая.

Хозяйственные объединения как новая форма кооперативного ведения хозяйства пока не получили широкого распространения в деревне. В конце 1984 г. в них участвовало 4,5 млн. дворов, что составило 18 % всех специализированных дворов³⁵, или 2,43 % общего числа крестьянских дворов. Как отметил известный китайский экономист Ду Жуньшэн, в отношении хозяйственных объединений сначала нужно пройти стадию эксперимента, «не следует бросать клич и создавать их сразу много»³⁶.

Одним из аспектов реализации в деревне курса на сосуществование различных форм хозяйствования и следствием организационно-хозяйственной перестройки явился рост индивидуального сектора. Развитие индивидуального и коллективного сектора считается

²⁸ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1984..., с. V—5.

²⁹ См.: «Цзинцзи жибао», 4.1.1985.

³⁰ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1984..., с. V—6.

³¹ См.: «Цзинцзи жибао», 26.1.1985.

³² См.: «Хунци», 1984, № 8, с. 20.

³³ См.: «Цзинцзи жибао», 26.1.1985.

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 18.11.1984.

³⁵ См.: «Цзинцзи жибао», 26.1.1985.

³⁶ «Хунци», 1985, № 8, с. 19.

«долговременной стратегической политикой»³⁷. Некоторые единоличные крестьянские хозяйства занимаются мелким ремесленным производством, торговлей, перевозками и, как правило, считаются специализированными в этих отраслях. Их удельный вес в общем числе специализированных дворов составлял на начало 1985 г. 33,6 %, в том числе 19,2 % их занимались перевозками, торговлей, работали в строительстве и сфере обслуживания, 14,4 % были заняты в мелкой промышленности, кустарном и ремесленном производстве³⁸. В китайской печати они именуются дворами, занимающимися промышленностью и торговлей.

В 1983—1985 гг. крестьян поощряли открывать в волостях и поселках мастерские, магазины и лавки, им предоставлялись определенные льготы по линии кредитования и налогообложения. Число дворов, занимающихся мелкой промышленностью и торговлей, возрастало особенно быстро. В начале 1983 г. их насчитывалось 1270 тыс., к концу года это число почти утроилось³⁹. В конце сентября 1984 г. этих дворов было уже 6125 тыс. с числом работающих более 8,4 млн. человек⁴⁰. Это составляло 77 % всех занятых в частной промышленности и торговле КНР.

В некоторых районах доля крестьян, единолично ведущих хозяйство, была довольно высокой. В одной из производственных бригад уезда Дансянь (провинция Шаньси) в 1983 г. 1/3 всех специализированных дворов (17,5 % общего числа дворов бригады) хозяйствовали единолично⁴¹.

В некоторых провинциях, как, например, в Цзянсу и Хэнань, крестьяне формировали строительные отряды. Они строили жилые дома, помещения для магазинов, предприятий и мастерских не только в деревнях, волостях и уездах своей провинции, но и в других провинциях. В 1983 г. в провинции Хэнань более миллиона крестьян было занято в сфере строительства, это составляло около 8 % численности рабочей силы провинции, из них половина работала за пределами своих коммун. Свыше 200 тыс. человек выполняли подрядные строительные работы в 16 провинциях, городах и автономных районах по всей стране⁴².

Изменения в хозяйственной структуре деревни сказались и на структуре занятых в различных отраслях производства.

Примерно 1/3 рабочей силы ушла из земледелия в другие отрасли сельского хозяйства, в подсобные промыслы, на транспорт, в деревенскую промышленность. Появились целые провинции и уезды, где с земли ушло свыше половины рабочей силы. Так, за последние 3 года (1982—1984) удельный вес сельского населения в дельте реки Янцзы сократился с 70 до 20 %, такое же положение в дельте реки Чжуцзян⁴³. В 1984 г. в провинции Гуандун и южных районах провинции Цзянсу 60—80 % рабочей силы деревни нашло применение в сельской промышленности, подсобных промыслах, в строительстве, торговле и сфере обслуживания. В пригородных районах Гуанчжоу «ушел с земли», каждый третий крестьянин⁴⁴, в пригородах Пекина 28 % рабочей силы занято в сельской промышленности⁴⁵. В поселке Чжухай уезда Мупин (провинция Шаньдун) 93 % рабочей силы оставило земледелие⁴⁶.

В этой связи китайское руководство придает большое значение развитию и в будущем сельской промышленности, которая смогла бы поглотить излишек рабочей силы в деревне. В настоящее время только на предприятиях деревень и поселков занято 60 млн. человек⁴⁷. Как отмечалось в опубликованном ЦК КПК и Госсоветом КНР докладе министерства сельского хозяйства, животноводства и рыбного хозяйства «О новой обстановке в создании предприятий деревень и поселков», к концу столетия сельская промышленность, строительство, транспорт, сфера обслуживания должны поглотить 100—180 млн. человек⁴⁸.

И вместе с тем быстрый отток рабочей силы из земледелия, и прежде всего из зерноводства, вызывает определенную тревогу китайских руководителей на местах, о чем красноречиво свидетельствовали выступления депутатов на III сессии ВСНП шестого созыва⁴⁹.

* * *

Организационно-хозяйственная перестройка в китайской деревне сыграла определенную положительную роль в оживлении сельской экономики, увеличении производства и доходов крестьян. По данным выборочных обследований, в среднем доход на душу населения в деревне увеличился с 191,33 юаня в 1980 г. до 355,3 юаня в 1984 г., то

³⁷ «Цзинцзи цанькао», 1.II.1985.

³⁸ См.: «Цзинцзи жибао», 26.I.1985.

³⁹ См.: «Жэньминь жибао», 23.II.1983, 18.II.1984.

⁴⁰ См.: «Чжунго нунминь бао», 13.XI.1984.

⁴¹ См.: «Хунцзи», 1984, № 4, с. 28.

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 3.IV.1984.

⁴³ Там же, 13.II.1985.

⁴⁴ См. там же, 15.IX.1984.

⁴⁵ См. там же, 3.IX.1984.

⁴⁶ См.: «Нунминь жибао», 21.I.1985.

⁴⁷ См.: «Жэньминь жибао», 27.IX.1985.

⁴⁸ См. там же, 18.III.1984.

⁴⁹ См. там же, 5.IV.1985.

есть на 85,7 %⁵⁰. Однако, как отмечалось в китайской печати, «жизнь крестьян улучшилась в неодинаковой степени», доля крестьян, едва обеспечивающих себя питанием и одеждой, по-прежнему составляет более 80 %⁵¹.

Китайские авторы относят к зажиточным крестьянским дворам дворы в среднем с доходом на душу населения в 500 юаней и выше; дворы с доходом 200—500 юаней считаются обеспечивающими себя пищей и одеждой, то есть имеющими прожиточный минимум; дворы, имеющие в среднем доход на душу населения менее 200 юаней, составляют группу бедняков. По данным печати КНР, в 1983 г. доля зажиточных дворов составила примерно 12 % общего их числа, обеспечивающих прожиточный минимум — 67,4, бедных — с доходом менее 200 юаней — 20,7 % дворов⁵².

Несомненно, дело повышения благосостояния такой многочисленной группы населения, каким является китайское крестьянство, — дело большой сложности, требующее времени. В печати КНР отмечалось, что для достижения уровня относительной зажиточности крестьянства потребуются десять с лишним лет напряженного труда или еще более длительный срок⁵³.

С середины 1985 г. китайская печать почти не упоминает о дворах, «разбогатевших в первую очередь», широко пропагандировавшихся в 1983—1984 гг. Эти дворы, имеющие доход в 10 тыс. юаней и более, по признанию «Жэньминь жибао», капля в море — почти 200 млн. крестьянских дворов⁵⁴.

Расходы крестьян на потребление в 1984 г. составили 273 юаня в расчете на душу населения и на 10 % выросли по сравнению с 1983 г., особенно увеличилась доля расходов на жилищное строительство, предметы длительного пользования, топливо⁵⁵. В 1984 г. в деревне было построено на 20 % больше жилой площади, чем в 1980 г.; объем жилищного строительства составил 600 млн. м², что на 14,3 % меньше по сравнению с 1983 г.

Динамика структуры расходов крестьянских семей косвенно подтверждает, что увеличение доходов в последние годы происходило преимущественно в семьях, имеющих относительно высокий в среднем доход на душу населения. В 1984 г. произошло увеличение расходов на культурные нужды и обслуживание в расчете на душу населения на 20 % по сравнению с 1983 г., на предметы длительного пользования — примерно на столько же, расходы же на питание сократились⁵⁶. Расходование больших средств по двум первым статьям могли себе позволить прежде всего семьи, имеющие более высокий доход; семьи с низким доходом, живущие впроголодь, увеличивали, если появлялась возможность, прежде всего расходы на питание. Условия жизни крестьян в отдаленных и горных районах, в районах проживания ряда национальных меньшинств, в пограничных районах, в районах бывших революционных баз остаются по-прежнему тяжелыми⁵⁷. В 1984 г. в стране насчитывалось 14 млн. бедных дворов с населением 70 млн. человек, из них примерно 22 млн. человек имели доходы ниже 100 юаней в год, то есть ниже официального уровня бедняков⁵⁸.

Серьезность положения беднейшей части крестьянства подтверждает принятое в 1984 г. «Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о помощи бедным районам в скорейшем изменении их облика»⁵⁹. «Уведомление» констатировало, что бедные и отсталые районы для изменения своего положения должны прежде всего опираться на собственные силы, исходить из местных особенностей. Крестьянам этих районов предоставляется большая хозяйственная самостоятельность: срок земельного подряда продлевается до 30 лет, им предоставлено право ведения животноводства без ограничения поголовья, самостоятельного сбыта его продукции. Предусматривается с 1985 г. освободить наиболее бедные дворы на 5 лет от уплаты сельскохозяйственного налога, а с менее бедных взимать его по пониженной ставке в течение 1—3 лет. В этих районах отменяются централизованные закупки всей сельскохозяйственной продукции, в том числе зерна и древесины. Сельские предприятия, создаваемые в этих районах, на 5 лет освобождаются от уплаты подоходного налога.

Широко пропагандируемые китайской печатью в течение последних 3—4 лет установки на обогащение части крестьянства: «пусть сначала богатеют некоторые крестьяне, пусть сначала богатеют некоторые районы»⁶⁰, и политика в деревне, подтверждающая эти установки, привели к увеличению разрыва в доходах крестьянских дворов. В 1984 г. сохранялось негативное отношение большинства крестьян и части кадровых работников к специализированным дворам, которые прежде других увеличивали свои доходы. Показателем этого могут служить многочисленные статьи в центральной прессе, призывающие «охранять законные интересы специализированных дворов»,

⁵⁰ См.: Чжунго пунъе ды гуанхуэй чэнцзю 1949—1984. Пекин, 1984, с. 145; «Жэньминь жибао», 10.III.1985.

⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 17.VIII.1985.

⁵² См.: Чжунго тушэцзи няньцзянь 1984. Пекин, 1984, с. 473.

⁵³ См.: «Жэньминь жибао», 17.VIII.1985.

⁵⁴ См. там же, 22.II.1985.

⁵⁵ См.: «Нунминь жибао», 11.III.1985.

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ См.: «Жэньминь жибао», 24.VI.1984.

⁵⁸ In: "Beijing Review", 1985, vol. 28, N 4, p. 9.

⁵⁹ См.: «Жэньминь жибао», 30.IX.1984.

⁶⁰ Там же, 7.XI.1982, 16.IV.1984.

сообщения о порче и расхищении их имущества крестьянами, о мерах, принимаемых органами общественной безопасности на местах по защите прав специализированных дворов⁶¹. В результате в китайской деревне складывалась обстановка определенной социальной напряженности. Отражением этого явились выступления некоторых депутатов ВСНП на III сессии ВСНП шестого созыва, которые в целом возражали против усиленной пропаганды дворов, имеющих высокий уровень доходов.

Основные установки в области экономического и социального развития деревни, в том числе и результаты экономической реформы, были одобрены на Всекитайской конференции КПК, проходившей в сентябре 1985 г., и получили отражение в «Предложениях ЦК КПК по составлению седьмого пятилетнего плана экономического и социального развития страны».

Проблема упорядочения производственной структуры деревни по-прежнему считается одной из основных. Наряду с положительными изменениями в сторону повышения удельного веса несельскохозяйственных отраслей в валовой продукции сельского хозяйства, отмечавшимися в последние 2—3 года, имеют место и неблагоприятные моменты.

Увлечение в ряде районов развитием сельской промышленности, торговли, транспорта отрицательно сказывалось на производстве зерна. Беспокойство по этому поводу прозвучало в выступлении одного из ветеранов партии Чэнь Юня на конференции КПК. «Обеспечение миллиардного населения пищей и одеждой — это большой экономический, а также и большой политический вопрос для нашей страны, — отметил он. — Без зерна наступает хаос, — это нельзя недооценивать»⁶².

Добиться упорядочения производственной структуры, постепенного осуществления специализации производства, повышения его товарности и технической оснащенности — эти задачи поставлены перед сельским хозяйством и на следующую — 7-ю пятилетку⁶³.

В области экономической организации деревни, наряду с сохранением семейного подряда как основной формы производственной ответственности, предусматривается также развитие различных кооперативных объединений крестьян, многообразных форм местного хозяйствования.

В области социальной политики в деревне в целом сохранены прежние установки: намечено продолжать курс на «обогащение сначала только части районов, отдельных предприятий и части людей», и вместе с тем рекомендуется не допускать «слишком больших различий в уровне доходов»⁶⁴.

Это значит, что сохраняются и определенные элементы социальной напряженности в деревне, ведь доля крестьян, «только обеспечивающих себя питанием и одеждой, и бедных, испытывающих трудности, составляет более 80%»⁶⁵.

⁶¹ См. «Жэньминь жибао», 20.VI, 10.IX.1984; «Гуанмин жибао», 22.IX.1984; «Цзинцзи жибао», 11.II.1985.

⁶² «Жэньминь жибао», 24.IX.1985.

⁶³ Там же, 26.IX.1985.

⁶⁴ «Жэньминь жибао», 26.IX.1985.

⁶⁵ Там же, 17.VIII.1985.

Создание патентной системы в Китае

В. П. ПОЛЯКОВ,
кандидат экономических наук

1 апреля 1985 г. вступил в силу «Патентный закон КНР», принятый 12 марта 1984 г. на IV сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Начала действовать создаваемая в Китае патентная система, правовой основой которой является «Патентный закон КНР»¹.

Наряду с принятием законодательных и подзаконных актов по вопросам изобретательства и патентования патентная система, создаваемая в рамках общей хозяйственной реформы в КНР, предусматривает организацию сети патентных организаций и службы патентных поверенных, обслуживание предприятий, организаций и отдельных лиц патентной литературой, торговлю лицензиями, подготовку кадров в области патентования, научно-технический обмен и пр.

Как подчеркивалось в китайской печати, создание патентной системы будет способствовать получению китайскими предприятиями и организациями новейшей и наиболее систематизированной информации о научно-технических достижениях в мире².

Патентная система может способствовать импорту передовой техники и технологии в КНР, особенно если учитывать стремление КНР в последние годы делать все больший акцент не на импорте машин и оборудования, а на закупке лицензий с целью налаживания собственного производства новейшей техники.

С начала 1980-х годов КНР резко увеличила закупку лицензий. Если в 1973—1978 гг. КНР заключила всего 16 лицензионных соглашений, то в 1979—1981 г. — 116 соглашений. КНР закупила лицензии на производство энергосилового оборудования (22 лицензии), электрических машин и аппаратов (16), металлорежущих станков (2), приборов (2), электронных устройств (10) и другого оборудования³.

К 1982 г. были уже изготовлены опытные образцы и начато серийное производство изделий по 1/3 из 132 лицензий, закупленных в 1973—1981 гг. По остальным лицензиям начато освоение изделий и подготовка к их производству. В последние годы с использованием иностранных лицензий в КНР освоено или налаживается изготовление энергоагрегатов единичной мощностью 300 и 600 МВт, оборудования для ЛЭП напряжением 500 кВ, установок непрерывной разливки стали, комбайнов, малооборотных судовых двигателей, угледобывающих машин, скрепковых транспортеров и другого оборудования.

В связи с принятием «Патентного закона КНР» в китайской печати подчеркивалось, что новый закон создает правовую основу для передачи КНР иностранными фирмами передовой техники. Исчезнут их опасения относительно безвозмездного использования в КНР новейших технических достижений, содержащихся в импортируемой технике. Ранее подобные опасения вынуждали иностранного продавца учитывать в продажной цене возможные убытки от безвозмездного использования третьей стороной новейших научно-технических достижений, поступающих в распоряжение китайского покупателя вместе с импортируемым оборудованием и не имеющих патентной защиты в КНР. Это приводило к росту цен на оборудование, импортируемое в КНР⁴.

Патентная система позволит обеспечить правовую защиту в других странах экспортируемых китайских товаров благодаря своевременному патентованию в этих странах созданных в КНР изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков.

¹ Опубликован в «Жэньминь жибао», 14.III.1984.

² В мире ежегодно публикуются около 1 млн. патентных описаний.

³ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. Пекин, 1982, с. V—285. Из 132 лицензионных соглашений, заключенных в КНР в период 1973—1981 гг., с ФРГ было подписано 35 соглашений, США — 26, Японией — 20, Англией — 20, Францией — 13, Швейцарией — 6, Бельгией — 2, Швецией — 2, Данией — 2, Австрией — 2, Австралией — 2, Канадой — 1 и Италией — 1. На долю ФРГ, США, Франции, Японии и Англии пришлось 86% всех заключенных соглашений на покупку лицензий.

⁴ Например, промышленная турбина, изготовленная фирмой «Сименс» (ФРГ), была продана КНР за 4,8 млн. долл., в то время как Япония, имеющая патентную систему, приобрела такую же турбину за 1,2 млн. долл.

При обсуждении проекта патентного закона высказывалось опасение, что патентная система создаст препятствия для копирования в КНР иностранных изделий. Однако как отмечалось в китайской печати, подобное опасение необоснованно по следующим причинам. Во-первых, выдача патента еще не означает одновременное внедрение запатентованного изобретения в массовое производство, на что требуется иногда довольно длительный период. Поэтому после выдачи патента отсутствует проблема копирования, а есть лишь проблема подписания лицензионного соглашения с патентовладельцем для организации внедрения запатентованного изобретения. Во-вторых, срок действия патента часто истекает еще до внедрения изобретения в производство, в результате чего исчезают препятствия к копированию изделия, которое содержит изобретение, ранее имевшее патентную защиту⁵.

В КНР теоретической основой создаваемой патентной системы считают то, что результаты изобретательского творчества рассматриваются как товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. «Техническое изобретение, — писала газета «Жэньминь жибао» от 15.III.1984 г., — это продукт труда. Оно воплощает в себе творческий умственный труд изобретателя, а во многих случаях и овеществленный труд в виде экспериментальных и исследовательских приборов, оборудования и экспериментальных материалов и некоторый вспомогательный физический труд. Однако решающую роль играет творческий умственный труд. Техническое изобретение при использовании его в производстве в конце концов может превратиться в производительную силу, дать экономический, технический и социальный эффект. Поэтому оно обладает стоимостью и потребительной стоимостью и должно защищаться как ценность. Поскольку в условиях социализма еще существует товарное производство, то для потребности социалистической модернизации необходимо всемерно развивать производство и обмен этого товара — технического изобретения. Это является главной теоретической основой создаваемой в Китае патентной системы».

Ранее в китайском изобретательском праве существовал принцип, что «изобретения являются собственностью государства» и по этой причине не являются товаром. Согласно этому принципу, изложенному, например, в принятых в 1978 г. в КНР «Правилах о вознаграждении за изобретения», любое предприятие или организация могли безвозмездно использовать результаты изобретательского творчества. Однако теперь в КНР считается, что принцип принадлежности изобретения государству в целом препятствует изобретателю или предприятию, где он работает, получать экономическую выгоду от созданного изобретения, не способствует развитию творческой изобретательской активности широких масс и отдельных предприятий, вызывает скрытность в отношении создаваемых изобретений, часто является причиной споров о праве собственности на них⁶.

Передача права собственности на изобретения и другие результаты изобретательского творчества от государства в целом к отдельным предприятиям, организациям и лицам означает распространение отношений собственности на новую широкую область, где собственниками патентных прав могут быть не только китайские, но и иностранные юридические лица и субъекты права.

В Китае первый законодательный акт, носящий черты патентного закона, был опубликован министерством промышленности и торговли в декабре 1912 г. и назывался «Временные правила о поощрении изделий ремесленного производства». В мае 1944 г. был официально опубликован «Патентный закон», который установил 3 вида выдаваемых патентов: на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. После образования КНР Государственный административный совет издал «Временные правила по охране изобретательских и патентных прав», которые предусматривали 6 видов изобретательских и 4 вида патентных прав⁷.

В ноябре 1963 г. Госсовет КНР опубликовал «Правила о вознаграждении за изобретения». Они действовали до декабря 1978 г., когда Госсовет КНР принял новые пересмотренные «Правила о вознаграждении за изобретения»⁸. Единое руководство всей работой по вознаграждениям за изобретения возлагалось на Государственный комитет по науке и технике. Министерством, а также комитетам по науке и технике провинций, автономных районов и городов центрального подчинения поручалось руководство работой по принятию заявок на изобретения и их экспертиза в пределах полномочий данных министерств и районов. В «Правилах» регламентировались порядок представления изобретений на материальное и моральное поощрение, размеры выплачиваемых вознаграждений, их распределение в коллективе авторов данного изобретения, порядок публикации сущности изобретения и определения степени его секретности и другие вопросы.

Однако эти «Правила» не регламентировали многих других вопросов, связанных с развитием изобретательства в стране, защитой прав китайских граждан и иностранцев, использования иностранных изобретений. Этот пробел в китайском изобретательском праве стал все более ощутимым в последние годы, когда КНР в рамках проводимой

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 7.IX.1983.

⁶ См. там же, 15.III.1984.

⁷ См. там же, 4.XII.1983. «Временные правила» были отменены в 1963 г.

⁸ Там же, 25.I.1979.

реформы экономической системы стала активно развивать внешнеэкономические и научно-технические связи с другими странами.

К созданию патентной системы КНР приступила в 1978 г., а уже в марте 1979 г. была начата подготовка проекта патентного закона. В январе 1980 г. Госсовет КНР утвердил доклад Госкомитета по науке и технике о создании патентной системы в стране и образовал Патентное ведомство Китая.

Принятию «Патентного закона КНР» предшествовала большая подготовительная работа, в ходе которой было изучено патентное законодательство свыше 30 стран.

В сентябре 1982 г. Госсовет КНР вновь принял постановление о создании патентной системы в стране. Премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь в своем «Докладе о VI пятилетнем плане», сделанном на V сессии ВСНП пятого созыва, указал на необходимость «разработки и принятия патентного закона». В это же время состоялось Всекитайское совещание по вопросам патентования. В марте 1984 г. Постоянный комитет ВСНП после двукратного обсуждения принял «Патентный закон КНР», а в ноябре того же года он вынес решение о присоединении КНР к Парижской конвенции об охране промышленной собственности, официальным членом которой КНР стала 19 марта 1985 г. С целью поощрения изобретательства в стране в октябре 1984 г. было создано Китайское общество изобретателей⁹.

«Патентный закон КНР» предусматривает охрану патентами 3 видов изобретательского творчества: изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. В отличие от изобретений, представляющих собой высшую форму изобретательского творчества, полезные модели (их иногда называют «малыми изобретениями») характеризуются новой формой и конструкцией машин, оборудования и других изделий. Их творческий уровень ниже, чем у изобретения, но они обладают сравнительно большой ценностью с точки зрения их применения.

Патент на промышленные образцы может быть выдан на новые эстетические и применимые в промышленности решения, касающиеся формы, структуры, окраски предмета или сочетания этих признаков. Патентная защита этого вида изобретательского творчества стимулирует создание новых красивых образцов различных предметов.

Патенты на изобретения и полезные модели могут быть выданы лишь при условии, что они обладают следующими 3 признаками: новизной, изобретательским уровнем и практической применимостью. Они обладают «новизной», если до даты подачи заявки ни одно идентичное изобретение или полезная модель не были открыто опубликованы в КНР или за границей, не использовались открыто в КНР, ни одно другое лицо не подавало ранее в Патентное ведомство Китая заявку, которая описывает идентичное изобретение или полезную модель и была опубликована после указанной даты подачи заявки.

«Изобретательский уровень» означает, что по сравнению с техникой, имеющейся на дату подачи заявки, изобретение обладает выдающимися существенными особенностями и представляет собой заметный прогресс, а полезная модель имеет существенные особенности и является прогрессивной.

«Практическая применимость» означает, что изобретение или полезная модель могут быть изготовлены, использованы и дать определенный эффект.

Для получения патента на промышленный образец необходимо, чтобы он не был идентичен или похож на любой промышленный образец, который до даты подачи заявки был открыто опубликован в КНР и за границей или открыто использован в КНР.

Изобретение, полезная модель или промышленный образец, на которые испрашивается патент, не теряют своей новизны в течение 6 месяцев до подачи заявки в каждом из следующих случаев: когда они впервые показаны на международной выставке, организованной или признанной китайским правительством, когда они впервые опубликованы на определенном научном или техническом совещании и когда они были раскрыты каким-либо лицом без согласия заявителя.

Срок действия патентов на изобретения установлен в 15 лет, а на полезные модели и промышленные образцы — 5 лет, считая с даты подачи заявки. Срок действия патентов на полезные модели и промышленные образцы может быть по заявлению патентовладельца продлен на 3 года. Если патентовладелец использует право приоритета, то срок действия патента исчисляется также с даты подачи заявки в КНР. Патентовладелец обязан уплачивать ежегодные пошлины, начиная с года выдачи патента. Действие патента прекращается в случае неуплаты ежегодных пошлин или по письменному заявлению патентовладельца.

«Патентный закон КНР» вводит понятие «служебных» изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, которые создаются лицами при выполнении ими заданий предприятий или организаций, к которым они принадлежат, или же создаются ими с использованием, главным образом, материальных средств этих предприятий или организаций. При этих условиях право подачи заявки на патент принадлежит указанным предприятиям или организациям. В остальных случаях, то есть при создании «неслужебных» изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, право на подачу заявки и на получение патента принадлежит самим изобретателям.

Приобретение патентного права на изобретение или полезную модель означает, что ни одно предприятие, организация или лицо не могут использовать патент без санкции

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 11, 14.XI, 14.X.1984, 19.III.1985.

патентоладельца, то есть изготавливать, использовать или продавать запатентованное изделие или использовать запатентованный процесс в производственных или деловых целях. При получении патента на промышленный образец ни одно предприятие, организация или отдельное лицо не могут в производственных или деловых целях изготавливать или продавать изделие, воплощающее в себе промышленный образец. Таким образом, в отличие от патентов на изобретение и полезную модель патент на промышленный образец допускает использование изделия, содержащего запатентованное техническое решение.

Однако предоставляемое законом право на патент не является абсолютным. Соответствующие компетентные органы Госсовета КНР и народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в соответствии с государственным планом могут указывать любому входящему в их систему или непосредственно подчиненному предприятию общенародной собственности, владеющему патентом на важное изобретение, полезную модель или промышленный образец, чтобы они позволили определенным предприятиям использовать запатентованное изобретение, полезную модель или промышленный образец. В данном случае эти предприятия выплачивают патентоладельцу вознаграждение за использование патента.

В «Патентном законе КНР» большое внимание уделено вопросу о выдаче принудительных лицензий. Закон возлагает на патентоладельца обязанность изготовить запатентованное изделие или применить запатентованный способ или же уполномочить других лиц сделать это. Если патентовладелец без каких-либо уважительных причин не исполняет эту обязанность в течение 3 лет с даты выдачи патента, Патентное ведомство по просьбе предприятия, готового использовать изобретение или полезную модель, предоставляет принудительную лицензию на использование патента. Это ведомство предоставляет принудительную лицензию и в том случае, если данное изобретение или полезная модель не могут быть использованы без предшествующих или последующих изобретений или полезных моделей.

Принудительная лицензия выдается предприятию, организации или отдельному лицу, если они представят доказательства о невозможности заключения с патентоладельцем лицензионного соглашения на разумных условиях. После получения принудительной лицензии они не приобретают исключительного права на использование патента и не могут передавать это право другим. Выдача принудительной лицензии предусматривает уплату патентоладельцу определенного вознаграждения. Патентовладелец может в течение 3 месяцев обжаловать в народный суд решение Патентного ведомства о выдаче принудительной лицензии на его патент.

«Патентный закон КНР» предусматривает защиту патентных прав патентоладельца и в случае несанкционированного использования его изобретения, полезной модели или промышленного образца. В этом случае патентовладелец может обратиться в патентный орган или непосредственно в народный суд с просьбой потребовать от нарушителя прекращения нарушения им патентных прав патентоладельца и компенсировать патентоладельцу нанесенный ему ущерб¹⁰.

В порядке подготовки к введению в силу «Патентного закона КНР» Патентное ведомство опубликовало 19 января 1985 г. «Правила по применению патентного закона КНР», утвержденные Госсоветом КНР. В этих правилах конкретизируются общие положения патентного закона, процедура подачи заявок на патент и их экспертизы, вопросы выдачи патента, предоставления лицензий, вознаграждения за служебные изобретения и пр., а также порядок и размеры уплаты патентных пошлин¹¹.

Для проведения патентной работы в КНР создается система патентных органов. Еще в 1979 г. государство официально приняло на себя работу по экспертизе заявок на изобретения и по вознаграждению за изобретения. В 1980 г. Госсовет КНР утвердил создание Патентного ведомства, которое первоначально насчитывало всего 200 сотрудников, включая экспертов, исследователей, патентных поверенных и административных работников¹².

В структуру Патентного ведомства Китая входят экспертные отделы по рассмотрению заявок на получение патентов в областях машиностроения, электроники, энергетики и химической промышленности, административный отдел, отдел патентного поиска, где по просьбе экспертов и других лиц ведется поиск патентной литературы, отдел публикации, отдел технического обмена, правовой отдел, подготавливающий проекты законов и положений по вопросам изобретательства и патентования, отдел внешних сношений, направивший в свое время свыше 50 экспертов в другие страны для изучения патентного дела.

Патентное ведомство Китая развивает сотрудничество с другими странами в области патентного дела. 22 августа 1983 г. вступило в силу соглашение между КНР и ФРГ в области патентного дела, согласно которому ФРГ обязалась предоставить КНР в 1983—1985 гг. финансовую помощь в размере 12 млн. зап. герм. марок для оплаты импорта конторского оборудования и обучения персонала. В сентябре 1983 г. по приглашению Патентного ведомства Китая в стране побывала делегация патентных работни-

¹⁰ В марте 1985 г. были опубликованы «Указания Верховного народного суда КНР о судопроизводстве по патентным делам». См.: «Жэньминь жибао», 2.III.1985.

¹¹ In: "Beijing Review", January, 1985, p. 7—8.

¹² In: "China Business Review", 1981, vol. 8, N 3.

ков ФРГ. Стороны обсудили план сотрудничества в области патентного дела на ближай-
шие 5 лет¹³.

В 1984 г. Госсовет КНР поручил Китайскому комитету содействия международной торговле, являющемуся неправительственной организацией, выполнять функции Патентного агентства Китая. В июне 1984 г. этот комитет создал патентный поверенный отдел, в функции которого входит консультационное обслуживание лиц, подающих заявки на получение патента, предварительное рассмотрение заявок, осуществление посредничества между заявителями и Патентным ведомством Китая, лицензионная торговля, процессуальные вопросы, подача заявок в КНР по поручению иностранных граждан и предприятий, а в других странах — по поручению китайских предприятий и отдельных лиц¹⁴.

Следует отметить, что на Китайский комитет содействия международной торговле еще в 1957 г. были возложены обязанности по регистрации товарных знаков. В ходе выполнения этой работы комитет установил деловые связи с агентствами и поверенными многих стран, занимающимися вопросами регистрации товарных знаков. Подготовку дел по регистрации товарных знаков выполняет в КНР юридическая контора, открытая в Пекине в июле 1984 г. и специализирующаяся на правовых вопросах внешнеэкономического и научно-технического сотрудничества¹⁵.

Сообщалось также о создании в Сянгане (Гонконге) патентной поверенной конторы. Ее задачей является распространение китайских патентов за рубежом и оказание помощи проживающим в Сянгане и Аомыне (Макао) китайцам, а также иностранным гражданам и предприятиям в подаче заявок на получение патентов в КНР¹⁶.

Патентное ведомство Китая и местные органы ведут большую работу внутри страны по организации патентных бюро, которые призваны оказывать практическую помощь в соблюдении патентного закона и защите прав и интересов изобретателей и патентовладельцев. Так, в 1980 г. в министерстве железных дорог было организовано бюро изобретательства и патентования, которое проводит патентные исследования с целью установления целесообразности патентования изобретений в КНР и за рубежом, определения степени новизны иностранной техники и целесообразности ее импорта, а также принятия решений о возможности экспорта изделий или их экспонирования на выставках¹⁷. В провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, а также в ряде отраслей народного хозяйства страны было создано 49 организаций по проведению патентной работы и по руководству ею. Во многих крупнейших административных единицах страны уже завершено создание патентных организаций¹⁸.

Создается также служба патентных поверенных, которые в соответствии с требованиями Патентного ведомства Китая должны иметь высшее образование, опыт практической работы не менее 3 лет и знать по меньшей мере один иностранный язык. Кроме того, они должны знать китайское и зарубежное патентное законодательство, частное и процессуальное право и международное патентоведение. Все патентные поверенные проходят регистрацию в патентных бюро и сдают соответствующие экзамены. К началу 1985 г. в Китае было подготовлено свыше 600 патентных поверенных¹⁹.

Патентная информация — одна из важнейших частей создаваемой в КНР патентной системы. Она является основным источником, из которого могут быть почерпнуты сведения о новых изобретениях, полезных моделях или промышленных образцах. Как известно, в различных научно-технических изданиях публикуются лишь 5—10 % сведений об изобретениях, создаваемых в мире. Остальные 90 % сведений содержатся в патентной литературе.

Для обеспечения предприятий, научно-исследовательских организаций и отдельных лиц патентной информацией в Пекине в конце 1981 г. был учрежден Центр по обслуживанию патентной литературой, подчиненный Патентному ведомству Китая. Патентная библиотека Центра насчитывает 20 млн. единиц патентной литературы, изданной в 15 странах и 2 международными организациями (70 % всего объема патентной литературы в мире). Отдел обслуживания Центра осуществляет поиск и копирование патентной литературы по запросам предприятий и организаций. В состав Центра входит также отдел патентной классификации, обрабатывающий и хранящий патентную литературу для обслуживания экспертов Патентного ведомства. Для патентного поиска в Центре используется банк информационно-технических данных, позволяющий с помощью ЭВМ быстро найти необходимый патентный материал.

Патентному ведомству Китая подчинено также издательство «Патентная литература» («Чжунаньли вэньсянь чубаньшэ»), которое издает патентную литературу, пособия по патентному делу, справочники по патентной работе, а также журналы и иные мате-

¹³ Ип: "China Economic News", 19.IX.1983.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 14.VII.1984.

¹⁵ К концу 1982 г. в Китае насчитывалось свыше 84 тыс. зарегистрированных торговых марок, в том числе более 13 тыс. зарубежных торговых марок. С 1 марта 1983 г. в КНР вступил в силу новый «Закон о торговых марках» (См.: «Жэньминь жибао», 23.I.1983).

¹⁶ Еще до вступления патентного закона в силу в эту контору было подано 800 заявочных материалов (См.: «Жэньминь жибао», 2.IV.1985).

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 4.XII.1983.

¹⁸ См. там же, 9.II.1985.

¹⁹ Ип: "China Aktuell", August, 1983; См.: «Жэньминь жибао», 9.II.1985.

риалы по патентной системе, патентному законодательству и другим вопросам патентования.

Печатным органом Патентного ведомства Китая является ежемесячный журнал «Патенты Китая» («Чжунго чжуаньли»), публикующий материалы по теории и практике патентного дела (подача заявок на патенты, торговля лицензиями, использование патентной литературы, состояние патентного дела в мире и т. д.). Издаётся ещё один ежемесячный журнал — «Изобретения мира» («Шинце фамин»), где печатаются статьи по состоянию патентного дела в различных странах и теории изобретательского творчества, публикуются сообщения об изобретениях в КНР, отмеченных премиями, материалы о новых промышленных образцах.

Для проведения исследований по патентному поиску издаётся реферативный журнал «Информационный бюллетень по патентной литературе» («Чжуаньли вэньсянь тунбао»), в котором публикуются аннотации и рефераты патентов и авторских свидетельств, выдаваемых в 10 странах (США, Англия, Франция, Япония, СССР, ЧССР, Австрия, Швейцария, ФРГ и ГДР) и 2 международными организациями — Европейской патентной организацией и организацией «Договора о патентной кооперации». В 1984 г. издано 13 выпусков этого журнала, содержащих аннотации и рефераты патентов по различным областям народного хозяйства и техники.

* * *

Принятие патентного закона и создание основ патентной системы — важные события в жизни современного Китая, которые окажут определенное влияние на развитие народного хозяйства страны. Объективно они будут способствовать научно-техническому прогрессу Китая и расширению научно-технического обмена с промышленно развитыми странами. Вероятно, довольно существенной будет их роль и в расширении внешнеэкономических связей Китая, в патентной защите его экспорта, повышении качества экспортируемых товаров, особенно машин и оборудования. Вместе с тем они позволяют зарубежным торговым партнерам Китая эффективнее защищать свой экспорт товаров на внутреннем китайском рынке и создавать более благоприятные условия для возмездной реализации в Китае своих научно-технических достижений.

Славный юбилей социалистического Лаоса

2 декабря 1985 г. лаосский народ отметил знаменательное событие в своей истории — 10-летие образования Лаосской Народно-Демократической Республики. Право на создание народной республики лаосский народ завоевал в более чем полувековой борьбе за независимость. За эти годы он нанес поражение силам империализма, неокOLONиализма и экспансионизма, восстановил независимость родины и обрел свободу. Ныне лаосский народ всю свою энергию отдает построению основ социализма, добиваясь всестороннего развития своей страны, обеспечения благосостояния трудящихся, вместе с другими народами Индокитая вносит активный вклад в борьбу за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс.

Лаос расположен в центральной части Индокитайского полуострова. Недра страны богаты полезными ископаемыми, которые пока еще недостаточно изучены. Значительны запасы железной руды (60—65 % содержания металла). Имеются месторождения олова, обнаружены залежи марганца, медной и свинцовой руд, поташа, каменного угля, сурьмы, цинка, золота, серебра, платины и других минералов. Почти половина территории покрыта лесами, которые дают ценную древесину, смолы, идущие на экспорт. По запасам гидроэнергии страна — одна из богатейших в Юго-Восточной Азии.

Лаос — многонациональное государство. На его территории проживает около 70 народностей и племен. 70 % населения относится к лао-тайской этнической группе. Большинство народностей относительно едино в языковом, социально-экономическом и культурном отношении. Часть из них находится на разных этапах социально-экономического развития. Согласно переписи 1985 г. в Лаосе проживает 3,6 млн. человек.

Издавна Лаос привлекал внимание захватчиков. Долгие годы здесь хозяйничали французские колонизаторы. Но героический лаосский народ, не желая мириться с колониальными порядками, ни на один день не прекращал борьбы за независимость.

Большое влияние на развертывание национально-освободительного движения в Индокитае оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. В 1930 г. под руководством Хо Ши Мина была создана Коммунистическая партия Индокитая (КПИК), в составе которой в 1936 г. была образована лаосская секция. Под руководством партии лаосский народ вел борьбу против французских, а в годы второй мировой войны — японских колонизаторов. Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, решающую роль в котором сыграл Советский Союз, создали благоприятные условия для изгнания иноземных захватчиков. 12 октября 1945 г. в столице Лаоса — Вьентьяне было сформировано Временное правительство, провозгласившее независимость единого Лаоса — Патет Лао.

Однако уже в 1946 г. французские колонизаторы начали вооруженную интервенцию. Борьба лаосского народа за независимость увенчалась победой. Женевские соглашения 1954 г. содержали признание единства и независимости Лаоса. Перед страной открылся мирный путь развития. Но вскоре при активном содействии американских империалистов во Вьентьяне был установлен правый режим, развязавший гражданскую войну в стране.

В это время руководство борьбой лаосского народа против нового врага — американского империализма, взяла на себя созданная в 1955 г. бывшими членами лаосской секции Компартии Индокитая Народная партия Лаоса (с 1972 г. Народно-революционная партия Лаоса). В 1956 г. на базе Фронта освобождения Лаоса был создан Патриотический фронт Лаоса — ПФЛ (Нео Лао Хаксат), в который вошли все патриотические силы страны. Основой его стал союз рабочих и крестьян.

Вооруженная борьба патриотов достигла таких масштабов, что к середине 1961 г. под властью правых сил оставалась только треть территории страны. В этих условиях американское правительство было вынуждено согласиться на переговоры по лаосскому вопросу. Но решения Женевского совещания 1962 г., которые вновь признавали единство и независимость Лаоса, создавали необходимые международные условия для развития страны как мирного и суверенного государства, были нарушены правой груп-

пировкой при активном участии американцев. В мае 1964 г. США приступили к варварской бомбардировке освобожденной зоны Лаоса. Против мирного населения Пентагон применял напалм, фосфорные бомбы, отравляющие вещества.

Важное значение для победоносного завершения борьбы против иноземных интервентов имел II съезд НРПЛ (февраль 1972 г.). Он наметил также политический курс на завершение национально-демократической революции в стране и постепенный переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. К началу 1973 г. освобожденная зона охватывала 3/4 территории страны, на которой проживало около половины ее населения. Здесь проходило становление нового строя, развивалось экономическое строительство, набирала силы Народно-освободительная армия Лаоса.

1973 г. стал переломным рубежом в истории героического лаосского народа, определившим его дальнейшую судьбу. Во Вьентьяне было подписано соглашение о восстановлении мира и национального согласия. На его основе создавались соответствующие органы власти и управления страной. Вьентьянское соглашение явилось завершающим актом вооруженной борьбы в Лаосе.

Особенностью обстановки в стране в этот период было наличие в Лаосе трех зон и трех типов власти: освобожденная зона, где власть носила революционный характер; зона, управляемая бывшей вьентьянской администрацией, где сохранялись прежние феодальные порядки; нейтрализованная зона — города Вьентьян и Луангпранг, где существовала коалиционная власть.

Победы вьетнамского и кампучийского народов в начале 1975 г. создали благоприятные условия для завершения революции и в Лаосе. В зоне вьентьянской администрации сложилась революционная ситуация. Партия без промедления приняла решение о развертывании генерального наступления и взятия народом власти в кратчайший срок. В стране началось массовое движение за ликвидацию старого административного, полицейского и военного аппарата, процесс реорганизации, демократизации органов местного управления, армии, полиции. В августе 1975 г. завершилось формирование местных народно-революционных органов власти в рамках всей страны. В ноябре 1975 г. состоялись выборы в местные советы народных представителей, в результате которых власть перешла в руки народа.

2 декабря 1975 г. созванный по решению ЦК ПФЛ Национальный конгресс народных представителей объявил о свержении монархии и провозгласил образование Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР). Этим событием завершилась настойчивая и последовательная борьба лаосского народа, открылась новая эпоха — независимости, свободы и социализма.

В наследство от старого досталась отсталая экономика. В сельском хозяйстве, где было занято около 85 % населения, преобладало мелкое производство с элементами натурального хозяйства, которое не обеспечивало население продуктами питания. В ряде районов сохранялись феодальные формы землепользования. В промышленности преобладало кустарное производство. Имелись небольшие предприятия по производству сигарет, прохладительных напитков, обуви, спичек. Тяжелый ущерб нанесла Лаосу война. 3 млн. т бомб сбросила на лаосскую землю американская авиация. В результате бомбардировок и опыления ядовитыми химикатами около 40 % пахотных земель не обрабатывалось. Сотни тысяч семей были сорваны войной с родных мест, оказались на положении беженцев.

Перед молодой республикой стояла задача восстановить разрушенное войной хозяйство, в первую очередь наладить транспортные связи и торговый обмен. Все это лаосскому народу приходилось осуществлять в условиях непрекращающихся происков врагов революции, которые при иностранной поддержке, в первую очередь американской, стремятся вернуть утраченные позиции.

Трезво оценивая сложившуюся обстановку, НРПЛ определила две взаимосвязанные стратегические задачи — защита революции и строительство социализма. Народная власть приступила к осуществлению коренных социально-экономических преобразований в стране. Была проведена национализация земли, минеральных ресурсов, банков, ряда промышленных предприятий, финансов, транспорта, средств информации и связи. Были созданы государственный и государственно-частный секторы. В сельском хозяйстве, торговле, в ремесленном производстве создавались кооперативы. Эти мероприятия правительства были направлены, с одной стороны, на обеспечение повышения жизненного уровня народа, а с другой — на формирование новых производственных отношений на основе социалистической формы собственности.

Важным событием в жизни лаосского народа стал III съезд НРПЛ, состоявшийся в апреле 1982 г. Это был первый легальный съезд лаосских коммунистов. Он определил общий политический курс в период перехода к социализму в стране, в частности, поставив задачу «постоянно укреплять диктатуру пролетариата, обеспечивать монолитную сплоченность трудящихся всех народностей», «одновременно осуществлять три революции, — революцию в области производственных отношений, научно-техническую революцию и революцию в области культуры и идеологии». Отмечая, что «индустриализация является сердцевиной переходного периода, базой развития производительных сил», съезд определил, что в качестве основы для развития промышленности необходимо обеспечить подъем сельского и лесного хозяйства. Одновременно с укреплением обороноспособности и государственной безопасности, защитой суверенитета, национальной независимости и нового строя определялась задача «плечом к

плечу с Вьетнамом и Кампучией надежно защищать форпост мировой социалистической системы в регионе и вносить активный вклад в дело борьбы за мир, национальную независимость, демократию и социализм во всем мире».

Отмечая 10-ю годовщину образования республики, лаосский народ закономерно гордится результатами своего труда по строительству нового общества. В 1980 г. было в основном достигнуто самообеспечение населения страны продовольственными продуктами. В 1984 г. собран рекордный урожай риса — 1,3 млн. т, примерно по 354 кг на душу населения, что соответствует заданиям, определенным пятилетним планом развития на 1981—1985 гг. (в 1976 г. было собрано 700 тыс. т). поголовье крупного рогатого скота достигло 1,5 млн. (в 1976 г. — 900 тыс.).

К 1985 г. в стране образовано 2546 кооперативов, которые объединяют 41 % крестьянских хозяйств. Они обрабатывают 47 % пашни. НРПЛ проводит политику кооперирования крестьян сугубо на добровольных началах. Кооперативам оказывается финансовая и техническая помощь, предоставляются удобрения и семена.

Важное значение придается развитию лесного хозяйства. В стране действуют 25 лесозаготовительных предприятий, которые дают более 200 тыс. куб. м древесины в год. Одновременно они ведут работы по восстановлению лесов ценных пород.

За годы народной власти построен ряд промышленных предприятий по ремонту автомобильной и сельскохозяйственной техники, завод комбикормов, кирпичные заводы, консервный завод, крупное нефтехранилище, предприятие по производству вакцин. Мощность крупнейшей в стране ГЭС Намнгым составляет 150 тыс. кВт.

Большое внимание народная власть уделяет развитию коммуникаций. Лаос не имеет железных дорог. Автомобильный транспорт играет основную роль в перевозке грузов между различными районами страны, а также в доставке товаров из морских портов Вьетнама. Ставится задача реконструкции и строительства дорог, связывающих важные центры и районы. Это в первую очередь дорога № 9, идущая во Вьетнам, и дорога № 13, пересекающая страну с севера на юг. Осуществляется строительство дорог в отдаленные районы провинций для вывоза сельскохозяйственной продукции и снабжения населения.

Особо впечатляющих успехов достигла страна в области образования и здравоохранения. В колониальные времена более 90 процентов населения было неграмотно. Борьба с неграмотностью началась еще в годы борьбы в освобожденных районах, где создавались школы и профессионально-технические училища. Благодаря предпринятым народной властью мерам неграмотность к концу 1983 г. в основном ликвидирована. В 1985 г. учащихся и студентов в Лаосе насчитывалось свыше 829 тыс. Почти в каждом селе есть начальная школа, в районах — полная средняя школа, провинциях — специальное учебное заведение. За годы народной власти число учителей начальных школ увеличилось почти в 1,6 раза, средних школ — в 4,7, вузов — в 15 раз. Около 10 тыс. человек получили образование за границей. За последние семь лет издано 1650 тыс. книг.

В области здравоохранения за минувшие 10 лет количество медицинских учреждений увеличилось с 406 (1976) до 837 (1984), больничных коек — с 6178 до 8970, медицинских работников — с 5022 до 8414 чел. С 1976 г. в стране введено бесплатное медицинское обслуживание. В результате принятых мер значительно снизились заболеваемость и смертность.

Лаосские руководители отмечают, что достижения республики были бы еще более значительными, если бы не приходилось заниматься вопросами обеспечения безопасности страны. Нашедшие убежище на территории соседнего Таиланда контрреволюционные силы при поддержке империалистических держав не прекращают подрывной деятельности против народного Лаоса. Не все нормально и в отношениях с Таиландом. В 1984 г. таиландская военщина пошла на вооруженную провокацию, захватив три лаосские деревни. Получив отпор, таиландские воинские части были вынуждены освободить эти селения. Однако часть лаосской территории остается под их контролем.

В своей деятельности по обеспечению суверенитета и безопасности страны НРПЛ и правительство ЛНДР прежде всего опираются на солидарность и боевой союз трех стран — Лаоса, Вьетнама и Кампучии. Опыт общей борьбы против общих врагов наглядно свидетельствует о том, что революционное единство является неперемным условием побед трех стран Индокитая в их борьбе за построение социализма, в защиту своих революционных завоеваний. Это единство представляет собой важный фактор обеспечения и упрочения мира в Юго-Восточной Азии.

Лаосская Народно-Демократическая Республика совместно с братскими Вьетнамом и Кампучией выступает за оздоровление обстановки в ЮВА, превращение этого района в зону мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества. В частности, министры иностранных дел ЛНДР, СРВ и НРК на своей XI конференции, состоявшейся в Пномпене в августе 1985 г., выдвинули новые инициативы, которые могли бы стать конструктивной основой для начала диалога между государствами Индокитая и странами — членами АСЕАН.

Заслуженно высокий авторитет среди миролюбивых стран завоевал Лаос своим активным участием в обсуждении в ООН, Движении неприсоединения и других международных форумах коренных проблем международной политики — вопросов борьбы за мир и международную безопасность, за предотвращение ядерной катастрофы, за перестройку на началах справедливости международных экономических отношений.

Братский Лаос неизменно твердо поддерживает советские инициативы, направленные на прекращение гонки вооружений, недопущение распространения ее на космическое пространство, против развязывания ядерной войны.

Советский Союз и Лаос отметили в 1985 г. 25-ю годовщину установления дипломатических отношений. На всех этапах героической борьбы за национальное и социальное освобождение лаосский народ пользовался всесторонней поддержкой и помощью Советского Союза, опирался на братскую солидарность советских людей.

А. М. МАТВЕЕВ

ИДЕОЛОГИЯ

Критика буржуазной синологии

Политическая культура Китая в трактовке Люсьена Пая (Проблемы методологии)

*Е. В. ЯКИМОВА,
кандидат философских наук*

Историческое своеобразие социально-политического развития Китая и потребности прогнозирования современных политических процессов в стране не менее двух десятилетий привлекают внимание ряда американских сиологов к специфике китайской политической культуры. «Политическая культура» — относительно новый термин в буржуазном обществоведении. История его создания связана с именами американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, которые с конца 50-х годов разрабатывали теоретические и методологические вопросы сравнительных политических исследований¹.

Логика развития компаративистской политологии сконцентрировала интерес буржуазных обществоведов на проблеме неоднозначности действия одних и тех же политических институтов и норм в условиях различных культур и общественных систем. Действительному решению этой проблемы, по свидетельству самих буржуазных исследователей, препятствовали господствовавшие в американской политологии 50-х годов описательность и эмпиризм. Возникла потребность ликвидировать существовавший разрыв между микро- и макроуровнями в политологических исследованиях, то есть найти связующее звено между политической психологией и культурантропологией, которые занимались политическим поведением и мышлением личности, с одной стороны, и политической социологией с ее анализом общественных процессов, институтов и структур — с другой. Таким связующим звеном, по мысли сторонников новой концепции, должно было стать понятие политической культуры — устойчивого набора культурно-специфических ориентаций в отношении политических объектов². Методологической базой теории политической культуры стали бихевиоризм и структурно-функциональный анализ, а в «техническом» отношении наметился своеобразный «синтез» социологических опросов с приемами и методами психоанализа.

Примечательно, что одним из первых теоретиков и пропагандистов концепции политической культуры стал известный в США специалист по проблемам Юго-Восточной Азии и Китая — профессор Массачусетского технологического института Люсьен Пай³. Он — член, а затем председатель комитета сравнительной политики при исследовательском совете по социальным наукам (1954—1963), а также сотрудник школы сравнительно-политических исследований Массачусетского технологического института, один из активных исследователей политической культуры Китая. Деятельность Л. Пая хорошо иллюстрирует типичный для современной американской синологии процесс расширения ее традиционных рамок с помощью методологического и идейного арсенала буржуазного обществоведения, в том числе приемов междисциплинарного анализа⁴. Для советской синологии, стоящей на позициях научной методологии марксизма-ленинизма, сегодня характерно использование достижений материалистической философии, социоло-

¹ G. A. Almond. Comparative Political Systems. — "The Journal of Politics", 1956, vol. 18, N 3; G. A. Almond, S. Verba. The Civil Culture. Political Attitudes and Democracy in 5-th Countries. Boston — Toronto, 1963.

² In: Political Culture and Political Development. Princeton (New York), 1965.

³ In: L. W. Pye. Political Culture. — International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1968, vol. 12, p. 218—224; Communications and Political Development. Princeton, 1963; L. W. Pye. South-East Asia's Political Systems. Englewood Cliffs, 1974; by the same author. The Spirit of Chinese Politics. Cambridge (Mass.) — London, 1968; by the same author. Mass Participation in Communist China. — China: Management of a Revolutionary Society, L., 1972; by the same author. Communications and Chinese Political Culture. — "Asian Survey", 1978, vol. 18, N 3; idem. The Dynamics of Chinese Politics. Cambridge (Mass.), 1981; L. W. Pye, N. Leites. Nuances of the Chinese Political Culture. — "Asian Survey", 1982, vol. 22, N 12.

⁴ См.: Л. А. Березный. Теория «политической культуры» и некоторые вопросы изучения Китая. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 4; H. Harding. The Study of Chinese Politics: toward a Third Generation of Scholarship. — "World Politics", 1981, vol. XXXVI, N 2.

гии и особенно социальной психологии. В последнее время объектом пристального внимания советских Китаеведов стали вопросы политической культуры КНР, особенности современного функционирования традиционных форм политического управления и механизмов власти⁵. В этой связи представляется актуальным критическое осмысление междисциплинарных исследований буржуазных сиологов, к числу которых относятся и работы Л. Пая по политической культуре КНР. Марксистский анализ подобных исследований тем более необходим, что политическая реальность современного Китая с его относительно устойчивыми социально-культурными традициями создает известную почву для поверхностных аналогий и исторических параллелей, которые нередко содержат в себе тенденциозный подход к истории КНР и так или иначе завуалированный антикоммунизм.

Под политической культурой Л. Пай понимает «набор отношений, убеждений и чувств, которые придадут порядок и значение политическому процессу и лежат в основе допущений и норм, управляющих поведением в политической системе»⁶. Политическая культура, по его мнению, формирует важное звено в цепи отношений между политическими событиями и реакцией индивидов на эти события. «Речь идет не о том, что происходит в объективном мире политики, — поясняет С. Верба, единомышленник Л. Пая, — а о том, во что люди верят по поводу этой политики, что они воспринимают из текущих политических событий и как они интерпретируют реальную политическую действительность»⁷. Другими словами, политическая культура в трактовке Л. Пая, Г. Алмонда, С. Вербы, Дж. Коулмана и С. Бизера — это «субъективное измерение» политики, устойчивая совокупность образов политического восприятия, поведения, мышления, которые выражают смысл и значение политических процессов для их участников, определяют содержание и границы политической сферы бытия этих участников.

В советской философской литературе достаточно подробно анализировались теоретические представления американских обществоведов о политической культуре, причем все исследователи единодушно подчеркивали крайнюю субъективизацию и психологизацию трактовки этого понятия западной наукой⁸. Такая, безусловно справедливая, оценка буржуазной теории политической культуры в полной мере может быть отнесена и к работам Л. Пая, где термин «политическая культура» не только очерчивает предмет конкретно-исторических исследований, но и определяет их способ, превращаясь в определенную концепцию политической истории КНР.

Определение политической культуры, данное Л. Паем, включает в себя преимущественно неинституализированные аспекты политического процесса и концентрирует внимание исследователя скорее на образцах политического поведения и ориентации, чем на их реальном функционировании. Более того, в работах по истории КНР автор сознательно абстрагируется от конкретных политических институтов и идеологических структур, стремясь воссоздать «дух» китайской политики, сконструировать ее идеальную модель. Оправдано ли с методологической точки зрения такое абстрагирование?

В марксистской литературе к настоящему времени еще не выработана единая точка зрения на проблему политической культуры, идут дискуссии о содержании этого феномена и подходах к его изучению. При этом одни исследователи понимают под политической культурой как институализированные формы политического процесса (институты, структуры, учреждения, правовые нормы), так и неинституализированные (политическое поведение, знания, ценностные ориентации, социально-психологические установки)⁹. Другие включают в содержание политической культуры не само поведение, ориентации, эмоциональные реакции, а их стереотипы, признавая в то же время необходимость корректировки теоретических построений на базе анализа их реальных проявлений. Сторонники последней точки зрения видят в политической культуре «своеобразную социально-психологическую сферу политической системы», «способ существования политической деятельности, форму ее организации»¹⁰.

Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, можно сделать вывод о правомерности изучения политико-культурных феноменов с точки зрения их внутреннего, преимуще-

⁵ См.: Л. С. Переломов, П. М. Кожин, Г. Ф. Салтыков. Традиции управления в политической культуре КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 2, с. 111.

⁶ L. W. Pye. Political Culture..., p. 218.

⁷ S. Verba. Comparative Political Culture. — Political Culture and Political Development. Princeton (New Jersey), 1965, p. 515—516.

⁸ См.: В. Г. Графский. К критике функционалистского подхода к изучению «политической культуры». — В кн.: Мирное сосуществование и социально-политическое развитие. М., 1977, с. 59—64; В. В. Смирнов. Концепция «политической культуры» в политической науке США. — Там же, с. 66—74; С. А. Егоров. К вопросу о современной методологической эволюции политологии США. — В кн.: Политика мира и развитие политических систем. М., 1979, с. 247—256; В. Ю. Сморгунова. Политическая культура как фактор социального познания. Автореферат. Л., 1981.

⁹ См.: Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. Социология, Политика, Международные отношения. М., 1974; Е. Вятр. Социология политических отношений. М., 1978.

¹⁰ Актуальные проблемы современного политического развития. М., 1982, с. 110; В. Ю. Сморгунова, Указ. соч., с. 10.

ственно социально-психологического, содержания и субъективной «значимости» политики для участников этого рода деятельности. Разумеется, такой аспект исследования необходимо включить в общую теорию политической культуры. Должен быть решен и вопрос об объективной основе социально-психологической сферы политики, о ее связи с политической идеологией, то есть о факторах, которые детерминируют изменение и развитие политической культуры общества. И здесь намечается принципиальное расхождение между буржуазным и марксистским обществоведением.

Советские исследователи политической культуры подчеркивают опосредованную связь этого надстроечного элемента общественной системы с ее социально-экономическим базисом, выясняют классовую природу культурно-политических явлений, их неоднозначную зависимость от господствующей идеологии. В работах же Л. Пая и других буржуазных политологов можно обнаружить лишь упоминания о соответствии политико-культурной специфики перинетиям социальной истории и личностно-психологическому «багажу» ее современных носителей. При этом национально-исторический опыт берется в отрыве от социально-экономической динамики¹¹, а личностный аспект сводится (в духе бихевиоризма, приправленного «глубинной психологией») к бессознательной реакции на политический стимул. Что касается влияния идеологии, то, по мысли Л. Пая и С. Вербы, оно существенно лишь в тех случаях, когда общество лишено «отчетливых примитивных верований»¹². В дефинициях Л. Пая, таким образом, приоритет в формировании политической культуры принадлежит импульсам бессознательного и элементам обыденного сознания — в ущерб идеологическим и научным факторам. В соответствии с таким подходом американский политолог игнорирует социально-классовый аспект политической культуры, подчиняя классовую дифференциацию политических установок их национальной «самобытности». Историзм политико-культурных явлений сводится в его работах к проблеме передачи культуры различным поколениям в рамках общей или политической социализации. При этом историко-культурный опыт народа трактуется как застывшее предопределение вневременных стереотипов политического поведения, которые с неизбежностью очерчивают перспективы и параметры исторического развития. «В некоторых обществах, — подчеркивает Л. Пай, — традиционная политическая культура образует готовый базис для демократической эволюции, в то время как в других преобладают тенденции, более совместимые с авторитарными путями»¹³.

Анализ представлений Л. Пая о политической культуре позволяет сделать вывод об их значительной теоретической ограниченности. За пределами интересов американского политолога остается такой существенный аспект политической культуры, как воздействие меняющейся общественной системы на актуальные политико-культурные и социально-психологические стереотипы. В результате социально-психологический аспект политической культуры, лишенный объективных критериев оценки, превращается в самодовлеющий, «роковой» фактор общественного развития. Такой подход ведет к весьма произвольной интерпретации смысла социальной истории, к подмене ее объективных закономерностей искусственными, формальными схемами. Эта тенденция отчетливо проявилась и в предпринятом Л. Паем анализе политической культуры КНР.

В работах американского китаеведа, посвященных этой проблематике, можно выделить два далеко не равноценных с научной точки зрения уровня исследований. Первый представляет собой совокупность гипотез Л. Пая, призванных обработать в духе его теоретических установок факты новейшей истории Китая. Эти гипотезы составляют «концепцию» китайской политической культуры, абстрактный и спекулятивный характер которой неоднократно подчеркивает сам автор¹⁴. При этом конкретным материалам по истории и культуре страны (куда Пай включает собственные впечатления детства, проведенного в Китае, свидетельства эмигрантов в Гонконге, сообщения китайской прессы, исследования американских синологов) отводится иллюстративная роль¹⁵. Главная задача его «концепции» состоит в том, чтобы представить события и перспективы политической истории КНР в качестве инновации «национальных и личностных черт, которые формировали и вдохновляли китайскую политическую культуру со времен маньчжуров до наших дней»¹⁶.

Наряду с «концепцией», препарирующей политические процессы в стране в угоду априорным гипотезам автора, в монографиях и статьях Л. Пая можно обнаружить ряд наблюдений и размышлений о специфике и устойчивых особенностях политической практики в КНР, то есть реальные элементы китайской политической культуры.

¹¹ Этот существенный недостаток в трактовке понятия политической культуры отмечали и западные критики Л. Пая (In: S. van der Sprenkel, *The Spirit of Chinese Politics*. — "China Quarterly", 1969, N 37).

¹² *Political Culture and Political Development*, p. 546.

¹³ *Ibid.*, p. 11.

¹⁴ In: L. W. Pye, *The Spirit of Chinese Politics...*, p. VIII—IX; by the same author. *The Dynamics of Chinese Politics...*, p. XIII, 4—5.

¹⁵ Нельзя не согласиться с буржуазными синологами, что методологические парадоксы Л. Пая с самого начала ставят под сомнение результаты его исследования (In: S. van der Sprenkel, *Op. cit.*, p. 143; David S. G. Goodman, *The Dynamics of Faction and Consensus in Chinese Politics*. — "China Quarterly", 1981, N 86, p. 350).

¹⁶ L. W. Pye, *The Spirit of Chinese Politics...*, p. VII.

Этот фрагментарный, не всегда бесспорный с марксистской точки зрения, но безусловно интересный «образ» китайской политической культуры существует как бы помимо «концепции» американского политолога, а порой и противоречит ее отдельным положениям.

Несовпадение «концепции» и «образа» в исследованиях Л. Пая — результат неадекватности представлений буржуазного обществоведения о политической культуре и законах социального развития. Не последнюю роль здесь сыграли и идеологические установки американского политолога, стремление доказать невозможность создания в Китае «ортодоксально-марксистского» социального строя. Эти причины во многом объясняют смещение акцентов в исследованиях Л. Пая от «центральных гипотез» к периферии отдельных размышлений над фактами.

«Концепция» китайской политической культуры развернута главным образом в двух работах Л. Пая, связанных общностью замысла и методологических принципов¹⁷. В первой книге исследуется «дух» китайской политики после синхайской революции (вне конкретных политических институтов и идеологических систем), то есть преимущественно массовая политическая культура. В фокусе второй монографии — политическая культура элит, «динамика» китайской политики. В отличие от первой работы, в которой Л. Пай лишь мимоходом касается фактов истории, его теоретические рассуждения во второй книге разворачиваются на фоне анализа политической ситуации в КНР после Мао Цзэдуна. Однако социально-политический контекст и здесь играет роль приложения к умозрительным схемам.

Выше уже отмечалась неправомерность абсолютного отрыва моделей политической культуры, как «элитарной», так и массовой, от их реального функционирования в политической практике, поскольку в соответствующих учреждениях и структурах как раз и «проявляется» меняющееся социальное содержание традиционных поведенческих стереотипов. Отказавшись от целостного и конкретно-исторического изучения китайской политической культуры, Л. Пай выдвигает ряд априорных гипотез о содержании и «движущих силах» политики в КНР.

Перипетии новейшей истории Китая, полагает американский политолог, концентрируются вокруг центральной проблемы подавления «агрессивных психических импульсов масс» и поиска сильной, авторитарной власти. Традиционная китайская культура, подчеркивает Л. Пай, налагала абсолютный запрет на любые проявления «агрессивных» побуждений личности, подчиняла желания индивида требованиям социального целого. Конфуцианская этика с ее жесткой регламентацией социально-политических и семейных отношений, культом верховной власти, императивом сыновней почтительности, продолжает свою мысль автор, являясь мощным социальным установлением, сдерживавшим эти агрессивные импульсы. Страх перед «развязанной агрессивностью» и «социальным хаосом» предписывал воспитанным в традиционном духе конфуцианства жителям Поднебесной полное подчинение сильной власти, которая рассматривалась как залог их личного благополучия и величия нации. Так, по мнению американского политолога, возникла главная особенность политической культуры китайцев — их ориентация на политическую зависимость.

События начала XX в. (падение Цинской империи, междоусобицы милитаристов, борьба против японской агрессии, гражданские войны), продолжает Л. Пай, привели к крайней политической нестабильности в стране, к снижению международного авторитета Китая. Возникший таким образом дефицит крепкой, устойчивой власти, или, по выражению Л. Пая, социально-психологический «вакуум авторитарности», требовал скорейшего заполнения, тем более что традиционные институты социализации по-прежнему воспитывали китайцев в духе национализма и «авторитарного идеала». Расходясь с общепринятой в буржуазном Китае трактовкой китайской революции как «возмущения слабых против сильных», американский политолог видит цель революционных выступлений масс Китая в установлении жесткого тоталитарного режима и обретении желанной политической зависимости. Революция 1949 г., пишет он, являлась «коллективным утверждением народом своей потребности в более жесткой власти» — потребности, которую не смогли удовлетворить ни милитаристы, ни гоминьдан. Такую власть и удалось, по мнению Л. Пая, осуществить китайским коммунистам во главе с Мао Цзэдуном. Заключая свои рассуждения на эту тему, автор подчеркивает, что у китайцев не было иной исторической альтернативы, кроме «коммунизма», к которому они были «предрасположены» самой логикой их «национального кризиса авторитарности».

Такова в общих чертах схема рассуждений Л. Пая. Нужно подчеркнуть, что идеологическая тенденциозность явно преобладает здесь над академическим интересом к проблеме. Об этом, в частности, свидетельствует та избирательность, с которой автор подходит к выяснению содержания политико-культурных явлений. По сути дела, в работах Л. Пая поставлена актуальная проблема влияния традиционного культурного наследия на политическое поведение и мышление в современном Китае. Как отмечали советские китаеведы, относительная самостоятельность политики, исторические особенности политической жизни Китая требуют анализа и учета системы традиций, которым принадлежит значительная роль в политической культуре страны.

¹⁷ In: L. W. Pye. The Spirit of Chinese Politics...; by the same author. The Dynamics of Chinese Politics...

Однако американский политолог намеренно сводит проблему политико-культурной приемственности к вопросу о «принципиальном» конформизме и пассивности китайского народа. «Выступают ли китайцы в роли реакционеров-традиционалистов или революционеров-преобразователей, они всегда прежде всего конформисты», — утверждает Л. Пай. Тем самым автор стремится обосновать политико-культурную закономерность «авторитарной» формы политического правления в современном Китае. При этом он игнорирует все те элементы культурно-политического наследия (традиции крестьянских восстаний и национально-освободительной борьбы или неконфуцианские аспекты массового сознания и т. д.), которые идут вразрез с его тезисом о соответствии «тоталитарного коммунистического режима» вековым традициям китайского народа¹⁸.

Антимарксистская направленность концепции Л. Пая продолжилась и в апологии социально-экономических «экспериментов» Мао Цзэдуна. Автор увидел одну из характерных черт китайской политической культуры в стремлении избежать ситуации выбора и ответственности (как возможных источников конфликта) путем следования «освященным» Конфуцием или Мао Цзэдуном канонам социального поведения. Поэтому Л. Пай считает возможным отнести «эксцессы системы» типа «культурной революции» не столько на счет руководства страны, сколько на счет якобы характерной для китайского общества «почти инстинктивной» реакции подчиненных на социально заданные программы поведения¹⁹. Другими словами, традиционно китайские психологические стереотипы оказываются ответственными за «фанатический», по выражению автора, стиль политики Мао Цзэдуна.

Помимо явной политической тенденциозности, приведенные рассуждения американского Китаеоведа свидетельствуют о серьезных недостатках его методологии. Автор ставит знак равенства между политическим и межличностным уровнями социального взаимодействия, сводя сущность политико-культурных явлений к императивам семейной этики. Действительно, конфуцианская ролевая регламентация играла существенную роль в бесконфликтной регуляции межличностных отношений, помогая «предвидеть» принятую в той или иной ситуации реакцию партнера и облегчая выбор «заданных» форм поведения. Видимо, правомерно усматривать проявления традиционных поведенческих стереотипов (действительно поддерживаемых современной политической системой) в некоторых особенностях массовой политической культуры КНР. Однако совершенно недопустимо смешивать культурную специфику политического поведения людей и его глубинные социально-исторические причины (как это делает Пай), которые связаны с классовой природой общества и его политической системой.

Социально-классовый анализ политических отношений и политической культуры подменен в работе Л. Пая психоанализом, из арсенала которого автор черпает основные аргументы для своих «гипотез». Анализируя, например, такие черты политической культуры китайцев, как развитое чувство этнической принадлежности, отождествление личного бессмертия с национальным величием, обостренное чувство национального унижения и т. д., Л. Пай рассуждает о «нарциссизме» национального характера китайцев, специфике их «эдипова комплекса» и прочих непеременных атрибутах теории Фрейда.

Разумеется, нарисованная им картина китайской цивилизации, ориентированная на проблемы «агрессии», столь же мало связана с реальной историей, как и учение классического фрейдизма о западноевропейском пансексуализме. Однако причины реальности аргументов и гипотез Л. Пая не исчерпываются его симпатией к фрейдистскому мифотворчеству. Основную роль играет здесь явная гипертрофия социально-психологического фактора в развитии общества, что и превращает концепцию политической культуры Л. Пая в разновидность философского идеализма. Весь комплекс причин, обусловивших народную революцию в Китае, американский политолог сводит исключительно к социально-психологическим проблемам. Он игнорирует классовое и идеологическое содержание революционного процесса в стране, авторитет и влияние идей марксизма-ленинизма на массы и объявляет двигателем китайской истории «освобождающую эмоциональную силу народа». При этом Л. Пай существенно искажает не только эмоциональное содержание, но и социальную направленность прогрессивных демократических движений в стране в начале века, приравнивая их к бессознательному «эдипову бунту» молодежи против отцовской власти. Поскольку, с точки зрения Л. Пая, конфуцианское требование сыновней почтительности исключало возможность внутрисемейного разрешения «эдиповой драмы», ее психологический заряд переносился на «абстракции» типа национальной независимости, демократии и свободы. «Жесткий, самоуверенный и наивно-моралистический стиль, характеризующий

¹⁸ L. W. Pye. *The Spirit of Chinese Politics...*, p. 32—33, 10, 96, 233. Хотя данная работа Л. Пая не получила большого резонанса в буржуазной синологии, многие его идеи, в частности тезис о политической пассивности индивида в Китае и органичности идей Мао Цзэдуна в китайской культуре, достаточно популярны сегодня среди западных Китаеведов-социопсихологов. Наиболее полно умозаключения Л. Пая представлены в напечатанной монографии его ученика и последователя Р. Соломона. (In: R. Solomon, *Mao's Revolution and the Chinese Political Culture*. Berkeley, 1971.)

¹⁹ In: L. W. Pye. *The Spirit of Chinese Politics...*, p. 159—160.

китайский революционный дух, — делает вывод автор, — видимо, напрямую связан с психологией юношеского бунта»²⁰. Основная задача этой теории, как и ей подобных, состоит в искажении действительного содержания и смысла народного движения, в стремлении объяснить его не социальными причинами, а иррационально-психологическими. «Объяснения» Л. Пая, таким образом, призваны подтвердить его основную тезис о принципиальном антидемократизме политической культуры в Китае.

Концепция политической культуры Л. Пая в том виде, в котором она сложилась к концу 60-х годов, базировалась главным образом на традиционных принципах внутрисемейной социализации, существовавших в старом Китае, которые, по мнению автора, и сформировали политическую культуру как участников, так и руководителей китайской революции. Вместе с тем американский политолог уже тогда предвидел определенные изменения социально-психологической атмосферы КНР, неизбежную переориентацию социальных устремлений и установок в условиях маоистской (и пост-маоистской) политической системы. Тем не менее, вновь обратившись к этой проблематике спустя 13 лет, Л. Пай продолжает эксплуатировать свои прежние «гипотезы», которые на сей раз должны разъяснить принятые в Китае нормы политической жизни элиты.

Центральная идея новой монографии Л. Пая состоит в том, что в основе внутриполитических процессов в Китае лежит непреходящее противоречие между требованием всеобщего конформизма, продиктованным конфуцианским идеалом социальной гармонии, и стремлением людей к надежным межличностным отношениям, которые постепенно приводят к образованию социальных групп или фракций, нарушающих своими частными интересами принцип всеобщего единства. Это противоречие, по мысли Л. Пая, проявляется на всех ступенях социальной лестницы в КНР — от руководства ЦК КПК до низовых работников на местах, порождая «фракционный стиль» политической культуры элиты.

Среди факторов, влияющих на образование фракций в Китае, американский политолог выделяет коренящиеся в конфуцианской культуре принципы возрастной и клановой общности. Меньшее значение имеют, с его точки зрения, бюрократические и местнические интересы, так как институциональные или «географические» привилегии находятся в слишком очевидном противоречии с традиционным идеалом всеобщего единства.

Что же касается политических мотивов, то, по мнению Л. Пая, в условиях Китая они не играют ведущей роли в создании фракций, хотя и являются существенными. Разумеется, группировки в КНР, как правило, различаются по своим политическим симпатиям, замечает автор, но было бы ошибочно, исходя из этого, делать отсюда заключение о том, что фракции в Китае возникают как результат политических установок их участников²¹.

Согласно конфуцианской традиции, подчеркивает Л. Пай, политика должна быть воплощением морального совершенства правителя. К ней не должны примешиваться соображения корысти и властолюбия, которые как раз и лежат в основе фракционного соперничества. Разделению в национальном сознании (на уровне социальной психологии) понятий «политика» и «власть» способствовали, по мысли Л. Пая, традиционные принципы социализации: с первым ассоциировались представления о мудрости и нравственном совершенстве, со вторым (в условиях «подавленной агрессивности») связывались гарантии социальной и личной безопасности. В свою очередь отношения власти рассматривались исключительно как персональные отношения подчиненного и руководителя. Из этих особенностей традиционного политического восприятия и возникла, по мнению американского политолога, такая характерная черта социальной действительности КНР, как претензия элиты на идейно-политическое единство, за которым скрываются нереспектабельные с точки зрения конфуцианской политической культуры личные разногласия лидеров и ожесточенные столкновения фракций²².

Вывод Л. Пая состоит в следующем: фракционная борьба в Китае — это борьба за власть и вместе с тем это неполитическая борьба; образование фракций в Китае определяют не политические, а личные симпатии, принцип социально-психологической совместимости и поиск надежных межличностных отношений между руководителем и подчиненным.

Парадоксальный тезис Л. Пая об «аполитичности» фракционных коллизий в Китае опровергается содержанием его собственной работы. Как только автор обращается к конкретному анализу группировок верхних эшелонов руководства КНР, политик в нем одерживает верх над теоретиком, и вопреки своей концепции автор рассматривает именно политическое и идеологическое содержание фракционной полемики, оставляя без внимания «психологическую совместимость» ее участников.

Анализ событий последнего десятилетия в Китае показывает, что ситуация в стране остается неустойчивой и противоречивой, что в КНР продолжается то скрытое, то явное соперничество группировок. Это признается и официальной печатью КНР, со страниц которой сегодня звучат призывы «до конца ликвидировать фракционность среди кадровых работников, особенно среди работников руководящего состава»,

²⁰ Ibid., p. 34, 71—76, 98—99, 123—124.

²¹ In: L. W. Pye. The Dynamics of Chinese Politics..., p. 4—5, 7.

²² Ibid., p. 137—138, 186—189.

«принять решительные меры к ликвидации пережитков групповщины». В сообщениях китайской прессы, посвященных проводящемуся в стране «упорядочению партии», постоянно подчеркивается необходимость борьбы против различных уклонов в КПК, важность «обеспечения идеологического и политического единства всей партии с Центральным Комитетом»²³. Публикации в китайской печати, таким образом, не оставляют сомнений в том, что фракционные разногласия в КПК носят политический и идеологический характер.

Вместе с тем в политической действительности современного Китая имеются некоторые реальные черты, которые в ложной интерпретации американского политолога превратились в экстравагантную «гипотезу» о неполитическом характере движущих сил китайской политики. Это, во-первых, некоторая доля беспринципности во фракционной борьбе и, во-вторых, характерный для ряда стран исторически обусловленный уровень восприятия политических отношений, которые, отражаясь в категориях обыденного сознания, преимущественно выступают как отношения межличностные. При этом объективные политические позиции участников могут отступать на второй план.

Указанные особенности в определенной степени проявляются сегодня и в КНР. Однако это не дает основания говорить о политико-культурной неизбежности фракционного стиля в Китае. Явление, о котором идет речь, имеет не столько регионально-специфическую, сколько социально-историческую природу. Противоречие между социальным идеалом идейно-политического единства и реальной практикой незатухающей фракционной борьбы в Китае обусловлено вполне определенными, конкретно-историческими причинами и потому носит преходящий характер²⁴. Ссылки же на «подавленную агрессивность» и прочие «психогенные» аспекты конфуцианской культуры, по сути дела, возводят политическую нестабильность в ранг фатальной характеристики социального развития КНР.

«Фракционность китайской политики, — утверждает Л. Пай, — берет свое начало в некоторых базовых чертах китайской культуры и личности»²⁵. Иными словами, по логике автора, оказывается, что традиционные конфуцианские стереотипы образуют китайское общество на бесконечное воспроизведение указанного противоречия безотносительно к социально-классовому характеру существующего государства.

Изложенные выше «гипотезы», по существу, исчерпывают концептуальное осмысление Л. Паем проблем китайской политической культуры. Однако целый ряд размышлений автора о характерных особенностях политической действительности в КНР остается за пределами его жесткой априорной схемы. Из этих наблюдений над «нюансами» китайской политической культуры, интерпретации которых подчас скорее оригинальны, чем глубоки, и складывается в работах Л. Пая политико-культурный «образ» современного Китая. Наибольший интерес представляют размышления американского китаеведа о роли идеологии и средств массовой информации в КНР. Автор подчеркивает крайне прагматический характер идеологии в сегодняшнем Китае, ее основную функцию он видит в маскировке непрекращающейся фракционной борьбы. Идеологические кампании, считает Л. Пай, носят в КНР по преимуществу символический характер. Цель их состоит в том, чтобы выявить потенциальных противников той или иной группировки и одновременно скрыть за борьбой лозунгов, провозглашающих очередную идеюно-политическую «единицу», тривиальную борьбу за власть²⁶. С точки зрения американского политолога, идеологические маневры лидеров КНР в определенной мере связаны с их политическими программами, но при этом довольно трудно определить, где кончаются личные конфликты и вступает в силу политический расчет.

Идеологический камуфляж борьбы фракций, отмечает Л. Пай, осуществляется в КНР посредством официальной прессы, основное назначение которой состоит не столько в информации масс, сколько в мобилизации их на сторону соперничающих группировок. Достигается такая мобилизация с помощью идеологической символики, закодированных имен, аллегорий и т. д. В результате китайская социально-политическая риторика приобретает вид фантастической гиперболы: чем невероятнее с точки зрения здравого смысла звучит тот или иной лозунг дня, тем легче с его помощью провозгласить лояльность лидеров и их фракций. Так, по мнению американского политолога, в КНР осуществляется конструирование «символического измерения политики», то есть создание особого иллюзорного мира иносказаний и аллегорий, далеко не всегда соответствующего политической реальности²⁷.

Причины этого явления автор ищет в специфике китайской политической культуры, в «неизбежной» борьбе группировок элиты. Такая интерпретация хотя и не лишена определенных оснований, тем не менее достаточно поверхностна. Попытки символизации политической идеологии достаточно типичны как для Китая, так и для некоторых

²³ «Жэньминь жибао», 28.11 и 1.VII.1984.

²⁴ Сомнительный характер утверждений Л. Пая о «вечности» фракционных коллизий в китайской элите подчеркивали и некоторые его критики на Западе (In: H. Harding. Op. cit., p. 303).

²⁵ L. W. Pye. The Dynamics of Chinese Politics..., p. 239.

²⁶ Ibid., p. 12—15, 162—168.

²⁷ Ibid., p. 9—11, 17—21, 167—170; by the same author. Communications and Chinese Political Culture..., p. 237.

других стран. Это вызвано, в частности, необходимостью приспособлять отвлеченные идеологические доктрины к реальному уровню массового сознания. С этой целью причинно-следственные связи между сложными идеологическими категориями заменяются отношениями символов и метафор, назначение которых — вызвать у субъекта их воздействия определенный эмоциональный настрой, «снимающий» потребность в теоретическом разъяснении (например, «американский империализм — это бумажный тигр» или «ветер с Востока одолевает ветер с Запада»). При этом на протяжении некоторого времени эффективность такой идеологической символики практически не зависит от ее адекватности реальному положению вещей. Все это, конечно, не исключает возможности манипулирования идеологическими символами в интересах борьбы за власть, о которой пишет Л. Пай.

Анализируя специфику средств массовой информации в КНР, американский политолог отмечает повсеместное и достаточно своеобразное употребление ими прописанных и «закодированных» названий, как правило, понятных широким массам до того, как вещи будут названы своими именами. По мнению Л. Пая, с помощью такой своеобразной игры с аудиторией, которая легко ориентируется в подтексте сообщений печати и радио, достигается «эффект участия» масс в текущей политической кампании и происходит «разделение ответственности» за ее последствия. Автор выделяет и такую характерную черту политической практики в КНР, как преобладание моральной критики в адрес опальных политических деятелей над выяснением их просчетов в политике. Причину этого он видит в устойчивости конфуцианского представления о неразрывной связи политики и нравственности. В условиях нынешнего Китая, полагает Л. Пай, эта традиция усиливается жестким табу на признание объективных политических разногласий, которое превращает политическую полемику в «морально-идеологический» конфликт.

Таким образом, в политической культуре КНР, подчеркивает Л. Пай, банкротство политического курса ассоциируется в первую очередь с личными недостатками его проводников. Поэтому моральное разоблачение одновременно означает дискредитацию политической платформы. Утверждением тождества политического и морального Л. Пай объясняет и принятое в китайской политической критике произвольное использование социально-классовых ярлыков, которые утрачивают свое объективное содержание и становятся средством политической расправы²⁸. Что же касается самой практики публичного бичевания политических деятелей, то автор связывает ее с традиционными приемами социализации в Китае, в частности с воспитательной ролью стыда и социального порицания.

Завершая критический обзор исследований Л. Пая по проблемам китайской политической культуры, надо подчеркнуть, что в его интерпретации явления китайской политической культуры существуют не только вне конкретной социально-экономической ситуации, но, по сути дела, и вне событий текущей политики. Американский китаевед рассматривает конфуцианские стереотипы общественной психологии как национально-специфические константы политической жизни Китая. Подобная внесторонняя трактовка социально-психологических феноменов не может, разумеется, служить адекватной методологической базой научного социально-политического анализа настоящего и будущего КНР.

²⁸ Ип: L. W. Pye. *Communications and Chinese Political Culture...*, p. 229—230, 233—235, 241.

Кто и как определяет «китайскую» политику США

Ю. М. РЯКИН

Проблема развития отношений США с КНР по-прежнему одна из наиболее активно и остро дискутируемых в Вашингтоне. При том, что в высших эшелонах власти в США существует вполне определенная общность в подходе к «китайской» политике Соединенных Штатов, выражающаяся прежде всего в стремлении обеспечить Вашингтону доминирующие позиции, существуют и различия в выборе конкретных путей достижения этой цели. Эти различия, определяемые рядом субъективных и объективных факторов, не носят принципиального характера; тем не менее они накладывают весьма явственный отпечаток на политическую практику Вашингтона, на тактические способы проведения его стратегической линии — достижение американской гегемонии в мировых делах. Несомненный интерес в этом отношении представляет рецензируемая книга американского сиолога Р. Саттера*.

Собственно, исследование Р. Саттера посвящено выяснению позиции в отношении «китайской» политики США различных влиятельных групп в официальном Вашингтоне. Характерно, что, сосредоточившись на решении этой проблемы, автор практически уклонился от анализа позиции по данному вопросу академических кругов США (что в общем-то не характерно для американского китаеведения), отдав тем самым приоритет не политологам, а политикам-практикам. Важно заметить также, что сам Р. Саттер в 1968—1977 гг. являлся консультантом ЦРУ по проблемам внешней политики КНР, а ныне он — сотрудник Исследовательской службы Библиотеки конгресса США. Несомненно, это обстоятельство позволяет ему хорошо ориентироваться в «коридорах власти» и обладать солидной информированностью.

Р. Саттер исходит из убеждения, задающего тон всей его книге, что «в широком смысле каждая американская администрация от Ричарда Никсона до Рональда Рейгана пыталась использовать улучшенные отношения с Китаем как средство укрепить позиции Соединенных Штатов в треугольнике США — СССР — КНР, стабилизировать азиатские проблемы, обеспечить в Азии расстановку сил, выгодную для Соединенных Штатов и их союзников и друзей, и укрепить мирное и процветающее будущее для Тайваня; построить выгодные экономические, культурные и прочие двусторонние связи и более тесно сотрудничать с Китаем по проблемам глобального значения...» (с. IX). Таким образом, автор признает, что смысл политики США в отношении Китая состоит в том, чтобы, втянув его в свои антисоветские комбинации, поставить Советский Союз в сложное в военно-политическом отношении положение. Параллельно Вашингтон намеревался гарантировать некое «будущее» для Тайваня. Конечно, эти замыслы по своей сути не только антисоветские, они шли вразрез и с подлинными интересами Китая.

С посылкой автора об общей, так сказать, стратегической преемственности политики Вашингтона в отношении Китая, особенно с теми гегемонистскими целями, которые ранее ставила и которых ныне добивается американская дипломатия, нельзя не согласиться.

При этом Р. Саттер все-таки замечает, что «в Соединенных Штатах существовали противоречия и споры, которые неблагоприятно воздействовали на китайско-американские отношения» (с. IX). Обеспокоенный этим обстоятельством, он утверждает даже, что «различные мнения в Соединенных Штатах касательно политики в отношении Тайваня, развития отношений в треугольнике США — Советский Союз — КНР, американо-китайских экономических связей и выработки в целом политики США в отношении Китая угрожает опрокинуть существующее китайско-американское примирение» (с. X). Конечно, это утверждение несет в себе солидную долю преувеличения, поскольку все отличия в подходах к проблеме американо-китайских отношений — это отличия в выборе конкретной политической тактики, они никак не затрагивают основополагающие политические установки Вашингтона. Другое дело, что различия в подходах к «китай-

* Robert G. Sutter. The China Quandary: Domestic Determinants of U.S. China Policy, 1972—1982. Boulder (Col.), 1983, 194 p.

ской проблеме» несколько снижают эффективность внешнеполитического курса Вашингтона, сковывая, в частности, свободу его международного маневра.

Кстати, сам Р. Саттер констатирует, что «двухпартийная» поддержка курсу «примирения», начатому Р. Никсоном, в целом имеет место и по сей день. В то же время он подчеркивает, что Р. Никсон и Дж. Форд «были весьма чувствительны» в отношении определенного недоверия к их «китайской» политике, поворот в которой был довольно крут, и старались «не обострять эти трения» (с. 1). Существовало несогласие в администрации и конгрессе с курсом Дж. Картера на альянс с КНР. При Р. Рейгане обострились дебаты вокруг Тайваня. Заметим попутно, что анализ позиции администрации Р. Рейгана в отношении Китая, ее сторонников и противников дан автором менее убедительно, складывается впечатление, что он в гораздо большей мере сосредоточился на исследовании проблемы отношений США с КНР времен пребывания в Белом доме Дж. Картера.

Р. Саттер приходит к выводу, что Р. Никсон и Дж. Форд в своей политике в отношении Китая «сделали упор на общности стратегических интересов США и Китая в противодействии международной «гегемонии» и выступали за более тесные контакты США с КНР», но не пошли по ряду обстоятельств внутривнутриполитического характера на существенное изменение «формальных дипломатических» и оборонных связей с Тайванем» (с. 19—20).

Большую роль в развитии американско-китайских отношений, по мнению Р. Саттера, сыграл Дж. Картер, поскольку «историческое решение нормализовать дипломатические отношения с КНР открывало путь для интенсивного американско-китайского сотрудничества в экономической, стратегической и культурной областях» вплоть до создания «стратегического альянса» (с. 1).

Дж. Картер явно преуспел в продвижении китайско-американских отношений по известному стратегическому направлению, достаточно сказать, что именно при нем пресловутая «китайская карта» стала в представлении Вашингтона одним из важнейших козырей в глобальной политике США. Вместе с тем линия на быструю активизацию американско-китайских отношений вызвала определенное сопротивление влиятельных политических сил США.

Р. Саттер выделяет в этом отношении четыре «оппозиционные» группы.

Первую, во главе с сенатором Дж. Гленном, составили политики, отстаивающие «ценность» старых союзников и прочность союзов, заключенных США. Особенное неприятие вызвала у сторонников этой группы «тайваньская» политика Дж. Картера. Вторую группу недовольных составили политики, несогласные с линией Картера на оказание давления на Советский Союз путем установления «стратегических» отношений с КНР и поэтому выступавшие «против установления более тесных военных отношений с Китаем». Наиболее авторитетным выразителем точки зрения этой группы являлся госсекретарь С. Вэнс. В третью группу «критиков» политики Дж. Картера вошли политические деятели, испытывающие традиционное идеологическое подозрение относительно «коммунистической системы в Китае и его намерений в Восточной Азии и в мировых делах». Возглавили эту группировку сенаторы Б. Голдуотер, С. Хайакава и Джесси Хелмс. Наконец, еще одну группировку несогласных с линией Дж. Картера, составили политики, выступающие за «информированность американского народа» и против намерений администрации осуществлять «секретный подход» к развитию американско-китайских отношений. Активнее других за «открытый» подход к развитию отношений с Китаем выступал конгрессмен Л. Волф.

Автор признает, что «цели китайской политики Картера в широком смысле были преобладающими» в отношении двух предыдущих администраций и заключались в следующем: «1) занять выгодную позицию в треугольнике США — Советский Союз — КНР; 2) использовать улучшенные отношения с Пекином для того, чтобы стабилизировать азиатские дела, обеспечить в регионе баланс сил, выгодный для Соединенных Штатов и Китая, и обеспечить мирное, процветающее будущее для Тайваня; 3) установить взаимовыгодные экономические, культурные и другие связи с КНР и 4) сотрудничать более тесно с КНР по международным проблемам, таким, как обеспечение мира продовольствием, контроль над ростом населения и ограничение вооружений» (с. 71). Таким образом, стремление обеспечить решающие военно-политические преимущества Вашингтону явно составило существо «китайской» политики США.

И неудивительно, что рассуждения автора постоянно вращаются вокруг положения о том, что после установления дипломатических отношений между США и КНР и принятия закона о взаимоотношениях с Тайванем «американские лидеры стали обращать свое внимание на использование улучшенных американско-китайских отношений для внешней политики США в более широком плане, особенно в отношении Советского Союза» (с. 10). В результате в Вашингтоне разгорелись споры вокруг возможных последствий этой политической линии администрации для американских интересов в треугольнике США — СССР — КНР. По мнению Р. Саттера, эти споры в конечном счете сфокусировались на проблеме передачи Соединенными Штатами военного снаряжения Китаю. По авторской раскладке видится следующая расстановка сил: представители администрации выступали за использование «улучшенных отношений с Китаем для того, чтобы получить более значительные преимущества в продолжающемся соперничестве Америки с СССР. Они настаивали на том, чтобы Соединенные Штаты «играли китайской картой» — не слишком удачное определение

концепции, состоявшей в том, чтобы строить более тесные политические экономические, технические или военные связи США с КНР для получения больших преимуществ по сравнению с Советским Союзом» (с. 11).

Речь шла прежде всего о получении Соединенными Штатами решающих преимуществ военно-политического характера. Параллельно разрабатывались планы розыгрыша «китайской карты» в экономической сфере, нацеленные на то, чтобы сделать Советский Союз более «податливым», например в сфере своей внутренней политики. О том, как собиралась администрация Дж. Картера использовать «китайскую карту», можно судить на следующем примере, приводимом автором: «Некоторые официальные представители утверждали, что, развивая экономическое сотрудничество с Китаем, Соединенные Штаты вынудят Советский Союз переосмыслить свою позицию относительно проблемы эмиграции и других противоречий, блокировавших американско-советское сотрудничество, и принять более приемлемый политический курс» (с. 13—14).

Вразрез с этой линией выступили «скептики», как их называет Р. Саттер, доказывавшие, что Китай продолжает оставаться «непредсказуемой державой», и не соглашавшиеся с администрацией в том, что тесные связи с Китаем во всех сферах, в том числе и военной, — это лучший способ «вести дела с СССР».

Другая группа американских политиков, не согласных с администрацией, полагала, что предпочтнее должно быть отдано таким проблемам, как «переговоры с Москвой» или «большие оборонные усилия США», а не развитию отношений с Китаем, которые не занимают первого места в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона.

Наконец, еще одна влиятельная группа политиков выступала, в отличие от линии администрации Дж. Картера, за «сбалансированный» подход США к Китаю и Советскому Союзу.

В конечном счете несколько упрощенная, без излишней детализации (в данном случае это, на наш взгляд, правомерно) политическая картина Вашингтона предстает в следующем виде. Сторонники линии президента Картера, среди которых выделялись своей напористостью сенатор Джексон и помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, выступали за оказание нажима на Советский Союз путем использования «китайской карты». Ее противники во главе с госсекретарем С. Вэнсом и конгрессменом Л. Волфом, обеспокоенные возможными последствиями реализации этой линии администрации, возражали (заметим, довольно сдержанно. — Ю. Р.) против нее и выступали за более взвешенную политику.

Как уже отмечалось выше, Р. Саттер уделил меньше внимания анализу «китайской» политики Вашингтона при администрации Р. Рейгана в сравнении с тремя предыдущими администрациями. Практически он ограничился констатацией явно огорчающего его факта, что Р. Рейган «дал обязательство включиться в кампанию за улучшение отношений с Тайбэем, даже если это будет вызывать риск подрыва новых отношений США с Пекином» (с. 142).

Однако, признает Р. Саттер, столкнувшись с давлением со стороны КНР, стремившейся не допустить ревизии достигнутых с Вашингтоном договоренностей по вопросу о Тайване, и перспективой ухудшения отношений с Китаем, администрация Р. Рейгана приняла более осторожный курс в отношении Тайваня (с. 142).

Действительно, если в течение примерно восьми лет развитие американско-китайских отношений шло по нарастающей, достигнув пика при администрации Дж. Картера, то в начальный период первого президентского срока Р. Рейгана оно несколько затормозилось. И дело здесь не только и не столько в размерах «протайваньских» настроений президента (кстати, со временем их сила никак не уменьшилась, они лишь приняли несколько более сдержанную и менее демонстративную форму).

Сказалась целый комплекс причин, прежде всего инициативная внешнеполитическая деятельность Советского Союза по оздоровлению обстановки в мире. Определенное значение имели и некоторые перемены во внешней политике КНР. Наступившая в американско-китайских отношениях известная пауза вызвала озабоченность в Вашингтоне¹. В целом эту озабоченность и отражает книга Р. Саттера. Администрация Р. Рейгана, опасаясь утратить внешнеполитическую инициативу, вновь выступила за активизацию американско-китайских отношений по всем линиям, поставив целью «втянуть Китай в свои манипуляции на международной арене. В этом и проявилась «преемственность», «последовательность» политики Вашингтона в отношении Китая.

В целом политика Соединенных Штатов в отношении КНР неизменно определяется их гегемонистскими устремлениями. В этом смысле она целиком и полностью преемственна при всех четырех администрациях США — от Никсона до Рейгана. Собственно, это признает и сам Р. Саттер. Существующие же в Вашингтоне «настораживающие» автора известные расхождения позиций и мнений, вернее наличие в них разного рода оттенков и нюансов, вызывающиеся стремлением правящих кругов Соединенных Штатов усовершенствовать их тактическую линию, никак не затрагивая ее стратегических основ, никем не подвергаемых сомнению. Анализ, проделанный Р. Саттером, независимо от его субъективных побуждений лишнее тому доказательство.

Китай: год 1945-й

М. Ф. ЮРЬЕВ,
профессор

Наступил 1945 год. Исход всей мировой войны, в том числе военных действий в Китае, все явственнее определялся сражениями на советско-германском фронте. Победоносное наступление Советской Армии способствовало успеху Крымской (Ялтинской) конференции глав государств и правительств СССР, США и Англии, состоявшейся 4—11 февраля 1945 г. Участники Крымской конференции приняли важные решения, касавшиеся Дальнего Востока (они были опубликованы в 1946 г.). Советское правительство в интересах скорейшего окончания второй мировой войны и обеспечения безопасности СССР взяло на себя обязательство вступить в войну против Японии через 2—3 месяца после капитуляции Германии при следующих условиях:

«1. Сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалина и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военноморскую базу СССР; в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет; 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов». Это решение предусматривало согласование с китайским правительством при посредничестве президента США Ф. Рузвельта пунктов, относящихся к МНР, указанным портам и железным дорогам. Советский Союз выразил готовность заключить «пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»¹.

В последнее время реакционные деятели капиталистического мира, включая президента США Р. Рейгана, западногерманских и японских реваншистов, пытаются поставить под сомнение итоги Ялтинской конференции. А в те дни Чан Кайши сразу же выразил недовольство решением конференции по вопросу об условиях вступления СССР в войну против Японии. Такое отношение определялось его классовой позицией. В переизданной на Тайване японской публикации «Секретные записки президента Цзяна» утверждается, что «захват коммунистами материкового Китая, корейская война, вьетнамская война — все это плоды Ялтинской

¹ «Правда», 13 II. 1946.

конференции»². Вызывает удивление то, что аналогичный подход выражен и в некоторых публикациях, изданных в КНР. Чжан Хуньи — автор статьи «Ялтинское секретное соглашение и политика СССР и США в отношении Китая» — заявлял, что условия вступления СССР в войну с Японией затрагивали суверенные права и национальные интересы Китая³. А составитель книги по истории войны китайского народа против японских империалистов, признавая, что «Ялтинская конференция сыграла важную роль в завоевании победы в антифашистской войне», вместе с тем повторяет утверждения Чан Кайши о том, что решения конференции «затрагивали суверенитет Китая»⁴. Между тем и в КНР известно, что создание в Порт-Артуре совместной военно-морской базы, оборона которой была вверена Советскому Союзу, и другие меры, касающиеся помощи СССР Китаю в освобождении от японской оккупации значительной части его территории и населения, сыграли важнейшую роль в формировании Маньчжурской военно-революционной базы КПК. Именно это обстоятельство имело первостепенное значение для победы демократических сил Китая и образования Китайской Народной Республики. Накануне победы народной революции в Китае Мао Цзэдун подчеркивал, что СССР пришел на КЧЖД и в Порт-Артур «не как империалистическая, а как социалистическая сила для защиты общих интересов». Американский империализм, продолжал он, «сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз находится в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма»⁵.

Зимой и весной 1945 г. в Китае одновременно и взаимосвязанно продолжались два исторические процесса: борьба против японских захватчиков и демократическое движение, основным требованием которого был лозунг КПК — уничтожение однопартийной диктатуры гоминьдана и создание коалиционного правительства. Этот лозунг звучал на митингах и во время демонстраций, в январской декларации Демократической лиги и даже в февральских выпусках газеты китайских эмигрантов в США «Хуацяо жибао». В начале 1945 г. 64 члена национально-политического совета (созданного в 1938 г. совещательного органа, состоявшего из представителей различных партий и массовых организаций) призвали правительство изменить свою политику. В феврале более 300 деятелей культуры в Чунцине, в марте — 340 деятелей в Куньмине, в апреле — свыше 100 представителей общественности в Чэнду опубликовали заявления в поддержку призыва КПК созвать государственное совещание и сформировать коалиционное правительство. В день 26-й годовщины антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 г. 10 тыс. студентов провели в Куньмине демонстрацию под лозунгами немедленного прекращения однопартийной диктатуры, ликвидации спецслужб гоминьдана, отмены цензуры, созыва государственного совещания и учреждения коалиционного правительства.

Ряд органов иностранной печати, некоторые политические и военные деятели США и Англии указывали на связь реакционной политики, разложения гражданской и военной верхушки гоминьдана с его военными поражениями. 25 ноября 1944 г. «Хуацяо жибао» писала, что многие офицеры и генералы гоминьдановских войск главным образом занимались контрабандой и спекуляцией. «Если в самом деле, — гневно отмечалось в этой газете, — ответственные высокопоставленные лица открыто занимаются такими темными делишками, то как они могут

² Секретные записки президента Цзяна, т. 1, Тайбэй, 1974, с. 30—31 (на кит. яз.).

³ См.: «Шинцзе ши яньцзю дунтай» («Положение в изучении всемирной истории»), 1981, № 10.

⁴ История антияпонской войны. Сост. Ма Чжулянь. Пекин, 1983, с. 207 (на кит. яз.).

⁵ Цит. по: О. Борисов. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуе). М., 1981, с. 74—75.

запретить генералам-фронтовикам обогащаться, пользуясь бедственным положением страны». Корреспондент «Ньюс кроникл» Штэйш свидетельствовал, что китайские солдаты плохо снабжались не только боеприпасами, но и продовольствием. Даже генерал Ведемейер 1 февраля 1945 г. заявил на пресс-конференции в штабе американских войск (Чунцин): «В Китае имеется достаточное количество продовольствия для того, чтобы хорошо содержать армию. Слабым местом является организация сбора, хранения и распределения продовольствия по воинским частям». Продовольственные раздоры вывались и не доходило до солдат. Возвратившись из Китая, член палаты представителей США М. Мэнсфилд говорил 16 января 1945 г. о правившей там партии: «Гоминьдан с каждым днем становится все менее популярным из-за того страха, который внушает армия, из-за поведения сборщиков налогов. Гоминьдан говорит о демократии, но действует по-диктаторски». А возглавляемый лордом Листоуэлом Лондонский комитет помощи Китаю в сообщении о военном положении в Китае, опубликованном 5 января 1945 г., отмечал, что китайская полиция применяет «гестаповские приемы», которые не одобряются представителями либерального крыла гоминьдана.

Широкие круги китайской общественности требовали снять блокаду Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся и перебросить освободившиеся силы на фронт, признать все антияпонские войска и власти освобожденных районов, ликвидировать концлагеря и фашистские организации, освободить политзаключенных, отменить законы, направленные на подавление прав народа, легализовать политические партии, увеличить жалование военнослужащим и помощь населению, пострадавшему от стихийных бедствий⁶.

Активно выступала за демократизацию Китая Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства⁷.

Нарастала борьба против великодержавного национального гнета в Синьцзяне. В результате восстания в Кульдже было создано Временное революционное правительство Восточно-Туркестанской республики, которое приступило к конфискации капитала китайских торговых фирм, имущества китайских чиновников, помещиков, владельцев скота, торговцев, ростовщиков. Сняты были ограничения на торговлю с Советским Союзом, аннулированы долги, введен 8-часовой рабочий день, осуществлены другие демократические преобразования. Однако между руководителями ВТР и компартией Китая долгое время не было связи, и ни одна из сторон не проявила заинтересованности в этом. Лидер прогрессивного крыла движения Ахматджан Касыми выступил против враждебности ко всем немусульманам, которую насаждали феодально-клерикальные деятели, участвовавшие в руководстве ВТР. 20 декабря 1944 г. на заседании временного правительства он говорил: «Разве правильно людей немусульманской веры считать врагами? Нет! Все участвующие в революции независимо от того, какую религию они исповедуют, — наши настоящие друзья... Некоторые предлагают назвать наше государство мусульманским, это глубоко ошибочно и вредно. Мы не должны вносить раздор в наши ряды, а должны сообща, дружно уничтожать общего врага». 3 февраля 1945 г. правительство ВТР постановило создать регулярную армию для освобождения всего Синьцзяна. К концу второй мировой войны национально-демократическая власть временного правительства ВТР утвердилась в северо-восточных округах Синьцзяна. Численность Национальной армии выросла до 30 тыс. человек, она продолжала наступление на восток и на юг. В рай-

⁶ См.: «Известия», 18.II.1945; Общая история периода новодемократической революции в Китае, т. 3. Пекин, 1961, с. 340 (на кит. яз.).

⁷ См.: О. П. Болотина. Лао Шэ. Творчество военных лет, 1937—1949. М., 1983. с. 53.

онах, еще оставшихся под властью гоминьдана, разворачивалось партизанское движение. Гоминьдановские власти были вынуждены пойти на переговоры с представителями ВТР, которые длились несколько месяцев и закончились подписанием 2 января 1946 г. мирного соглашения⁸.

Между национальной борьбой народов Синьцзяна и общекитайским демократическим движением не было формальной связи, но эта борьба объективно способствовала ослаблению гоминьдановской диктатуры в стране, углубляя кризис режима Чан Кайши. Этот кризис активно использовала компартия Китая, разоблачая антидемократическую сущность чунцинского правительства и его неспособность защитить национальные интересы китайского народа от японского агрессора. КПК стремилась добиться изоляции антидемократических сил. В ноябре 1944 г. и январе 1945 г. Чжоу Эньлай выезжал из Яньани в Чунцин для переговоров с руководством гоминьдана. КПК предлагала в качестве подготовительного шага к образованию коалиционного правительства созвать конференцию с участием гоминьдана, компартии, Демократической лиги и беспартийных деятелей. Чан Кайши отверг это предложение. В обращении по случаю нового, 1945 года Чан Кайши настаивал на созыве так называемого «национального собрания», которое было избрано под контролем гоминьдана в 1936 г. Правда, Чан Кайши в этом обращении был вынужден признать, что «военные неудачи, которые мы потерпели во второй половине минувшего года, вскрыли все наши политические недостатки и ошибки. Над этим следует подумать всем членам партии и правительственным лицам... Мы должны признать неэффективность работы нашего административного аппарата, отсутствие у него организованности и гибкости, что ни в коей мере не соответствует требованиям военного времени». Однако соответствующих выводов из этого признания глава гоминьдана сделать не захотел. Представитель компартии подверг новогоднее обращение Чан Кайши резкой критике, подчеркнув, что это будет «национальное собрание семейства Чан Кайши». 1 марта 1945 г. Чан Кайши потребовал передачи войск КПК и демократических органов власти, созданных в ходе борьбы против японских захватчиков на оккупированной территории, в его ведение. Взамен он обещал легализовать компартию и «допустить» ее представителей в правительство.

Разумеется, КПК не могла дать себя обезоружить и разгромить. Вновь через агентство Синьхуа и газету «Цзефан жибао» была разъяснена ее позиция и подвергнута критике позиция Чан Кайши⁹. Чжоу Эньлай так охарактеризовал в конце апреля 1945 г. позиции компартии и гоминьдана: «Курс Чан Кайши диаметрально противоположен нашему курсу. Сегодня мы, можно сказать, единодушны с ним только в признании необходимости войны Сопротивления, но в том, как вести ее, у нас с ним нет общего языка. Мы добиваемся победы, но только полной победы, демократии, но только новой демократии, сплочения, но только сплочения на демократических началах, причем как внутреннего, так и международного. Однако совсем иное беспокоит гоминьдан. Он стремится не к полной победе, а к соглашательству и капитуляции, с тем чтобы в будущем использовать японские капиталы и оружие и переформировать марионеточные войска для ведения гражданской войны; он стремится не к демократии, а к сохранению диктаторского режи-

⁸ См.: З. Танпов. В борьбе за свободу. М., 1974, с. 74—111; В. А. Богословский, А. А. Москалев. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984, с. 180—181; Новейшая история Китая. 1928—1949. М., 1984, с. 234—236; Общая история..., с. 342.

⁹ См.: «Известия», 18.11.1945; Материалы по истории китайской революции, т. 4. Пекин, 1959, с. 364—371 (на кит. яз.); Чжоу Эньлай. Избр. произв., т. 1, Пекин, 1981, с. 264 (на кит. яз.).

ма, не к сплочению, а к расколу. На международной арене он занимается провокациями, надеясь, что Англия и США пошлют на помощь в Китай другого Скоби (командующий английскими войсками в Греции, которые осенью 1944 г. утопили в крови греческое Соппротивление и восстановили монархо-фашистский режим в стране. — М. Ю.). Такова линия гоминьдана»¹⁰.

В этих словах отразилась тревога по поводу возможной интервенции США в Китай. Эти опасения усилились еще и потому, что попытки привлечь США на сторону КПК не дали результата. А эти надежды были весьма серьезны, ибо Мао Цзэдун считал, что после разгрома Германии Китаю и союзникам потребуется около двух лет для того, чтобы нанести поражение Японии и освободить страну. В феврале 1945 г. из Яньани последовало обращение к командующему американскими войсками в Китае генералу Ведемейеру с просьбой о займе в 20 млн. долл. на приобретение оружия для войск КПК. США ответили отказом. 28 февраля 1945 г. группа американских дипломатов и политических советников, связанных с бывшим командующим американскими войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий генералом Д. Стиллуэллом, направила в Вашингтон меморандум, предлагая отказаться от безоговорочной поддержки Чан Кайши, поддерживать все партии, включая КПК, руководствуясь «неотложной целью американской политики на Дальнем Востоке... как можно скорее нанести поражение Японии при наименьших людских потерях с американской стороны». Меморандум был отвергнут правительством США, президент Ф. Рузвельт дал указание отозвать его авторов из Китая. В марте 1945 г. было решено отозвать из Яньани группу американских наблюдателей — дипломатов, офицеров, разведчиков («миссия Дикси»), выказывавшихся за сближение с КПК¹¹, а 2 апреля американский посол в Китае П. Хэрли сделал в Вашингтоне заявление о намерении США сотрудничать только с гоминьданом. Воодушевленное этими решениями гоминьдановское руководство попыталось усилить военно-политическое давление на КПК.

«Варианту Скоби» не суждено было осуществиться в Китае прежде всего потому, что в результате исторических побед Советского Союза в войне против фашизма его международная роль неизмеримо возросла. Это относилось и к Дальнему Востоку.

Успехи КПК в расширении своего влияния на общенациональном уровне, рост ее авторитета в различных слоях населения, поддержка Советским Союзом демократических сил Китая нашли выражение и в том, что китайская делегация на учредительной конференции Организации Объединенных Наций (апрель 1945 г., Сан-Франциско) имела в своем составе представителя и от освобожденных районов — члена Политбюро ЦК КПК Дун Биу.

В дни разгрома гитлеризма войска компартии усилили боевые действия на оккупированной врагом территории. В первом полугодии 1945 г. части 8-й армии нанесли ряд ударов по марionеточным войскам и японским опорным пунктам в Восточной Хэнани, создали еще одну опорную базу, установили связь с частями Новой 4-й армии. В Восточном Китае 1-я дивизия Новой 4-й армии переправилась на южный берег Янцзы и развернула партизанскую борьбу в пограничном районе Цзянсу — Чжэцзян. В Западном Чжэцзяне также образовалась антияпонская опорная база с населением более 1 млн. человек. В Фуц-

¹⁰ Чжоу Эньлай. Указ. соч., с. 265.

¹¹ См.: А. М. Ледовский. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979, с. 30—34. Представители американской группы наблюдателей перед своим отлетом в Чуннин встречались с Мао Цзэдуном, Чжу Дэ и Е Цзяньшаном 9—11 июня 1945 г. — См.: П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945. М., 1973, с. 497, 610.

зяни после захвата японцами города Фучжоу и морского побережья местная организация КПК организовала партизанскую борьбу. Несколько партизанских отрядов было создано в Гуандуне. В то же время войскам КПК и в Хэнане, и в Чжэцзяне пришлось дать отпор гоминьдановцам.

Гоминьдановские войска, действуя вместе с англо-индийскими и американскими частями, в марте 1945 г. заняли шоссе Юньнань — Бирма, вели наступательные операции в Юньнани и Западной Хунани. Японская армия отступила здесь с китайской территории во Вьетнам.

После капитуляции Германии императорская ставка 28 мая 1945 г. приказала отвести японские войска из Хунани, Гуанси, Цзянси, от железных дорог Хунань — Гуанси и Гуанчжоу — Ханькоу на север с целью укрепить свои силы в Центральном и Северном Китае на случай вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Используя отход противника, армия гоминьдана заняла летом 1945 г. города Наньнин и Лючжоу, в Гуанси — Фучжоу, Вэньчжоу (порт в Чжэцзяне), а также Южную Цзянси¹². Почти все американские аэродромы, захваченные японцами в ходе наступления 1944 г., были ими оставлены и перешли вновь под контроль войск США¹³.

В этих условиях весной 1945 г. состоялись съезды двух крупнейших партий Китая: VII съезд компартии и VI съезд гоминьдана. Съезду КПК предшествовал VII пленум ЦК партии, созванный через пять с половиной лет после VI пленума и длившийся 11 месяцев — с 21 мая 1944 по 20 апреля 1945 г. Пленум принял директиву по вопросу о работе в городах, в которой выдвигалась задача изгнания японских захватчиков из Китая «путем завоевания (на свою сторону. — М. Ю.) многомиллионных масс, марионеточных войск и полиции, подготовки вооруженных восстаний, захвата городов и важных коммуникаций». Подчеркивалось, что благоприятные условия для этого созданы тем, что «мировая война против фашизма и в равной степени (!) война Китая против Японии уже близки к полной победе, гоминьдан охвачен крайним разложением и терпит поражения, а наша партия и наша армия одерживают победы и стойко держатся на обширном фронте в тылу врага, народ всей страны еще больше испытывает разочарование в гоминьдане и безгранично надеется на нашу партию и нашу армию»¹⁴. В директиве ставилась задача придавать работе в городах такое же значение, как и работе в опорных базах в тылу врага. Однако на практике и в 1945 г. и позже восстания рабочих и других демократических слоев городского населения не были осуществлены, ставка делалась почти исключительно на действия армии.

VII съезд КПК состоялся через 17 лет после VI съезда партии. За эти годы китайская революция прошла два важнейших этапа — гражданскую войну между КПК и гоминьданом и национально-освободительную войну китайского народа против японских захватчиков. Крупные изменения произошли в самой КПК, в ее положении в стране, численности, социальном составе, руководстве, идеологической сфере, военной силе, внешнеполитической ориентации. Съезд несколько раз откладывался, поскольку Мао Цзэдун и ряд других руководящих деятелей партии, поддерживавших его, считали созыв «недостаточно подготовленным». Лишь после завершения «кампании по упорядочению стиля»¹⁵ съезд был, наконец, созван. Он проходил в Яньнани с 23 апреля

¹² См.: История антияпонской войны..., с. 191—204.

¹³ См.: История войны на Тихом океане (пер. с япон.), т. 4. М., 1958, с. 77.

¹⁴ Важные совещания в истории КПК, ч. 1. Шанхай, 1982, с. 229—233 (на кит. яз.).

¹⁵ Как подчеркивается в современной историко-партийной литературе КНР, в ходе «кампании проверки кадров» (так называемого «экстренного спасения»), которая была частью «движения по упорядочению стиля», были допущены «левые ошибки». — См.: Лекции по истории КПК, ч. 1. Хубэй, 1981, с. 173—174 (на кит. яз.).

по 11 июня 1945 г. К этому времени в Китае существовало 19 освобожденных районов с населением 95,5 млн. человек: Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся, где находился ЦК КПК; 6 районов в Северном Китае, 10 районов в Центральном Китае, 2 района в Южном Китае. В регулярных войсках КПК насчитывалось 910 тыс. бойцов, в народном ополчении — 2,2 млн.¹⁶ Таким образом, армия КПК выросла за восемь лет антияпонской войны более чем в 20 раз, а население опорных баз КПК — в 40—50 раз. Это означало, что Коммунистическая партия Китая, насчитывавшая к VII съезду КПК свыше 1,2 млн. членов, стала крупной силой общекитайского масштаба.

На международную обстановку, в которой начал работать съезд, огромное влияние оказали решающие победы Советского Союза над гитлеровской Германией. Это отразилось в выступлениях Мао Цзэдуна и ряда делегатов, хотя и далеко не в полном объеме. В докладе Мао Цзэдуна говорилось, что «советский народ, выросший в могучую силу, сыграл главную роль в разгроме фашизма»¹⁷. П. П. Владимиров записал далее следующие слова Мао Цзэдуна, сказанные им на съезде: «Политическая действительность и практика доказывают: на международной арене Советский Союз единственный и лучший наш друг. Все остальные — это так называемые союзники». А Ли Фучунь отмечал: «И мы не изолированы — за нами могучий Советский Союз!.. СССР окреп, стал более могучим, в процессе войны завоевал много союзников. Захват Берлина — факт огромного значения! Разгромить фашистов без Советского Союза невозможно». П. П. Владимиров отметил, что на VII съезде КПК «у всех ораторов четко обозначилось двойственное отношение к Советскому Союзу... В этой двойственности прежде всего отразилось отношение самого председателя ЦК КПК к Советскому Союзу». С одной стороны, существовало стремление опереться на мощь СССР, а с другой — происходил отход от дружбы с ВКП(б), прикрываемый борьбой с так называемым «догматизмом». Мао Цзэдун подверг критике те «односторонние» выступления, в которых выражалась надежда, что «СССР обязательно выступит и обязательно нам поможет». Дело было не в борьбе с иждивенческими настроениями, а в недооценке роли Советского Союза¹⁸. Мао Цзэдун повторял ошибку, свойственную многим политикам США и Англии, считавшим, что СССР не сможет воздействовать на развитие международной обстановки из-за огромных потерь, добавим — в ходе самоотверженной борьбы один на один с гитлеровской Германией.

Отношение Мао Цзэдуна к Советскому Союзу выразилось и в том, что в речи на закрытии съезда (11 июня 1945 г.) даже не было упомянуто о капитуляции гитлеровской Германии, победе советского народа и его Красной Армии. Это умолчание тем более удивительно, что даже Чан Кайши направил Советскому правительству «по поводу радостного для всех события — капитуляции нацистов... самые горячие и искреннейшие поздравления... Мы считаем необходимым воздать должное безмерной стойкости духа народов СССР, которые в течение четырех лет, не останавливаясь ни перед какими жертвами, вели тяжкую борьбу с врагом». Председатель исполнительного юаня, министр иностранных дел Китая Сун Цзывэнь заявил 30 июня 1945 г. по прибытии в Москву для переговоров с Советским правительством следующее: «Я особенно рад, что имею возможность здесь поздравить армию, народ и Правительство Советского Союза с блистательной победой над фашистской Германией»¹⁹.

¹⁶ Чжу Дэ. О фронте освобожденных районов. Пекин, 1983, с. 135 (на кит. яз.).

¹⁷ Мао Цзэдун. Избр. произв. т. 4. М., 1953, с. 462.

¹⁸ См.: П. П. Владимиров. Указ. соч., с. 515, 563, 565, 601.

¹⁹ «Правда», 12.V, 1.VII.1945.

В этих заявлениях, несомненно, имелся протокольный аспект, однако они свидетельствовали и о том, что лидеры гоминьдановского правительства учитывали значение отношений с Советским Союзом. На VI съезде гоминьдана (май 1945 г.) было прямо заявлено, что необходимо установить длительные дружественные отношения с СССР.

Крах фашистской Германии предвещал скорое поражение японских империалистов. 5 апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В соответствующем заявлении говорилось, что с тех пор, как этот договор был подписан, «обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»²⁰. Эта денонсация явилась одним из первых результатов ялтинских договоренностей. Она была воспринята в Китае как предзнаменование вступления СССР в войну с Японией. В связи с этим П. П. Владимиров записал: «В Яньани искреннее ликование! Мао Цзэдун все эти дни радостно возбужден. Решение Советского правительства сразу поднимает авторитет КПК». В докладе на VII съезде КПК Мао Цзэдун говорил: «СССР уже денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете. Этот шаг воодушевил китайский народ и народы тихоокеанских стран»²¹. Орган ЦК КПК газета «Цзе-фаи жибао» писала 8 апреля 1945 г., что этот акт Советского правительства — «важнейшее событие в современной международной обстановке», что «для китайского народа, а также для союзных держав — США и Англии — это воодушевляющее событие, которое вселяет еще большую уверенность в победе и приближает ее».

Китайский историк Пэн Мин так описывал реакцию жителей Шанхая на известие о решении правительства СССР: «Изнывавшее под господством врага население Шанхая, узнав о денонсации договора, было охвачено величайшей радостью. 6 апреля на улицах Шанхая появилось много лозунгов. У редакции советской газеты «Новая жизнь» собрались десятки тысяч шанхайцев, чтобы прочитать заявление Советского правительства. В душу каждого человека глубоко запали слова: «Скоро наступит рассвет»²².

В предвидении поражения Японии обе главные военно-политические силы Китая стремились максимально укрепить свои позиции на случай возобновления гражданской войны. Поэтому внимание VII съезда КПК было сконцентрировано не столько на задачах продолжавшейся войны с Японией, сколько на подготовке к грядущей войне с гоминьданом. Доклад Мао Цзэдуна был ориентирован на сплочение вокруг КПК всех сил, выступавших против диктатуры Чан Кайши. Отсюда лозунг создания коалиционного правительства, «которое руководило бы освобожденным народом в деле построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего нового Китая».

В докладе Чжу Дэ по военному вопросу было указано на необходимость поворота от методов преимущественно партизанской войны к маневренной и позиционной войне регулярной армии КПК.

Прежде чем начать свой доклад об изменениях в уставе КПК, Лю Шаоци заявил: «Отныне о Компартии Китая следует говорить как о новой партии!»²³ Имелся в виду не только рост численности КПК, на-

²⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3. М., 1947, с. 166.

²¹ П. П. Владимиров. Указ. соч., т. 501; Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, 1948, с. 291.

²² Пэн Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 226. Газета «Новая жизнь» издавалась Обществом советских граждан Шанхая.

²³ П. П. Владимиров. Указ. соч., с. 566.

считывавшей к съезду 1210 тыс. членов. Главной особенностью компартии Лю Шаоци провозгласил наличие «своего вождя» — Мао Цзэдуна, осуществление им «китайзации марксизма», создание «идей Мао Цзэдуна», представляющих «китайский коммунизм», «китайский марксизм».

Среди выступлений на съезде выделяется большая речь Чжоу Эньлая «Относительно единого фронта», в которой была рассмотрена история взаимоотношений КПК с гоминьданом и обобщены с точки зрения руководства КПК опыт и уроки политики единого фронта. В целом поддерживая установки Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай все же придерживался более гибкой политики в отношении интеллигенции. Это проявилось, к примеру, в его телеграмме Южному бюро ЦК КПК от 18 января 1945 г., в которой он высказывался против распространения «движения по упорядочению стиля» на близких КПК беспартийных деятелей культуры в контролируемых гоминьданом районах «большого тыла» (в Западном Китае)²⁴.

В целом VII съезд КПК закрепил изменения, которые произошли в КПК за предыдущие 10 лет в идеологическом и организационном плане, а также поставил задачи борьбы против сохранения диктатуры гоминьдана.

Одновременно со съездом компартии, с 5 по 21 мая 1945 г. в Чунцине проходил VI съезд гоминьдана. В политической области съезд отверг требование КПК, Демократической лиги, широкой общественности страны о создании коалиционного правительства. Стремясь уйти от обвинения в тоталитарности и деспотизме, лидеры гоминьдана во главе с Чан Кайши заявили на съезде о намерении созвать в ноябре 1945 г. национальное собрание, которое должно было, по их словам, положить конец «политической опеке» и осуществить «передачу власти народу». В действительности это была лишь уловка. Чан Кайши в речи на открытии съезда говорил, что после перехода к конституционному правлению ответственность гоминьдана не только не уменьшится, а, напротив, увеличится²⁵. Как заявил на пресс-конференции 17 мая 1945 г. министр информации Ван Шицзе, вопросы полномочий национального собрания и его состава будет решать ЦИК гоминьдана или его постоянный комитет. Это означало, что гоминьдановское руководство хотело сохранить свою диктаторскую власть, используя национальное собрание как ширму. Возражая ему, газета Демократической лиги «Синь Чжунго жибао» писала: «Но разрешите спросить, чем характеризовалось то время, когда проходили так называемые выборы в национальное собрание 10 лет тому назад? Тогда власть однопартийной диктатуры достигала наивысшей точки, фашизм во всем мире повсеместно распространялся, голоса демократии не было слышно в нашей стране, все оппозиционные партии считались преступными»²⁶. Отказ гоминьдана пойти на создание коалиционного правительства вызвал возмущение среди различных слоев населения Китая. Стремясь сбить волну протестов, руководители съезда заявили о намерении решать «коммунистическую проблему» политическими средствами. Экономическая платформа, принятая VI съездом гоминьдана, была изложена в «Программе промышленной реконструкции». Она предусматривала монополизацию гоминьдановским государством решающих областей экономики. Такая ориентация гоминьдана отталкивала от него не только трудящихся, но и немонополистические группы китайской буржуазии.

Сопоставление политической и экономической программ двух съездов явно было не в пользу гоминьдана. Коммунисты все более очевидно побеждали в борьбе за массы, за право именоваться главной патри-

²⁴ См.: Чжоу Эньлай. Указ. соч., с. 242—282.

²⁵ См.: Общая история..., т. 3, с. 360.

²⁶ «Известия», 3.VI.1945.

огической силой, признанной возглавить страну в ее послевоенном развитии. Правительство гоминьдана пыталось противопоставить росту влияния компартии численное и материально-техническое превосходство своих войск. После капитуляции Германии оно предприняло ряд акций с целью ослабления антияпонских опорных баз, 8-й и Новой 4-й армий. 23 мая, через два дня после закрытия VI съезда гоминьдана, по приказу Чан Кайши 10 дивизий, в том числе обученные американцами отборные части, напали на пограничный район Цзянсу — Чжэцзян. Ими командовал один из главных руководителей преступного нападения на штабную колонну Новой 4-й армии Шангуань Юньсян. Сначала части КПК отошли, уклоняясь от военных действий, которые были бы на руку японцам. Но, когда гоминьдановцы продвинулись по территории антияпонской опорной базы на 50 км, войска Новой 4-й армии 19 июня нанесли контрудар и в течение 5 дней разгромили вторгшиеся дивизии²⁷. В июне — июле 1945 г. гоминьдановские войска, иногда отдельно, а иногда одновременно с японскими частями, многократно предпринимали крупные операции против народных вооруженных сил²⁸.

...Объявление Советским Союзом войны Японии радикально изменило обстановку на китайском театре военных действий и в самом китайском обществе. СССР вступил в войну на Дальнем Востоке для того, чтобы «приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий»²⁹, обеспечить безопасность дальневосточных границ нашей страны, на которые неоднократно покушались и которым постоянно угрожали японские империалисты³⁰, выполнить взятое на Крымской конференции обязательство, восстановить и гарантировать исторические права Советского государства на территории, ранее отторгнутые Японией у России, помочь народам Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе.

Китайские коммунисты высоко оценили исторический смысл вступления СССР в войну с Японией. Мао Цзэдун и Чжу Дэ в телеграмме Советскому правительству от 8 августа 1945 г. горячо приветствовали объявление Советским правительством войны Японии. В статье «Последняя битва с японскими захватчиками» Мао Цзэдун писал: «Благодаря этому шагу Советского Союза сроки войны с Японией значительно сократятся. Война с Японией уже находится в своей последней стадии, настал час окончательной победы над японскими захватчиками и всеми их приспешниками»³¹.

14 августа 1945 г. был заключен Советско-Китайский договор о дружбе и союзе, предусматривавший ведение совместно с другими Объединенными Нациями войны против Японии до окончательной победы. СССР и Китай обязались после войны предпринять все меры, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией, договорились не заключать какого-либо союза, направленного против другой договаривающейся стороны, действовать в соответствии с принципами взаимного уважения, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой стороны. Одновременно на основе ялтинских решений были подписаны соглашения (сроком на 30 лет) о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре, о порте Дальний, «Соглашение об отношениях между

²⁷ См.: Общая история..., т. 3, с. 361—362.

²⁸ См.: История второй мировой войны, т. 11, М., 1980, с. 105.

²⁹ Заявление Советского правительства правительству Японии 8 августа 1945 г. — «Известия», 9.VIII.1945.

³⁰ См.: А. С. Савин. Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942—1943 гг. — «Военно-исторический журнал», 1983, № 1. Только за три года (1936—1938) Япония совершила на границе СССР с Маньчжоу-го 231 нарушение, в том числе 35 крупных боевых столкновений (Вторая мировая война, Краткая история, М., 1985, с. 17).

³¹ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4, с. 617.

Советским главнокомандующим и Китайской администрацией после вступления советских войск на территорию всех восточных Провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии». Был также произведен обмен нотами между министром иностранных дел Китайской Республики и народным комиссаром иностранных дел СССР о независимости Монгольской Народной Республики³².

9 августа Вооруженные Силы СССР на Дальнем Востоке начали военные действия против Квантунской армии, а 10 августа Чжу Дэ как главнокомандующий армией КПК отдал приказ всем народным войскам принять капитуляцию японских и марионеточных войск, разрушить, а в случае отказа уничтожить их, а также принять от них все города, укрепленные населенные пункты и коммуникации, пресекая попытки к сопротивлению или нанесению ущерба. На следующий день, 11 августа, Чжу Дэ приказал «для соединения с Красной Армией Советского Союза ...а также с целью подготовки к принятию капитуляции японских и «маньчжурских» марионеточных войск» частям бывшей Дунбэйской армии наступать на Чахар, Жэхэ, Ляонин и Цзилинь. С целью соединения с войсками МНР и для подготовки к приему капитуляции японских и «монгольских» марионеточных войск предписывалось войскам Хэ Луна из Суйюани, а войскам Не Жунчжэня из Чахара и Жэхэ наступать в северном направлении. Шаньсийской освободительной армии Чжу Дэ приказал очистить всю линию железной дороги Датун — Пучжоу и долину реки Фэнхэ от марионеточных войск, подготовиться к приему капитуляции японских и марионеточных войск, а также вступить в Тайюань. В тот же день был издан приказ Чжу Дэ всем войскам КПК об общем наступлении с целью установления контроля над всеми железными дорогами Китая, вдоль которых размещались японские и марионеточные войска.

14 августа Чжу Дэ потребовал от командующего японскими силами в Китае Окамуры сдать свои войска в Северном Китае Не Жунчжэню, в Восточном Китае — Чэнь И, в Хубэе и Хэнани — Ли Сяньняню, в Гуандуне — Цзэн Шэну. Чан Кайши пытался лишить войска КПК права приема капитуляции японской армии и даже включил в вооруженные силы гоминьдановского правительства 240 тыс. солдат и офицеров марионеточных войск³³.

Не все цели, указанные в приказах Чжу Дэ, были достигнуты. Не был взят город Тайюань — административный центр провинции Шаньси, хотя большая часть ее в течение всей войны была охвачена антияпонскими опорными базами КПК. В результате действий США не удалось захватить основные железные дороги.

Зато в тех районах, где наступали советские и монгольские войска, соединения 8-й армии значительно улучшили свое положение. В уезде Пинцюань (район Хэбэй — Жэхэ — Ляонин) крупные силы японских войск окружили части 8-й армии под командованием Чжао Вэньцзиня. «Мы были в исключительно трудном положении, — писал он командованию советской 17-й армии. — Против нас были сосредоточены намного превосходящие силы противника... Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Таким образом Красная Армия спасла нас от гибели, и мы ей особенно благодарны»³⁴.

В конце августа 1945 г. части 8-й армии в Шаньхайгуане встретились с войсками СССР и с их помощью двинулись на север, в глубь Маньчжурии. Быстрый разгром главной силы японского империализ-

³² См.: Советско-китайские отношения. 1917—1957. М., 1959, с. 196—206.

³³ Справочные материалы по истории новодемократической революции в Китае. Пекин, 1951, с. 401—402 (на кит. яз.).

³⁴ Вторая мировая война..., с. 554.

ма в Китае — миллионной Квантунской армии — привел к освобождению Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии, соседней Кореи. Войска КПК, получив поддержку Советского Союза, укрепились в Маньчжурии. Используя благоприятную обстановку, создавшуюся в результате успеха Вооруженных Сил СССР в Маньчжурии, войска 8-й и Новой 4-й армий развернули операции по освобождению значительной части Северного и Центрального Китая. За месяц с 15 августа по 15 сентября они заняли 158 уездов, ряд важных центров, включая Чжанцзякоу (Калган), Цинхуандао, Вэйхайвэй, Яньтай (Чифу), Хуайинь — всего свыше 190 городов. Однако в дальнейшем гоминьдановские войска захватили ряд городов, освобожденных силами КПК. 23 августа генерал Хэ Инцинь от имени гоминьдановского правительства приказал японскому командованию оборонять оккупированную территорию от «незаконных вооруженных организаций», как он именывал 8-ю и Новую 4-ю армии³⁵. Начались столкновения, угрожавшие перерасти в гражданскую войну.

Для предотвращения такого развития событий и обсуждения будущего устройства Китая в конце августа 1945 г. в Чунцине начались переговоры между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Их результатом было соглашение от 10 октября 1945 г. о прекращении военных действий и созыве Политического консультативного совета из представителей различных политических сил страны. Руководство гоминьдана было вынуждено пойти на такой компромисс, учитывая крайнюю непопулярность новой гражданской войны в условиях к тому же значительного роста влияния КПК и существенного изменения международной обстановки на Дальнем Востоке.

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась победой антифашистской коалиции. Не только народные массы всех стран, но и буржуазные деятели капиталистических государств признавали решающую роль Советского Союза в разгроме блока фашистских агрессоров.

Советский народ отдает дань уважения вкладу Китая в борьбу против империалистической Японии. В докладе «Бессмертный подвиг советского народа» Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев от имени всех советских людей сказал: «Наша страна, до конца верная своим союзническим обязательствам во второй мировой войне, сыграла огромную роль в разгроме милитаристской Японии. Мы действовали в тесном боевом содружестве с великим китайским народом. Вместе с нами активно били общего врага войны Монгольской Народной Республики. С японскими захватчиками вели упорную борьбу патриоты Вьетнама, Кореи, других стран Азии»³⁶. Японским милитаристам, начавшим свою агрессию против Китая еще в 30-х годах, не удалось добиться осуществления своих захватнических планов (следует иметь в виду, что Китай не был конечной и единственной их целью, они создавали здесь и плацдарм для нападения на СССР). Китай не капитулировал, и тем самым сковал немалые силы японской армии. В разные годы войны численность этих сил менялась, да и данные по этому вопросу существуют разные. Во всяком случае, речь идет о сотнях тысяч японских солдат и офицеров. Перед войной Япония имела 17 дивизий сухопутных войск (в дивизии — 22 тыс. солдат и офицеров), то есть около 380 тыс. военнослужащих, а также 4 тайно сформированные дивизии и большие подготовленные резервы. Службу в армии за предвоенные десятилетия прошли несколько миллионов военнообязанных, так что обученные запасные охватывали 24 возраста — от 17 до 40 лет. В 1937 г. вторглась в Китай 400-тысяч-

³⁵ См.: История второй мировой войны..., с. 259, 384; Общая история..., т. 3, с. 369—374; Справочные материалы..., с. 401—402.

³⁶ М. С. Горбачев. Бессмертный подвиг советского народа. М., 1985, с. 14.

ная японская армия. Начальник штаба 8-й армии Е Цзяньин на пресс-конференции для китайских и иностранных корреспондентов 22 июня 1944 г. сообщил, что к марту 1944 г. японские войска в Китае насчитывали 34,5 дивизии, то есть 560 тыс. человек.

Боевые действия против захватчиков вели вооруженные силы гоминьдана и компартии. Войска гоминьдана насчитывали 3,5—4,2 млн. человек, численность бойцов 8-й и Новой 4-й армий и Антияпонской колонны Южного Китая выросла к концу войны до 1270 тыс., которым помогали 2,6 млн. бойцов народного ополчения³⁷.

Результаты участия Китая в борьбе стран антифашистской коалиции против империалистической Японии могли быть более внушительными, если бы две главные военно-политические силы страны координировали свои военные усилия, но, как правило, они действовали по отдельности. Усилия компартии в отличие от гоминьдана были направлены на то, чтобы привлечь как можно больше представителей различных слоев населения к патриотическим действиям в помощь армии.

Важную роль в продолжении борьбы Китая против японских агрессоров играла советская помощь и поддержка — морально-политическая, дипломатическая, финансово-экономическая, военно-техническая, включая поставки самолетов и другого вооружения, направление добровольцев-летчиков, военных советников и других специалистов. Именно эти факторы парализовали капитулянтские настроения гоминьдановских реакционеров, способствовали сохранению Китая в рядах антифашистской коалиции вплоть до победного окончания второй мировой войны.

В войне с Японией китайский народ понес большие потери, за годы второй мировой войны в Китае погибло свыше 5 млн. человек. По данным современных авторов КНР, за 8 военных лет японские войска убили и ранили 18 млн. китайцев. Большую часть потерь китайской армии составили умершие от болезней и недоедания.

Вооруженные силы КПК с сентября 1938 г. по март 1945 г. убили и ранили свыше 960 тыс. солдат и офицеров японских и марионеточных войск, взяли в плен более 280 тыс. Капитулировали и перешли на сторону 8-й и Новой 4-й армий свыше 100 тыс. солдат и офицеров. Всего, по этим данным, войска КПК нанесли потери врагу в количестве 1360 тыс. человек, а с учетом выведенных из строя и капитулировавших перед войсками компартии на заключительном этапе войны — 1,7 млн. солдат и офицеров противника. Что же касается потерь только японских войск на всех китайских фронтах, где действовали армии гоминьдана и КПК (без Маньчжурии), то в КНР считают, что они составили 1330 тыс. человек убитыми и ранеными³⁸.

Известный военный деятель КПК Не Жунчжэнь писал в 1951 г.: «Конечно, успешный исход антияпонской войны китайского народа неотделим от помощи Советского Союза. После событий 18 сентября 1931 г. (начало оккупации японскими империалистами Северо-Восточного Китая. — М. Ю.) на международной арене только Советский Союз

³⁷ См.: История китайско-японской войны, т. 1. Тайбэй, 1968, с. 166 (на кит. яз.); Вторая мировая война..., с. 26; Report of the General Military Situation of the Chinese Communist Party in the War of Resistance. By Yeh Chiang-ying s. 1., 1944, p. 1—7; П. П. В л а д и м и р о в. Особый район Китая, с. 245, 272; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 198 (речь Пэн Дэхуая); История антияпонской войны..., с. 221. По данным Комиссии научной информации журнала «Проблемы мира и социализма», общая численность вооруженных сил Китая во второй мировой войне колебалась от 2,4 до 5,7 млн. человек («Проблемы мира и социализма», 1985, № 5, с. 89).

³⁸ См.: Вторая мировая война..., с. 5; История антияпонской войны..., с. 221; П. П. В л а д и м и р о в. Указ, соч., с. 245; Ч жу Дэ. Указ, соч., с. 147—148; История второй мировой войны. Пекин, 1982, с. 718 (на кит. яз.).

отстаивал справедливость и осудил японских агрессоров. В самые тяжелые годы войны сопротивления Китая, с 1937 по 1941 гг., американские и английские империалисты поставляли Японии стратегические материалы, используемые для убийства китайцев, толкали гоминьдановское правительство к примирению с Японией, фабрикуя дальневосточный Мюнхен. Советский Союз не только выражал безграничное сочувствие войне сопротивления Китая, но и оказал китайскому народу всестороннюю действенную помощь. Советские добровольцы-летчики помогали Китаю воевать против Японии. Сколько героических сынов Советского Союза пролили кровь в небесных просторах Китая! В течение восьми лет войны сопротивления Китая могучие советские войска постоянно и твердо обороняли дальневосточные границы СССР, сковывали миллионную Квантунскую армию японских разбойников, которую [в Японии] называли цветом императорской армии. Это намного уменьшило тяготы войны сопротивления Китая. В 1945 г., после того как Советский Союз разгромил германских разбойников, одержав решающую победу в антифашистской мировой войне, он сразу же объявил войну Японии, чтобы ускорить освобождение Китая, полностью разбить японскую Квантунскую армию, принудив японских разбойников капитулировать, помог Китаю быстрее добиться победы в войне сопротивления Японии»³⁹.

Опыт второй мировой войны показывает, сколь важно для интересов СССР и Китая, советского и китайского народов сотрудничество в борьбе против империалистических агрессивных сил. Что касается позиции советской стороны, то на апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Целеустремленно и настойчиво Советский Союз будет укреплять взаимосвязи и развивать сотрудничество с другими социалистическими странами, в том числе с Китайской Народной Республикой»⁴⁰.

³⁹ «Синьцзяньшэ», 1951, т. IV, № 4, с. 8.

⁴⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 апреля 1985 г. М., 1985, с. 25.

50 лет со дня гибели Цюй Цюбо

К. В. ШЕВЕЛЕВ,
кандидат исторических наук

50 лет тому назад, 18 июня 1935 г., от руки гоминьдановского палача погиб замечательный сын китайского народа, выдающийся деятель Компартии Китая и международного коммунистического движения, видный пропагандист марксизма-ленинизма и теоретик, талантливый писатель, литературовед и переводчик товарищ Цюй Цюбо. Он прожил всего 36 лет, но оставил богатейшее наследие и добрую память о себе.

Каждого, кто интересуется жизнью и деятельностью Цюй Цюбо, поражает удивительная многогранность его дарования и необыкновенное трудолюбие. Творческое наследие Цюй Цюбо охватывает несколько сотен произведений, отличающихся теоретической глубиной, оригинальностью мышления и широким диапазоном интересов¹.

Цюй Цюбо привлекали философия, политэкономия, история, эстетика и социология, а также другие общественные науки. Как бы ни была разнообразна тематика творческой деятельности Цюй Цюбо — всюду он стремился опереться на фундамент марксизма-ленинизма и принципы пролетарского интернационализма.

Цюй Цюбо родился 29 января 1899 г. в семье разорившегося шэньши. С малых лет он узнал, что такое нужда и лишения. В 1917 г. он поступил в Пекинский институт русского языка, где обучение было бесплатным. Изучение русского языка оказало огромное влияние на дальнейшую судьбу Цюй Цюбо как профессионального революционера, так и литератора и переводчика.

Великая Октябрьская социалистическая революция и последовавшие за ней революционные выступления во многих странах вызвали искренний интерес в Китае и поставили вопрос о пересмотре прежних представлений об исторических судьбах страны и поиске новых путей социального и национального обновления Китая.

Включение Цюй Цюбо в общественно-политическую жизнь произошло в период патриотического «движения 4 мая» 1919 г., непосредственным поводом к которому послужили позорные решения Версальской конференции о передаче Японии прав на провинцию Шаньдун. Цюй Цюбо был активным участником массовых выступлений в Пекине, получив боевое крещение на фронте политической борьбы.

К этому же периоду относятся и первые выступления Цюй Цюбо в печати, в частности в начавшем выходить при его ближайшем участии в ноябре 1919 г. журнале «Синь шэхой» («Новое общество»). Позднее Цюй Цюбо вспоминал: «Среди нас не было ни одного настоящего социалиста, но китайскому правительству, ретроgrадам, одной ногой стоя-

¹ См.: Дин Цзинтан, Вэнь Цао. Хронологический указатель сочинений и переводов Цюй Цюбо. Шанхай, 1959 (на кит. яз.); Хуан Мэйчжэнь, Цзян Ихуа, Ши Юаньхуа. Дополнение к хронологическому указателю сочинений и переводов Цюй Цюбо. — «Сюэшу юэкань», Шанхай, 1981, № 4, с. 54—58, 3-я стр. обложки.

щим в могиле, даже при слове «социализм» — «этом товаре, завезенном извне» — от страха мерещились и «экстремисты», и «большевики», и «красная зараза». Вот почему, собственно, и был закрыт полицией журнал «Синь шэхой»...»².

После запрещения журнала «Новое общество» 5 августа 1920 г. его редколлегия выпустила единственный номер нового журнала «Жэньдао» («Гуманность»), большинство материалов которого, по словам Цюй Цюбо, предусматривало разрешение «„социальных проблем“ с позиций идеализма»³.

Сам Цюй Цюбо к тому времени уже постепенно нащупывал новые пути обновления страны и весьма решительно выступал за революционные методы преобразования китайской действительности. В статье «Самобийство» Цюй Цюбо звал китайскую молодежь на революцию: «Мы должны прорубить в старом обществе с его старой религией, старым строем и старой идеологией кровавую дорогу, разжечь в этом затхлом старом мире великий костер»⁴.

В статье «Будущее общество и реакционные силы в настоящее время» Цюй Цюбо прямо говорил, что примером для Китая должна стать Россия⁵.

В написанном в марте 1920 г. предисловии к «Сборнику рассказов известных русских писателей» Цюй Цюбо подчеркивал, что Октябрьская революция «всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах. Всем захотелось понять сущность этой революции...»⁶.

Осенью 1920 г. Цюй Цюбо получил возможность поехать в Советскую Россию в качестве специального корреспондента пекинской газеты «Чэнь бао» («Утро»). 16 октября 1920 г. Цюй Цюбо вместе с Ли Чжунью (Ли Цзунью), также представлявшим «Чэнь бао», и Юй Сунхуа — корреспондентом шанхайской газеты «Шиши синьбао» («Современные события») — отбыли из Пекина и прибыли 25 января 1921 г. в Москву. Поездка в Советскую Россию оказала громадное влияние на становление марксистского мировоззрения Цюй Цюбо и всю последующую жизнь теоретика и практика китайской революции.

О побудительных мотивах приезда в Советскую Россию и тогдашнем уровне идейно-политического развития Цюй Цюбо можно судить по его докладу «Положение китайских рабочих и их надежды на Россию», подготовленном в конце 1920 — начале 1921 годов.

Как отмечал Цюй Цюбо, «пролетариат Китая надеется только на Вас, смелые русские рабочие, храбро сражающиеся за счастье всего человечества, основавшие Российскую С[оветскую] социалистическую республику, проводящие в жизнь принципы социализма, борющиеся с темными силами, преодолевающие неисчислимые трудности, претерпевающие много лишений и все же никогда не падающие духом. Пролетариат Китая в высшей степени восхищается Вами и от всей души желает Вам успехов и победы.

Больше всего нас восхищает то, что Ваше движение носит не национальный характер, а интернациональный. Мы знаем, что Вы боретесь не только ради своего, личного счастья, но ради счастья рабочего класса всего мира»⁷.

² Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. Пер. с кит. М., 1979, с. 34.

³ Там же.

⁴ Цит. по: М. Е. Шнейдер. «Синь шэхой» и «Жэньдао» — журналы «движения 4 мая». — В кн.: Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Сб. статей. М., 1971, с. 182.

⁵ См. там же.

⁶ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. Пер. с кит. М., 1959, с. 89.

⁷ Цюй Цюбо. Положение китайских рабочих и их надежды на Россию (публикация, предисловие и примечания Е. Ф. Ковалева). — «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, с. 155. См. также: «Бюллетени Дальневосточного Секретариата Коминтерна», Иркутск, 1921, № 1, с. 14—15.

Эта же тема была затронута и в написанном после приезда в Москву Обращении Цюй Цюбо и других китайских корреспондентов к русским рабочим и журналистам. «Все содержание вашего социального строя, общее направление вашей экономики и политики по своему характеру и значению интернациональны. Ваше пролетарское правительство не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к другим народам, готово бороться и борется за освобождение угнетенных народов всего мира»⁸.

Пребывание в Советской России открыло Цюй Цюбо и другим китайским корреспондентам глаза на реальное положение в стране, весьма далекое от тех ужасов и кошмаров, о которых трубила буржуазная печать. «Проехав русскую территорию от Дальнего Востока до Москвы, ознакомившись с действительным положением русского народа, — писали китайские журналисты, — мы убедились в совершенной ложности и полной несостоятельности тех враждебных вам слухов и «информаций», которые распространяются о вас и против вас в капиталистических странах. Мы хотим, чтобы китайский народ больше не был жертвой обмана и ложных известий о положении русских дел».

Обещая информировать впредь китайский народ об истинном положении в Советской России, Цюй Цюбо и другие корреспонденты стремились тем самым способствовать углублению взаимопонимания между народами обеих стран и выражали надежду, что китайский народ «сможет в недалеком будущем усвоить и претворить в жизнь великие принципы марксизма»⁹.

В своих корреспонденциях и книгах «Путевые заметки о новой России» (1922) и «Сокровенные мысли о красной столице» (1924) Цюй Цюбо рассказал китайским читателям не только о трудностях и лишениях в нашей стране в годы гражданской войны и иностранной интервенции, но и героизме и энтузиазме советских людей, преодолевающих невзгоды и борющихся за светлое будущее¹⁰.

Памятный след в жизни Цюй Цюбо оставила встреча и беседа с Владимиром Ильичем Лениным 28 июня 1921 г. на вечернем заседании III конгресса Коминтерна, проходившем в Андреевском зале Кремлевского дворца¹¹. Осенью того же года Цюй Цюбо вновь увидел В. И. Ленина во время его выступления на собрании рабочих завода «Электросила» № 3 («Динамо»).

Впоследствии Цюй Цюбо неоднократно обращался к образу Ильича в своих работах. В выступлении на траурном митинге памяти В. И. Ленина в Шанхае в марте 1924 г. Цюй Цюбо выражал надежду, что «китайский народ будет вечно преклоняться перед Лениным, так как Ленин — это символ революции»¹². Характеризуя В. И. Ленина, Цюй Цюбо особо отмечал простоту и человечность Ильича. В опубликованной в 1932 г. статье «Ленин» Цюй Цюбо подчеркивал: «Ленин — великая личность XX в., но вместе с тем Ленин — обыкновенный человек... Он был лишь частью массы, лишь частью пролетариата... Ленину был чужд бонапартизм... У Ленина нет ничего общего с теми, способными

⁸ Юй Сунхуа, Цюй Цюбо, Ли Чжунъю. Обращение представителей китайских общественных организаций к русским рабочим и журналистам. — «Известия», 6.II.1921.

⁹ Там же.

¹⁰ По итогам пребывания в Советской России Цюй Цюбо написал также книгу «О русской революции», публикация которой в Шанхае была запрещена властями. Рукопись книги сгорела во время нападения японских империалистов на Шанхай в январе 1932 г. [См.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо (1899—1935). М., 1964, с. 35].

¹¹ Цюй Цюбо присутствовал на конгрессе не только в качестве журналиста. Как установлено в 1964 г. В. И. Гуниным, совместно с Ли Чжунъю он направил конгрессу информацию о социалистическом движении в Китае.

¹² Цюй Цюбо о В. И. Ленине (публикация М. Е. Шнейдера). — «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, с. 145.

вызвать лишь усмешку великими людьми, которые считают себя про- роками, стоящими над массами, или непогрешимыми мудрецами — един- ственными хранителями высшей истины»¹³.

Пребывание в Советской России, встреча с В. И. Лениным, углублен- ное изучение марксизма ускорили решение Цюй Цюбо стать коммуни- стом. В сентябре 1921 г. (по другим данным — весной 1922 г.) он всту- пил в Компартию Китая¹⁴. С этих пор Цюй Цюбо навсегда связал свою судьбу с борьбой за национальное и социальное освобождение китай- ского народа, торжество научного коммунизма и пролетарского интер- национализма на китайской земле.

Согласно воспоминаниям бывшего ответственного работника Испол- кома Коммунистического Интернационала Молодежи С. А. Далина, в 1922 г. во время командировки в Китай его сопровождал в качестве одного из переводчиков Цюй Цюбо, активно участвовавший также в подготовке I съезда Социалистического союза молодежи Китая (май 1922 г.) и чрезвычайно важных переговорах с Сунь Ятсеном, в ходе которых, в частности, затрагивался вопрос о сотрудничестве между го- миньданом и КПК¹⁵.

Вернувшись в Москву, Цюй Цюбо присутствовал в ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна в качестве переводчика у председателя ЦИК КПК Чэнь Дусю.

В начале 1923 г. Цюй Цюбо расстался с Москвой и отправился на родину, где с головой окунулся в партийную работу. Благодаря высо- кому теоретическому уровню, организаторским способностям и энергии Цюй Цюбо вскоре выдвинулся в число наиболее авторитетных руково- дителей КПК. В течение десяти лет (1925—1935) Цюй Цюбо являлся членом ЦК партни, в 1927—1931 гг. — членом Политбюро ЦК КПК. Он состоял редактором теоретических и политических органов ЦК КПК — журналов «Синь циннянь» («Новая молодежь»), «Цяньфэн» («Аван- гард»), «Сяндао» («Проводник»), «Буэрсайвэйкэ» («Большевик») и др.¹⁶

Параллельно с партийной работой Цюй Цюбо занимался педагоги- ческой деятельностью сначала в Коммунистическом университете трудя- щихся Востока в Москве (1921—1922), затем в Шанхайском универ- ситете (1923—1925), Международной ленинской школе, Коммунистиче- ском университете трудящихся Китая в Москве (1928—1930), а затем в Советском университете им. Шэнь Цзэминя и Военной академии Красной армии в Жуйцзине (1934).

Широко эрудированный марксист Цюй Цюбо внес весомый вклад в пропаганду научного социализма в Китае, в разработку теоретических вопросов китайской революции, стратегии и тактики КПК.

Среди множества проблем, над решением которых работал Цюй Цюбо, можно назвать: вопросы социально-экономического развития ки- тайского общества, его классовой структуры, характер китайской рево- люции, ее этапы и движущие силы, проблемы гегемонии в революции, соотношения национальных и социальных аспектов революционного дви- жения, аграрно-крестьянский, рабочий, национальный и военный вопро- сы и пр.

И хотя не все из поставленных проблем Цюй Цюбо мог по-настоя- щему раскрыть и разрешить, однако его отличало понимание их слож- ности, стремление постигнуть глубины социальных явлений на основе марксизма-ленинизма.

¹³ «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, с. 152—153.

¹⁴ См.: Ван Тесянь. Цюй Цюбо луньгао. (Статьи о Цюй Цюбо). Шанхай, 1984, с. 25; Чэнь Тецянь. Великий марксист Цюй Цюбо. — «Гуанмин жибао», 16.VI.1985. В статье Чэнь Тецяня говорится также о вступлении Цюй Цюбо летом 1921 г. в члены РКП(б).

¹⁵ См.: С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1982, с. 79, 89, 93, 98, 105, 119, 123. См. также: «Синь шици», Пекин, 1981, № 11, с. 30—31.

¹⁶ Подробнее см.: Синьвэньцзе жэньу (Журналисты), т. 2. Пекин, 1983, с. 1—65.

В период борьбы за создание единого фронта и национальной революции 1925—1927 гг. Цюй Цюбо решительно отстаивал курс Коммунистического Интернационала на политический союз КПК с национально-революционной партией гоминьдан против империализма и милитаризма, на политическое просвещение и организацию рабоче-крестьянских масс, энергично боролся с воздействием реакционного национализма и реформизма на рабочее движение, тщательно изучал возможности для завоевания гегемонии пролетариата, установления революционной власти и строительства революционных вооруженных сил¹⁷.

Во время подготовки и проведения III съезда КПК (июнь 1923 г.), на котором велась ожесточенная полемика по вопросу о вступлении коммунистов в гоминьдан, Цюй Цюбо энергично поддержал предложения Коминтерна о едином национальном фронте и выступил против сектантского курса Чжан Готао, Цай Хэсэня и Лю Жэньцзина, а также ликвидаторской позиции Мао Цзэдуна¹⁸.

Несомненной заслугой Цюй Цюбо перед КПК следует считать и разработанный им и представленный III съезду проект Программы Коммунистической партии Китая — единственной за всю ее историю¹⁹.

По завершении III съезда КПК Цюй Цюбо уделял пристальное внимание не только теоретическому обоснованию тактики единого национального фронта на страницах редактировавшихся им журналов «Синь циньянь» и «Цяньфэн», но и практической работе по реорганизации гоминьдана, в том числе подготовке и проведению I съезда этой партии в январе 1924 г.

В качестве переводчика и помощника представителя Коминтерна в Китае М. М. Бородина Цюй Цюбо участвовал в подготовке основного документа съезда — Манифеста²⁰. На I съезде Цюй Цюбо был избран членом ЦИК гоминьдана.

В период нового обострения борьбы в КПК по вопросам единого фронта летом и осенью 1924 г. Цюй Цюбо сыграл позитивную роль в борьбе против «левого» уклона Чэнь Дусю, Цай Хэсэня и Мао Цзэдуна, требовавших выхода коммунистов из гоминьдана, отказа от поддержки военных мероприятий гоминьдана, ликвидации революционной базы в Гуандуне, что, по существу, сводилось к развалу единого фронта²¹.

Однако Цюй Цюбо отнюдь не идеализировал гоминьдан, он тщательно изучал политическую дифференциацию в партии, разоблачал происки антикоммунистических элементов, ставил перед лидерами гоминьдана вопрос о переходе к более решительным революционным действиям и активной поддержке политической деятельности рабочих и крестьян в интересах национально-освободительной борьбы²².

Исключительно важную роль в жизни Цюй Цюбо сыграла вспыхнувшая 30 мая 1925 г. всеобщая антиимпериалистическая стачка в Шанхае, положившая начало национальной революции 1925—1927 гг. Во время забастовки Цюй Цюбо являлся членом Шанхайского Генсовета профсоюзов и редактировал газету «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»),

¹⁷ См.: В. И. Глунин, М. Е. Шнейдер. Коммунист-ленинец, публицист, литератор. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 1, с. 154.

¹⁸ См.: В. И. Глунин. Борьба за единый национальный фронт в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 128—131.

¹⁹ См. там же, с. 127. Написанный к VI съезду КПК другой проект программы партии не рассматривался на съезде.

²⁰ См.: А. И. Картунова. Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации гоминьдана. — В кн.: Коминтерн и Восток, М., 1969, с. 309—310.

²¹ См.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927). — В кн.: Коминтерн и Восток..., с. 270—280.

²² См.: В. И. Глунин, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 154.

со страниц которой защищал классовые интересы пролетариата и разоблачал соглашательскую буржуазию²³.

Цюй Цюбо принадлежит честь быть инициатором и главным участником решительной борьбы КПК против дайцитаоизма — реакционно-антикоммунистического течения в гоминьдане, сформировавшегося к лету 1925 г.

В статье «Национальная революция в Китае и дайцитаоизм» (сентябрь 1925 г.) и других работах Цюй Цюбо подверг аргументированной критике брошюры Дай Цзитао «Философские основы суньятсенизма» и «Национальная революция и национальная партия (гоминьдан) Китая», направленные на то, чтобы остановить китайскую революцию на полпути, воспрепятствовать классовой борьбе пролетариата и крестьянства и ограничить рабочее и крестьянское движение рамками национализма и реформизма²⁴.

Заслуживает внимания тот факт, что в дискуссии с Дай Цзитао Цюй Цюбо первым указал на реакционную сущность китайского буржуазного национализма и квалифицировал шовинистические воззрения Дай Цзитао и его сторонников как проявление «китайского империализма», претендующего на мировое господство и носящего откровенно расистский характер²⁵.

Большое место в творческом наследии Цюй Цюбо, посвященном проблемам китайской революции, занимают работы, анализирующие место вооруженной борьбы в революционном движении. Приступив в 1923 г. к разработке этого сложного и важного вопроса, Цюй Цюбо к 1927 г. выработал довольно стройную концепцию роли военного фактора в стратегии и тактике КПК²⁶. В написанной в феврале — марте 1927 г. книге «Спорные вопросы китайской революции» Цюй Цюбо попытался осмыслить в свете марксистской теории особенности китайской революции и пришел к заключению, что «китайская крестьянская революция должна выражаться в военной форме»²⁷. Этот принципиальный вывод Цюй Цюбо сочетал с излагавшейся им прежде идеей о решающей роли революционной войны и установкой Коминтерна на аграрную революцию в Китае. Тем самым Цюй Цюбо, по существу, первым в КПК выработал теорию революционной крестьянской войны как главной формы развития китайской революции.

Впоследствии на основе глубокого анализа практического опыта КПК в руководстве вооруженными выступлениями во второй половине 1927 г. Цюй Цюбо пришел к заключению о том, что «партизанская война должна вести к созданию революционных баз» и к завоеванию власти первоначально в одной или нескольких провинциях²⁸. Эти творческие выводы Цюй Цюбо получили широкое применение в последующей практике Компартии Китая.

В июле 1927 г. по инициативе Коминтерна была проведена реорганизация руководства Компартии Китая, в результате чего Цюй Цюбо возглавил Временное политбюро ЦК КПК. На этом ответственном по-

²³ См.: Т. Н. Акатова. Цюй Цюбо в рабочем движении Китая. — В кн.: Государство и общество в Китае. М., 1978, с. 257—260.

²⁴ См.: Цюй Цюбо. Публицистика разных лет..., с. 238—257.

²⁵ Подробнее о борьбе Цюй Цюбо с дайцитаоизмом см.: М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, с. 268—277; А. Г. Крымов. Идеологическая борьба в Китае в период движения «30 мая» 1925 г. — В кн.: Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1978, с. 61—71; Новейшая история Китая, т. 1. 1917—1927. М., 1983, с. 228—229.

²⁶ Подробнее см.: В. И. Глунин, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 155—156.

²⁷ Там же, с. 157. Обстоятельный анализ книги Цюй Цюбо см.: Л. П. Делюсин. Цюй Цюбо и Цзи Шучжи о проблемах китайской революции. — В кн.: Революция 1925—1927 гг. в Китае..., с. 74—95.

²⁸ См.: В. И. Глунин, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 157; А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 105.

сту он сыграл заметную роль в организации арьергардных боев национальной революции во второй половине 1927 г. Цюй Цюбо принимал активное участие в подготовке и осуществлении ряда вооруженных выступлений, положивших начало советскому движению в Китае. Под руководством Цюй Цюбо партия преодолевала разброд в своих рядах и острый организационный кризис²⁹.

Летом 1928 г. в селе Первомайском Нарофоминского района Московской области состоялся VI съезд КПК, в подготовку и проведение которого Цюй Цюбо внес большой личный вклад³⁰. В отчетном докладе ЦК КПК, с которым выступил Цюй Цюбо, был дан подробный анализ уроков национальной революции 1925—1927 гг.

В заключительном слове Цюй Цюбо, по существу, предостерег против упрощенных представлений о причинах поражения КПК в революции и, в частности, попыток свести их исключительно к оппортунизму Чэнь Дусю³¹.

Касаясь деятельности партии после реорганизации руководства КПК, Цюй Цюбо самокритично признал некоторые левацкие и путчистские ошибки, допущенные в период с лета 1927 по весну 1928 г. Он также присоединился к позиции Коминтерна по вопросу о буржуазно-демократическом характере тогдашнего этапа китайской революции и отверг мнение ряда деятелей КПК, включая Мао Цзэдуна, о том, будто революция в Китае уже носит социалистический характер³². Цюй Цюбо участвовал в подготовке основных резолюций VI съезда КПК, в которых, несмотря на некоторые спорные моменты, была дана позитивная программа борьбы партии за национальное и социальное освобождение китайского народа.

Вскоре после VI съезда КПК в Москве состоялся VI Всемирный конгресс Коминтерна, на котором Цюй Цюбо был избран членом рабочего президиума и членом двух комиссий: по выработке программы Коминтерна и по редактированию тезисов о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах. Шесть раз выступал Цюй Цюбо на конгрессе, в том числе с содокладом о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и заключительным словом по этому вопросу.

В своих речах на конгрессе Цюй Цюбо уделял большое внимание событиям в Китае. Он отверг, в частности, получившие хождение в КПК националистические представления об особом пути Китая и неприменимости марксизма к своеобразным условиям страны. Как подчеркнул Цюй Цюбо, «хотя наша революция и происходит в Китае, но она не отделена «китайской стеной» от всего мира» и отмечал, что «Китай не является исключением для марксизма»³³.

На VI конгрессе Цюй Цюбо был избран членом Исполкома Коминтерна, а впоследствии стал членом Президиума ИККИ.

На протяжении последующих без малого двух лет Цюй Цюбо руководил работой делегации КПК в Коминтерне. В творческом сотрудничестве с видными деятелями международного коммунистического движения, в тесном контакте с Восточным секретариатом ИККИ Цюй Цюбо принимал активное участие в разработке актуальных проблем китай-

²⁹ Подробнее см.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980, с. 16—70.

³⁰ Подробнее см.: А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2; его же. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг., с. 81—108.

³¹ См.: Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая, кн. 3. М., 1930, с. 76—77.

³² См. там же, с. 70.

³³ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. IV. М. — Л., 1929, с. 79—80; Е. Ф. Ковалев. Коммунист-интернационалист Цюй Цюбо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 213.

ской революции, выработке рекомендаций ИККИ для Компартии Китая по рабочему, аграрно-крестьянскому и другим вопросам революционного движения в стране. За годы работы в Москве Цюй Цюбо написал ряд книг и статей о положении в Коминтерне, состоянии коммунистического, рабочего и крестьянского движения в Китае, истории КПК и китайской революции³⁴. В 1929 г. он возглавил кафедру истории КПК в Коммунистическом университете трудящихся Китая³⁵.

Являясь с 1928 по 1930 г. действительным членом НИИ по Китаю, Цюй Цюбо писал для института книгу по истории КПК, одно время входил в редколлегию его печатного органа — журнала «Проблемы Китая». Важное место в деятельности Цюй Цюбо занимали переводы и редактирование переводов основоположников марксизма-ленинизма, документов и материалов Коммунистического Интернационала.

Большой вклад внес Цюй Цюбо в издание в СССР книг и журналов на китайском языке и их распространение на территории Китая. В дополнение к издававшемуся с 1926 г. на китайском языке в Университете им. Сунь Ятсена журналу «Гоцзи пинлунь» («Международное обозрение») и начавшему выходить в 1928 г. бюллетеню НИИ по Китаю «Мэйчжоу яолань» («Еженедельное обозрение») Цюй Цюбо основал в 1929 г. печатный орган КУТК журнал «Гунчань цзачжи» («Коммунистический журнал»), в двух номерах которого были помещены подготовленные при участии Цюй Цюбо директивы Коминтерна по китайскому вопросу, а также ряд работ по основным проблемам китайской революции. Основным автором в журнале был сам Цюй Цюбо.

В начале 1930 г. под редакцией Цюй Цюбо вышел первый номер китайского издания «Коммунистический Интернационал» — «Гунчань гоцзи». По свидетельству А. Г. Крымова, для первых номеров журналов Цюй Цюбо написал предисловия от редакции.

В книгах и статьях, написанных Цюй Цюбо в Москве в 1928—1930 гг., приводится богатый фактический материал о революционном движении в Китае, содержится немало ценных наблюдений и новаторских обобщений опыта КПК и китайской революции. Вместе с тем в его работах нетрудно отыскать и некоторые ошибочные положения и выводы, касающиеся, например, места и роли Китая в мировом революционном процессе, уровня политической сознательности, организованности и революционных возможностей рабоче-крестьянских масс, роли средних слоев и пр.³⁶ Однако эти недостатки, весьма типичные для того времени³⁷, не могут заслонить заслуг Цюй Цюбо перед китайским народом, КПК и международным коммунистическим движением.

Чрезвычайно важное место в жизни Цюй Цюбо занимает шанхайский период с конца августа 1930 по начало января 1934 г. Возвратившись в Шанхай, Цюй Цюбо совместно с Чжоу Эньлаем руководил ра-

³⁴ См., в частности, книги и брошюры: Китайская революция и коммунистическая партия. М., 1928; Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. М., 1929; Положение в Коммунистической партии Китая. М., 1929; Очередные вопросы Коминтерна. М., 1929; Вопросы профсоюзного движения в Китае. М., 1929; Современный кризис в Китае и задачи КПК. Хабаровск, 1929; О реорганизационистах. М., 1929; История КПК. М., 1929; 1930; Против Ван Цзинвэя и реорганизационистов. М., 1930 (все на кит. яз.).

³⁵ См.: Цюй Цюбо. Уведомление кафедры истории КПК о сборе воспоминаний [о китайской революции]. М., 1929, с. 4 (на кит. яз.). Автор признателен хранителю китайской коллекции Библиотеки ЛОИВАН АН СССР П. Э. Циперович, приславшей ему ксерокопию этого редкого издания.

³⁶ См.: В. Н. Глунин, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 157.

³⁷ См., например, выступление Чжоу Эньлая на VI конгрессе Коммунистического Интернационала и его доклады Коминтерну и Профинтерну в апреле—мае 1930 г. (Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 4, с. 480—484; «Гунчань гоцзи», т. 1, 1930, № 7, с. 109—123; № 8, с. 87—116; «Коммунистический Интернационал», 1930, № 13/14, с. 89—98; «Международное рабочее движение», 1930, № 14, с. 24—25). Псевдонимы раскрыты А. Г. Крымовым в беседе с автором.

ботой III пленума ЦК КПК шестого созыва, решения которого подверглись критике со стороны Коминтерна и ряда деятелей КПК за примиренческое отношение к авантюристической линии члена Политбюро ЦК КПК Ли Лисаня³⁸. После состоявшегося в январе 1931 г. IV пленума, лишившего Цюй Цюбо поста члена Политбюро, Коминтерн рекомендовал направить его членом создававшегося в Центральном советском районе Бюро ЦК КПК, однако в связи с ухудшением состояния здоровья Цюй Цюбо остался в Шанхае.

В 1931—1933 гг. в деятельности Цюй Цюбо на первый план выдвинулась его литературно-критическая и переводческая работа³⁹. В тяжелых условиях подполья, несмотря на болезнь и житейские невзгоды, Цюй Цюбо создал в Шанхае большую часть своих художественных произведений и литературоведческих статей. Формально не входя в созданную в марте 1930 г. Лигу левых писателей, Цюй Цюбо с весны 1931 г. наладил деловые контакты с ее органами и постепенно стал одним из фактических руководителей лиги — китайской секции Международного объединения революционных писателей (МОРП).

В Шанхае Цюй Цюбо познакомился и подружился с Лу Синем. Теплая боевая дружба двух выдающихся писателей и переводчиков способствовала их теоретическому и творческому росту и оставила глубокий след в истории борьбы за новую культуру в Китае⁴⁰.

Во время работы в Шанхае Цюй Цюбо внес огромный вклад в становление марксистского литературоведения в Китае. Он не только перевел на китайский язык многие труды по марксистской эстетике и популяризировал их, но, постепенно преодолев свои прежние заблуждения рапповского толка, стал, по существу, наиболее авторитетным литературным критиком в революционном лагере⁴¹.

Большое место в своих литературоведческих работах Цюй Цюбо уделял проблеме художественного мастерства, тесно связанной с мировоззрением и талантом писателя, его знанием жизни. Как отмечал Цюй Цюбо, для написания художественного произведения «одной только политической позиции явно недостаточно. Нам необходимо разобраться в том, какое художественное воплощение нашли эти политические взгляды в данном произведении»⁴².

Цюй Цюбо решительно выступал против штампов и схематизма в изображении образов и характеров, особенно представителей враждебного лагеря. В написанной в 1931 г. статье «Актуальные вопросы пролетарской литературы для широких масс» Цюй Цюбо, критикуя подобные произведения, отмечал, что в них «контрреволюционеры — обязательно дикие звери... Революционеры — непременно мудрые и добродетельные, твердые, настойчивые, решительные и т. п. ... Жизнь ведь не так проста! — восклицал Цюй Цюбо. — Враги, друзья, союзники, колеблющиеся «господа студенты», с которыми приходится сталкиваться рабочему классу и трудящимся массам, не являются цветами, вырезанными из бумаги, — все они живые люди!»⁴³

³⁸ См.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае... с. 208—220. После принятия за основу 20 апреля 1945 г. третьего проекта «Решения по некоторым вопросам истории КПК» от 15 апреля 1945 г. в китайской историко-партийной литературе наблюдается явная идеализация III пленума ЦК КПК. Тем интереснее свидетельство бывшего активного лилсаневца Ли Вэйхана, признавшего известную непоследовательность и примиренческое отношение пленума к линии Ли Лисаня. См.: Воспоминания о Цюй Цюбо. Пекин, 1981, с. 245 (на кит. яз.).

³⁹ Подробнее см.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо... с. 52—217.

⁴⁰ См.: В. В. Петров. Лу Синь и Цюй Цюбо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 122—134.

⁴¹ Подробнее см.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо... с. 97—211.

⁴² Цит. по: В. И. Глушин, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 158.

⁴³ Цюй Цюбо. Очерки и статьи..., с. 150.

Одновременно Цюй Цюбо критиковал появившиеся в китайской литературе тех лет всевозможные подделки под революционную литературу, сентиментальное сюсюканье и пошлый гуманизм, находившие свое выражение в «безмерной» жалости к рикшам и бедным старухам и пр.⁴⁴

Велик вклад Цюй Цюбо в борьбу с реакционными литературой и искусством, с идеями расизма и фашизма, национализма и антисоветизма. В этой связи следует отметить резкую отповедь, которую Цюй Цюбо дал откровенно антисоветскому роману Вань Гоаня «Война у ворот родины», в котором воспевались «подвиги» китайской военщины, затеявшей в 1929 г. вооруженный конфликт на КВЖД. Высмеивая персонажей романа Вань Гоаня, Цюй Цюбо писал: «Да, зверски расправляться с пленными они умеют. Какое тут «волнующее» описание! В искусстве убивать они достигли совершенства. Ну а что они еще умеют? Еще они умеют с побагровевшими рожками и с пеной у рта истступленно твердить: «Не трусьте! Не знайте пощады! ...Вы сокрушите Красную Россию, дойдете до Москвы! Вперед, вперед!»⁴⁵ Истинный патриот и убежденный интернационалист, Цюй Цюбо не мог оставаться равнодушным к появлению подобных сочинений, пусть убогих в художественном отношении, но все же опасных своей патологической ненавистью к СССР.

Венцом литературно-критической работы Цюй Цюбо стало написанное в 1933 г. Предисловие к «Сборнику избранных публицистических произведений Лу Синя». В нем Цюй Цюбо впервые в отечественном и мировом литературоведении дал развернутый анализ творчества Лу Синя, определил его место и роль в истории китайской литературы новейшего времени. Примечательно, что в этой работе Цюй Цюбо не только опирался на ленинские идеи о литературе и искусстве, но даже использовал форму статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена»⁴⁶.

Сам Лу Синь остался доволен оценкой своего творчества, данной Цюй Цюбо. «Верный анализ. Раньше никто так не критиковал меня», — говорил он⁴⁷.

Находясь в Шанхае, Цюй Цюбо по-прежнему много и плодотворно занимался разработкой основных проблем китайской революции и, в частности, вопросов советского движения. На I съезде китайских советов в ноябре 1931 г., проходившем вблизи города Жуйцзиня (провинция Цзянси), Цюй Цюбо был назначен наркомом просвещения Китайской Советской Республики. После переезда в начале 1934 г. в город Жуйцзинь он участвовал в работе II съезда Советов и вновь был назначен на упомянутый пост. Кроме того, он стал ректором Советского университета им. Шэнь Цзэминя. Он читал также в Военной академии китайской Красной армии курс «Основные вопросы китайской революции»⁴⁸.

Работая в Цзянси, Цюй Цюбо отдавал все свои знания, силы и талант закладке основ новой социалистической культуры на китайской земле: открытию школ и курсов для детей и взрослых, клубов и читален, популяризации латинизированной письменности, над проектом которой он трудился, еще находясь в СССР⁴⁹, где такая письменность уже получила распространение среди китайцев Дальнего Востока.

Осенью 1934 г. под напором превосходящих сил противника основные силы Красной армии были вынуждены покинуть Центральный со-

⁴⁴ См. там же, с. 148—150.

⁴⁵ Цит. по: В. В. Петров. Указ. соч., с. 124.

⁴⁶ См.: В. Н. Глумини, М. Е. Шнейдер. Указ. соч., с. 160.

⁴⁷ Цит. по: В. В. Петров. Указ. соч., с. 131.

⁴⁸ Ян Чжихуа. Воспоминания о Цюй Цюбо. Пекин, 1984, с. 153 (на кит. яз.).

⁴⁹ См.: Цюй Цюбо. Проект китайской латинизированной азбуки. М., 1929 (на кит. яз.).

ветский район и начать длительное отступление в районы Северо-западного Китая. По решению Политбюро ЦК КПК, Цюй Цюбо, имевший богатый опыт работы в подполье, был оставлен в гоминьдановском тылу. Партия доверила ему пост заведующего отделом пропаганды Бюро ЦК КПК по провинции Цзянси, которое возглавил Сян Ин. Отступая с частями 24-й дивизии Красной армии, Цюй Цюбо попал в окружение и 23 февраля 1935 г. был схвачен гоминьдановскими солдатами в районе деревни Шуйкоусян уезда Упинсянь провинции Фуцзянь. Сначала он назвался врачом Линь Цисяном, но был опознан и выдан предателями, а затем перевезен в штаб 36-й гоминьдановской дивизии в Чантине (провинция Фуцзянь). В тюрьме Цюй Цюбо написал исповедь «Лишние слова», в которой пытался критически оценить прожитую жизнь⁵⁰. Он беспощадно казнил себя за прошлое и даже сожалел, что, увлекшись политикой, слишком мало внимания уделил литературе. Нервное истощение, тяжелый недуг, отчаяние, вызванное горьким признанием того, что дело, за которое он сражался всю свою сознательную жизнь, пока не увенчалось успехом, — все это, без сомнения, наложило свою печать на «Лишние слова». Однако эту печальную исповедь Цюй Цюбо нельзя назвать отступничеством от марксизма, изменой Компартии Китая, как это утверждали в 60-х годах некоторые китайские руководители, а также хунвэйбины, разорившие могилу Цюй Цюбо⁵¹. «Лишние слова» — это волнующее свидетельство честного, искреннего и благородного человека.

Когда высшие гоминьдановские чины собрались в Нанкине на совещание, с тем чтобы решить, как поступить с «опасным преступником», то давний враг Цюй Цюбо Дай Цзитао наиболее рьяно ратовал за смертную казнь. Единственным, кто выступил против высшей меры наказания, был либеральный ученый и общественный деятель Цай Юаньпэй. От имени ЦИК гоминьдана Чан Кайши подписал приказ, в котором предписывалось расстрелять Цюй Цюбо в Чантине, тело сфотографировать и фотографию представить начальству в качестве подтверждения, а о казни сообщить в печати⁵². Приказ Чан Кайши был получен в Чантине 17 июня 1935 г. На следующий день Цюй Цюбо был казнен. Незадолго до своей гибели он пел на русском языке «Интернационал» и песню «Молодая гвардия»⁵³...

Сообщая о героической смерти Цюй Цюбо, орган Лево́й лиги писателей журнал «Вэнь цюньчжун» («Литература и искусство масс») писал в номере от 1 сентября 1935 г.: «Говорят, что в Чантине... он пел по-русски «Интернационал». Даже в самые последние мгновения своей жизни он не забывал о мировой революции, не забывал о родине всемирного пролетариата. Он принадлежит всемирному пролетариату, и его имя наряду с именами К. Либкнехта, Р. Люксембург и всех жертв мировой революции будет записано в предисловии к подлинной истории человечества»⁵⁴.

Когда печальное известие о казни Цюй Цюбо стало достоянием мировой общественности, дань уважения к памяти этого видного деятеля КПК и международного коммунистического движения отдала Исполком Коминтерна, делегации КПК в ИККИ, Центральные комитеты компар-

⁵⁰ Подробнее см.: Л. П. Делюсин. Последнее слово Цюй Цюбо. — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, вып. II. М., 1975, с. 208—215; Государство и общество в Китае. М., 1978, с. 266—274.

⁵¹ Подробнее о нападках на Цюй Цюбо во время «культурной революции» см.: Ван Тесянь. Указ. соч., с. 222—227. Однако в своем обзоре Ван Тесянь ограничивается критикой так называемых антипартийных группировок Линь Бяо и Цзян Цинь.

⁵² См.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо..., с. 214.

⁵³ Ван Тесянь. Указ. соч., с. 190—191.

⁵⁴ Цит. по: там же, с. 192.

тий Японии, Индокитая, Англии, США, Канады и Германии⁵⁵. В СССР чтили и чтят память Цюй Цюбо, так много сделавшего на благо советско-китайской дружбы, и рады тому, что в 1980 г. ЦК КПК восстановил его доброе имя⁵⁶. Как говорил о Цюй Цюбо великий Лу Синь: «Он убит, но его творения уничтожить невозможно. Они — бессмертны!»⁵⁷

⁵⁵ См.: «Коммунистический Интернационал», 1935, № 20—21, с. 180—181; Памяти товарища Цюй Цюбо. М., 1936, с. 35—48 (на кит. яз.).

⁵⁶ К сожалению, приходится констатировать, что среди большого числа китайских публикаций о Цюй Цюбо попадаются и такие, авторы которых пытаются бросить тень на отношение Цюй Цюбо к СССР, ВКП(б) и Коминтерну.

⁵⁷ Цит. по: Фэн Сюэфэн. Воспоминания о Лу Синь. Пекин, 1952, с. 158 (на кит. яз.).

Землепроходец Василий Ерошенко

Р. С. БЕЛОУСОВ

*Человек на то и человек,
чтобы шагать вперед.
В. Ерошенко*

Путешествие в чью-либо прошедшую жизнь всегда увлекательно и поучительно. Тем более это интересно, когда познаешь судьбу личности незаурядной, особенной, оставившей по себе память во многих странах. Таким был русский незрячий писатель и путешественник Василий Ерошенко.

О нем сегодня помнят в Японии и Китае, где он прожил несколько лет в начале 20-х годов нашего века. В Пекине он жил в доме Лу Синя¹. Китайский писатель переводил и издавал сказки своего русского друга, выступал со статьями о нем, высоко оценивая его произведения и его подвиг — слепого, победившего ночь.

Жизнью и творчеством Ерошенко продолжают интересоваться и в сегодняшнем Китае. Об этом мне рассказал полтора года назад в Москве на Международной встрече переводчиков советской литературы известный литературовед, неумолимый пропагандист советской литературы Гэ Баоцюань. Он сообщил, что недавно в журнале «Сулянь взньсюэ» («Советская литература», 1981, № 4) были опубликованы две сказки Ерошенко. Тогда же подарил и свою работу «Лу Синь и Ерошенко», напечатанную в журнале «Бэйцзин шифань дасюэ сюйбао» (1982, № 1) и содержащую новые данные и уточнения относительно жизни Ерошенко в Китае.

Летом 1982 г. в Японии вышла книга профессора Такасуги Итиро «Песнь на расвете. Жизнь слепого поэта Ерошенко». Это расширенная биография русского писателя, ранее включенная в трехтомник сочинений Ерошенко, изданный в Токио в 1959 г.² Новый вариант создан на основе материалов, собранных автором во время пребывания в нашей стране в начале 1982 г. в результате поездки по местам, связанным с жизнью Ерошенко, встреч с теми, кто его знал и помнит. Поясняя широкую популярность Ерошенко в Японии в те годы, когда он там жил, Такасуги Итиро пишет, что русский писатель «оказал большое влияние на японскую интеллигенцию эпохи Тайсё» (1912—1926), и был одним из тех, тогда еще немногих, кто нес в Японию духовные богатства русской культуры, знакомил с ней и стал в глазах японцев предводителем новой революционной России.

Об этом же говорит и Гэ Баоцюань, подчеркивая тот факт, что дружба Лу Синя и Ерошенко — яркая страница в истории взаимосвязей китайской и русской литератур.

Новые материалы, недавно опубликованные в Японии и Китае, побудили вновь обратиться к необычной судьбе Василия Ерошенко, в частности подробнее рассказать о его странствиях.

Зов дальних дорог

У него была мечта — пешком обойти земной шар. Мечта, вообще говоря, вполне реальная, если бы он не был слеп. Четырех лет от роду Василий Ерошенко лишился зрения. Набожная бабка отнесла заболевшего корью мальчика в церковь, чтобы священник помолился за выздоровление ребенка. А все вышло наоборот. «С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца, — скажет он позже. — К чему это, к добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вдоха. Но разве я проклинаю ее? Нет, вовсе нет».

Василий Ерошенко имел право так сказать, потому что, несмотря на страшный недуг, его жизнь, говоря словами М. Горького, сказанными об Н. Островском, — «живая иллюстрация торжества духа над телом». Начался этот подвиг, длившийся более

¹ См.: Р. С. Белоусов. Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2.

² Подробнее см.: Р. Белоусов. Мечтания скитальца. Очерк жизни и творчества В. Я. Ерошенко. — В кн.: Василий Ерошенко. Избранное. М., 1977, с. 5—43.

полувека, в селе Обуховка, неподалеку от старинного города Старый Оскол, где он родился в январе 1890 г. Отсюда мальчиком приехал в Москву в школу для слепых. Здесь выучился играть на скрипке, гитаре и балалайке. После окончания школы поступил в оркестр при ресторане. Казалось, так и пройдет жизнь в угаре, под возгласы подгулявших посетителей. Но тяга к знаниям, желание познать, хотя и скрытый от него, мир, побуждала мечтать. Его одинаково влекли к себе книги и путешествия. Со временем он и сам начнет сочинять, станет писателем, автором сказок, рассказов и очерков³.

Имя Василия Яковлевича Ерошенко сегодня стоит в ряду с теми, кто, не будучи исследователями, немало сделал для развития дружеских отношений с народами стран Востока. Таких, скажем, каким был Герасим Лебедев, русский музыкант, создатель театра в Индии; Василий Мамалыга, возглавивший восстание бедняков в Индонезии; Осип Гошкевич, трижды обогнувший земной шар, но посвятивший себя одной любви — Японии; Николай Рерих, полномочный духовный представитель русского народа в Индии или Варвара Бубнова, художница, оставившая след в современном японском искусстве и ставшая посредником двух культур — русской и японской. С этой же страной свяжет на много лет свою судьбу и В. Ерошенко.

Впрочем, маршруты его странствий значительно шире. Он достаточно поскитался, около десяти лет, изучил языки тех стран, где бывал. Вообще он знал более десяти языков. Эта его способность, как и феноменальная память и музыкальный слух, были компенсацией за нарушенный общий закон — природа брала свое, возмещала вдвойне на том, что оказалось ему доступно, наделив остротой ощущений и впечатлительностью.

Впервые Ерошенко отправился за границу в феврале 1912 г. Небольшая заметка «Путешествие русского слепца в Лондон», опубликованная тогда в журнале «Вокруг света», рассказывает об обстоятельстве его поездки. В ней говорилось, что воспитанник Московской школы слепых, двадцатидвухлетний В. Я. Ерошенко, до этого игравший около трех лет на скрипке в московских ресторанах, взял шестимесячный отпуск и один отправился в третьем классе железной дороги в Лондон. Поехать за границу он решил на скромные сбережения из своего заработка.

Зачем же понадобилось ему, слепому, совершить столь далекое путешествие?

Ответ давал тот же журнал. Говорилось, что в то время в Англии хорошо было поставлено дело образования слепых, вводились новые методы обучения. Для Ерошенко с его жадной прожорливости, возможность продолжить образование являлась главной. Но, кроме того, отправиться в дорогу его побудило желание «увидеть» мир. Для этого он изучил международный язык эсперанто, как и многие тогда, наивно полагая, что эсперанто поможет людям понять друг друга, устранив вражду между ними. Его поездка через всю Европу в Англию должна была продемонстрировать солидарность, взаимопомощь людей разных национальностей, как бы подкрепляя идею о братстве народов.

И действительно, русский слепец благополучно пересек Европу. Всюду на пути следования его встречали заранее предупрежденные друзья-эсперантисты. По-дружески встречали и на лондонском вокзале, помогли добраться до города Норвуда, где находился Королевский институт и Музыкальная академия слепых. Ерошенко успешно прошел собеседование и был принят в институт.

Скоро он убедился, что Англия отнюдь не та земля обетованная, какой поначалу представлялась ему. И тут люди были поделены на богатых и бедных, удел последних, как и всюду, нищета и покорность. Но должна же быть в мире страна, где все равны, личность свободна, где царствует справедливость и каждый волен распоряжаться своей судьбой. Поиски ответа на эти вопросы привели его в среду российских политэмигрантов, которых в те годы в Лондоне собралось немало. Он стал посещать их собрания, принимать участие в спорах, обсуждал вместе со всеми проблемы, которые волновали и его. Здесь он услышал выступление самого П. А. Кропоткина, князя, порвавшего со своим классом и ушедшего в революцию. Мало того, Ерошенко встретился с лидером анархистов и беседовал с ним. Встреча эта не сделала Ерошенко приверженцем идей Кропоткина, хотя и оставила след в душе, повлияв на его мировоззрение. С этих пор он еще больше уверился в несправедливом устройстве мира. Возможно, тогда-то и родилась у него мысль обойти нашу планету в поисках земли обетованной, того самого Беловодья — страны-мечты, достичь которую пытались многие русские бедняки, уверовав, что где-то за тридевять земель существует расположенный на больших островах рай земной. Вера в такую страну-утопию издревле жила на Руси, воплощая в себе поэтическую мечту о вольной стране, где царит справедливость, побуждая отважных отправляться на ее поиски. Считалось, что легендарный остров Беловодье находится где-то на Востоке за «Апоньским царством» и «Китайским государством».

³ Случилось так, что в Японии и Китае В. Ерошенко как писатель стал известен раньше, чем у себя на родине. Только в 1963 г. Белгородское книжное издательство выпустило первый сборник его произведений в переводе с японского, китайского и эсперанто, куда вошли сказки, рассказы, стихи, легенды и притчи, записанные автором во время странствий, а также некоторые письма и воспоминания о В. Ерошенко видных японских и китайских писателей, художников, деятелей культуры.

Впрочем, возможно, в Лондоне ему довелось услышать рассказы и о Шамбале — будто существующей на Востоке сказочной стране, название которой переводится как «Белый Остров». В сущности, это то же самое, что и Беловодье, и находится эта страна счастья где-то около Индии. Так, уже в Лондоне родилась у Ерошенко мысль побывать на сказочном Востоке, дойти до «Страны Радуги» и «увидеть» землю, где цветет чудесный «Цветок Справедливости» — как впоследствии назовет он две свои сказки.

Оставаться в Англии ему больше не хотелось, да и отношения с руководством института складывались не лучшим образом. Характер у русского юноши был ершистый, самолюбивый. Ему претило, что держали его в колледже из милости, — ведь он не мог платить за обучение, как студенты, дети богатых родителей.

Возвращаясь домой спустя восемь месяцев, он понял, что заразился страстью к бродяжничеству. Отныне жить по-старому не мог. Ветер странствий манил в дорогу. Ведь если в книгах спасение слепого и они помогают познать мир как бы вглубь, то путешествия должны раскрыть его вширь, дать возможность ощутить и вобрать в себя. Поездка показала, что он, слепой, может путешествовать по свету один. И вскоре в московском журнале появилось сообщение: «Слепой московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио (Япония). Господин Ерошенко путешествует без поводыря».

Познание Японии

На организацию поездки требовалось некоторое время. Надо было списаться с друзьями в Сибири, которые помогли бы в дороге, как уже было, когда он ехал через Европу. Но главное — предупредить японских эсперантистов о его приезде, найти тех, кто готов был принять русского слепца. А пока письма совершали свой неспешный путь, он начал изучать японский язык.

Ерошенко слышал, что в Японии жизнь слепых непохожа на жизнь их собратьев в других странах. Здесь им не приходится бродить с котомкой и посохом по дорогам, вымаливая милостыню. Тут они уважаемые люди, одни избирают профессию музыкантов, другие делают массаж, третьи лечат иглоукальванием. На улице слепому уступают дорогу экипажи, ему всегда рады в доме бедняка и вельможи.

Обрадовались приезду Василия Ерошенко и в доме профессора Накамура, с которым он заранее списался. У профессора, члена императорской академии, была большая семья — шестеро детей, но он не задумываясь принял русского гостя.

Свое первое путешествие он совершил по дому. Одновременно начал учиться японскому языку. «Накамура сказал, что день мне засчитывается за несколько месяцев и такому взрослому ребенку, как я, — шутил Ерошенко, — уже пора начать понимать по-японски». В этом ему помогала младшая дочка профессора, восьмилетняя Тосико. «Делает она это очень серьезно, как взрослая. Едва я притрагиваюсь к какому-то предмету, как она произносит его название. Я повторяю за ней, и несмотря на мой варварский русский акцент, она не смеется надо мной — поправляет. Звучание слов записываю на карточках по Брайлю — буду ощупывать их по ночам и заучивать наизусть».

Первые недели прошли в знакомстве с обычаями и городом Токио. Профессор лично сопровождал гостя во время прогулок. Он был щедрым гидом, без усталости объяснял, показывал, советовал как вести себя, что говорить и делать в различных случаях — в доме, на улице, в магазине, в кафе. Приобщал к основам японской эстетики, знакомил с этическими понятиями, правилами общения японцев.

Так началось его познание Японии.

Однако, как заметил профессор, пора было уже Василию повзрослеть и пойти в школу. И однажды он сообщил ему приятную новость: министерство просвещения разрешило принять его в Токийскую школу слепых, правда, «студентом на особом положении».

Вскоре стало понятно, что это означает: Ерошенко отвели отдельную комнату для занятий, специально пригласили преподавателя массажа, а курс японской литературы читал ему профессор, знавший русский язык. Было ясно и то, что таким исключительным вниманием он обязан авторитету профессора Накамура.

В программу обучения входили четыре предмета — психология, медицина, музыка, японский язык и литература.

В школе слепых Василий подружился с пареньком Тория Токудзиро. С его помощью организовал здесь кружок эсперанто — обучал слепых с голоса, пел песни, а Тория переводил их на родной язык.

В то время японские приверженцы эсперанто собирались в кафе «Мацусита», бывали здесь и иностранцы, в том числе и Ерошенко, постоянный участник застольного веселья, шуток и споров. Часто звучала здесь и его гитара — неизменная спутница скитаний.

Еще в Англии он начал приучать себя свободно ориентироваться на улице, совершая самостоятельные прогулки. Для этого пользовался таким методом. Городской шум в Лондоне мешал ему определить ширину улицы, размер площадки и пр. И он стал бродить по ночам, тщательно изучая приметы города, его запахи. К той же «методе» он прибег и в Токио. В результате стал ходить по городу «по-зрячему», удивляясь тем, как свободно ориентировался в шумном лабиринте токийских улиц. «Он шел, держа палку в правой руке на весу, — вспоминал очевидец его прогулок, — но не ударяя ею о землю. Когда слышал, что едет телега, позволял ей приблизиться и в самый последний момент уступал дорогу... совершенно точно, словно зрячий, сворачивал в переулок».

В Японии Ерошенко стремился расширить круг своих знакомых. Общение с учениками школы его не удовлетворяло, он был на голову выше уже тогда по своим занятиям, а главное, превосходил их по стремлениям.

И тут ему, можно сказать, повезло. Он познакомился с Акита Удзюку, тогда уже известным литератором, автором пьесы «Лес и жертва» — о несправедливом суде над японскими социалистами и казни их лидера, выдающегося революционера Котоку Сюсуй. С этого момента жизнь Василия Ерошенко обрела новый смысл. Японский друг ввел его в общество своих единомышленников, которые к тому же интересовались русским языком и литературой. Кружок энтузиастов собирался в лавке «Накамурая» в районе Синдзюку и пышно именовался «Общество красношапочников» — все его члены носили красные фески. В этом своего рода дискуссионном литературном клубе спорили о политике, об искусстве, о жизни. Душой общества была хозяйка кафе и лавки журналистка Сома Кокко. Для Ерошенко она стала как бы второй матерью, он поселился у нее в доме, обучал ее, как, впрочем, и других членов кружка, русскому языку, и остался ей благодарен на всю жизнь за заботу и доброту.

Он уже вполне прилично владел японским языком. Благодаря этому круг его знакомых расширялся. В их числе были писатели, актеры, художники, в частности и такие, ставшие впоследствии знаменитыми, как Накамура Цунэ и Цурута Горо, оба оставившие великолепные портреты Ерошенко. Познакомился он и с Агнес Александер, дочерью президента университета на Оаху (Гавайи) и стал частым гостем в ее салоне. Здесь встретился с молодой журналисткой Камитика Итико, впоследствии активным деятелем Социалистической партии. Встреча эта оставила неизгладимый след в его душе. Ничто человеческое было ему не чуждо. Его чувство к Камитика не было похоже на обыкновенную страсть, скорее, это был тайный жар души, как говорит Хирабаяси Тайко, японская писательница, в своем очерке о Ерошенко, опубликованном в 1972 г. Сама же Камитика отнюдь не питала к нему чувства, которое можно было бы назвать любовью. Ерошенко не знал тогда, что Камитика любила другого человека — известного литератора и революционера-анархиста Осуга Саказ.

Каковы же, однако, были политические взгляды самого двадцатипятилетнего Василия Ерошенко? Они не отличались определенностью. Скорее, их можно было считать стихийно революционными. И прав был, пожалуй, Акита Удзюку, назвавший своего русского друга «революционером по натуре», мечтавшим видеть всех людей свободными и счастливыми.

В доме Камитика, где Ерошенко встречался с Осуги Саказ, русский слепец, по словам Камитика, прошел хорошую школу, поскольку здесь часто собирались рабочие, велись оживленные беседы и дискуссии.

На взгляды Ерошенко оказывала воздействие и та антивоенная пропаганда (это были годы первой мировой войны), которую вело революционное крыло японских социалистов, и прежде всего Сэн Катаяма — впоследствии организатор Коммунистической партии Японии. С ним Ерошенко тоже познакомится, но только позже, в Москве.

«Мир во всем мире — это наибольшее благо», — считал Ерошенко и не уставал пропагандировать идею дружбы народов, говорил, что еще со школьной скамьи считал себя призванным быть одним из тех, кто должен помочь воплотить ее в жизнь. В своих статьях, публиковавшихся в японской печати, он утверждал: «Все люди на земле братья и их совместный труд мог бы превратить нашу планету в рай; мир во всем мире есть величайшее благо для всех народов. Но если это так, то почему же в Европе идет война? Почему ведется она с такой жестокостью, которую и представить нам трудно?.. Мне кажется, корень зла в национальной вражде... И эту враждебность и национальное чванство воспитывает государство, раздувает правительство, культивирует церковь».

Но деятельность сторонников мира не осталась бесследной и еще принесет свои плоды. И сейчас, в годы войны, мы продолжаем борьбу за мир и благородные идеи братства народов продолжают жить. Так будем же неустанно трудиться, ибо сейчас не время предаваться вдохновению, а время работать, время не брать, а отдавать, время не получать выгоды, а идти на жертвы! Нынче время сеять, а не пожинать плоды!»

Часто выступал Ерошенко и с лекциями, в основном перед молодежью, рассказывая о русской литературе, русских народных песнях, которые тут же исполнял, аккомпанируя себе на гитаре. И в этом смысле являлся пропагандистом русского искусства. Вообще говоря, на всем его облике лежал отпечаток особой одухотворенности, можно сказать, артистичности, недаром его называли поэтом, хотя стихи он тогда еще

не писал. И не случайно своей внешностью он привлекал художников: немного наивное, почти детское выражение лица, густые волнистые пряди льняных волос, свободно падающие по обе стороны высокого лба; необычайной была и одежда — косоворотка и сапоги. Эта его русская рубашка стала словно символом той культуры, которую он представлял, и пользовалась большим успехом. Обликом своим он чем-то напоминал сказочного Леля. Лицо сосредоточенное, с едва заметной, несколько, быть может, печальной улыбкой, той самой, о которой Лу Синь скажет: «улыбка страдания». Тским изобразил Василия Ерошенко известный художник Накамура Цунэ — «япоцкий Ренуар», как его иногда называют. В 20-х годах эта работа была признана лучшей картиной маслом в Японии; портрет не раз выставлялся на выставках в Токио и Париже, а ныне находится в Государственном музее современного японского искусства (портрет этот воспроизведен на почтовых открытках, находящихся сегодня в обращении).

Такое внимание художников к личности Ерошенко способствовало его популярности и как писателя, уже начавшего в то время публиковать в японских журналах свои сказки, проникнутые гуманизмом и болью за угнетенного человека.

Вскоре Ерошенко представился большим успехом. Обликом своим он чем-то напоминал сказочного Леля. Лицо сосредоточенное, с едва заметной, несколько, быть может, печальной улыбкой, той самой, о которой Лу Синь скажет: «улыбка страдания». Тским изобразил Василия Ерошенко известный художник Накамура Цунэ — «япоцкий Ренуар», как его иногда называют. В 20-х годах эта работа была признана лучшей картиной маслом в Японии; портрет не раз выставлялся на выставках в Токио и Париже, а ныне находится в Государственном музее современного японского искусства (портрет этот воспроизведен на почтовых открытках, находящихся сегодня в обращении).

Его знакомый Катагами Нобору собирался в Москву от университета Васэда для изучения русской литературы. Перед поездкой решил заняться русским разговорным языком. Для этого и пригласил Ерошенко. Тот с радостью согласился.

У них получился вполне слаженный дуэт. Один рассказывал о тех местах, по которым они проезжали или бродили, другой, не желая оставаться в долгу, развлекал попутчика, пел русские песни, объясняя их содержание.

Но всему, как известно, приходит конец. Окончилось и это непродолжительное путешествие. Ерошенко вернулся в Токио. Однако вирус странствий, живший в нем, пробудился благодаря этой поездке с новой силой.

Вскоре он заявил своим друзьям, что намерен отправиться в Таиланд:

— Хочу посмотреть, как живут люди в бедных странах Азии. Говорят, в Таиланде нет школ для слепых. Если будет возможность побываю в Бирме и Индии.

Когда Ерошенко что-то планировал, то обычно осуществлял задуманное. Так было и в этот раз. Не откладывая, тронулся в путь. На Центральном вокзале в Токио 3 июля 1916 г. собрались друзья Ерошенко, человек двадцать-тридцать. В том числе его покровитель и благодетель профессор Накамура, Акита Удзяку, художник Такэхиса Юмэдзи, Агнес Александер и др.

Решительно тряхнув гривой русских волос, как бы сбрасывая все, что связывало его в течение двух лет, прожитых в Японии, Ерошенко шагнул к вагону...

Новые планы путешествий

В порту Кобэ он поднялся на борт парохода «Масима-мару» и занял место в третьем классе среди бедного люда. Плавание предстояло долгое — почти месяц в море, с заходом в Гонконг и Сингапур.

В дороге с ним произошло два происшествия. В первую же ночь на пароходе он почувствовал себя плохо — температура, озноб. Капитан, подозревая тиф, собрался его высадить, да, к счастью, на борту оказался русский врач. Осмотрев больного, он установил у него всего лишь нервную горячку. Неожиданная встреча с соотечественником выручила Ерошенко, тот даже пригласил его перейти к нему в каюту первого класса.

Отчего он так нравится людям, размышлял Ерошенко? Или они спешат проявить к нему всего лишь сочувствие? А может быть, их привлекает его шевелюра? Однако, если и вызывал он чем-либо внимание, то, конечно, не только внешностью. Впрочем, его красная феска чуть было не свергла его в неприязнь. В Гонконге его задержал английский таможенник: слепой пассажир с мешком вместо чемодана, да еще в красной феске, показался подозрительным. И к тому же дерзким. На вопрос чиновника, с какой целью он направляется в Бангкок, ответил: «Собираюсь покататься на слоне». И только после того, как русский консул удостоверил его личность, ему разрешили продолжить плавание.

Десять дней спустя Ерошенко был у цели своего путешествия.

Поначалу Ерошенко жилось вольготно. И хотя с деньгами было туговато — из 250 иен, с которыми он выехал из Японии, давно ничего не осталось, — но семья, в которой он жил, и соседи заботились о нем, бесплатно кормили.

Как и всюду, у Ерошенко и здесь вскоре завелись многочисленные друзья. А прогулки по городу, знакомство с его причудливыми многочисленными пагодами, домиками на сваях, садами и базаром доставляли много приятных минут.

Немалый интерес вызывали у Ерошенко буддийские религиозные сооружения, так называемые пра-чеди или ступы. Они по форме напоминали русские колокола, установленные на земле. Не раз бывал он около знаменитого святилища «Храма Изумрудного Будды», и ему объясняли значение буддийских символов; условно отображающих «три драгоценности» — триратну: Будду, дхарму-закон и сингху-общину. Те,

кто приобщался к «трем драгоценностям», давал как бы обет почитать Будду и следовать основным требованиям его морали — не вредить жизни, не лгать, не красть, не употреблять вина и пр.

Ерошенко, с его неумейной жадной знания, стремился постичь буддизм, о знакомстве с ним свидетельствуют его сказки, написанные позже.

Верный своему принципу — изучить язык той страны, где живешь, он, чтобы преодолеть языковой барьер, начал заниматься тайским языком. Много читал, а со временем стал подрабатывать массажем. Каждый вечер к нему являлись два пациента. Деньги нужны были не только на жизнь, но и для дальнейших поездок. Он намеревался побывать в Бирме и Индии, съездить на остров Яву и изучить малайский язык, затем хотел посетить Аравию. После этого вернуться в Россию. «Так завершится мое первое путешествие по всему свету», — писал он друзьям в Японию.

Но это были только планы, пока что он совершал поездки в пригороды Бангкока, знакомился с жизнью народа. И конечно, с тем, как обстоит дело обучения слепых. Огорчало, что в Таиланде нет для них школ, что правительство не выделяет для этого средств. Вот когда он понял, что «деньги обладают страшной силой»: с человеком, у которого не было средств, никто не желал и разговаривать.

Убедившись, что местные власти абсолютно равнодушны к его проектам, Ерошенко загрустил, чаще стал играть на гитаре, подолгу стоял у окна и прислушивался к концерту лягушек, вспоминая, как еще в Токио научился определять их по голосам. Или, как писал он сам, углублялся в себя.

Одним словом, все говорило о том, что Ерошенко наскучила жизнь в Бангкоке — бездеятельность была ему противопоказана. Прожив здесь шесть месяцев, он покинул страну и, похоже, всерьез решил реализовать задуманный план путешествий.

Страна Шуэбиджи

Из Бангкока проще всего было попасть в Бирму по суше. Первым крупным городом на пути был Моламьян. В нем в январе 1917 г. Ерошенко и сделал остановку. Его прибытие в город, где никогда не видели ни одного русского человека, стало сенсацией.

Чуть ли не все захотели увидеть необычного гостя из далекой России. Приходили в дом, где он жил, в школу для слепых, где в скором времени начал работать. Стояли, смотрели, удивлялись не только костюму приезжего — его неизменной косоворотке и сапогам, но и тому, что он вступал в беседу на их языке, а когда требовалось, переходил на английский, и даже на пали, что было уж совсем неожиданным.

Ему предложили место старшего преподавателя и контракт на два года. Он горячо взялся за дело. По существу, школу надо было создавать заново — набирать учеников. А как это сделать? Объявление в газетах ничего не даст — в глубинку они не доходят. И он отправляется по стране искать учеников. А когда их набралось около ста (всех привел Ерошенко), начались занятия. Однако проходили они необычным способом. Вместо того чтобы обучать детей, как плести корзины и вязать мешки, новый учитель начал преподавать историю, психологию и гигиену, обучал музыке и искусству массажа, а главное — «видеть» и познавать мир. Для этого вместе с детьми отправился в путешествие по стране, чем привел в замешательство школьный комитет. Но на своем настоял, хотя за разрешением пришлось съездить в Рангун.

Во время странствия он рассказывал ребятам о Шуэбиджи — Большой Золотой Стране, как называют сами бирманцы свою родину, о ее истории и богатствах. В городе Мандалае поведал им легенду, в которой слышатся отзвуки войны с Англией и звучит надежда на будущее освобождение. Он услышал эту легенду на юге страны, в окрестностях Моламьяна, записал ее, а потом под названием «Бирманская легенда» опубликовал в одном японском журнале. Специалисты ныне считают ее ценным памятником бирманского фольклора, нигде, кроме как у В. Ерошенко, не зафиксированным.

В начале ноября 1917 г., вернувшись в школу, Ерошенко стал готовить концерт с участием слепых детей, разучивал с ними песни. Представление имело огромный успех. Сам Ерошенко пел в хоре с учениками, но особый успех вызвало его сольное исполнение.

На другой день ему предложили место директора, но он отказался, хотя его и настойчиво уговаривали. Да и сам понимал, что вряд ли еще представится такая возможность. «Но неужели я покинул Россию, чтобы стать директором школы слепых в Моламьяне?» — вопрошает он в одном из писем.

Между тем из России пришла весть о свержении царя, о том, что там совершилась революция. Теперь власти проявляли к русскому интерес иного рода. За ним следит полиция, и он всерьез опасается ареста.

Весть, принесенная колониальным телеграфом, всколыхнула, заставила задуматься. Вот он бродит по свету, можно сказать, в тщетных поисках страны счастья, а между тем на его родине народ провозгласил своей целью создать именно такую страну, где все будут равны и счастливы. Так вправе ли он оставаться в стороне?

Хотя и трудно было расстаться с полюбившими его учениками, но он решил ехать в Индию. Оттуда легче добраться до России. Несколько особенно близких ему учеников проводили его в поезде до Рангуна. Здесь 12 ноября он сел на пароход, отправлявшийся в Калькутту.

«Высылается как большевик»

Четыре дня спустя он прибыл в Калькутту. Друзей, которые помогли бы устроить-ся, у него здесь не было, пришлось снять комнату за сорок рупий.

Делясь в письме первыми впечатлениями от страны, вернее, о тех с кем приходилось в ту пору общаться (главным образом это были англичане, родившиеся в Индии), он подчеркивает, что «все они говорят только по-английски, презирают местных жителей и каждый при этом считает себя христианином». В то же время пронизательно замечает: «Те, кто хочет создавать свои империи путем подавления малых народов, очевидно, боятся такой же революции, как в России».

Между тем обстановка для него складывается неблагоприятным образом. Полиция грозит интернировать всех русских или — того хуже — посадить в тюрьму. Пока что Ерошенко запрещают преподавать в калькуттской школе слепых. А через несколько дней он оказывается под домашним арестом. Так спокойнее — если он «красный агитатор», то ничего предпринять не сможет.

Оставалось ждать, когда же представится случай уехать в Россию. И такой случай представился. В порт пришел русский корабль «Евгения», команда которого, сменив капитана, решила вернуться на родину. Однако английские власти не давали разрешения на выход из порта. Предчувствуя недоброе, Ерошенко, как ему ни было обидно, отказался уехать. И поступил, видимо, мудро. Едва судно вышло в море, как стало известно, что заключен Брестский мир. Советская Россия вышла из войны. А раз так, можно обвинить ее в «измене» делу Антанты и захватить корабль. Что и было сделано. В одном из писем Ерошенко сообщал об этом: «Мои друзья из России предлагали мне возвратиться вместе с ними на русском пароходе, но я отказался. Они уехали, однако были арестованы в пути. А я, словно Иванушка-дурачок, оказался самым умным, уехал в Бирму и снова стал преподавать там в школе слепых».

Он действительно оказался снова в Молампайне, но только не уехал сюда, а бежал, да еще по некоторым сведениям, переодевшись в японское платье.

Однако и здесь обстановка изменилась. Встретили его настороженно — не дети, конечно, а местные власти. «За мной постоянно следит полиция, — пишет он, — без конца неведываются шпики. Но в тюрьму пока не посадили». Утешение находил он в том, что продолжал собирать бирманский фольклор. «Сейчас я увлечен воистину прекрасными буддийскими легендами. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрывается новый, доселе мне неведомый мир — богатая символика, полная скрытых тайн и загадок...» Но мысль о возвращении на родину не покидала его. И вот он снова в той же калькуттской гостинице. Только положение его значительно усложнилось. Писем он не получал. Впрочем, предупреждал и сам, чтобы ему не писали — «почти на все налагается арест». Ждать помощи было неоткуда. Что делать? Ясно одно — надо немедленно уезжать. Домой он решает вернуться через Японию. Тем более что туда вскоре уходило японское судно. Но ему категорически отказывают. Корабль отбыл без него. И никто не мог сказать, когда отправится следующий. И вновь тот же вопрос: что делать?

И снова он решил бежать. Возможно, надеялся в Мадрасе или Бомбее попасть на какое-нибудь другое судно? Так или иначе, он побывал в этих городах, но из Бомбея его вернули в Калькутту. Видимо, тогда же, верный своим увлечениям и несмотря на обстановку, он записал и обработал один из устных вариантов популярного индийского цикла сказок о бесе Ветале («Рассказы Байтала»), создал по мотивам индийского фольклора притчу «Кувшин мудрости» (отголоски легенд и мифов Индии слышатся и в других вещах В. Ерошенко, задуманных или написанных во время странствий).

Между тем власти, поразмыслив, решили, что этот слепой доставляет слишком много хлопот. Лучше просто-напросто от него избавиться и выслать, скажем, туда, откуда он приехал — в Японию.

По некоторым сведениям, события далее развивались так: Ерошенко посадили на английский корабль. В сопроводительном документе говорилось, что «господин Ерошенко высылается за пределы Британской империи как большевик...»

Снова в Синдзюку

В начале июля Ерошенко добрался до Токио. Прошло ровно три года с того дня, как он отправился отсюда в Таиланд. Друзья были изумлены и обрадованы, в честь него устроили вечер. На нем он сказал: «Я вернулся к вам, друзья, к тем, кто меня хорошо понимает и любит. Прошло долгих три года. За это время мне пришлось многое испы-

тать. Ураган не раз силился меня утопить, а бурное житейское море поглотить. Но девятый вал судьбы миновал. Я благополучно достиг наконец тихой гавани. Море успокоилось, надо мной голубое небо, и я в окружении понимающих и любящих друзей, это и есть счастье».

...Чтобы немного прийти в себя после всех треволнений, Ерошенко отправился к товарищу по токийской школе слепых на остров Хоккайдо. Тот проводил летние каникулы на севере, в городе Бихоро, неподалеку от Охотского моря. Ерошенко прибыл в день, когда здесь отмечали один из традиционных праздников — танабата. Он шел по узким разукрашенным улочкам, где-то далеко раздавались звуки барабана, видимо танцевали ритуальный танец бон. В сопровождении оравы ребятишек, никогда не видевших такого странного чужеземца, он добрался до дома, где собирался остановиться. Однако уже на следующий день вдвоем со своим бывшим однокашником отбыл в деревню, расположенную в трех ри от города. Всей грудью вдыхал запах яблоневого сада, пробовал мед прямо из сот, жевал коноплю. И перед мысленным взором возникали далекие российские просторы, куда стремилось его сердце.

Вернувшись в Токио, он поселился там же на втором этаже у госпожи Сома на Синдзюку.

За эти годы многое изменилось в мире, происходили перемены и в Японии, куда донеслось эхо орудийных залпов «Авроры». Многие японские друзья Ерошенко участвовали в политической жизни страны, в частности в создании Социалистической лиги. И сам он, как скажет впоследствии, «состоял членом общества по изучению и распространению социализма», был близок с деятелями революционного движения, некоторые из них станут потом коммунистами. Ерошенко выступал на собраниях социалистов, общества «Геминкай», позже участвует в работе II съезда Социалистической лиги.

Ветеран японской пролетарской литературы, коммунист Эгути Киеси в своих воспоминаниях рассказал о том, как однажды присутствовал на собрании общества «Геминкай», где перед трехтысячной аудиторией выступал Ерошенко. Русский слепой поэт, как представил его председатель, произвел неизгладимое впечатление на собравшихся. Сорок минут говорил Ерошенко, и не было ни одного человека, кого не взволновала бы его речь. И хотя открыто он ни к чему не призывал, но ловко манипулируя словами «чаша страдания», проводил мысль: чтобы освободить человечество, необходима революция, необходимо следовать примеру русских.

Японская полиция не могла не обратить внимание на этого русского. Уж не красный ли агитатор, не агент ли большевиков? И полицейские тщательно изучали его сказки, публиковавшиеся в прогрессивных журналах. Нет ли в этих сочинениях крамолы? Следует заметить, что печатался Ерошенко во многих журналах левого радикального направления, которые читала вся тогдашняя прогрессивная Япония, — в «Кайхо» («Освобождение»), «Варэра» («Мы»), «Кайдзо» («Реконструкция») и др. Неудивительно, что имя Ерошенко стало пользоваться известностью, особенно среди передовой молодежи.

Способствовала этому, как отмечал Акита Удзюку, и его пропаганда русской революции, сыгравшая, по его же словам, огромную роль в Японии, где Ерошенко «был очень популярным человеком... в эпоху непосредственного влияния Великой Октябрьской революции...».

Принимал участие Ерошенко и в работе журнала «Танэмаку хито» («Сеятель») — рупора революционной интеллигенции, призванного сыграть в Японии ту же роль, которую играла в Европе группа «Кларте», созданная Анри Барбюсом и объединявшая многих западноевропейских прогрессивных писателей.

Вокруг журнала сложилось литературное общество того же названия, активным участником которого был и Ерошенко. Движение «сеятелей» видело свою задачу в том, чтобы распространить правду о Советской стране, бороться под лозунгом «Руки прочь от Советской России», собирать средства в помощь голодающим Поволжья.

Естественно, что для властей Ерошенко оказался фигурой, от которой спешили избавиться, тем более что он продолжал активно участвовать в левом движении. Первого Мая 1921 г., когда он вместе со своими товарищами пришел на демонстрацию, его арестовали и два часа продержали в участке.

Вскоре, 28 мая, была запрещена деятельность Социалистической лиги, с которой был связан Ерошенко. Два дня спустя специальным циркуляром министра внутренних дел Ерошенко решают выслать из страны. «28 мая, — писал Акита Удзюку, — у нас навсегда отняли Ерошенко». С этого дня по 4 июня, до того как он оказался на палубе судна, на борту которого под конвоем полицейского его надлежало доставить во Владивосток, Ерошенко содержался под арестом. Его бросили в холодную сырую камеру, без ботинок (во время ареста не дали даже одеться). Госпожа Сома принесла ему обувь, плащ и трость — их приняли, а еду взять отказались. «Мы кормим его так, чтобы только не сдох», — ответили ей в полиции. Держали его в строгой изоляции, обращались, по словам Эгути Киеси, хуже чем с бродячей собакой. Бдительные японские чиновники сомневались даже в его слепоте, грубо раздирая ему веки...

Все эти подробности об аресте и высылке Ерошенко стали известны позднее. А в те дни на вопрос Акита Удзюку, пытавшегося вместе с другим известным писателем, Арисима Такэо, выяснить причину изгнания русского поэта, неопределенно заявили: «Оказывал дурное влияние...»

Под конвоем полицейского

4 июня 1921 г.— последний день, проведенный Ерошенко на японской земле. Под конвоем полицейского его препроводили в порт Цуругу на западном побережье острова Хонсю. Здесь арестанта посадили на пароход «Ходзан-мару», следовавший во Владивосток. Полицейский, приставленный к нему, устроился неподалеку.

Через два дня «Ходзан-мару» доставил Ерошенко на родину.

О самом путешествии и что было с ним по прибытии во Владивосток Ерошенко сообщил в очерке «Прощай, Япония!». В нем автор рассказал о своих попутчиках — рабочих, которые, полные надежд, возвращались из Америки в Россию. Но были среди пассажиров и белогвардейцы. Эти надеялись на другое. Ведь в городе несколько дней назад произошел переворот и власть захватили белые. Повсюду бесчинствовали солдаты, свирепствовал террор.

Поэтому задерживаться во Владивостоке не входило в планы Ерошенко. Он жаждал поскорее покинуть город, «где обстановка так же изменчива, как и погода», направив стопы в европейскую Россию.

В день отъезда он отправил Акита Удзюку письмо: «Сегодня я покидаю Владивосток и отправляюсь через Хабаровск, Читу и Иркутск в рабоче-крестьянскую Россию». Но на этот раз путешествие предстояло необычное и опасное — переходить линию фронта, пересекать нейтральную полосу, кишевшую белобандитами. «Говорят, сейчас очень трудно пробраться до Читы,— пишет он в том же письме.— Никто не верит, что я один смогу пробраться в Россию». Дело в том, что в Приморье, как и на всей территории Дальневосточной республики (ДВР), созданной по указанию В. И. Ленина в качестве «буферного государства», сложилась необычная ситуация. Японские войска высадились в Приморье и совместно с белогвардейскими частями Семенова и Каппеля оккупировали его. Вначале между войсками ДВР и оккупантами существовало перемирие, но в ноябре японские интервенты перешли в наступление против армии ДВР, занимавшей позиции по реке Уссури. Поэтому, как многие и предполагали, путешествие Ерошенко кончилось неудачей. На поезде он добрался до станции Евеньевка. Дальше начинались передовые позиции частей Каппеля и пути не было. Как ему сказали, до станции Уссури можно добраться только на порожняке. Прибыл он туда, когда красные готовились ее оставить, взорвав остатки моста через реку. «Мне конечно, хотелось уехать отсюда раньше, чем начнутся бои, но на территорию, занятую красными,— признается Ерошенко. Однако через реку уже никого не пропускали. Каким-то образом Ерошенко все-таки добрался до станции Иман, где проходила временная граница ДВР. И снова неудача: охранную службу здесь нес эсеровский отряд, и командир его наотрез отказался пропустить Ерошенко. До новой России было рукой подать, но попасть туда ему не позволили. Ерошенко оказался словно в мышеловке и решил следовать в Китай. Пересечь границу и добраться до Харбина было куда проще, чем переправиться через линию фронта.

Встреча с Лу Синем

Однако и в Харбине обстановка к тому времени осложнилась. В городе скапливалось все больше белогвардейцев. Начались аресты рабочих, прогрессивных интеллигентов. Со дня на день могли взять и Ерошенко. Тем более что за ним шла слава высланного из Японии «большевика». На этот раз — от греха подальше — он сам решил оставить город. Списавшись с молодым шанхайским эсперантистом и литератором Ху Юйчжи, Ерошенко уехал в Шанхай.

...После занятий в институте, где преподавал эсперанто, Ерошенко отправлялся бродить по улицам. Посещал магазины, прежде всего книжные, заходил в харчевни, бывал в «Синь шицзе» — «Новом мире» — крупнейшем увеселительном центре, где можно было посмотреть спектакль традиционного китайского театра, тут же перекусить, сыграть в кегли. К счастью, он встретил двух друзей, которых знал еще по Японии. Они всюду бывали вместе. Китай служил для них загадкой, решать которую не было уже ни настроения, ни сил. «Я думал о Европе,— признается он,— мои друзья мечтали об островах Южных морей или о Тибете; мы чувствовали, что наш корабль окончательно разбился и мы выброшены на пустынный остров, именуемый „Шанхай“». И дальше следуют слова, свидетельствующие об угнетенном состоянии Ерошенко в тот момент: «Мы не надеялись уже построить другой корабль и не смели думать о Китае как о своей новой родине. Безнадежно смотрели мы на людское море, безучастно стояли на ревущем пустынном острове».

Так писал он в «Рассказах увядшего листка», созданных в Шанхае и принесших ему широкую известность.

Ему не удалось сразу бросить якорь в гавани отечества. Но, как видно, неудача не сломала, не повергла его в отчаяние, хотя и заставила горько переживать крушение своих планов: отправиться в Страну Мечты, как он называет теперь Советскую Россию.

В этот тяжелый для него момент Ерошенко пригласили преподавать эсперанто

в Пекинский университет. Приглашение исходило от Лу Синя и его брата Чжоу Цзюжэня. К тому времени в Китае уже знали творчество Василия Ерошенко, знали о его горькой судьбе. Это в первую очередь и привлекло к нему внимание Лу Синя. Китайские журналы и газеты тех лет сообщили о высылке Ерошенко из Японии, о жестоком с ним обращении, и в ряде стран Востока поднялась волна протеста в защиту слепого поэта.

По-своему принял участие в этой общественной кампании и Лу Синь. Еще не зная Ерошенко лично, он перевел и опубликовал некоторые его сказки. В предисловии к ним объяснил, почему так поступил: «Мне хотелось, чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудились ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство». И вот, узнав, что Ерошенко в Шанхае, китайский писатель принял горячее участие в судьбе русского скитальца. Мало того, он предложил Ерошенко поселиться в его доме.

Дом находился в тихом переулке⁴, здесь, кроме Лу Синя, жили его мать и жена, два брата с женами и детьми.

Гостя поместили в специальном флигеле, где обычно устраивали приезжих. Окна комнаты Ерошенко располагались напротив кабинета Лу Синя, который привык писать по ночам и нередко за полночь у него горел свет. В те же часы любил работать и Ерошенко. Часто Лу Синь приходил к нему, располагался в кресле, закуривал сигарету, и начиналась беседа, (говорили по-японски и на эсперанто): о Китае и Японии, о японской литературе, о России и о ее писателях, о произведениях Ерошенко и многом другом. И конечно, о русской революции, в которой оба видели начало новой эры.

Став преподавателем Пекинского университета, Ерошенко как бы попал в центр культурной жизни тогдашнего Китая.

Лектурой он читал в большой аудитории, выдержанной в китайском стиле. В своей неизменной косоворотке, он сидел перед слушателями и водил пальцем по бумаге, на которой брайлевским рельефно-точечным шрифтом был записан текст лекции. Рядом находился Чжоу Цзюжэнь, брат Лу Синя, и переводил то, что говорил Ерошенко, с эсперанто на китайский язык. Чему же посвящал он свои выступления? Русской литературе, чаще всего творчеству Л. Андреева, знакомил с содержанием его произведений. И двести юношей и девушек, заполнявших аудиторию, усердно записывали слова слепого лектора, стремившегося прежде всего привлечь внимание к темам борьбы за свободу, гуманистической линии в русской литературе, выступавшей за униженных и оскорбленных.

Не остался в стороне Ерошенко и от политической жизни той поры. И здесь, в Китае, он участвует в первомайской демонстрации, во время которой поет «Интернационал», — тогда еще не переведенный на китайский язык, выступает на вечере в народной школе при Пекинском университете, где в этот раз поет песню о Степане Разине, аккомпанируя себе на гитаре. К его досаде, не все понимали ее смысл. Тогда Лу Синь, переговорив с Ерошенко, специально пересказал ее содержание и опубликовал в газете «Чэнь бао».

В этой же газете появилась и статья В. Ерошенко о новом китайском театре, так называемой «разговорной драме», то есть театре европейского типа. Выступление это положило начало целой дискуссии, в которой приняли участие многие видные деятели культуры тех лет, в том числе и Лу Синь.

Жизнь Ерошенко в Пекине протекала более спокойно, нежели в Токио. Часто в компании с кем-нибудь он отправлялся верхом, обычно на осле, так как передвижение на рикше категорически отвергал, а другого транспорта в Пекине в ту пору не было.

Случалось, он вместе с Лу Сином посещал торговую улицу Люличан, в особенности ему нравились лавки антикваров, где он подолгу ощупывал всевозможные резные фигурки, изделия из фарфора и глины. «Есть большой и шумный Пекин, — писал Ерошенко. — Но мой Пекин — иной, скромный и тихий... Люди моего Пекина — простые и честные труженики. В этом городе среди молчаливых людей сердце мое немного успокаивается. Но, увы, оно не может быть абсолютно спокойным и, должно быть, никогда не сможет».

Часто он признавался, что ему здесь грустно и горько, вспоминал о времени, когда вместе с друзьями мечтал «вырвать общество, государство, человечество из рук богачей и убийц, вырастить сад свободы на земле». Он тосковал даже по кваканью лягушек, о чем говорит Лу Синь в рассказе «Утиная комедия», посвященном его русскому другу и проникнутом печалью разлуки с ним. Дело в том, что летом 1922 г. Ерошенко покинул Пекин и отправился в Хельсинки на Международный конгресс эсперантистов. В Пекине друзья уже не надеялись на его возвращение, как вдруг четыре месяца спустя он снова появился в доме Лу Синя. На недоуменный вопрос отвечал, что вернулся, так как должен закончить курс в университете. Однако мыслями и чувствами он был уже в Москве, где побывал проездом в Хельсинки и обратно. Понимая, что предстоит навсегда расстаться с Китаем, он совершил как бы прощальную поездку по стране — посетил города Ханчжоу и Шанхай. Вернувшись, стал готовиться к отъезду на родину. Весной, едва представилась возможность, он тронулся в путь.

15 апреля 1923 г. Лу Синь записал в своем дневнике: «Ерошенко уехал на родину».

⁴ Во многих публикациях называется переулок Бадаовань, однако, как уточняет Гэ Баоцюань, Ерошенко поселился у Лу Синя, в тот момент еще жившего в переулке Ваньбаошань.

На родной земле

Вернувшись из Китая и наконец-то ступив на родную землю, Василий Ерошенко со свойственным ему нетерпением и интересом старался постичь суть революционных сдвигов, новых человеческих отношений. В Советской России он увидел воплощение вековых чаяний человечества — претворение в жизнь подлинной свободы, социальной справедливости и счастья.

Побывав в родной деревне Обуховке, он вернулся в столицу. Но «оседлая» жизнь, как видно, и в самом деле была не для него: он привык к передвижению, к смене впечатлений, к шуму новых городов. Им вновь овладевает «охота к перемене мест», его вновь манят странствия. Ждать случая долго не пришлось. В Нюрнберге летом 1923 г. должен состояться Международный конгресс эсперантистов, и Ерошенко отправился туда в числе советских делегатов. Отсюда он едет в Лейпциг на знаменитую ярмарку, посещает не менее знаменитую здешнюю библиотеку, потом держит путь в Геттинген. Летом 1924 г. он уже в Париже, а спустя некоторое время — в Вене на Международном конгрессе слепых. Домой Ерошенко вернулся через Гамбург на советском пароходе.

В Москве действовал тогда Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Ерошенко предложили быть переводчиком у слушателей-японцев. Приблизительно тогда же состоялось его знакомство с Сэн Китаймой, который тепло отзывался о Ерошенко, высоко оценив его как переводчика общественно-политической литературы. В ноябре 1927 г. у Ерошенко произошла еще одна памятная для него встреча. На Красной площади во время парада и демонстрации он неожиданно встретил Акита Удзяку, прибывшего на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции.

А впереди были странствия по родной стране — на Чукотку, куда он добирался через уже знакомый ему Владивосток и где собрал народные сказания, составившие цикл рассказов «Из жизни чукчей»; по Военно-Грузинской дороге, по Каспию и Волге, Донбасу и Карелии, в Узбекистан, Казахстан и Туркмению, где заведовал первым в этой республике детским домом для слепых и разработал национальный туркменский алфавит по системе Брайля.

После войны вернулся в Москву. Как всегда, вел активную литературную и общественную жизнь — писал статьи и очерки, играл (и неплохо) в шахматы, выступал с лекциями...

Все, кому приходилось встречаться с Василием Ерошенко, отмечают его глубокие познания в различных областях: литературе и языкознании, истории и музыке, медицине и философии. В истории известны случаи, когда пораженный слепой человек становился деятельным членом общества, достигал высокого положения как специалист, скажем, крупный английский математик Н. Саяндерсон, ослепший через несколько месяцев после рождения в 1683 г., а к концу жизни возглавлявший кафедру математики в Кембриджском университете; или великий английский поэт Д. Мильтон и наш поэт И. Козлов; или известный арабский поэт и литературовед Таха Хусейн, родившийся в один год с Ерошенко и потерявший зрение, как и он, четырех лет. Но если у Таха Хусейна была возможность получить блестящее образование, то Василию Ерошенко, выходцу из крестьянской среды, в условиях царской России приходилось всего добиваться собственным трудом и упорной работой над собой. Он проходил свои университеты, путешествуя по городам и странам, встречаясь и беседуя с такими выдающимися мыслителями и учеными, как П. Кропоткин и Сэн Катаяма, Рабиндранат Тагор и Лу Синь, Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел.

Говоря словами А. Чехова, у него был «талант человеческий» и литературный. И когда однажды ему вручали на Международном конгрессе поэтов-эсперантистов награду, прозвучали справедливые слова о том, что «приз получает не только его поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко». И зал встретил эти слова овацией.

Да, подвижническая жизнь Ерошенко не может не вызвать восхищения, она служит своего рода ориентиром мужества, примером, который учит преодолевать жизненные невзгоды, не падать духом в трудные минуты. Размышляя о его поразительной судьбе, хочется прежде всего отметить присущую Ерошенко истинно горьковскую любовь к людям. Ею проникнуты все его произведения, зовущие к добру, это же чувство — любовь к человеку, стремление познать его — и побуждало к странствиям по свету.

Ерошенко умер в Обуховке 23 декабря 1952 г. На сельском кладбище земляки установили ему памятник (советские скульпторы создали несколько его портретов — это работы Н. Блажко, Э. Дзиндра и др.). В Старом Осколе усилиями энтузиастов создан мемориальный комплекс при городском музее. В нем собраны книги Ерошенко, изданные на японском и китайском языках, его письма, в частности адресованные в свое время английским друзьям, посвященные ему статьи — о нем писали «Известия» и другие газеты, в том числе старооскольская «Октябрьские зори», публиковались материалы в журналах и альманахах, вышли книги на русском и украинском языках; на стендах представлены фотографии и принадлежавшие ему вещи.

И многие приходят сюда, а иные приезжают издалека (бывали гости и из Японии), чтобы больше узнать о человеке чуткого сердца и яркой, удивительной судьбы.

В плену растущих амбиций

Синтаро Абэ. Содзотэки гайко-о мэдзаситэ (Творческая дипломатия). Токио, 1984, 320 с.

В последние годы все чаще обращают на себя внимание действия на мировой арене второй по экономическому потенциалу страны капиталистического мира — Японии. Неоспоримы ее достижения в области экономики, науки и техники. Все большую популярность получает в мире самобытная японская культура. Однако бросается в глаза и другой процесс: планомерно усиливающиеся попытки правящих кругов этой страны резко усилить политическое влияние Японии в международном сообществе, привести его, как они говорят, в соответствие с возросшим за послевоенные годы экономическим потенциалом. Достижение этой цели возведено в ранг официальной политики японского государства. Активной внешней политике как одному из инструментов реализации указанной установки отдается при этом все больший приоритет.

Мировая общественность приветствовала бы действительную роль Японии в защиту мира на земле, в пользу взаимовыгодного сотрудничества государств, имеющих различное социально-политическое устройство. Тем более что именно Япония впервые в истории испытала на себе катастрофические последствия ядерной бомбардировки и в законодательном порядке закрепила вскоре после окончания второй мировой войны свой отказ от обладания вооруженными силами и ведения войны. Однако нынешнее руководство страны, как свидетельствуют факты, рассматривает поставленную перед собой задачу через призму так называемого «подведения окончательных итогов» второй мировой войны и отнюдь не стремится внести собственный вклад в дело оздоровления международной обстановки.

Естественно, что выход в свет книги, целиком посвященной осуществлению японской внешней политики в условиях 1980-х годов, целям и задачам дипломатии этой страны как на современном этапе, так и с перспективой на последующий период, представляет несомненный интерес. Тем более он оправдан, когда речь идет о книге нынешнего министра иностранных дел Японии Синтаро Абэ.

По своей структуре рецензируемая работа не является научным трудом в прямом смысле этого слова. Она построена в

форме ответов на вопросы, которые задает министру журналист газеты «Токио симбун» Н. Нагано, являющийся членом престижного Касуми-клуба, объединяющего аккредитованных при японском внешнеполитическом ведомстве корреспондентов. Вопросы и ответы сгруппированы в главах по проблемному признаку и охватывают весь диапазон японской дипломатии — от глобальных до региональных проблем, с которыми сталкивается Токио при проведении внешнеполитического курса. Уделено также внимание рассмотрению положения министерства иностранных дел в структуре государственного аппарата Японии и проблеме повышения эффективности работы министерства.

Повествование построено в подкупающе непринужденной, раскованной манере, доступной для восприятия форме живого диалога. Для усиления «эффекта присутствия» читателя при данной беседе составители книги дополнили ее рассказами о различных эпизодах, курьезных случаях, так или иначе связанных с дипломатической службой С. Абэ. Этот прием явно нацелен на создание у потенциального читателя благоприятного впечатления об авторе не только как о крупном политическом деятеле современной Японии, но и как о человеке. И это немаловажно, если учесть, что нынешний министр иностранных дел Японии, видимо, весьма далек от того, чтобы считать свою карьеру законченной именно на этом посту.

В самом деле, если бросить взгляд на жизненный путь Абэ (его биографические данные приводятся в книге), нельзя не отметить стремительности его продвижения вверх по социальной лестнице. Нынешний министр иностранных дел родился в префектуре Ямагути (юг острова Хонсю) в 1924 г. Служил в императорской армии. Окончив в 1949 г. престижный юридический факультет Токийского университета, в течение семи лет работал сотрудником политического отдела редакции газеты «Майнити симбун» — одной из крупнейших в стране. В 1956 г. Абэ стал личным секретарем министра иностранных дел, а в следующем году — личным секретарем тогдашнего премьер-министра Н. Киси. Жена на его старшей дочери. С избранием Абэ в 1958 г. депутатом палаты представителей парламента от ЛДП начинается его самостоятельная политическая карьера. В последующие годы он занимал высокие посты в партийной и государственной иерархии, в частности был министром сельского хо-

зяйства, лесоводства и рыболовства, генеральным секретарем кабинета министров, министром внешней торговли и промышленности. Являясь одним из видных членов фракции Фукуды в ЛДП, он вошел в число «новых лидеров» правящей партии и, оспаривая пост ее председателя, проиграл битву Я. Накасонэ. С приходом последнего к власти был назначен им в ноябре 1982 года главой внешнеполитического ведомства.

Правительство Накасонэ с самого начала своей деятельности взяло открытый курс на всемерное наращивание военного потенциала Японии. Активизировался процесс дальнейшего углубления военно-политического сотрудничества в рамках японо-американского союза и «натовизации» Японии. Роль Абэ как одного из столпов кабинета в разработке подобных планов, имеющих явно антисоветский характер, очевидна. В этом еще раз убеждает рецензируемая книга.

Момент, выбранный для ее издания, не случаен. К осени 1984 г. возглавляемая Абэ японская дипломатия накопила порядочный багаж «достижений», что вызвало суровую критику кабинета Накасонэ как в стране, так и за рубежом. Выход в свет книги был призван стать солидным залпом в пропагандистской войне, направленной против оппонентов внешнеполитического курса японского правительства, и параллельно — легкой доступной «информацией к размышлению» для тех, кто еще четко не определил своей позиции по данному вопросу.

Основная цель, которую ставит перед собой Абэ, — попытаться убедить потенциального читателя в «правильности» японской внешней политики, в ее якобы справедливом, демократическом и независимом характере.

Именно на создание положительного впечатления о ней рассчитано заявление Абэ о том, что «главной целью» японской дипломатии в 1980-х годах являются «мир и разоружение». На второе место автор ставит урегулирование региональных конфликтов, на третье — «содействие решению проблем в отношениях между Севером и Югом».

Характерно, что министр мало говорит о том, как он реально представляет себе роль своей страны в таком исключительно важном деле, как разоружение. Отметим же, что «война может начаться случайно» (с. 23), Абэ фактически снимает с Японии всякую ответственность за ее безоговорочную поддержку агрессивного курса США, подталкивающих мир к ядерному конфликту.

Анτισоветская позиция автора становится более заметной, когда, отвечая на тенденциозно поставленный вопрос (а таких вопросов в книге множество), он пускается в рассуждения относительно угрозы Японии в связи с «ростом советской военной мощи». Абэ пугает читателя мифом о переброске в азиатскую часть Советского Союза его ракет средней дальности, имеваемых на Западе СС-20, в случае дости-

жения на советско-американских переговорах соглашения об ограничении ракет этого класса в Европе (с. 31). При этом он явно игнорирует сделанное советским руководством еще в 1983 г. заявление о том, что в подобном случае сокращаемые ракеты были бы ликвидированы, а не перебазированы на Дальний Восток¹.

Альтернативу выдуманной им самим «угрозе» для Японии автор видит в принятии Советским Союзом пресловутого «нулевого варианта» Рейгана, полностью отрицающего принцип равной безопасности обеих сторон. Распространяясь на тему о якобы грозящей его стране «опасности» со стороны советских ракет среднего радиуса действия, Абэ параллельно проводит мысль о том, что, мол, в одинаково «опасном» положении находится и КНР. Однако он умалчивает об одностороннем обязательстве СССР не применять первым ядерного оружия.

Автор не упускает также случая, чтобы взвалить на СССР вину за трагическую судьбу южнокорейского авиалайнера, вторгнувшегося со шпионской миссией в советское воздушное пространство. При этом он, естественно, обходит неблагоприятную роль, которую сыграло в организации этого инцидента нынешнее японское правительство.

Бесконечные ссылки на избитый тезис о «возросшей советской угрозе» нужны Абэ для оправдания осуществляемого быстрыми темпами всемерного наращивания военного потенциала Японии. Ведь, по его словам, главным фактором, обеспечившим после окончания войны мир и безопасность Японии, явилось наличие «сил сдерживания», состоящих из «сил самообороны» Японии и ядерной мощи США. Автор открыто заявляет о своей уверенности в том, что «указанный путь является единственно возможным для обеспечения мира и безопасности Японии в будущем» (с. 82). Для смягчения своей явно ястребиной позиции министр успокаивающе добавляет, что это не означает, что Япония «прибегнет к войне».

Так ли это, покажет будущее. Тем не менее широкомасштабные военные приготвления, проводимые в Японии, характеризуются, в частности, курсом на значительное повышение военных расходов в рамках бюджета страны. Как известно, осуществление решений, принятых правительством Накасонэ в текущем году, в ближайшее время приведет к превышению военными расходами символического порога в 1% от ВВП страны, то есть уровня, установленного японским правительством еще в 1976 г. Видимо, поэтому Абэ дает в своей книге нарочито уклончивый ответ о своем отношении к этой проблеме, оставляя себе возможность для маневра в будущем.

Сходная позиция занята им по вопросу о соблюдении Японией «трех неядерных принципов». Отрицая широко известные факты ввоза в страну в их нарушение американского ядерного оружия, он голо-

¹ См.: «Правда», 27.VIII.1983.

словно утверждает, что система японо-американского «договора безопасности» и «три неядерных принципа» якобы «не противоречат друг другу» (с. 88). Автор призывает японский народ «исправить свои ошибочные представления» о незаконном наличии на японской территории ядерных средств США. Как никогда, лицемерно звучат эти призывы сейчас — в год 40-летия ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Уходит в сторону от ответа Абэ относительно вызвавшей острую дискуссию в Японии и за рубежом проблемы патрулирования японскими военно-морскими силами морских коммуникаций в радиусе 1000 миль от берегов Японии, заявив лишь, что «это естественно для такой независимой страны, как Япония» (с. 91).

Намерение же Японии осуществить блокаду трех международных проливов вблизи японских островов «в случае чрезвычайного положения» автор неубедительно оправдывает правом Японии на самооборону. Фактически же в данном случае речь идет о том, что японское правительство пытается сохранить за собой «привилегию» нарушать по своему усмотрению международное право, на нормы которого оно с охотой ссылается в иных случаях.

Подобные планы Японии носят открыто враждебный характер по отношению к Советскому Союзу, с которым она поддерживает дипломатические отношения. Оставившись на проблематике советско-японских отношений, автор предвзято подходит к анализу причин, лежащих в основе их нынешнего неудовлетворительного состояния. Говоря на словах о стремлении Японии «расширить дружественные отношения с СССР» (с. 149), он пытается доказать, что их улучшению «мешает» уже упоминавшееся «одностороннее наращивание советской военной мощи» на Дальнем Востоке, направление ограниченного воинского контингента СССР в Афганистан по просьбе законного правительства этой страны, а также справедливое беспокойство советских людей в связи с возросшем японского милитаризма, которое Абэ с ходу объявляет «сплошной пропагандой». Однако главным фактором, тормозящим развитие советско-японских отношений, будто бы является несуществующий «территориальный вопрос», считает автор. Он предлагает все шире привлекать к нему широкое международное внимание. Автор полностью обходит стороной инициативы СССР о мерах доверия на Дальнем Востоке, предложение заключить с Японией договор о добрососедстве и сотрудничестве. Абэ заявляет, что, мол, проблема состоит в том, что «СССР серьезно ошибается относительно позиции Японии» (с. 78).

В то же время, несмотря на свои открыто недружественные шаги в отношении СССР, автор указывает, что Японии не следует отказываться от диалога со своим великим северным соседом.

«Экономические трения» с США и Западной Европой Абэ называет «самой крупной проблемой, стоящей перед Японией» (с. 233). Однако он не оставляет сомнений

в том, что Токио не собирается добровольно уступать в «экономической войне» со своими конкурентами. Автор предлагает предпринимать усилия «с обеих сторон». Среди его рецептов исправления торгового дисбаланса Японии с этими странами есть даже полуиронический совет им «лучше изучать японский язык» (с. 235).

Разногласия в этой области не мешают Абэ неоднократно подчеркивать, что основой японской дипломатии остается союз с Вашингтоном. Однако сотрудничество с Америкой в разнообразных областях на международной арене, по его мнению, должно осуществляться «с независимых позиций» с тем, чтобы действия обеих стран в глазах окружающего мира не отождествлялись.

Так, он считает, различный подход обеих стран к оказанию экономической «помощи» развивающимся странам повышает эффективность ее воздействия, взаимодополняет соответствующие усилия Токио и Вашингтона. Абэ подчеркивает, что значение Японии для США растет, и многозначительно предупреждает, что «в случае потери Соединенными Штатами такого партнера, как Япония, удельный вес США в мире резко уменьшится» (с. 105).

Пытаясь доказать, что экономическая «помощь» Японии бескорытна и оказывается не только странам, в которых она заинтересована, в основном в силу их обладания богатыми полезными ископаемыми, Абэ не находит более «удачного» примера, чем сказать, что его страна выходит на первое место в мире по оказанию экономического содействия Парагваю — «бедной ресурсами аграрной стране» (с. 195). Он ничего не говорит о том, что в данном случае определяющим для Токио является необходимость поддержания на плаву проамериканского фашистского режима Стресснера, в число «заслуг» которого входит укрывательство нацистских преступников от справедливого возмездия. Пример, приведенный японским министром, ярко иллюстрирует как политическую окраску японской «помощи», так и расширение географии японских интересов до глобального масштаба.

При этом, однако, отнюдь не наблюдается снижения внимания Токио к традиционным районам, которые он привык рассматривать в качестве сфер своего влияния. Таким районом является Юго-Восточная Азия. Внимание автора привлекает необъявленная война, проводимая при поддержке Токио полпотовскими бандами против НРК. Абэ ставит в заслугу Японии и то, что она, по его словам, вышла на первое место в мире по оказанию «помощи» так называемым кампучийским «беженцам», размещившимся на территории соседнего Таиланда (с. 52).

Автор ратует за свержение законного правительства НРК, обладающего поддержкой абсолютного большинства кхмерского народа, эффективно контролирующего территорию страны и официально признанного целым рядом государств. Судя по всему, автора мало волнует судьба многостра-

Усилению эффективности японской дипломатии в целом должно содействовать, по мнению автора, более активное ведение внешнеполитической пропаганды. По объему средств, отпускаемых на это, Япония также отстает от вышесперчисленных стран. Он не скрывает, что этот участок японской дипломатии будет усилен с упором на «разъяснение» другим странам японской точки зрения по вопросам «экономических трений» с развитыми капиталистическими странами, «экономического сотрудничества» с развивающимися государствами и наращивания военного потенциала Японии.

Автор подводит итог своим соображениям, высказанным в книге, выдвинув нечто вроде собственной внешнеполитической концепции. Он считает, что реализация далеко идущих планов японского руководства может быть ускорена путем проведения «творческой дипломатии». Она должна строиться, по мнению Абэ, на следующих принципах.

Во-первых, «укрепление отношений доверия и сотрудничества» со странами Запада, и в первую очередь с США.

Во-вторых, «развитие отношений дружбы и сотрудничества» с соседними странами Азиатско-тихоокеанского региона. «Стабильность и процветание этого региона имеют жизненно важное значение для процветания и мирного развития Японии», — заявляет Абэ.

В-третьих, «формирование отношений взаимного доверия со странами Востока путем проведения диалога» (автор имеет

в виду СССР и другие социалистические страны. — Г. М.).

В-четвертых, «содействие развитию развивающихся стран путем экономического обмена с ними».

И, в-пятых, «интенсификация дипломатических усилий в направлении разоружения и разрядки напряженности», включая предотвращение расширения региональных конфликтов.

Безусловно, вышеуказанные положения несут на себе значительную пропагандистскую нагрузку, впрочем, как и вся книга Абэ. В этом легко убедиться, сопоставив слова и реальные дела токийских стратегов. Вместе с тем анализ данной концепции показывает, что правящие круги Японии избавились от «синдрома второй мировой войны», в числе поджигателей которой был Токио, и, уверовав в свои возросшие силы, решили сделать ставку на реванш за позорное поражение сорок лет назад. Это и питает неумные амбиции империалистической Японии, представляющие сегодня серьезную угрозу сохранению мира на планете.

В заключение автор высказывает мысль о том, что ориентация на достижение сиюминутных узкопрактических целей не может не нанести ущерба истинным государственным интересам Японии. С этим нельзя не согласиться. Однако до тех пор, пока Япония будет продолжать вести вместе с США враждебную делу мира, добрососедства и справедливого международного сотрудничества политику, пути обретения ею в мировом сообществе реального авторитета будут заблокированы.

Г. Г. МОРОЗОВ

• • •

Япония как военная держава: вчера и сегодня

Вооруженные силы Японии. История и современность (к 40-летию разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985, 326 с. с илл. и карт.

Четыре десятилетия тому назад, 2 сентября 1945 г., подписанном Акта о безоговорочной капитуляции милитаристской Японии закончилась вторая мировая война — самая разрушительная и кровопролитная война в истории человечества. Развязанная фашистской Германией, она принесла чудовищные бедствия и страдания народам всего мира, особенно советскому народу, вынесшему на своих плечах основную тяжесть этой тяжелейшей трагедии нашего времени. Советский Союз потерял в ней 20 млн. своих сыновей и до-

черей, 1/3 всего национального богатства. Это не в состоянии опровергнуть даже наиболее рьяные фальсификаторы истории.

Для советского народа минувшая война была Великой Отечественной. Она увенчалась исторической победой самого передового общественного строя — социализма, над германским фашизмом и японским милитаризмом, сил мира и прогресса над силами реакции и войны.

Японский милитаризм, как известно, вступил во вторую мировую войну в качестве союзника гитлеровской Германии внезапным разбойничьим нападением 7 декабря 1941 г. на тихоокеанскую военно-морскую базу США Пёрл-Харбор. Япония неожиданно атаковала ее военно-морскими и военно-воздушными силами еще до объявления войны Соединенным Штатам, нанеся им тем самым серьезный моральный и военный ущерб. В качестве «возмездия»

за это в самом конце войны на Тихом океане, когда ее исход уже был предрешен, ибо Квантунская армия — опора милитаристской Японии — была практически сокрушена мощными ударами Советских Вооруженных Сил. США прибегли к еще более жестокому и ничем неоправданному акту современного вандализма. Применяв без всякой надобности неизвестное тогда миру новое варварское оружие массового уничтожения — атомную бомбу, они не только стерли с лица земли два мирных японских города — Хиросиму и Нагасаки, — но и хладнокровно обрекли сотни тысяч их жителей на смерть и продолжающиеся до сих пор физические и моральные страдания.

Столь поучительные факты из истории второй мировой войны, как и вся война в целом, не могут не вызывать сегодня глубоких раздумий и настораживающих ассоциаций. Они невольно возникают в связи с тем, что в условиях наличия огромных запасов ядерного оружия нынешняя администрация США, нагнетая международную напряженность и вынашивая безумные планы так называемых «звездных войн», при активной поддержке Японии — второй по экономическому и научно-техническому потенциалу капиталистической державы мира — превращает бассейн Тихого океана в восточный фронт борьбы против мирового социализма и национально-освободительного движения.

В связи с этим возникает далеко не праздный вопрос: не забыты ли уроки недавней истории и хорошо ли помнят их нынешние руководители Страны восходящего солнца?

Ответ на этот вопрос, который сейчас глубоко волнует народы мира, дает коллективная монография, посвященная истории и современному развитию Японии как военной державы*. В числе ее авторов — видные ученые из Института военной истории Министерства обороны СССР и ряда научно-исследовательских институтов АН СССР.

В рецензируемой монографии история создания и развития японских вооруженных сил рассматривается на широком историческом и социальном фоне экономических, внутри- и внешнеполитических проблем развития японского капитализма. На основе глубокого и всестороннего анализа многочисленных исторических документов и фактов, часть которых публикуется в советской научной литературе впервые, авторы шаг за шагом прослеживают становление, формирование и развитие вооруженных сил Японии, начиная с незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (1867—1868) и кончая нашими днями. Своеобразие исследования дополняется его бесспорной актуальностью. Это объясняется как важностью самой проблемы, так и тем, что анализ ведется с позиций сегодняшнего дня — с конструктивных позиций необходимости обеспечения мира и безопасности на нашей планете, насущной необходимости предотвращения нависшей над человечеством угрозы термоядерной войны.

Первая часть монографии посвящена истории японских вооруженных сил. В связи с этим в ней исследуется довольно длительный и насыщенный серьезными историческими событиями период развития как самой Японии, так и международных отношений — от революции Мэйдзи до окончания второй мировой войны. Авторы убедительно показывают, что этот период характеризовался целенаправленной политикой создания, непрерывного укрепления и использования японским милитаризмом вооруженных сил страны с целью агрессии и захвата чужих земель, объявленных «жизненно важными для Японии» территориями. Заслугой авторов этой части монографии является то, что они сумели, не повторяя общезвестных истин, оригинально осветить такие подробно исследованные советскими историками и специалистами страницы истории, как агрессия Японии против Китая (1884—1885), русско-японская война 1904—1905 гг., участие Японии в первой мировой войне, японская интервенция против Советской России (1918—1922), агрессивные действия японского милитаризма против СССР и стран Азиатско-тихоокеанского региона (1927—1939), то есть узловые моменты истории международных отношений до начала второй мировой войны. Значительный интерес для читателей, в том числе и для военных специалистов, несомненно, представит краткое, но компетентное рассмотрение военных приготовлений и операций (тактического и стратегического характера) японских вооруженных сил накануне и в течение указанных событий. Небольшой, но содержательный раздел посвящен военно-идеологической обработке населения и вооруженных сил, которая постоянно и планомерно осуществлялась японским милитаризмом с целью «сплочения нации против общего врага» и обоснования «законности» агрессии в отношении соседних стран и народов.

Всесторонний анализ внутренней и внешней политики Японии в период до начала второй мировой войны, и в частности целенаправленных усилий правящих кругов по созданию и непрерывному укреплению японских вооруженных сил как инструмента агрессии и подавления своего народа, позволил авторам монографии сделать следующий общий вывод: «Правящим кругам Японии удалось путем усиленной идеологической обработки населения, а также широкого применения террора сделать его послушным исполнителем воли эксплуататорских классов, военно-фашистского режима. Вооруженные силы, где милитаристская пропаганда проводилась особенно интенсивно, превратились в послушное орудие агрессивной политики японской военищины...» (с. 48).

Специальная глава первой части исследования посвящена вооруженным силам Японии в годы второй мировой войны. На основе обширного документального и фактологического материала авторы анализируют в ней стратегические замыслы тогдашнего руководства страны, ход боевых

действий японских вооруженных сил, особенности их ведения на сухопутных театрах войны, подготовку и осуществление операций на Тихом океане, разгром Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии — основной военной группировки японского милитаризма. Глава логично завершается рассмотрением вопроса о безоговорочной капитуляции Японии, ознаменовавшей собой конец второй мировой войны.

Анализируя причины краха японского милитаризма, авторы показывают несостоятельность усиленно пропагандируемой в последние годы некоторыми буржуазными учеными и военными специалистами с целью фальсифицировать историю второй мировой войны версии о якобы «решающей роли» американских атомных бомбардировок в разгроме Японии и о «вынужденности» применения США ядерного оружия. «Применение атомных бомб, — пишут авторы, — как показали факты, не заставило правящие круги Японии принять немедленное решение о капитуляции... Таким образом, атомная бомбардировка не заменила массовых армий и не поставила Японию немедленно на колени. Располагая довольно-таки сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление; когда же советские войска нанесли сокрушающий удар по Квантунской группировке войск, даже ярые сторонники продолжения войны в японских правящих кругах сразу же пришли к единодушному мнению... прекратить войну. Другого пути не было» (с. 92).

Говоря об огромном значении разгрома японского милитаризма для дальнейшего развития мировой истории, авторы констатируют: «Историческое значение разгрома крупной японской группировки Советской Армией, ускорившего полное поражение Японии, состоит в том, что он явился закономерным финалом почти пятидесятилетнего этапа грабительских войн, которые вели японские милитаристы против соседей — Китая, России, а затем Советского Союза и стран Юго-Восточной Азии» (с. 93—94).

Это в свою очередь привело к коренному изменению международной обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе. Небывало мощный размах приобрело, в частности, национально-освободительное движение народов Восточной и Юго-Восточной Азии, испытавших на себе ужасы хозяйничанья японских милитаристов. Разгром милитаристской Японии положил начало краху колониализма в Азии и создал благоприятные условия для появления в этом районе мира первых социалистических государств, включая Китайскую Народную Республику, Корейскую Народно-Демократическую Республику и Социалистическую Республику Вьетнам. Несколько позже на путь строительства социализма встали также Лаосская Народная Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия. Все это резко изменило соотношение политических сил на Азиатском континенте в пользу лагеря мира и социализма.

Наконец, разгром японского милитаризма, как подчеркивают авторы монографии, оказал огромное влияние и на внутриполитическое развитие самой Японии. Вынужденное принятие ею Потсдамской декларации предусматривало искоренение милитаризма, отстранение от власти виновников агрессии, суровое наказание военных преступников, установление в стране демократических порядков, провозглашение основных демократических прав и свобод. Чрезвычайно важное значение для всего последующего развития страны имело принятие в 1947 г. под давлением демократических сил новой мирной Конституции Японии, статья 9-я которой запрещает ей иметь вооруженные силы и прибегать к войне как средству разрешения международных споров. Таким образом, крах японского милитаризма создал благоприятные условия для мирного, демократического развития японской нации.

Вторая, основная часть монографии, охватывающая весь послевоенный период вплоть до наших дней, посвящена анализу современных вооруженных сил Японии. При этом, как и в первой части, авторы не ограничиваются лишь узковоенными вопросами, а исследуют их на широком фоне социально-экономических и политических проблем, стоящих сегодня перед Страной восходящего солнца. В главах этой части рассматриваются такие кардинальные и важные вопросы, как воссоздание и развитие вооруженных сил Японии; органы высшего военного управления, система комплектования и подготовки кадров; современное состояние японских вооруженных сил; производство вооружения; идеологическая обработка военнослужащих «сил самообороны» и японского населения; наконец, основные черты и этапы развития современной военной доктрины Японии.

Все эти главы, вместе взятые, дают объективное представление о современном состоянии и перспективах развития Японии не только как военно-политической силы, но и как одного из центров межимпериалистического соперничества, второй по уровню экономического и научно-технического потенциала капиталистической державы мира.

В монографии, среди прочих, особо подчеркивается тот чрезвычайно важный исторический факт, что через несколько дней после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии правительство США как основной оккупационной державы дало торжественное обязательство, которое гласило: «Разоружение и демилитаризация (Японии. — В. Х.) являются главными задачами военной оккупации и будут проводиться быстро и решительно. Япония не будет обладать армией, морским флотом, воздушными силами, секретной полицией» (с. 98).

Однако уже тогда, провозглашая на словах «верность» принципам Потсдамской декларации, американское правительство на деле преследовало совсем иные цели. «Анализ ставших известными к настоящей-

му времени документов и практических шагов американской администрации в отношении Японии, — подчеркивают в связи с этим авторы монографии, — позволяет сделать вывод о том, что проводившиеся в первые годы преобразования имели целью лишь запугать консервативные военные и политические круги страны возможными репрессивными мерами, постоянной угрозой возмездия за совершенные ими преступления, а затем путем «помилования» и даже приглашения к «союзу» сделать их покладистыми и сговорчивыми. Требование полного разоружения Японии в сочетании с искусственно раздуваемой пропагандой о «коммунистической угрозе» явилось в руках американской администрации поводом для того, чтобы выдвинуть себя в качестве единственного «гаранта» безопасности разоружаемой страны, «защитника» ее от «агрессивного коммунизма» (с. 99).

В свете этого становится совершенно очевидным, что уже в то время США вынашивали тайные планы сохранения и возможности быстрого восстановления военного потенциала Японии под своим контролем с целью ее использования в интересах американской глобальной стратегии.

Уже в начале 1948 г. правящие круги США окончательно сбросили с себя маску «миротворцев» и взяли курс на открытую ремилитаризацию Японии, рассматривая ее как основной оплот антикоммунизма на Дальнем Востоке, как главную базу своих агрессивных действий в Азии. Такой поворот в американской политике на 180°, известный как «обратный курс», совпал с провалом усилий США затормозить развитие революционного процесса в Китае и началом развязанной ими «холодной войны» против СССР и других социалистических стран.

С этого времени, как показано в монографии, в нарушение мирной Конституции Японии началась неуклонная и всесторонняя ремилитаризация страны. Заключенный в 1951 г. и пересмотренный в худшую сторону в 1960 г. японо-американский «договор безопасности» заметно усилил этот процесс. В результате Япония имеет сегодня одну из самых сильных по огневой мощи в Азии армий. Воссозданная под вывеской так называемых «сил самообороны», она располагает оснащенной самой новейшей военной техникой сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными родами войск. Из года в год растут военные расходы страны. По темпам их роста Япония занимает ведущее место в мире. Обычным явлением стало проведение японскими вооруженными силами военных маневров, в том числе двусторонних и многосторонних.

В последние годы правящие круги страны непрерывно усиливают идеологическую обработку населения. Всячески раздувая военный психоз, нагнетая антисоветскую пропаганду и запугивая японский народ мнимой «угрозой с Севера», они пытаются возродить в народных массах

дух национализма и реваншизма. С этой же целью предпринимаются усиленные попытки ввести в стране специальное законодательство на случай «чрезвычайных обстоятельств». Все более широкие масштабы принимает производство вооружения. Все это, как подчеркивают авторы, свидетельствует о том, что Япония шаг за шагом втягивается в агрессивные планы американской региональной и глобальной стратегии. Особый интерес для читателей представляет в связи с этим содержащийся в монографии глубокий и всесторонний анализ основных черт и этапов развития современной военной доктрины Японии.

Подводя итоги проделанному анализу, авторы в заключение отмечают, что вооруженные силы Японии, как и других капиталистических государств, «являются основным элементом милитаризма, т. е. системы политических, экономических и идеологических средств, используемых правящими кругами страны в интересах наращивания военной мощи, для достижения коренных целей своей внутренней и внешней политики» (с. 270).

В связи с этим авторы подчеркивают, что разгром милитаристской Японии в августе 1945 г., решающий вклад в который внес советский народ и его Вооруженные Силы, создал условия для мирного, демократического развития японской нации. Однако, как свидетельствуют факты, корни японского милитаризма полностью ликвидированы не были. В результате в конце 40-х — начале 50-х годов правящие круги Японии вновь стали на опасный путь ремилитаризации страны. Всестороннюю помощь в этом им оказывают Соединенные Штаты Америки, рассматривающие Японию как своего главного союзника в борьбе против социализма и национально-освободительного движения на Дальнем Востоке.

Такая недалекновидная и опасная политика наводит на мысль о том, что нынешние руководители Страны восходящего солнца, пренебрегая интересами нации, намерены предать забвению уроки недавней истории. Они намерены сделать это несмотря на то, что милитаристский путь развития Японии, как свидетельствуют эти уроки, не отвечает интересам не только ее соседей, но и коренным интересам самого японского народа, интересам дела во всем мире.

Таковы главные выводы, к которым приходят авторы монографии, представляющей собой серьезный научный вклад в советское японоведение. Написанная с конструктивных позиций защиты мира и необходимости предотвращения нависшей над человечеством угрозы термоядерной войны, содержащая обширные статистические, схематические и картографические приложения, эта монография, без сомнения, будет с большим интересом встречена самыми широкими кругами советских читателей.

В. Н. ХЛЫНОВ,
доктор экономических наук

Роль синто в общественно-политической жизни Японии

Г. Е. Светлов. Путь богов (синто в истории Японии). М., «Мысль», 1985, 240 с., 8 л., ил.

Рецензируемая книга посвящена японской национальной религии — синто — и ее роли в общественно-политической жизни Японии на различных этапах истории страны. Столь обстоятельное исследование синто предпринято в советской научной литературе впервые. Его актуальность определяется прежде всего тем, что еще в недалеком прошлом — на протяжении ряда десятилетий вплоть до поражения Японии во второй мировой войне — синто, провозглашенный государственным культом, обязательным для всех японцев без исключения, использовался для идеологического закабаления народа, культивирования представлений об «уникальности» и «особом» предназначении японской нации. По существу, синто был превращен в орудие захватнической политики японского империализма. В наши дни реакционные силы пытаются «в той или иной форме возродить синто как государственный культ, использовать синтонистскую идеологию в целях оправдания необходимости «классового мира» в стране, гальванизировать концепции об «особом» характере японской нации и «уникальном» пути исторического развития Японии для обоснования претензий японской монополистической буржуазии на мировой арене. При этом пропаганда синтонистских духовных «ценностей» является частью проводимого реакцией курса на усиление милитаристских тенденций в стране» (с. 4).

Книга Г. Е. Светлова базируется на большом числе источников. В ней не только обобщены сведения о синто, содержащиеся в работах советских и зарубежных, преимущественно японских, авторов, но также использованы данные, разбросанные нередко по малоизвестным и малодоступным японским публикациям, привлечен большой фактический материал, явившийся результатом собственных наблюдений автора, его бесед с японцами — представителями духовенства и мирянами, верующими и неверующими. Этот обширный и разнообразный материал анализируется на методологической основе марксистско-ленинского учения о религии и ее роли в жизни общества.

Автор прослеживает многовековой путь развития синто от его истоков до наших дней. В одной из первых глав обрисованы компоненты генезиса синто, который обрел

более или менее завершенную форму как кодифицированная религия лишь с VII—VIII вв. н. э., но и после этого постоянно развивался. Показана интеграция в синто разнородных родо-племенных культов, даосских и иных концепций и ритуалов. Достаточно подробно разобрана мифология синто. Отдельная глава посвящена распространению в Японии буддизма и появлению в этой связи специфического японского явления — синто-буддийского синкретизма и «двоеверия». Автор постоянно проводит мысль о том, что на всех этапах своего формирования, в том числе и самых ранних, синто вбирал в себя не только местные, но и зарубежные верования и традиции. Этот момент чрезвычайно важен, ибо показывает полную несостоятельность любых попыток обосновать «уникальный характер» японской национальной религии, японской национальной идеологии, как и японских общественных отношений в целом.

В книге рассмотрены попытки разработать догматику собственно синто, предпринимавшиеся в XIII—XV вв. духовенством святилища Исэ, одним из ранних теоретиков «особого пути Японии» Кнтабатакэ Тикафуса (1293—1354), синтоистским теологом Есида Канэтомо (1435—1511). При рассмотрении религиозной ситуации в период сёгуната Токугава (1603—1867) большое внимание уделено различным формам синто-конфуцианского синкретизма и концепции возрождения синто древности, принятым впоследствии на вооружение противниками сёгуната, а с другой стороны — зарождению на базе синто новых религиозных движений, в которых в специфической форме отразились оппозиционные господствовавшему режиму настроения народных масс.

Показывая процесс развития синто на фоне исторических событий, автор постоянно держит в центре внимания вопрос о взаимоотношениях религии и политики. Еще на заре японской государственности правители страны использовали синто, и особенно его мифологию, для обоснования собственных политических «прав». В древнейших японских письменных памятниках — летописно-мифологических сводах «Кодзики» (712) и «Нихонсёки» (720), составленных по указанию правителей того времени, — мифы были зафиксированы не в том виде, в каком они были услышаны составителями, а подобраны тенденциозно с целью обосновать сакральный характер генеалогии правящей династии, ее происхождение от верховного божества синто — Аматэрасу. Дальнейшим развитием этой тенденции в трудах синтонистских теологов средневеко-

вья явилась концепция о «божественном» характере не только царствующего дома, но и Японии в целом. Связь синто с политической господствующими классами «уходит в глубину веков, в эпоху складывания единого японского государства. — подчеркивает автор. — С тех пор на разных этапах истории Японии правители страны пытались использовать синто для обоснования своих политических амбиций, не имевших ничего общего ни с религиозными чувствами большинства японского народа, ни тем более с его жизненными интересами» (с. 10).

Сказанное выше особенно характерно для периода между «реставрацией Мэйдзи» (незавершенная буржуазная революция 1867—1868 гг.) и поражением Японии во второй мировой войне. Раздел, посвященный этому периоду, по существу, является центральным в книге. На богатом фактическом материале автор показывает, как шаг за шагом складывался государственный синто — религиозно-политическая система, созданная правящими кругами монархического буржуазно-помещичьего государства, каким стала Япония после «реставрации Мэйдзи». Синто был выделен из числа других религий в качестве государственного культа, главным объектом которого стал обожествленный император. Роль канона государственного синто играл принятый в 1890 г. императорский рескрипт об образовании, провозглашавший верность императору высшей добродетелью подданных Японской империи. Обрядность государственного синто была подчинена задаче возвышения монархического режима, культивирования безусловного почитания императора и его «божественных» предков. Мифы о «божественном» происхождении императорского дома были положены в основу системы народного образования. Концепция «уникальности» японской нации, апологетика Японии как «страны богов» вылилась в конечном счете в «теоретическое» оправдание «права» японцев повелевать другими народами. Так догмы государственного синто превратились в орудие оправдания империалистического грабежа и агрессивных войн Японии.

Автор характеризует государственный синто как специфическую религию, в основе догматики которой «лежала политическая доктрина, выражавшая интересы правящих кругов страны, идеологически обосновывавшая их политическое господство» (с. 176). Правители довоенной Японии ловко использовали особенности национальной религии японцев, традиционные представления народа, чтобы приспособить их к своим политическим нуждам. Преобладание обрядности в синто наряду со слабо разработанной догматикой и морально-этической системой позволило идеологам монархического буржуазно-помещичьего государства наполнить обрядовую оболочку синто нужным им содержанием. Культ императора в значительной мере строился на концепции сыновней почитательности, которая традиционно считается одной из главных добродетелей японцев. Весь японский народ был объявлен одной большой семьей во главе с

императором. Представления о неразрывной связи между божествами синто и японцами послужили благодатной почвой для обоснования тезиса об «уникальной японской национальной сущности», составившего ядро догм государственного синто.

Автор не только анализирует догматику государственного синто, но и подробно рассказывает о его обрядах, культовых учреждениях, методах его пропаганды среди населения, в которых важную роль играло использование внецерковных каналов — школы, средств массовой информации и т. п. Читатель узнает много интересного о происхождении многих праздников довоенной Японии, основанных на мифологии синто. В деталях рассказывается о создании ряда новых святилищ, ставших привилегированными государственными религиозными учреждениями, в обрядности которых отражались основные направления проводимой властями идеологической обработки населения. Одним из таких святилищ стал токийский храм Ясукуни, в котором обожествлены солдаты и офицеры, погибшие в войнах, развязанных империалистической Японией. Детальный рассказ о культе Ясукуни позволяет лучше понять, почему и в наши дни это святилище остается центром шовинистической и милитаристской пропаганды. Интерес представляют и сведения о распространении государственного синто за пределы Японии, в захваченных ею странах. Практически везде, где хозяйничали японские колонизаторы и военщина, создавались синтоистские святилища, которые становились идеологической базой колониального господства и агрессии.

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне покончило с государственным синто. Император в 1946 г. публично опроверг тезис о своей «божественной» сущности. Конституция 1947 г. провозгласила отделение религии от государства. Синтоистские святилища лишились привилегий, которыми они пользовались по сравнению с культовыми учреждениями других религий. Однако уже с начала 50-х годов реакционные силы Японии развернули движение за восстановление в той или иной форме государственного синто. Причем деятельность в этом направлении активизируется по мере усиления милитаристских тенденций в политике правящих кругов страны, роста шовинистических настроений среди населения, всячески подогреваемых сверху. В нарушение конституции предпринимаются шаги для того, чтобы поддерживать представления об императоре как о главе синтоистского культа. Восстановлен, хотя и под новым названием, главный праздник милитаристской Японии — кигэнсэцу, основанный на мифе, согласно которому «великая японская империя» была основана в VII в. до н. э. «прямым потомком богов» легендарным императором Дзимму. Активизируется политическая деятельность синтоистского духовенства, выступающего рука об руку с крайне правыми элементами в правящей Либерально-демократической партии Японии. Предпринимаются попытки внедрения синтоистских ми-

фов в народное образование, в последние годы правые силы развернули кампанию за передачу святилища Ясукуни под опеку государства, что не только явилось бы нарушением действующей конституции, но и послужило бы новым толчком к усилению идеологической обработки населения в духе шовинизма и милитаризма.

Как отмечает автор, опасность указанных действий «усугубляется тем, что значительная часть населения Японии и по сей день остается восприимчивой к идеям, протаскиваемым современными апологетами синто» (с. 217). Дело в том, что синтоистская обрядность по-прежнему занимает большое место в повседневной жизни японцев, сопровождая самые примечательные события в жизни даже тех людей, которые не считают себя верующими. Отсюда — известные симпатии большого числа японцев к синто. Поэтому вполне оправданно внимание, которое уделяется в книге вопросам об отношении населения к синто и его обрядности, о характере самих синтоистских обрядов и ритуалов. Эта информация представляет большой интерес, поскольку в значительной мере она основывается на личных наблюдениях автора.

Специфика отношения японцев к синто диктует и характер выступлений демократических сил страны по вопросам, связанным с этой национальной религией. Они «делают упор не столько на борьбу против религиозной идеологии как таковой, сколько на разоблачение реакционных аспектов деятельности религиозных организаций, представляющих угрозу демократическим завоеваниям народа... Что касается синто, то выступления прогрессивных сил направлены не против верований и традиций, составляющих основу обрядности синтоистских святилищ, а в первую очередь против попыток вновь в той или иной форме навязать народу синтоистскую «надрелигию» (с. 218). Это положение раскрывается в книге на ряде конкретных примеров, иллюстрирующих формы и методы борьбы демократических сил Японии против возрождения государственного синто. Эта борьба тесно увязывается с задачами общедемократических сил Японии против возрождения государственного синто. Эта борьба тесно увязывается с задачами общедемократического и антивоенного движения.

Таким образом, начав с исходных компонентов генезиса синто в период раннего феодализма и проследив сложный путь его развития, в котором каждая последующая эпоха добавляла к этому религиозному комплексу свои специфические черты, автор подводит читателя к событиям новой и новейшей истории. Здесь ему удалось показать мрачные факты реальности недавнего прошлого, когда синто стал одним из важнейших элементов реакционнейшей идеологии японского империализма, и охарактеризовать современную ситуацию, в которой на эту религиозную систему делается определенная ставка кругами, заинтересованными в ремилитаризации Японии. Целостное и всестороннее исследование Г. Е. Светлова дает читателю достаточно четкое представ-

ление о таком сложном и важном явлении исторической жизни Японии, как синто, подвергает его глубокому марксистскому историческому анализу.

При общей высокой оценке рецензируемого труда в его адрес можно высказать и некоторые критические замечания. Одно из них состоит в том, что, хотя автор, говоря об оформлении государственного синто, и подразделяет его на несколько слоев (с. 152—153), это деление произведено недостаточно четко и ему уделено слишком мало места. Следовало бы детальнее охарактеризовать структуру довоенного синто, включавшего в себя как государственную, так и негосударственную сферы. В этих рамках целесообразно было бы выделить личный императорский синто, дворцовый синто, синто святилищ (часто называемый в других работах храмовым синто), домашний синто, народный, или вулгарный, синто и, наконец, сектантский синто. Практически все эти категории так или иначе разобраны в книге, причем многие — весьма подробно, но читателю, незнакомому с повседневной жизнью японцев, трудно уяснить систему взаимосвязи между ними. Здесь могла бы помочь графическая схема, где были бы показаны отдельные составляющие типы и направления связей между ними с соответствующим комментарием. Такого рода схемы достаточно широко распространены в религиозно-научных трудах, и достойно сожаления, что в книге для них не нашлось места.

В отношении народного синто следует отметить, что автор обращается к данным о нем главным образом при характеристике древних истоков культа. Однако о том, в каких широких масштабах эти верования и обряды продолжают бытовать и в наши дни, какую роль они играют в жизни населения, особенно сельского, сказано, на наш взгляд, слишком мало.

Работа изобилует многочисленными цитатами из самых различных источников. Это оживляет ее и повышает ее документальность, хотя в ряде мест ощущается даже некоторая перегруженность цитатами. Автор широко использует источники на японском языке, но в ряде случаев, в частности цитируя канонические книги синто и выступления синтоистских теологов, он отталкивается не от японского оригинала, а от перевода на английский язык. Последовательное обращение к японскому оригиналу повысило бы документальную ценность такого цитирования.

Приведенные выше замечания носят преимущественно частный характер и не препятствуют, как уже было сказано, общей высокой оценке рецензируемого труда. Книга Г. Е. Светлова достаточно широко освещает большую проблему, до сих пор лишь частично затрагиваемую в трудах советских японоведов. Материал и анализ, содержащиеся в книге, не только помогают уяснить ряд моментов в японской социальной истории, но и проливают новый свет на идеологические процессы, идущие в Япо-

нии наших дней. Поэтому книга Г. Е. Светлова имеет не только научно-историческое,

но и существенное практическое политическое значение.

В. А. ВАСИЛЬЕВ

Новое в синологической библиографии КНР

В последние годы изданию библиографий в КНР уделяется большое внимание. В 1983 г. вышли такие значительные библиографические труды, как «Указатель статей по истории Чжаньго, династий Цинь, Хань за 1900—1980 гг.» (Чжаньго, Цинь, Хань ши луньвэнь соннь: 1900—1980. Пекин, Бэйцзин дасюе чубаньше, 1983, 478 с.); «Сводный каталог книг, изданных в Китае в 1979 г.» (Цюаньго цзун шуму. 1979. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1983, 1040 с.); «Указатель статей и материалов по новой истории Китая из периодических изданий за 1949—1979 гг.» (Сюй Литин, Сюн Вэй. Чжунго цзиньдайши луньвэнь цзыляо соннь, 1949—1979. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1983, 288 с.); «Указатель статей по китайскому языкознанию» (Чжунго юйяньсюе луньвэнь соннь. Пекин, Шанъу иньшугуань, 1983. Сб. 1, 1900—1949. 1983, 210 с.) и др.

Возобновилось в КНР издание библиографических указателей по международной синологии. Одним из первых опытов составления подобных указателей было издание в 1955 г. двухтомного указателя по синологии (Госюе луньвэнь соннь у бянь. Пекин, Бэйцзин тушугуань цанькао яньцзюцзи, 1955). Спустя двадцать шесть лет Академия общественных наук КНР и Пекинская библиотека вновь предприняли попытку составления обширного указателя по синологии (Говай яньцзю чжунго вэньти. Шуму соннь (1977—1978). Пекин, 1981, 368 с.). Были отобраны наиболее ценные, на взгляд составителей, исследования по различным проблемам китаеведения. В предисловии к указателю отмечается, что за последние два десятилетия наблюдается стремительное возрастание количества публикаций о Китае во всем мире, увеличение числа организаций и учреждений, занимающихся изучением КНР. Составители справедливо подчеркивают, что рост зарубежных исследований по Китаю превосходит таковой внутри страны.

В указателе представлены журнальные, реже газетные статьи на европейских и японском языках за 1977—1978 гг., а также книги по различным синологическим проблемам на этих же языках, поступившие в КНР в 1974—1978 гг. Наибольшее число из отмеченных в указателе материалов приходится на статьи и книги США и Западной Европы, а затем по количеству публи-

каций — литература на японском и русском языках.

В указателе три раздела.

I. Статьи за 1977 г.: а) на европейских языках — по философии, праву, религии, политике, военному делу, внешним связям и международным отношениям, экономике, истории, литературе, искусству, языку, письменности, культуре, просвещению; б) на японском языке — по тем же подразделам, кроме внешних связей и международных отношений; в) на русском языке — по философии, политике, праву, экономике, истории, литературе, искусству, языкознанию. В 1977 г. в СССР было опубликовано около 1200 статей о КНР на русском языке (сюда входят не только статьи из периодических изданий, но и из различных сборников и продолжающихся изданий), в китайском библиографическом указателе их 90. Такое несовпадение можно объяснить, в частности, тем, что в указателе расписаны только статьи из периодических изданий, без выявления других публикаций.

II. Статьи за 1978 г. также делятся по языковому признаку и по аналогичным проблемам. В 1978 г. в СССР было издано более 2 тыс. статей, в указателе их отмечено 115. Почти по всем проблемам наблюдается заметное увеличение количества статей за 1978 г. по сравнению с предыдущим годом (по отдельной тематике — в 1,5—2 раза). Всего в указателе более 4 тыс. статей.

III. Книги, поступившие в КНР за 1974—1978 гг. (их около 2 тыс.).

В приложении (с. 360—367) даны списки названий журналов на языке оригинала и их китайский эквивалент с географическим определителем.

В указателе расписан 201 журнал на европейских языках, 70 японских и 51 журнал на русском языке, хотя в списке советских журналов, согласно нумерации, их всего 48. Внутри самих разделов указателя встречаются отсылки на журналы с № 49 и далее. Пришлось дополнительно разыскивать по различным источникам, какие именно журналы здесь имеются в виду. Оказались неучтенными в списке такие издания, как журнал ЦК КП Украины «Под знаменем ленинизма», литературно-художественный и общественно-политический журнал «Наш современник», научно-теоретический журнал «Вестник ЛГУ, вып. 2. Исто-

рия, язык, литература», тем не менее внутри разделов указателя неоднократно приводятся ссылки на них. Эта неточность существенно осложняет быстрое нахождение нужных статей в журналах, а для зарубежного читателя делает поиск практически безуспешным. Среди описаний советских журналов встречаются и другие неточности.

Основная часть всех статей на русском языке приходится на журналы «Проблемы Дальнего Востока» (34 %) и «Народы Азии и Африки» (17 %). Кроме того, даются статьи из журналов «Коммунист», «Коммунист Украины», «Дальний Восток» (Хабаровск), «Наука и религия», «Спутник» (АПН), «Внешняя торговля», «Военно-исторический журнал», «Зарубежное военное обозрение», «Пограничник», «США. Экономика, политика, идеология», из газеты «Голос Родины» и др. Тематика расписанных в указателе советских журналов на русском языке довольно разнообразна, что дает возможность охватить большую часть советских журнальных статей по Китаю, опубликованных в 1977—1978 гг.

Среди журналов на европейских языках наиболее широко представлены издания США (48 %): «Asia», «China Business Review», «Current History», «Problems of Communism», «Strategic Review» и т. д.; Великобритании (17 %): «Asian Affairs», «British Journal of International Studies», «History Today», «Survival» и т. д.; ФРГ (7 %): «China aktuell», «Europa Archiv», «Osteuropa».

Расписаны и журналы социалистических стран, в частности венгерский журнал «Acta orientalia», польский «Rocznik orientalistyczny», издания ГДР: «Orientalische Literaturzeitung», «Einheit», «Deutsche Aussenpolitik» и др. Отмечаются также издания, на страницах которых публикуются статьи исключительно по русскому вопросу, в частности американский журнал «Russian Review» (издается с 1916 г.) и английский «Soviet Studies» (издается с 1949 г.).

Тематика японских журналов весьма разнообразна: здесь и журналы чисто азиатского направления («Азия куотари», «Азия кэйдзай»), а также издания по вопросам культуры и литературы («Бунка хэрон» и «Тоё бунка»), внешней политики («Гайко дзихо»), социализма («Сякай-сюги»), законодательства («Тохогаку») и т. д.

Среди статей на европейских языках неоднократно встречаются перепечатки работ советских авторов, что свидетельствует о большом интересе к нашим исследованиям в зарубежном синологическом мире.

Из многих американских и канадских журналов в указателе приводятся рецензии на зарубежные переводы книг русских и советских китаистов. Составители включили в указатель вышедшую в 1978 г. в канадском журнале «Pacific Affairs» рецензию на американское переиздание книги Д. Д. Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин (1368—1634)». Книга эта была впервые

опубликована в Петербурге в 1893 г., теперь, спустя почти столетие, переведена в США (D. Pokotilov. History of the eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634. Arlington, 1976. 148 p.). В американском журнале «Journal of the American Oriental Society» за 1978 г. помещена рецензия на американское переиздание второго тома книги русского монголоведа А. М. Позднеева «Монголия и монголы. Дневник и маршрут 1893 г.» (А. М. Pozdnyev. Mongolia and the Mongols, vol. 2. Bloomington, 1977, 398 p.). В журнале «Journal of the Chinese Linguistics» (Калифорния) — рецензия на вышедшую в издательстве Московского университета книгу М. К. Румянцевой «Тон и интонация в современном китайском языке» (1972), в журнале «Pacific Affairs» за 1977 г. — рецензия на американское издание книги О. Борисова и Б. Колоскова «Советско-китайские отношения, 1945—1970» («Soviet-Chinese Relations, 1945—1970» by O. Borisov and B. Koloskov. Bloomington, 1975, 364 p.).

Имеется большое количество статей по проблемам советско-китайских отношений, например «Possible Courses of Conflict between USSR and PRC» — в американском журнале «Military Review» за 1977 г.; «Mao Tse-tung and the Development of Sino-Soviet Rift» — в индийском журнале «China Report» за 1977 г.; «Moskau, Peking und die Eurokommunisten» — в западно-германском журнале «Osteuropa» за 1978 г.; «Comparisons between China and the Soviet Union. The Sociology of Socialism» — в американском журнале «Contemporary China» за 1978 г. Кроме того, здесь же отмечаются рецензии на зарубежные библиографические труды, описаны статьи по истории КПК, по современному положению на острове Тайвань, по различным экономическим проблемам, спорту, медицине и пр.

Статей на японском языке представлено в указателе более 700 за 1977 г. и около тысячи за 1978 г. Статей на русском языке — чуть более 200. Отмечаются статьи и публикации Л. А. Волковой и В. И. Потапова «Некоторые экономические проблемы китайской деревни в 70-х годах» («Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 4, с. 125); М. Галлина «Упрямая вещь — факты. Размышления об истории советско-китайских отношений» («Новое время», 1977, № 40, с. 22—25); Р. А. Мирвицкой «Образование единого национального фронта в Китае» («Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 3, с. 123); Л. З. Эйдлин «Из китайской классической поэзии» («Иностранная литература», 1977, № 10, с. 193—205); В. Г. Гельбраса «По поводу выхода в свет 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна» («Рабочий класс и современный мир», 1978, № 2, с. 140—152) и многие другие.

Статьи из журналов «Проблемы Дальнего Востока» и «Народы Азии и Африки» расписаны довольно тщательно, но все же при проверке на полноту их росписи выявился ряд неучтенных работ.

Что касается отмеченных в «Говой яньцзю чжунго вэньти» книг на русском языке, то, как и в случае со статьями, одновременно с русским названием дается китайский перевод. Но иногда такой перевод не приводится.

В указателе отмечается 123 книги на русском языке — не так уж много по сравнению с объемом публикаций, появившихся в 1974—1978 гг. Но на то есть и объективные причины. Как правило, советская книга поступает в Китай двумя путями — посредством книгообмена и закупок. Что касается книгообмена, то это, как известно, одна из форм культурных связей между государствами и важнейший источник комплектования библиотек зарубежной литературой, но в период 1974—1978 гг. наблюдалось резкое снижение книгообмена между СССР и КНР. С 1979 г. книгообмен между нашими странами оживился, и это, надо полагать, отразится на полноте разделов русских книг в следующих выпусках подобных указателей. В последнее время КНР проявляет большую заинтересованность в получении советских изданий.

Среди книг на европейских языках едва ли не впервые приводятся тайваньские издания, в частности «Путеводитель по Тайваню» (J. Nerbonne. Guide to Taipei and all Taiwan. Taipei, 1974, 256 p.); справочник «Chinese Communist who's who». Taipei, 1971; ежегодники «China Yearbook: (1973—1975)». Taipei, 1973—1975.

Далее следуют библиографии по различным проблемам китаеведения, например библиография китайской художественной литературы (Li Tien-yi. Chinese fiction: a bibliography of books and articles in Chinese and English. New Haven, 1968, 356 p.); обширный указатель китайских газет и журналов в европейских библиотеках (A Bibliography of Chinese Newspapers and Periodicals in European Libraries. L., 1975, 1025 p.); интересный указатель японских исследований по проблемам китайской экономики в 1958—1970 гг. (W. P. Hall. A Bibliographical Guide to Japanese research on the Chinese Economy, 1958—1970. Cambridge, 1972, 100 p.); аннотированная библиография по периоду «культурной революции» (C. F. Wang James. The cultural revolution in China: an annotated bibliography. New York, 1976, 246 p.); указатели по китайско-американским отношениям, проблеме хуацяо и др. Встречается немало книг, касающихся проблем советско-китайских отношений.

Представлена в указателе и литература социалистических стран: книги чехословацких (M. Kubešova. Čap Kaj Sek. Praha, 1970, 198 p.; J. Kolmas. Tibetan manuscripts and blockprints in the library of the Oriental institute Prague. Prague, 1969, 112 p. и др.); польских (W. Rodzinski. Historia Chin. Wrocław, 1974, 731 p.; T. Zbikowski. Farly Nan -Hsi plays of the Southern Sung period. Warsaw, 1974, 194 p., и др.); изданий ГДР (M. Piasek. Elementargrammatik

des Neuchinesischen. Leipzig, 1975, 287 S.; K. Sedlacek. Tibetan newspaper reader. Leipzig, 1972, и др.), румынских и венгерских изданий — всего около 40 книг.

Отмечаются также книги, изданные издательством «Прогресс» на английском языке (G. V. Astafyev. From anti-imperialism to anti-socialism; the evolution of Peking's foreign policy. M., «Progress», 1974, 192 p.; P. Reshetov. Two world's two destinies: the conflict of generations in the world today. M., «Progress», 1973, 92 p., и др.).

Большой интерес для зарубежных сиологов представляют отмеченные в библиографии переводы советских работ, изданные зарубежными издательскими организациями (G. W. Astafiew. Aussenpolitik und internationale Beziehungen der Volksrepublik China. Berlin, 1976, 382 S.; O. B. Borisow. Sowjetisch-Chinesische Beziehungen, 1945—1970. Berlin, 1973, 445 S.; V. V. Vishnyakova-Akimova. Two years in revolutionary China, 1925—1927. Cambridge, 1971, 352 p.). Перевод последней книги, автор которой — непосредственная участница событий 1925—1927 гг. в Китае, выполнен по первому советскому изданию. В 1980 г. в СССР вышло второе издание этой книги, уже после кончины В. В. Вишняковой-Акимовой (1965).

Отмечаются два почти одновременных перевода популярной книги П. П. Владимирова «Особый район Китая, 1942—1945 гг.» (см. с. 289 указателя): в 1975 г. книга вышла в США (P. Vladimirov. The Vladimirov diaries: Yenan, China, 1942—1945. Garden City, 1975, 538 p.), в 1976 г. — в ГДР (P. Wladimirov. Das Sondergebiet Chinas, 1942—1945. Berlin, 1976, 778 S.).

Книг на японском языке в библиографии около 700, наибольшее количество относится к вопросам истории, политики и экономики.

Нельзя не отметить ряд недостатков, которые существенно снижают ценность библиографического указателя. Прежде всего бросаются в глаза многочисленные опечатки, не выдерживается алфавитное расположение статей, рецензий и книг внутри разделов (составители, правда, утверждают, что существует систематическая расстановка, но она трудноразличима, поскольку не даются названия подразделов). Нет никакого справочного аппарата к самому указателю, желателей, например, алфавитный указатель авторов. Материал в указателе не пронумерован, хотя это также весьма желательно и всегда соблюдается при составлении библиографических указателей в СССР. Составители не придерживаются единых правил описания произведений печати.

Несмотря на это, указатель, несомненно, заслуживает внимания и может быть полезен широкому кругу китаистов.

И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

Международные научные связи ИДВ АН СССР в 1985 г.

Институт Дальнего Востока АН СССР поддерживает активные научные связи с зарубежными исследовательскими учреждениями, которые используются работниками института для обмена мнениями с иностранными коллегами, повышения эффективности научной работы.

Дирекция ИДВ АН СССР уделяет постоянное внимание вопросу установления и развития взаимопользных связей с научными центрами КНР, в первую очередь — с институтами Академии общественных наук Китая. В июне с. г., после годичной стажировки в КНР, в институт вернулись шесть его сотрудников, а в сентябре новая группа научных работников ИДВ АН СССР в составе 20 человек выехала на научную и языковую стажировку в Китай. Все это способствует установлению прямых научных контактов ИДВ АН СССР с научными институтами Китая. В августе 1985 г. Институт Дальнего Востока посетили руководящие сотрудники посольства КНР в Москве.

Тесные дружественные отношения установились у ИДВ АН СССР с Институтом Азии и Тихого океана Комитета общественных наук СРВ. Его директор Ван Чонг, приехавший в 1985 г. в Москву как гость Института Дальнего Востока, и сопровождавшие его вьетнамские научные работники имели многочисленные беседы с учеными ИДВ АН СССР по вопросам политического положения на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана, методике и организации фундаментальных научных исследований. ИДВ АН СССР оказывает Институту Азии и Тихого океана практическую помощь в подготовке научных кадров, в частности, в области китаеведения.

Работы сотрудников ИДВ АН СССР по проблемам Корейского полуострова привлекают к себе внимание ученых КНДР. В сентябре и октябре 1985 г. институт посетили директор Института идей чучхе Академии общественных наук КНДР Кан Ун Бин и вице-президент АОН КНДР академик Ким Чхоль Хик. Они положительно оценили работу научного коллектива Института Дальнего Востока и выразили пожелание установить более тесные связи между научными институтами КНДР и ИДВ АН СССР.

В 1985 г. продолжали развиваться уже ставшие прочными и разносторонними связи Института Дальнего Востока с научно-исследовательскими центрами европейских социалистических стран, Монголии, Республики Куба. Взаимное командирование научных сотрудников для участия в конференциях, выступления с лекциями, работа с научными материалами способствовали более глубокому пониманию учеными социалистических стран сложных политических, экономических, социальных процессов, происходящих в отдельных странах Дальнего Востока и в Азиатско-тихоокеанском регионе в целом. ИДВ АН СССР продолжал в 1985 г. оказывать содействие научным учреждениям братских стран в подготовке научных сотрудников высшей квалификации. Так, работая над завершением докторских диссертаций, в ИДВ АН СССР стажировались ученые из Болгарии, Монголии, Чехословакии. Важным научным событием 1985 г. стала организованная Институтом Дальнего Востока совместно с Институтом военной истории МО СССР международная научная конференция, посвященная 40-летию разгрома японского милитаризма во второй мировой войне. В ней активное участие приняли гости ИДВ АН СССР — специалисты из Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Чехословакии. В аспирантуре Института Дальнего Востока в 1985 г. продолжали занятия молодые ученые социалистических стран — аспиранты из Болгарии, Вьетнама, Монголии.

В ИДВ АН СССР все большее значение придается изучению политической ситуации в Японии и ее роли в международных делах на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Сотрудники института доктора исторических наук В. С. Мясников и Б. В. Поспелов выезжали в научные командировки в Японию, ознакомились с работой ряда японских исследовательских учреждений и имеющимися в них научными материалами, провели обмен мнениями с широким кругом японских специалистов. С другой стороны, представители научных, политических и деловых кругов Японии составляли в 1985 году весьма значительную часть среди иностранных гостей Института Дальнего Востока. Японских специалистов привлекает, как отметил известный японский китаист профессор Токийского института иностранных языков Минэо Накадзима, высокая научная объективность и серьезная аргументация работ сотрудников ИДВ АН СССР.

Продолжались научные контакты Института Дальнего Востока с ведущими центрами востоковедения и политологии западных стран. Научные дискуссии с их представителями все больше фокусируются не на вопросах положения в отдельных странах, а вокруг кардинальных проблем международной политики — таких как советские предложения по безопасности в Азии, меры доверия на Дальнем Востоке, возможные пути к разрядке в районе Тихого океана, проблемы разоружения и сохранения стратегического баланса сил в Азиатско-тихоокеанском регионе. Таков был характер бесед с приезжавшими в институт в качестве гостей АН СССР Г. Сигуром (специальный советник президента США по вопросам политики в Азии, директор Института по изучению Советского Союза и Китая при Университете Дж. Вашингтона), Дж. Лунсом (директор Центра международной безопасности и контроля над вооружением при Стэнфордском университете), Р. Соломоном (заведующий отделом общественных наук исследовательской корпорации «Рэнд»), другими видными американскими учеными, а также с посещавшими институт ответственными сотрудниками Государственного департамента, Совета национальной безопасности, конгресса США Х. Айсом, М. Абрамовицем, С. Сестановичем, С. Соларцем.

Среди ученых из капиталистических и развивающихся стран, посетивших в 1985 г. Институт Дальнего Востока для обмена мнениями с советскими коллегами и ознакомления с постановкой исследовательской работой, были В. Харле (Финляндия), М. Дасу, Ф. Кочи (Италия), Р. Квестед (Англия) и многие другие.

ИДВ АН СССР посещали представители дипломатического корпуса в Москве, в беседах с которыми научные сотрудники института делились оценками положения в Азиатско-тихоокеанском регионе, рассказывали о внешнеполитических инициативах СССР, о мерах КПСС и Советского правительства по нормализации советско-китайских отношений.

Помимо личных контактов с иностранными учеными, Институт Дальнего Востока поддерживает обширную научную переписку с зарубежными научно-исследовательскими учреждениями. По 150 адресам (в Англию, Болгарию, Венгрию, Голландию, Гонконг, Данию, Сингапур, США, ФРГ, Швецию, Японию и другие страны) институт рассылает труды своих сотрудников, другую научную литературу, журнал «Проблемы Дальнего Востока» на русском, английском, испанском и японском языках.

Поддерживая активные связи с зарубежными коллегами, коллектив Института Дальнего Востока исходит из того, что такие связи не только полезны для развития науки, но и способствуют взаимопониманию между народами, имеют важное значение для дела мира и безопасности.

В. Ф. МИКУНОВ

Памяти Михаила Иосифовича Сладковского

Советская наука понесла тяжелую утрату. 25 сентября 1985 г. на 79-м году жизни скончался видный советский ученый, член-корреспондент АН СССР, бывший директор Института Дальнего Востока АН СССР, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» Михаил Иосифович Сладковский.

М. И. Сладковский родился 21 ноября 1906 г. на станции Клюквенная Красноярской железной дороги. Сын рабочего, сам в юности рабочий, М. И. Сладковский благодаря Советской власти, преданно служа ей и в течение почти 60 лет (с 1926 г.) состоя в рядах Коммунистической партии Советского Союза, внес большой вклад в государственную, общественную и научную деятельность и получил признание как крупный общественный деятель и ученый не только в СССР, но и за рубежом, в братских социалистических странах.

Свыше 50 лет Михаил Иосифович Сладковский посвятил делу изучения Китая и зарубежного Дальнего Востока. Деятельность его на этом поприще является чрезвычайно многосторонней и плодотворной.

Еще будучи студентом Восточного факультета Дальневосточного государственного университета, он принимал в 1926 г. участие в учебной работе на коммунистическом Политическом факультете Шанхайского университета, а в 1927—1928 гг. преподавал основы марксизма-ленинизма на китайском отделении совпартшколы во Владивостоке.

После окончания университета в 1930 г. М. И. Сладковский более 35 лет занимался практической государственной деятельностью в области внешнеэкономических связей СССР с Китаем. Находясь на ответственных постах — заведующего Дальневосточным сектором и Восточным управлением, члена коллегии НКВТ (МВТ) СССР, торгпреда СССР в Китае, он вносил крупный вклад не только в развитие экономических связей СССР с Китаем, но и в оказание широкой помощи китайскому народу и КПК в их революционной борьбе с империализмом и в строительстве социализма в Китае. Достаточно сказать, что М. И. Сладковский непосредственно руководил организацией помощи СССР Китаю во время антияпонской войны, помощи КПК в период народно-освободительной войны и в годы корейской войны. В 1945—1946 гг. в качестве экономического советника главнокомандующего Советской Армией маршала Р. Я. Малиновского М. И. Сладковский участвовал в создании и укреплении революционной базы НОАК в Маньчжурии, а после образования КНР содействовал восста-

новлению экономики и осуществлению первого пятилетнего плана, заложившего основы социалистической экономики КНР.

В 1965 г. М. И. Сладковский был назначен заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС.

Многогранная практическая деятельность, помимо ее большого государственного значения, позволила М. И. Сладковскому накопить обширные знания по экономике и политической истории Китая, ставшие фундаментом его научной и преподавательской деятельности. С 1950 по 1961 г. М. И. Сладковский читал курс экономики Китая в Московском институте востоковедения и Московском государственном институте международных отношений МИД СССР.

Научные изыскания М. И. Сладковского начались в середине 30-х годов. Результатом их явились две большие монографии — «Очерки развития внешнеэкономических связей Китая [1953]» и «Очерки экономических связей СССР с Китаем» [1957]. Обе работы были защищены в качестве диссертаций — кандидатской в 1953 г. и докторской в 1958 г. В эти же годы М. И. Сладковский активно участвовал в научно-исследовательской работе Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР и Института китаеведения АН СССР, где при его участии и руководстве были опубликованы многие работы по Китаю и Дальнему Востоку.

Но особенно широко научная деятельность М. И. Сладковского развернулась после того, как он был назначен в 1966 г. директором Института Дальнего Востока АН СССР. Под его руководством институт в короткий срок стал ведущим научно-исследовательским учреждением по проблемам Китая и других стран Дальнего Востока.

Этот период явился наиболее плодотворным и в личной научной деятельности М. И. Сладковского. Продолжая разработку своей основной темы — внешнеэкономических связей Китая, и в особенности его связей с Россией, М. И. Сладковский опубликовал два капитальных труда — «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем» [1974] и «Историю торгово-экономических отношений СССР с Китаем» [1977]. В них вскрыты важные особенности экономических отношений России и СССР с Китаем, а именно: существенное отличие русско-китайских отношений от неравноправных отношений Китая с западными империалистическими странами и подлинно интернационалистские основы советско-китайских отношений.

М. И. Сладковский, несмотря на значительные масштабы научно-организационной работы, в 70-х годах существенно расширил рамки своей личной исследовательской работы, включив в них, в частности, изучение истории, политических и экономических отношений Китая с Японией и Англией со времени установления их первых контактов до настоящего времени. Исследования М. И. Сладковского в этой области позволяют представить в исторической ретроспективе место Китая в системе международных отношений на Дальнем Востоке и степень взаимного влияния Китая и других стран Востока и Запада.

Еще одним важным объектом исследований ученого явились исторические и социальные корни маоизма, его внешняя и внутренняя политика и эволюция. Эти исследования, результаты которых изложены более чем в 30 статьях, опубликованных в общественно-политических журналах и в разделах коллективных монографий, обобщены в монографии «Китай: основные проблемы истории, экономики и идеологии».

Итогом творческой деятельности М. И. Сладковского стало издание книги «Знакомство с Китаем и китайцами», в которой автор рисует впечатляющую картину динамики развития китайского общества и важнейший исторический период с Синьхайской революцией 1911—1912 гг. до провозглашения КНР.

Со дня основания М. И. Сладковский руководил изданием научного органа института — журнала «Проблемы Дальнего Востока». Журнал, издаваемый большим тиражом, завоевал популярность как в Советском Союзе, так и за рубежом.

М. И. Сладковский вел большую общественную работу как заместитель председателя советского Комитета солидарности стран Азии и Африки и Общества советско-китайской дружбы, член Президиума советского Комитета защиты мира, председатель Всесоюзной ассоциации китаеведов.

За успешную практическую деятельность в МВТ СССР и научно-организаторскую работу в системе Академии наук СССР М. И. Сладковский награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Правительство МНР наградило М. И. Сладковского двумя орденами «Полярная звезда».

Светлая память о видном советском ученом и организаторе науки Михаиле Иосифовиче Сладковском навсегда сохранится в сердцах его коллег и учеников, всех тех, кто знал его и работал с ним.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1985 ГОД

СТАТЬИ

- Два курса в мировой политике, № 3 (55)
- Ключевая задача нашего времени, № 2 (54)
- Ленинским курсом мира, № 4 (56)

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- ИБАНИН А. И. Решающий вклад СССР в разгром фашистско-милитаристского блока, № 2 (54)
- ИБУНИН В. Н. Разгром японского милитаризма: уроки и современность, № 2 (54)
- ИВЛАДИМИРОВ О. Е. Роль Советского Союза в создании Маньчжурского плацдарма революционных сил Китая, № 4 (56)
- ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. Китайская трактовка событий второй мировой войны, № 1 (53)
- КОВАЛЕНКО И. И. Великая Победа советского народа и национально-освободительное движение, № 3 (55)
- Научные конференции, посвященные 40-летию разгрома милитаристской Японии и окончанию второй мировой войны, № 4 (56)
- ПЕТУХОВ В. И. СССР — освободитель Кореи и ее надежный союзник, № 2 (54)
- ПУРЭВДОРЖ Ч. Сотрудничество СССР и МНР в годы второй мировой войны, № 3 (55)
- ТИТАРЕНКО М. Л. Значение разгрома японского милитаризма для победы народных революций в Китае, Корее, Вьетнаме, № 4 (56)
- ТОЛУБКО В. Ф. Уроки истории и современность, № 1 (53)

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- АНДРЕЕВ В. И., ОСИПОВ В. И. КНДР: годы борьбы и созидания, № 3 (55)
- АНДРЕЕВ В. И., ОСИПОВ В. И. Проблема урегулирования в Корее на современном этапе, № 1 (53)
- ВАСИЛЬЕВ В. А. К 30-летию конференции в Бандунге, № 2 (54)
- ВАСИЛЬЕВ Н. В., Мироненков Е. Г. Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях, № 2 (54)
- ВАСИЛЬЕВ О. В. Япония: за ширмой «экономической помощи», № 3 (55)
- ВАСЮГОВ А. П., ГАЛИЧЕВ И. С. Подход АСЕАН к созданию зоны мира в ЮВА: иллюзии и реальность, № 1 (53)
- ВОЛОДИН А. С. Стойкий отряд международного коммунистического движения, № 1 (53)
- ДАВЫДОВ О. В., МИХЕЕВ В. В. Некоторые направления внешней политики Сеула, № 4 (56)

- КОВАЛЕНКО И. И. Движение неприсоединения — важный фактор мировой политики, № 4 (56)
- КРУПЯНКО М. И. Экономические связи Японии с Китаем, № 1 (53)
- МАРКОВ А. П. Новый этап милитаризации Японии, № 4 (56)
- МУН Д. Экономическое проникновение Японии в Южную Корею, № 2 (54)
- МУРОМЦЕВА З. А. Модернизация сельского хозяйства КНР: вопросы капитальных вложений, № 1 (53)
- НИКОЛАЕВ Н. Н., АРСЕНЬЕВ В. Н. К 60-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией, № 1 (53)
- ПАЩЕНКО Е. Г. Правовые аспекты политики «открытых дверей» в КНР, № 1 (53)
- УКРАИНЦЕВ М. С. Сотрудничество СССР с социалистическими странами Азии и Кампучией, № 4 (56)

Экономическая реформа КНР

- ВОЛКОВА Л. А. Проблемы современной китайской деревни, № 4 (56)
- НОВОСЕЛОВА Л. В. Реформа в капитальном строительстве, № 3 (55)
- ПОЛЯКОВ В. П. Создание патентной системы в Китае, № 4 (56)
- СТЕПАНОВ С. В., ПОРТЯКОВ В. Я. Актуальные проблемы хозяйственного развития Китая, № 2 (54)
- ЧИЖОВ Б. К. Новые тенденции в развитии внутренней торговли, № 3 (55)
- ШЕВЕЛЬ И. Б. Новое в кредитно-банковской системе, № 2 (54)

ИДЕОЛОГИЯ

- БЕЛОУСОВ С. Р. Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е годы XX в.), № 2 (54)
- ЖУРАВЛЕВ В. Я. Китайское обществоведение о некоторых вопросах социалистического строительства, № 1 (53)

Критика буржуазной синологии

- КОВАЛЬ М. В. О «дружелюбии» США по отношению к КНР, № 2 (54)
- ОЛЕСИН С. М. Китайско-американские связи в оценке политологов США, № 1 (53)
- РЯКИН Ю. М. Будущее американо-китайских отношений: взгляд из США, № 2 (54)
- РЯКИН Ю. М. Кто и как определяет «китайскую» политику США, № 4 (56)

- РЯКИН Ю. М. Что скрывают рассуждения о «конце изоляционизма» в Китае? № 3 (55)
 ЯКИМОВА Е. В. Политическая культура Китая в трактовке Люсьена Пая. № 4 (56)

ИСТОРИЯ

- АКАТОВА Т. Н., АЛЕКСЕЕВА О. Б. О революционных традициях китайского рабочего движения, № 2 (54)
 ГОРОДОВИКОВА О. Б. Первая делегация Профинтерна и ВЦСПС в Китае, № 2 (54)
 ЗАБАРКО Б. М. Межрабпом и китайская революция в 20-е годы, № 2 (54)
 ИПАТОВА А. С., ОВЧИННИКОВ Ю. М., УСОВ В. Н., ШЕВЕЛЕВ К. В., Китайские ученые о проблемах истории КПК после образования КНР, № 3 (55)
 СУНЬ ЯТСЕН — великий китайский революционер-демократ, друг советского народа, № 2 (54)
 ЮРКЕВИЧ А. Г., Военная школа Хуанпу и китайская революция, № 3 (55)
 ЮРЬЕВ М. Ф. Китай: год 1945-й, № 4 (56)

Развитие общественной мысли Китая

- АСЛАНОВА М. А. Становление общественно-политической платформы журнала «Синь циньянь», № 3 (55)

Борцы за правое дело

- Видный партийный и государственный деятель МНР, № 2 (54)
 ШЕВЕЛЕВ К. В. 50 лет со дня гибели Цюй Цюбо, № 4 (56)

Из истории отечественного востоковедения

- МЯСНИКОВ В. С., ТАРАСОВ В. Н. Труды и дни Николая Спафария, № 2 (54)
 МЯСНИКОВ В. С., ТАРАСОВ В. Н. Труды и дни Николая Спафария, № 3 (55)

КОММЕНТАРИИ

- АЛЕКСЕЕВ Г. А. К итогам III сессии ВСНП шестого созыва, № 3 (55)
 ГРЕБЕНЩИКОВ Э. С. АНЗЮС: лабиринты и тупики блоковой политики, № 1 (53)
 МАТВЕЕВ А. М. Славный юбилей социалистического Лаоса, № 4 (56)
 ТРИПОЛЬСКИЙ Н. А. Планы создания «тихоокеанского сообщества» — новая угроза миру, № 1 (53)

ПУБЛИЦИСТИКА

- ФЕДОРЕНКО Н. Т. Токийские диалоги, № 3 (55)

КУЛЬТУРА

- ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ. Страницы жизни Сюй Бэйхуна, № 1 (53)
 МОСКАЛЕВ А. А. Проблемы национально-языкового строительства в КНР (1980—1984), № 3 (55)

- СЕРЕБРЯКОВ Е. А. Вдохновляющий пример великого подвига, № 3 (55)
 ТОРОПЦЕВ С. А. Ся Янь и китайское киноискусство, № 3 (55)

Искусство Востока

- ЖУКОВА И. В. Театр Сингэки, № 2 (54)
 КУЗЬМЕНКО Л. И. Выставки в Государственном музее искусств народов Востока, № 2 (54)

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ

- ВОСКРЕСЕНСКИЙ Д. Н. Этико-философские концепции Ли Юя, № 1 (53)

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, СПРАВКИ

- АИ ЦИИ. О моей жизни, № 3 (55)
 БЕЛОУСОВ Р. С. Землепроходец Василий Ерошенко, № 4 (56)
 ДЕНИСОВ С. Н., КОСТЯЕВ Б. Т. Бруней — новое независимое государство на политической карте мира, № 2 (54)
 ЕГОРОВ К. А. О реформе государственного аппарата КНР, № 1 (53)
 МОРОЗОВ Г. Г. Япония и Сингапур: некоторые тенденции развития отношений, № 2 (54)
 ПОРТЯКОВ В. Я. Научный поиск видного китайского экономиста, № 1 (53)
 СТОЛЕТОВ А. Ю. Сока гаккай: от религиозных акций к активной международной деятельности, № 3 (55)
 ФИЛАТОВ Л. В. Сотрудничество в интересах двух великих народов, № 1 (53)

ПУБЛИКАЦИИ

- Материалы о пребывании Ли Дачжао в СССР, № 1 (53)

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ КНР

- ЖДАНОВ С. А. Интересное исследование китайского ученого, № 3 (55)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- АРХИПОВ В. А. По пути мира, дружбы, сотрудничества, № 2 (54)
 АСТАФЬЕВ Г. В. Экспансия США в Индийском океане, № 2 (54)
 БАНДУРА Д. Ю. В плену противоречий, № 3 (55)
 БАСИН В. Я. Цинская империя и народы Саяно-Алтая, № 1 (53)
 ВАСИЛЬЕВ В. А. Малайзия вчера и сегодня, № 1 (53)
 ВАСИЛЬЕВ В. А. Роль синто в общественно-политической жизни Японии, № 4 (56)
 ЕВГЕНЬЕВ Ю. Е. О чем рассказывает ежегодник «Япония», № 2 (54)
 ЕРМАКОВА Л. Н. Знакомство с японским эпосом, № 1 (53)
 ИМАМОВ Э. З. Современное законодательство Китая, № 1 (53)
 КАРМАНОВСКАЯ И. Л. Новое в синологической библиографии КНР, № 4 (56)
 КОМИССАРОВ С. А. Новая книга о древностях Японии, № 1 (53)

КОНДРАШОВ Л. Г. Тихоокеанский регион: новые явления в экономике и политике, № 1 (53)
МОРОЗОВ Г. Г. В плену растущих амбиций, № 4, (56)
НИКОЛАЕВА Н. С. Яркая страница русско-японских культурных связей, № 2 (54)
ПЕПРОС И. И. Тибетский словарь Ю. Н. Рериха, № 1 (53)
ПОРТЯКОВ В. Я. Преобразования в хозяйственном механизме КНР, № 3 (55)
РАДНАЕВ В. Э. Китай и Монголия в XIII и XIV вв., № 1 (53)
РОМАНЕНКО И. В. Разоблачение мифа о «советской угрозе» Японии, № 3 (55)
СЕМЕНОВ В. В. Важный фактор победы китайской революции, № 3 (55)

СНИГИРЦЕВ А. Н. КНР: встречи, впечатления, размышления, № 1 (53)
ХЛЫНОВ В. Н. Япония как военная держава: вчера и сегодня, № 4 (56)
ЧИЖОВ Б. К. Исследования экономической структуры КНР, № 2 (54)
ШИФРИН И. А. Во имя утверждения исторической истины, № 2 (54)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция в Улан-Удэ, № 2 (54)
ЛУЦЕНКО Н. И. Международный семинар в Находке: за «Тихоокеанский форум доверия», № 1 (53)
МИКУНОВ В. Ф. Международные научные связи ИДВ АН СССР за 1985 г., № 4 (56)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

- Глазунов Е. П., Исаев М. П.** Страны Индокитая. Путь борьбы и свершений.—М.: Мысль, 1984.—271 с.—1 р. 90 к. 7 000 экз.
- Вьетнам. Страна и люди.** Пер. с вьет.; Сост.: До Фыонг, А. М. Левин —М.: Прогресс, 1984.—295 с., ил.—2 р. 10 000 экз.
- Мазырин В. М.** Вьетнамское общество и рабочий класс на рубеже 70—80-х годов.—М.: Наука, 1984.—171 с.—2 р. 20 к. 1 700 экз.
- Горелов В. И.** Лексикология китайского языка. Учебное пособие для пед. ин-тов.—М.: Просвещение, 1984.—216 с.—90 к. 5 000 экз.
- Лобода И. Г.** Корейская мозаика.—М.: Наука, 1985.—95 с., ил.—35 к. 30 000 экз.
- Маносов В. Ф.** Разгром Квантунской армии Японии. 40-летию Великой Победы посвящается.—М.: Воениздат, 1985.—33 с., ил.—20 к. 50 000 экз.
- Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий (Синь бянь у — дай ши пинхуа).** Пер. с кит., исслед., коммент. Л. К. Павловской.—М.: Наука, 1984.—447 с.—(Памятники письменности Востока. Т. 65).—4 р. 7 800 экз.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 3. Пер. с кит.—М.: Наука, 1984.—942 с.—(Памятники письменности Востока. Т. 32).—5 р. 80 к. 5 000 экз.
- Михеев Ю. Я.** Лаосская Народно-Демократическая Республика. Справочник.—М.: Политиздат, 1985.—111 с., ил.—15 к. 90 000 экз.
- Человек и мир в японской культуре.** Сб. ст. Отв. ред. Т. П. Григорьева.—М.: Наука, 1985.—280 с.—1 р. 30 к. 15 000 экз.
- Вяткин А. Р.** Юго-Восточная Азия: демографический анализ.—М.: Наука, 1984.—216 с.—1 р. 90 к. 1 900 экз.
- Государственно-монополистическое регулирование в Японии.** Отв. ред. Я. А. Певзнер.—М.: Наука, 1985.—420 с.—4 р. 1 600 экз.
- Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла.** Отв. ред. В. Е. Ларичев.—Новосибирск: Наука, 1985.—120 с.—1 р. 80 к. 2 100 экз.
- Свод законов «Тайхорё».** 702—718 гг.: I—XV законы. Вступ. ст., пер. с древнеяпон., коммент. К. А. Попова.—М.: Наука, 1985.—368 с.—2 р. 80 к. 2 700 экз.
- Кавабата Ясунари.** Старая столица: Роман, рассказы. Пер. с япон.; Сост. В. Сановича; Предисл. Н. Федоренко.—М.: Известия, 1984.—255 с.—1 р. 40 к. 50 000 экз.
- Сайкаку Ихара.** Новеллы. Пер. с япон., сост. Т. Редько-Добровольской; Ил Ёсиды Хамбэя, Макиэси Гэндзабуро.—М.: Худож. лит., 1984.—431 с., ил.—2 р. 60 к. 30 000 экз.
- Зевелев И. А.** Юго-Восточная Азия: урбанизация и проблемы социального развития.—М.: Наука, 1985.—183 с.—1 р. 60 к. 1 000 экз.
- Цветов В.** Мафия по-японски.—М.: Политиздат, 1985.—63 с.—(Владыки капиталистич. мира).—15 к. 300 000 экз.
- Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг.** Отв. ред. Ю. И. Кораблев, В. И. Шишкин—Новосибирск: Наука, 1985.—232 с.—1 р. 80 к. 2 900 экз.
- Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения.** Отв. ред. Ю. В. Бромлей.—Л.: Наука, 1985.—383 с., ил.—2 р. 70 к. 7 000 экз.
- Индия. 1983: Ежегодник.** Гл. ред. П. В. Куцобин.—М.: Наука, 1985.—376 с.—2 р. 10 к. 10 000 экз.
- Китайская Народная Республика в 1981 году: Политика, экономика, идеология.** Гл. ред. М. И. Сладковский.—М.: Наука, 1985.—269 с.—1 р. 60 к. 8 800 экз.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА», 1985, № 4, 192 с.

Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 14.10.1985 г. Подписано в печать 25.11.1985 г. А 14912. Формат 70×108^{1/16}
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 19,32 Усл. кр.-отт. Изд. № 40540. Тираж 10 675 Заказ 2839

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области